ЮЖНОЕ СИЯНИЕ

Одесский
литературно-художественный
журнал

4(44)'2022

Главный редактор
Станислав АЙДИНЯН

Выпускающий редактор
Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Отдел поэзии
Людмила ШАРГА

Отдел прозы
Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Отдел литературоведения
Евгений ДЕМЕНОК

Отдел литературной критики
Александр КАРПЕНКО

Общественный совет:
Дмитрий Бураго (Киев), Евгений Голубовский (Одесса),
Владимир Гутковский (Киев), Олег Дрямин (Одесса),
Алёна Жукова (Торонто), Олег Зайцев (Минск),
Вера Зубарева (Филадельфия), Андрей Костинский (Харьков),
Марина Матвеева (Симферополь), Юрий Работин (Одесса),
Олеся Рудягина (Кишинёв), Анна Стреминская (Одесса).

Интернет-версия журнала: ursp.org/index.php/yuzhnoe-siyanie

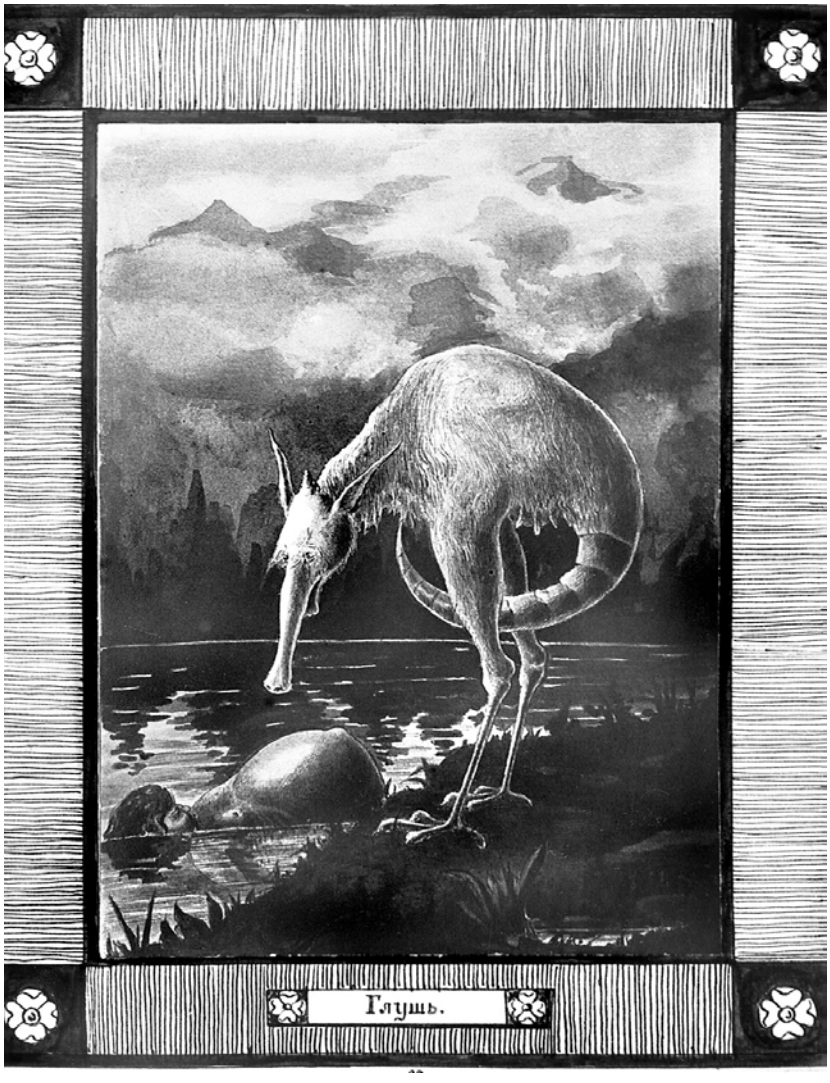
Ariella Publishing
Philadelphia
2022

Литературно-художественный журнал «Южное Сияние» (№4, 2022)
Literary magazine «South-lights»
ISSN 2226-647X

Учредитель – Общественная организация «Южнорусский Союз Писателей»
Founder – Public organization «South-Russian Writers Union»

Published by Ariella Publishing | Philadelphia, Pennsylvania
First printing November 2022

© «Южное Сияние», 2022



Георгий Цомакион. Глушь.

Георгий Фёдорович Цомакион (1884-1939) – художник-график, скульптор, жил и работал в Одессе. Цомакион вёл свой род по преданию от императора Византии Иоанна Цимисхия. Медик, известный профессор-гинеколог, заведующий акушерско-гинекологической клиникой при Одесском медицинском институте, оставил след в изобразительном искусстве. В основном рисовал мистические по тематике графические листы тушью, но известны и его работы в гипсе и резьбе по дереву. Дочь врача-графика Л.Г. Цомакион рассказывала автору этих строк, что художественное видение открылось у отца после контузии, полученной во время Первой мировой войны, в которой он принимал участие как врач. Конец жизни Г.Ф. Цомакиона трагичен – он простудился и умер, возвращаясь из сталинского лагеря, куда ездил на свидание с заключённой «за религиозную агитацию» дочерью Людмилой. Графика Г.Ф. Цомакиона была представлена в Музее медицины в Риге.

Ст. Айдинян

В НОМЕРЕ

ПОЭЗИЯ

Одесса – Германия: Лев Либолев. **Помнишь, мы были людьми.** *Стихотворения* 6
Одесса – Санкт-Петербург: Ирина Дежева. **Венок элегий.** *Стихотворения* 11
Одесса: Александр Щедринский. **Век сдаёт экзамен на отлично.** *Стихотворения* 16

ПРОЗА

Одесса: Галина Короткова. **Рояль великого Листа.** *Рассказы* 21
Одесса – Сиэтл: Галина Соколова. **Бесс в ребро.** *Рассказы* 30

ПОЭЗИЯ

Измаил – Дюссельфдорф: Наталья Хмелёва. **Когда взлетают пеплом оригами.** *Стихотворения* 36
Борнмут: Борис Фабрикант. **Медленно тают льдинки.** *Стихотворения* 40
Тамбов: Майка Лунёвская. **Знакомый нам язык антиутопий.** *Стихотворения* 45

ПРОЗА

Одесса: Анна Михалевская. **Остров обещаний.** *Рассказы* 50
Одесса: Юлия Мельник. **Нюрочкин сон.** *Сказки* 58

ПОЭЗИЯ

Москва: Анна Маркина. **Под прикрытием трав.** *Стихотворения* 66
Москва: Евгения Джен Баранова. **То смертное, то робкое.** *Стихотворения* 71
Мытищи: Елена Севрюгина. **Этот снег сегодня падает навсегда.** *Стихотворения* 76

ПРОЗА

Домодедово: Надя Делаланд. **Поцеловать Виктора Р.** *Рассказы* 81
Ростов-на-Дону. Ольга Андреева. **Я сказала – ударь.** *Рассказ* 90

ПОЭЗИЯ

Единцы: Сергей Пагын. **Крылья бабочки, щекочущие воздух.** *Стихотворения* 95
Москва: Андрей Ивонин. **Будь тонкой ниточкой.** *Стихотворения* 99
Новосибирск: Юрий Татаренко. **По песку канатоходцем.** *Стихотворения* 105

ПРОЗА

Москва: Сергей Белорусец. **Родом из…** *Фрагментарная семейная хроника* 108

‹ФОНОГРАФ

Одесса: Илья Рейдерман. **Стихотворения** 123

‹ОКОЕМ›

От редакции: «**Славянская лира» прошла в девятый раз** 129
Минск: Ирина Савченко. **Стихотворения** 130
Москва: Игорь Исаев. **Стихотворения** 132
Браслав: Виталий Шлабович. **Стихотворения** 134
Архангельск: Майк Зиновкин. **Стихотворения** 136
Тверь: Татьяна Степанова. **Стихотворения** 137
Свалмен: Елена Данченко. **Стихотворения** 139
Бобруйск: Надежда Акушко. **Месть.** *Рассказ* 141
Москва: Игорь Исаев. **Путь в Аташкаде.** *Рассказ* 145
Омск: Евгений Вальс. **Утерянный подарок Наполеона.** *Рассказ* 148
Новомичуринск: Евгения Васильева. **«Приют небожителей».** *Рассказ* 152
Москва: Евгений Сулес: **Зеркало заднего вида.** *Миниатюры* 155

‹ГОРИЗОНТ›

Воскресенск, Московская обл.: Владимир Янов. **Всё сначала.** *Рассказ* 159
Хайфа: Лев Авилкин. **Клятва Гиппократа.** *Рассказ* 162
Санкт-Петербург: Лада Баснина. **Зима.** *Рассказ* 165
Новокузнецк: Александр Колтаков. **Как я стал сказочником.** *Рассказ* 168

‹КАМЕРА-ОБСКУРА›

Одесса – Прага: Евгений Деменок. **Поэт Василий Туманский глазами футуриста** 171

‹СЕТЧАТКА›

Москва: Елена Вадюхина. **Родники жизни Михаила Пришвина** 181

‹ЛИТМУЗЕЙ›

Москва: Олег Федотов. **Ностальгия как отрицание отрицания.**
Цветаева и Елагин. *Стихопоэтический этюд* 187
Тюмень: Александр Медведев.
«Сердце милующее» в творчестве Ф.М. Достоевского и А.И. Цветаевой 197

‹КНИЖНАЯ ПОЛКА› ЕЛЕНЫ СЕВРЮГИНОЙ

Яблоко для Евы. *О книге Евгении Никитиной-Кравченко «Стихоложество»* 202
Исцеление небом. *О книге Сергея Рогатко «Партитура L»* 205
Песня. Облако. Водоём. *О книге Евгения Морозова «О том, как ты была всегда»* 207
Встретимся после смерти. *О книге Надя Делаланд «Рассказы пьяного просода»* 209
Настоящий русский писатель. *О книге Вячеслава Харченко «Москвич в Южном городе»* 211

‹КНИЖНАЯ ПОЛКА› АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

«Время поедает мир». *О книге Александра Введенского «Всё»* 214
Осенённая золотом осени. *О книге Людмилы Осокиной «Осень-осень»* 216
«Полёт любви – шальная пуля…». *О книге Александра Лазарева «Нежный враг»* 218
«Делающий добро не знает об этом…». *О книге Вальдемара Вебера «Формулы счастья»* 219
«Мои слова приходят в темноте…». *О книге Евгения Волкова «Колокол»* 221
«По свету музыка летела…». *О книге Ильи Плохих «Чёрная с серебром»* 224

‹ШКАФ›

Евпатория: Елена Коро. **Мистерия одного прочтения.** *О книге Елены Янушевской «Вторая любовь»* 227
Коломна: Александр Руднев. **Страницы истории многострадального Крыма.**
О книге Владимира Спиртуса «Симферопольские хроники с личными вкраплениями» 229

ЛЕВ ЛИБОЛЕВ

ПОМНИШЬ, МЫ БЫЛИ ЛЮДЬМИ

АВТООТВЕТЧИК

Оставь сообщение. Может, прочтут
и даже ответят когда-то.
Там где-то стреляют, но это не тут –
смешна календарная дата,
которой никак не совпасть со звонком.
Звонишь – и гудки без ответа.
А голос, который был раньше знаком,
сегодня молчит… Как же это
неправильно, Господи. Где же ты там?
Я ставил достаточно свечек,
но вновь собираю себя по частям
и слушаю автоответчик –
простите, не может сейчас подойти,
вне дома, вне связи, попозже
звоните, мусоля копейки в горсти.
Ну, где ты там спрятался, Боже?
Она там жива? Говори, не томи.
Иначе я точно изверюсь.
Пусть скажет – а помнишь, мы были людьми,
несли несусветную ересь.
Ах, плен двухкопеечных медных монет,
и Родина невыездная…
Я слушаю, но сообщения нет,
и что с этим делать – не знаю.

ЗАПАХ ПОЗДНИХ СЛИВ

Есть в тишине и музыка. Услышь
её тона, созвучья, переливы.
Откуда-то слова – поспи, малыш.
И женщина стоит у старой сливы,
а ты не спишь, припав к её груди.
Сентябрьский сон, оставь, не уходи
от этих звуков памятной свирели.
Но мамы нет уже давным-давно.
Сентябрь, ветра с дождями заодно,
и сад, и сливы поздние созрели.
Есть музыка, газета и дрова,
есть мама – не впервой такое снится.
Варенье скоро будет, но сперва
в окно заглянет юркая синица,
предчувствуя февраль и то, что в нём.
А слива соревнуется с огнём,

и чья победа будет, не вопрос, но
ни слова нет, сентябрь не говорлив.
Мелодия и запах поздних слив
так вовремя. И так ужасно поздно.

ФИЗАЛИС

Жизнь разводит, привыкаем,
что нам делать сообща?
Бьёт по небу рваным краем,
как тряпица трепеща,
воздух жаркий и тягучий,
отдаляя окоём.
Дел навалом, и до кучи –
мы с тобою не вдвоём.
Дома запах майорана,
перец, мята, пустота.
Остывают души рано,
эта истина проста.
Тело старится позднее,
здесь ли, там ли, всё равно.
Стынет в жилах, цепенея,
душ прокисшее вино.
Как ты в августе? Всё так же?
Стол и специи на нём.
Повод есть к ажиотажу
этим выгоревшим днём –
просто вспомнилось, как тонко
пахли волосы твои,
август, вечер, комнатёнка –
мало нужно для любви.
Просто вместе оказались
в этот вечер ты и я.
Сох на столике физалис,
кожей тонкой шелестя.

СТРЕЛКА МЕТРОНОМА

Собрав букет из трав каких-то сорных,
сиди, смеясь, на кухоньке одна.
Есть кофе растворимый или в зёрнах,
собачка есть – на морде седина.
И что-то там на завтрак – хлеб, варенье –
черешня, слива, вишня, абрикос.
И дни, что повторяются в рефрене,
и жизнь, в которой всё наперекос.
Собачка прикорнула на коленях,
а скатерть, словно белый снег чиста.
Нет выживших, нет раненных, нет пленных,
и сердца неизменна частота –
стучит-стучит, как стрелка метронома,
быстрее или медленнее, но
съедает время, будто карцинома,
всё то, что ей с рождения дано.
А тут война, сентябрь и нет управы
на жизнь – она пока не истекла.
И ей милы невысохшие травы
в бутылке из прозрачного стекла.

ЕСТЬ ЛИ КТО ЖИВОЙ

Церковь догорела на окраине,
вот и город наш осиротел.
В это утро, хмурое да раннее –
чёрный остов, жухлый чистотел.
Поп в очках со стёклышком расколотым –
было раньше, значит, будет впредь.
Внутренность, прохваченная холодом,
всё никак не может умереть.
Хлопает глазницами оконными,
двери настежь, всё освящено,
только вот разлито под иконами,
словно кровь, церковное вино.
И молитву правит сука щенная,
из души собачьей – в душу вой.
Мне зайти бы, вымолить прощения,
громко крикнуть – есть ли кто живой?
Только поп и ангелы мерещатся –
проще им, когда без потолка.
Знаешь, смерть, она совсем не грешница,
если посмотреть издалека.
А вблизи кому оно дозволено
знать её без видимых причин…
Ангел принимает облик воина
и сдаёт на склад небесный чин.
Всё пеняю ангельской ораве я,
как же вы могли, зачем, на кой
столько зажигал свечей за здравие,
а горит одна – за упокой.

ЕЛЬ

А помнишь, как скинулись мы по рублю,
чтоб ель уберечь на пригорке.
палач обещал – я её не срублю,
и щерился пьяно и горько.
На трезвую я не рублю вообще –
сказал он, слова подбирая,
а выпью – не холодно даже в плаще,
хотя и погодка сырая.
Хрипел он, мусоля в ладони рубли,
не глядя на ель, отмахнувшись.
Ты помнишь – мы вместе топор погребли,
резни признавая ненужность.
А старый палач говорил – пустота
вот здеся живёт за грудиной –
заявишься в лес, будто в храм без креста,
а там ни души, ни единой.
И сам без души, хоть привычный, а всё ж
натерпишься страху по брови,
но ель убиенную к дому несёшь,
дурея от запаха крови.
Ты помнишь, как шёл он, усталый палач,
с пригорка от выжившей ели.
Ну что ты, моя дорогая, не плачь,
мы вовремя всё же успели

сюда, обо всём остальном промолчу,
случилось, и значит – во благо,
а ель отпустила грехи палачу,
простила его, бедолагу.
И мы никогда не жалели о том,
опять возвращаясь упрямо
под ель, у которой верхушка крестом,
как будто на маковке храма.

ЙОД И КРАСНОЕ ВИНО

Ещё не перелом, но ветер злее,
и птичий гам – для сердца не бальзам,
растраченный на тело в мавзолее.
Где сердца нет, не веришь и слезам.
И мы не будем верить, слишком рано,
предсказывать – не наше ремесло.
А кто звенел ключами от Гохрана,
тот много знал, но это не спасло.
Зима идёт, предчувствия острее,
к чему гадать, ведь признаков полно –
нет света, и не греет батарея,
все ищут йод и красное вино.
Что будет – то и будет, дорогая,
чему вершиться – то произойдёт.
Не выйдет жить, судьбу опровергая,
уже октябрь, и ядом пахнет йод.
И холодно, и темень вечерами,
но мы живём в такие времена,
вот в этот день и час, вот в этой драме,
и есть ли в этом чья-нибудь вина?
Пожалуй, есть. Не будем тыкать пальцем,
не станем перетряхивать архив.
Ну что нам, в этой жизни постояльцам,
бумага скажет, не договорив
о самом главном – вместе выжить легче,
а слёзы просто спрятаны внутри…
Ну, вот и снег ложится нам на плечи.
Пойдём. И ничего не говори.

ВРЕМЯ АСТР

Вот и ноябрь, время выцветших астр,
бледных оттенков, последней надежды.
Город заносит постройки в кадастр,
старенький дворик, ну где же ты, где ж ты?
Видно, снесли до ноябрьских ветров,
место расчистили для долгостроя.
Астры на клумбах – их цвет нездоров.
думал – приеду, ворота открою,
просто зайду, посижу, покурю,
встречу кого-то и с ним поболтаю.
Дворик снесён. Что пенять ноябрю?
Всё, пролетела пора золотая
с астрами вместе – не вижу их тут,
жёлтых и бледно-сиреневых, блёклых.
Раньше бывало, выходишь – цветут,
и отражаются звёздами в стёклах.

Больше их нет, ни кола ни двора,
вечная тема, вопрос без ответа,
вечером, а иногда и с утра,
не понимая – на что мне всё это.
Скоро зима… Загляну по пути,
чуть постою, покурю, поколдую –
может, случится мне астру найти.
Жёлтую астру. Почти золотую.

ТЫ ТОЖЕ, БРУТ

Земля помягче возле скверика,
погиб – лежи, как падишах,
за школой, где воскликнул – эврика!
не разумея в падежах.
Склонял, как мог, ничем не брезгуя,
увы, ни в чём не преуспел,
умел и матом, в слово резкое
добавив лишний децибел.
Но падишаху – падишахово,
гусары денег не берут.
Обстреливали, а душа его
сказала вдруг – ты тоже, Брут,
поймав осколок – умер неучем,
теперь зароют, не спросясь.
О чём с таким-то? Вроде, не о чем.
Ну жил, ну был. Какая связь?
Кружил по старой части города,
война-войной, да что ему…
А тьма сиренами распорота,
которые не по уму
таким, как этот – вон в хрусталике
война склоняется уже –
хрущёвки чёрные да сталинки
в каком-то смертном падеже.

ИРИНА ДЕЖЕВА

ВЕНОК ЭЛЕГИЙ

«Мир Мой даю вам…»
Евангелие от Иоанна

ЭЛЕГИЯ № 1

Так скучаю
Живя мятой
Всё дымило
Но так пусто
Заблуждением изъяты
В Огурцово грустно
Ты, mon chère
Из золота воспоминаний
Столь единственен
Что смысл слёз
Как вафли Мураньё
Проставиться в архиве
За пробел и скрыться
Надо бы
В саду Алты и Шунгаё

ЭЛЕГИЯ № 2

По мокрой душе
Как по красной луже
Меряем пульс
Святейше нужен
Инструмент
Закрыть глаза
На резкий свет
И подоспеть на ужин
При свечах, картинах, пастырях
И красной суше
Не успев сказать: О душе!
Прощай иль не прощай
На подоконник жмётся первоцвет
И душит
Столетняя помолвка падежей
Паденья, запах, титла
Ужас и прибой оружий
По земле забытой
Пеплом кружев как
Суёт крупа
Причастие
Из красной лужи

ЭЛЕГИЯ № 3

Милый, пули мои сочтены
Скалой неизвестного
В этом круге пирую я
Розовой пяткой шествия
Скотчем в прибой
Крайней в оскале радуг
Это не тропики, не парад
Это не сказка, не Ленинград
Это не реггей, это не битум
Это лишь бой и кончина событий
Это лишь скорбный Архиполитум
Милый, мы будем счастливы когда-то
Откроют двери самиздата
И мы так выглядим […]здато
Что войдём
И будем счастливы

ЭЛЕГИЯ № 4

Колола порода
Над каждой пригодой
Сияло так ясно
Что нет бы конца
Но в этом году
Прокричала природа – БАСТА
Врасплох ушла земля
Когда не прикоснуться
Не засыпь веслом
Порез хрустальных век
Я вольна взором впиться
И лелеять, жаждать
Наспех
Посмеются склоны
Смолкнут птицы
И наша вечная мечта
На перекрёстке столбонуться в век
И ждать ответного гудка

ЭЛЕГИЯ № 5

Каждый крик под окном – твой
Каждый шорох ольхи – слезливость
Отмываться дырявой весной
И смотреть сквозь века и сонливость
В те прекрасных всех утр и закатов
Глаза, так тебе понравившиеся когда-то
Залипа запятой adante
Кто тот сруб, те финты, те фанты
Ждёт?

ЭЛЕГИЯ № 6

Как ты кто ты где ты
Мне твой чёрный волос
Как рассвет раскосый
Как ответ немой бросок

Будь помельче восвояси
Или громче ниоткуда
Либо так, чтоб в сон спускаясь
О бок в ряске свет маячил
Что ты с кем ты да зачем-то
Зреют волосы исподне
И в мечтах иногосподних
С тем простейшим
Зачинает родню молча
Трёхочковый отрок
How, darling, нам расстаться
Так распахлось – чудо!

ЭЛЕГИЯ № 7

Всё, что во мне осталось
Города велия слабость
Жёлтая сыпь – усталость
Смрад
Корунда
Щит
Всё, что могу подарить
Гранит…
О Господи, любови как у Куприна
Проходит мимо
А как там правда мира
С дрона иль гумна
Фасовкой чёрного зерна
Растаскивается с корабля
Мне остаётся фраза и
Берёза линь
Рубин в фуксите
Всё, что завещали, – в радость
Синь в корыте

ЭЛЕГИЯ № 8

Что-то сразу пошло не так
Вкус лозы и змеиная жалость
Пет не тот ли каяк
Любовь которому иначе показалось
Каюк километраж кому разлука
Даже склеп не спляшет так
Где всем без всех бывает глупо
Горы сдвинуть были бы чисты
Но сука
Изгнанье нам убогость, тлен и мука
Плач смысла Главных врат
По стуку в эпикризе с предложеньем
Перенаправить благодать
О том, что не туда не то пошло
Скорбит Лука и сушит доску
Из наважденной Пизы
Зарисует аленький цветок
Который мир как свой даёт
Не так, как мир даёт
Пакуя ризы
Тот так оставлен
Как и обездвижен
Прости, завяло в лоске диво
Данное Тобой…

ЭЛЕГИЯ № 9

Сдаётся мне
Сдаётся некрасивый мир
Что был по милости оставлен
Дрожит копна
От звука ставен
Авосчатый кредит знобит
И рвётся свет на маяке
В зрачке бакланьем
И где когда
Зачем свиданье
Сдаётся мне
Сдаёт устав
Как некрасивый мир
Что был по милости оставлен

ЭЛЕГИЯ № 10

Фе И фе ра фе вы фе шла фе ту фе да фе где фе мгла
Мы так играли в детстве
Пока слова
Не стали сердцем
Под солнцем спрятанным
В обложке бытия
Бросали метки на асфальт
И ждали блеска смальт
И каждый день победный зали
Будил в двенадцать
Фе то фе гда фе за фе пу фе та фе лась фе гро фе за
Вскипела первородно кровь
И искра протекла
В ладонях обручальных наших
Разница-то вся в объятье
Что в первом крайнем междукамье
Что в крайнем первом насте
Распереживаемся однажды
То целуясь, то идя на дно
И под шаблон фе все Му фе ра фе но фе вские вафли

ЭЛЕГИЯ № 11

Явь отсекла ять
Вставила двери
Как без тебя спать
Расскажут змеи, ястребы
И, надеюсь, набольшие звери
Вы не предлагая
Отвергая adultère
Спали уж
И силы слева
Съели дщерь
И было то оливковое время
Когда текло
Верь на слово кому когда сошло
Поспе посла постукивали ели
-Я- осыпалось в -ах-
В чуть четверти объятья
Мелью полоснуло – хватит

Смерти в заглавных новостях
Событие с дородными челнами
Начиналось только… ах
Пригласить бы Вас негрешно
Промокашку бы на грудку
То не я кладу асфальт и прячу
Вальс, нагваль, орешник в шутку
То прибрежная el pronto
Так послышна как пресна
То весна распряв удила
На земле чудила… ах
Пригласить бы Вас погреться
Так и тянется душа
Но фальстаф – се приношенье
Завтра – утро – продолженье
Кур на вечер – наважденье
Ночь под Припятью
Ах… ах..

ЭЛЕГИЯ № 12

Наконец-то я выиграю в этой войне
Победю побежду победахом
Духом спелым
Туда, где текут уши
У Рюрика
Рыцарь на всё согласен
В сопле пожарных сатиров
Давай трибьют
когда нальют
за холку праздник
Перин и мандарин
Мета в мету
Всего сполна
На голове – плафон из парка Александра
Концентрацитный круг
Кто не устал
Уста в пурге
И окнах стёртого видеоса
Патриотизм – отсидка в рай
Mon chère, без Вас так грустно в Огурцово

АЛЕКСАНДР ЩЕДРИНСКИЙ

ВЕК СДАЁТ ЭКЗАМЕН НА ОТЛИЧНО

***

и сердце не бьётся так часто. оно – метроном.
оно – циферблат, механизм перегона времён.
я будто в границах людей заблудившийся гном,
что ищет, зачем в этот хаос он определён.
так просто молчать, если слов не осталось совсем.
один только крик, да и тот замолкает внутри.
я собран из множества старых фонем и лексем,
но проще ли мне об ушедшей любви говорить?
глядит из-за стёкол какая-то вышка, и дым
вовсю развевается выдохом дней сентября.
надеюсь, тебе повезло быть любимой другим:
кому-то из двух ведь должно повезти, говорят.

***

как было раньше – всё на свете праздник.
на дачу собираешься с роднёй,
где на столе – разгул многообразья:
от скумбрии до раточки свиной.
и кажется, что детство бесконечно,
хотя тебе и больше двадцати.
и фонари стоят, как будто свечки,
и с дочерью знакомых по пути.
так, мир в глазах торжественно двоится,
в котором зарождается любовь.
и голубь на дороге, как жар-птица,
безмолвно собеседует с тобой.
а с нею вы нетронуты, и руки
ты у её двери мнёшь, как чудак.
и – да – она целует, сердца стуки
переводя в искру на проводах.
назад ты возвращаешься обычно,
но что-то изменилось (хлынул дождь),
о чём болтать с роднею неприлично,
но от чего с улыбкою уснёшь.

***

пора уезжать. нет скребущего чувства внутри.
чем ближе подходишь к событию, тем оно ближе
уже к констатации, чем к отраженью витрин
мечты или цели о всяких далёких парижах.
нет, знаешь, куда. и фактически знаешь, зачем,
и только не знаешь, во сколько, но это – детали.
так видишь: уснёт кто-то милый на правом плече
твоём, пока будет автобус исследовать дали.
а после и сам ты уснёшь, ибо путь – не часок.
приснится всё то, что ты знаешь из свежих буклетов.
тебе подадут печенюшку и яблочный сок,
вовсю завлекая на родину новых сюжетов.
оно хорошо, ибо едешь без жалости об
отпетом, несделанном. едешь – поскольку так нужно.
и нужно без чувства потери, истерики, в лоб
себе признаваясь, что вечна одна только дружба.

***

Быть больше криков за окном,
Хранить свой дом.
Быть куполом, покрытым льдом,
В миру хмельном.

Пока воюют и кричат –
Молчать, молчать.
Седьмая Отчая печать
Должна начать…

Должна закончить, а пока –
Хоть дым с полка.
Пока легка Его рука
Для дурака,

Дыши, младенец земляной,
Расти с травой.
Придут, как бы к себе домой,
К тебе домой.

Расти, вытягивайся вглубь
Господних труб.
Как вострубят в сто сотен губ –
Там труп, здесь труп –

Восстанет. Только всё потом.
А ты при том
На скатерть брошенный вальтом
Храни свой дом.

***

Убереги, чтоб не ступить во тьму.
Об этом лишь прошу: убереги.
Я гору передвину, подниму,
Лишь ты побереги и помоги.

Я всё смогу, я вытерплю, спасу
Кого-нибудь, кто будет на пути.
Лишь помоги, побереги, на суд
Позволь к тебе раскаянным прийти.
Я сделаю, что нужно. Я в долгу
У мира не останусь, я – весь твой.
И, может, я кого-то сберегу
Для бесконечной участи благой.

***

отгородиться от: тюрьмы, сумы,
войны и мира, тошного пространства.
настроить электронные умы
на частоту лечения как пьянства.
всё. у меня сейчас двадцатый век.
конец. ещё в народе правит ельцин.
и дабы не зажмуривать мне век,
я повышаю свой походный цельсий.
друзья сидят, поют блатную хрень,
но нет мне их теплее и роднее.
и я, как будто северный олень,
киваю им и ем с руки хореи.
они все сочиняют по чуть-чуть –
пусть этого зарежут у подъезда,
другой себе трубой проломит грудь,
а третий улетит в страну сиесты.
но мы сейчас – единое. одно.
мы от всего в себе отгородились.
а за окном – то самое кино:
авоськи, кабаки, мальцы на стиле.
поэты провожают старый век,
всё отпуская шутки и привычки,
и рюмки направляют строго вверх –
ведь век сдаёт экзамен на отлично.

***

когда-нибудь я, верно, замолчу,
когда совсем тоски своей избегну.
пластинку в граммофоне закручу,
заколотив сферическую бездну,
в которой столько лет жил до того.
и женщина, что будет рядом, скажет,
что скоро в мире справят рождество
и нужно бы прибрать жилище наше.

и я скажу: «да, милая, да, ми…» –
и ветер лишь подхватит окончанье,
запечатлев в какой-то ноте «ми»
мое неподцензурное звучанье.
звучание простого старика,
что прожил жизнь и нажил дом и внуков
(они приедут вновь издалека,
войдя без предварительного стука).

впервые, может, будет тишина
и в голове, и в кухне, и снаружи.
откупорив тогда бутыль вина,
пойму: оно всегда нам греет души,
хоть кажется, так холоден январь.
тепло вина теплей случайных девок.
теплей, когда какой-то пономарь
кайфует от спасительных напевов.

впервые сердце ровно застучит,
лишённое до сей поры покоя.
покажется, что лишь ручей журчит,
и птица долбит в дерево нагое.
но вдруг – удар. и снова рёв грозы,
и наплевать на женушку и внуков.
придут стихи – тревожнее в разы,
чтоб выдавить опять охапку звуков.

и – подчинюсь. иначе – никуда.
возьмусь писать, ответив «хорошо, я –
всё сделаю, таланта и труда
не пожалев на детище большое».
и, словно юный, сяду, погрущу
у тёмных, всё видавших в жизни окон.
и руку в свои кудри запущу,
зарывшись в одеяло, словно в кокон.

***

не то чтоб время не стирало нас
в потусторонней памяти зеркальной.
стоящий у окна ночной анфас,
нависший силуэт над нами в спальне.
оно уходит. словно крик в ночи.
но только перед тем, как исказиться,
скользнет в карман, заденет там ключи
и в стенах, словно мячик, отразится.
ну а потом – слова, что конденсат,
над городом рассеются, чтоб в мае
дождями возвратиться к нам назад,
пока ты едешь в утреннем трамвае.
я, верно, позабыл слова любви.
все чаще я считаю пульс и деньги.
мир сотворен у бога на крови,
и с этим ничего, увы, не сделать.
но все же смерть – кончина суеты,
земли с луною треснувшие блюдца.
а то, что трубку там берешь не ты, –
отличный повод лечь и не проснуться.

***

и всё не то. не те. не та. не ты.
и потолок навис, как над атлантом
беззвёздный купол. в мире суеты
я проклят одиночеством, талантом

и безмятежной памятью конца,
что в оба направленья соразмерен.
но в маске площадного наглеца
мой быт не так удушлив, наг и скверен.
два стула, стол – вот шахматный мотив
среди доски седых многоэтажек.
и он, поджав колени, супротив
меня сидит, пытая саквояжем –
надолго ли я здесь. я? навсегда,
что чем-то с «никогда» предельно схоже.
и вижу – не слюна течёт – слюда
по белой и потрескавшейся коже.
я – мрамор. просто древнее ничто,
из коего отсечена ненужность.
и я твержу – не ты. не та. не то,
и внутренность не та, не та наружность.
замкнёшься в этом кубике творца,
погасишь свет, как доктора в родильне,
когда младенец льнёт к рукам отца,
как будто наши вправду победили.
а победят ли – не вопрос, а знак
вопроса – он изогнут, как в гортани
крючок, на коем рыба – хоть и рак
сойдёт за тех, кого у нас глотали.
кого мололи и бросали в пыль,
для иудеев – мучили камнями,
для наших – среди коих я там был –
стращали крестоносными тенями.
всем по родству и всем по пятаку –
так, все довольны. сброшена тревога.
ведь всё и так случилось на веку:
бог погубил содом, а люди – бога.

***

не доверяй себе, прислушивайся к Слову,
в тебе – всегда обман, и сам ты – только грех.
всё то, что есть твоё, первичная основа –
замусоренность, мрак, потерянность от всех.
не верь своим глазам, они всегда незрячи,
есть Дух, и только Он, к нему и подвяжись.
и с мнением своим – уверенным, собачьим,
с обычной простотой от Истины смирись.
не будет ничего правдивого на свете,
что в чувствах родилось и выпущено в мир.
есть только чистота в знакомом Силуэте,
и в Имени Его поверженный кумир.

ГАЛИНА КОРОТКОВА

РОЯЛЬ ВЕЛИКОГО ЛИСТА
рассказ

Канули в Лету времена, когда занятия музыкой были обязательным компонентом воспитания ребёнка «из приличной семьи». Ни один праздник, ни одно застолье не обходились без любительского музицирования. Исполнение юным дарованием этюда Черни или игривой мазурки Шопена на юбилее у дедушки вызывало восторженные ахи-охи и слёзы умиления доброжелательных родственников. Во многих домах нашего славного города имелся музыкальный инструмент – пианино, скрипка или аккордеон. На нём чуть ли не с пелёнок учили играть всех детишек без исключения. К всеобщей зависти друзей и одноклассников мне удалось ловко увильнуть от всеобщей «музыкальной повинности» по причине полного отсутствия слуха. Но в глубине души я очень переживала и чувствовала себя кем-то вроде вынужденного дезертира.

Одно из самых ярких воспоминаний моего детства – тихий летний вечер и звуки рояля или скрипки, доносящиеся из открытого окна. Это могли быть изнуряющие, словно зубная боль, гаммы – «там-там-там-та-та-м-м», или громкие и энергичные аккорды марша Черномора из «Руслана и Людмилы». Услышав невыносимый скрип, похожий одновременно на сдавленное кошачье мяуканье и скрежет несмазанной двери, можно было догадаться, что соседский Владик получил очередную двойку в школе знаменитого профессора Столярского, где известные на весь мир педагоги пытались учить балбеса играть на скрипке. Наша дворничиха ворчала: «Пока этот охламон станет вторым Ойстрахом, он таки успеет перепилить мои несчастные мозги вдоль пополам!».

Но иногда в тихий шелест старых акаций вплетались невероятно мелодичные, порой виртуозные музыкальные пассажи, которые, вырвавшись на улицу, рассыпались по знаменитой одесской брусчатке, словно звонкие стеклянные шарики. Тогда под окнами маэстро собиралась небольшая стайка меломанов. Задрав голову и затаив дыхание, они наслаждались божественными звуками.

Современные отроки и отроковицы учиться музыке отказываются категорически. Что? Бренчать с утра до вечера гаммы? Таскаться с нотными папками в музыкальную школу? Проще купить в магазине записи профессиональных исполнителей и слушать пока не лопнут барабанные перепонки у соседей за стенкой. Нынче занятия музыкой выглядят как некая старомодная дань ушедшей традиции. Тихо и печально стали исчезать из наших жилищ пианино, уступив место музыкальным центрам, огромным акустическим колонкам и прочим новомодным штучкам. Рекламные газеты запестрели многочисленными объявлениями типа: «Продам за символическую плату/отдам в хорошие руки… в отличном состоянии…самовывоз…». Если инструмент пристроить не удавалось, он решительно задвигался подальше в угол, превращаясь в некий бесполезный предмет интерьера. Тащить его на ближайшую свалку было как-то неловко.

У моих хороших знакомых Милы и Игоря в гостиной до сих пор стоит «К. Бехштейн» – роскошный кабинетный рояль с отделкой красным деревом. Этот бесценный антиквариат XIX-го века никто, естественно, продавать не собирается. У пианистов подобные инструменты ценятся как Страдивари и Амати у скрипачей. Как-то Игорь поведал мне, что по его секретным сведениям, именно на этом рояле играл сам Ференц Лист, когда в середине позапрошлого века приезжал на гастроли в Одессу. Рояль сломался, и великий композитор оставил его в городе. Уже много лет «К. Бехштейн» принадлежит бабушке Игоря милейшей Валентине Тимофеевне – профессиональной музыкантше. Эта крепкая, невероятно энергичная и смешливая женщина (язык не поворачивается назвать её старушкой!) преподаёт сольфеджио в музучилище, руководит хором ветеранов, иногда даёт сольные концерты для узкого круга коллег и поклонников. Появление в семье рояля связано с совершенно поразительной историей, которую Валентина Тимофеевна много лет хранила в глубочайшей тайне, словно пресловутый «скелет в шкафу». Сейчас я попытаюсь об этом рассказать, заранее попросив прощения у всех музыковедов и знатоков за возможные неточности в моём повествовании.

Итак, Валентина Тимофеевна в возрасте одиннадцати лет оказалась в оккупированной немцами Одессе. Отец ушёл на фронт в первые дни войны, а семья Валечки, где кроме мамы и старенькой бабушки был

ещё трёхлетний братишка, осталась практически без средств к существованию. Про ужасы оккупации было рассказано много и очень подробно. Однако о периоде, когда Одесса находилась «под румынами» ни писать, ни вспоминать было как-то не принято. А писать было о чём! Ведь город старался жить полноценной жизнью – работали предприятия, ремонтировались дороги, выходили газеты, дети ходили в школу.

Про культурную жизнь Одессы разговор особый. Вот, к примеру, репертуар городских театров за 16 июня 1942 года. В Оперном театре давали «Фауста», в Русском драмтеатре шла пьеса «Женитьба», в театре «Гротеск» можно было насладиться балетом «Баядерка», а в кукольном малышам показывали «Сказку о рыбаке и рыбке». Как видите, театральный сезон был очень насыщенным! Кстати, в Одессу из Румынии приезжала знаменитая прима Мариинского театра и партнёрша Федора Шаляпина, обладательница уникального колоратурного сопрано Лидия Липковская. Предприимчивые одесситы немедленно занялись серьёзной «коммерцией» – стали открывать шикарные магазины, роскошные рестораны, кафешантаны и казино. Распахнули двери кинотеатры, где демонстрировали либо фильмы с участием тогдашней звезды экрана Марики Рёкк, либо немецкую военную хронику. Позже кто-то из очевидцев назовёт жизнь в Одессе под властью румын «эрой сытости, довольствия и расцвета культуры».

Валечкина мама судорожно пыталась найти работу, даже шила на продажу нижнее бельё из парашютного шёлка, который румынские солдаты умудрялись воровать с немецких складов. Несмотря на все героические усилия, ежедневное меню семьи было крайне скудным: немного картофеля и кукурузная каша. Порой выручала дальняя родственница, жившая на Молдаванке в маленьком одноэтажном домике. Её муж до войны был заядлым голубятником. Нужда заставила пожилую женщину разводить какую-то особую «мясную» породу голубей на продажу. Валечкина бабушка потихоньку меняла серебряные ложечки, остатки чайного сервиза и папины рубашки на растительное масло, муку и молоко для маленького внука. Но вещи, годные к обмену, быстро закончились. И тут у Валечки появилась блестящая идея. Девочка до войны училась в музыкальной школе, была счастливой обладательницей абсолютного слуха и звонкого голоса, могла с лёгкостью подобрать любую мелодию и сыграть её хоть на аккордеоне, хоть на арфе, хоть на рояле. Ещё Валечка прекрасно танцевала, лихо отбивала чечётку и великолепно исполняла русские романсы.

Владелец солидного ресторана на Дерибасовской слегка опешил, когда в его кабинете появилась худенькая девчушка с косичками. Она заявила, что желает выступать с сольным музыкальным номером. В ресторан Валечку не взяли, но сердобольный предприниматель пристроил девочку к своему родственнику в небольшой кафешантан в Александровском парке. Потом нашлась ещё дополнительная «халтурка» в кинотеатре. В те времена перед сеансом было принято лакомиться мороженым и слушать музыку. Валечка невероятно гордилась тем, что стала не только главной кормилицей семьи, надёжной опорой для непрактичной мамы и немощной бабушки, но ещё и круглой отличницей в школе, где новые власти ввели в программу Закон Божий и румынский язык. Валентина Тимофеевна до сих пор не может объяснить, почему для выступлений на сцене она придумала себе псевдоним. Было ли это своеобразным девчоночьим кокетством, данью моде или разумной предосторожностью, которая впоследствии спасла ей жизнь?

Наступил январь 1942 года. Город облетела сногсшибательная новость – в Одессу… по личному приглашению… на гастроли приезжает «знаменитый, неподражаемый исполнитель русских, цыганских песен, романсов и танго» Пётр Лещенко! Все билеты на концерт были мгновенно проданы. Как Валечка ни старалась, но раздобыть билет у неё не получилось. Однако певец смог приехать только в мае, а находчивая девочка договорилась, чтобы знакомый администратор «по блату» тайком провел её в театр и спрятал за кулисами.

И вот пришёл долгожданный день. Огромная толпа плотным кольцом окружала театр. Все ходы и выходы были намертво заблокированы. В самом зале, как говорится, яблоку негде было упасть. Восторженные поклонники стояли даже в проходах. Но Петра Лещенко всё не было! Пауза угрожающе затягивалась. Особо темпераментные зрители стали громко возмущаться. Несчастный директор театра был на грани инфаркта. В припадке отчаяния администратор стал метаться по сцене, случайно наткнулся на Валю, схватил её за руку и потащил к директору.

– Деточка, ради бога, делай что хочешь, только продержи зал хотя бы полчаса! А потом… проси у меня чего пожелаешь!

На директора было страшно смотреть.

…Занавес медленно пополз вверх, два дюжих молодца выкатили на сцену роскошный рояль «К. Бехштейн», а вальяжный конферансье с помпой объявил, что несравненный Петр Константинович уже в двух кварталах от театра: «Господа, имейте хоть каплю совести! Кругом, между прочим, война! Человек был в дороге несколько суток. Разве не должен он спокойно умыться и переодеться? Администрация театра, чтобы заполнить вынужденную паузу, предлагает уважаемой публике послушать короткое музыкальное выступление чудо-ребёнка. Всего несколько минут, господа!». По залу пронёсся недовольный ропот. В задних рядах кто-то громко свистнул…

Знатоки утверждают, что для подобной импровизации одного таланта не достаточно. Требуется исключительная дерзость, склонность к авантюризму и то особое настроение, которое профессионалы называет коротким словом «кураж». Без нот, без программы Валя пела, аккомпанируя себе на рояле, яростно отбивала чечётку, декламировала стихи и при этом успевала остроумно отвечать на реплики из зала. Публика быстро успокоилась, стала охотно подпевать, одобрительно свистеть и аплодировать. А девочка так увлеклась, что не заметила, что за кулисами появился администратор. Со зверским выражением лица он принялся отчаянно жестикулировать, чтобы привлечь к себе внимание. Рядом с администратором стоял элегантный красавец во фраке и… улыбался. Прервав выступление на полуслове, Валечка торопливо раскланялась и сломя голову ринулась прочь со сцены. Зал проводил её бурными аплодисментами и криками «браво»!

Сжавшись в комочек, она сидела в кабинете у директора и чуть не плакала. Какой позор! Заставила ждать за кулисами самого Петра Лещенко! Теперь её на пушечный выстрел не подпустят к театру! Добряк директор ласково гладил девочку по голове и пытался угостить пирожными эклер. В дверь постучали. Возникший на пороге конферансье доверительно сообщил:

– Пётр Константинович очень просил милую барышню дождаться его после концерта…

Оглядываясь на свою длинную и такую многосложную жизнь, Валентина Тимофеевна по секрету призналась мне, что в 1942 и 1943 годах совершенно искренне считала себя самым счастливым человеком на свете. Она получила ангажемент у самого Петра Лещенко, выступала с ним в одной программе, а её сценический псевдоним поместили на афишах рядом с именем самого Маэстро! Когда же Лещенко открыл в Одессе ресторан-варьете «Норд», там стали выступать не только певцы и танцоры, но и акробаты, и фокусники, и даже хор цыган. И каждый вечер – аншлаг! Где-то гремела война: яростно оборонялся Севастополь, немцы бомбили Сталинград… А тут пирожные со взбитыми сливками, роскошные казино и легкомысленные песенки, вроде фокстрота «Настенька», который Валечка исполняла вместе с самим Петром Константиновичем:

«…раз живём на свете,
Раз лишь молодость бывает нам дана,
Пей со мною Настя, Настенька
Чашу радости до дна!»

Разве можем мы сейчас осуждать тех, кто, оказавшись в тылу врага, не пошёл партизанить, а продолжал заниматься привычным делом просто для того, чтобы выжить и сохранить жизнь своим близким? Впрочем, пройдёт совсем немного времени и всем, имевшим несчастье проживать на оккупированной фашистами территории, прилепят, словно Каинову печать, несмываемую метку неблагонадёжных. В худшем случае их обвинят в коллаборационизме. А это уже очень серьёзно и очень страшно! Предвидя подобное развитие событий, некоторые горожане вначале весны 1944 спешно уезжали в Румынию. Улицы города уже в который раз были забиты повозками с беженцами вперемешку с беспорядочно отступающими войсками. Лещенко вместе со своей труппой тоже собрался в Бухарест.

На заднем дворе грузили какие-то ящики, суматошно метался директор варьете. Небритый, в замызганном ватнике, он был похож на разбойника.

– Я не предлагаю тебе ехать с нами, – с грустной улыбкой сказал Пётр Константинович, пристально глядя на Валечку, которая пришла попрощаться. – Знаю, что ты не бросишь родных. Но запомни, девочка, если попадешь в Бухарест… короче, я буду очень рад тебя видеть…

– А с этим барахлом что прикажете делать? – подбежавший грузчик ткнул пальцем в угол двора, где высился настоящий курган из потёртых баулов, мятых коробок и пыльных узлов. Рядом сиротливо стоял рояль «К. Бехштейн», небрежно прикрытый куском рваного брезента. Лещенко сердито отмахнулся от грузчика.

– Если вам не нужен инструмент… – Валечка бросила выразительный взгляд на директора.

– Забирай! Ты его заслужила!

В жуткой городской неразберихе она с огромным трудом нашла двух стариков-грузчиков, которые, надсадно кряхтя, кое-как взгромоздили рояль на свою допотопную телегу. Худая лошадёнка медленно поплелась по ночному городу, а мужики вместе с Валечкой пошли следом. Со стороны это напоминало похоронную процессию. Девочке было неловко заставлять пожилых людей поднимать рояль к ней на третий этаж. Она распорядилась ехать на Молдаванку к «голубиной» родственнице. Ни маме, ни тем более бабушке Валечка ничего не сказала.

10 апреля 1944 года Одессу освободили от оккупантов. А уже 11 апреля в городе появился СМЕРШ. Повествуя о своей жизни, Валентина Тимофеевна неожиданно сделала длинную и мучительную паузу.

– Видишь ли, Галочка, быть может, я сейчас выскажу крамольную мысль, – наконец прервала своё молчание моя собеседница, – но многими жителями города освобождение было воспринято отнюдь

не как долгожданное избавление от мытарств и бедствий, присущих войне, а продолжением все тех же мучений, но только, как принято говорить в Одессе, «под другим соусом»…

Её вызвали на допрос прямо с урока. В кабинете расположился плотный молодой майор, который при виде Валечки удивлённо вскинул брови. Возможно, он ожидал увидеть бойкую и бесцеремонную девицу, а перед ним предстала худенькая девочка, почти ребёнок в стареньком шерстяном платьице, стоптанных туфлях, с пальцами, испачканными чернилами. Офицер молча кивнул Валечке на стоящий посредине комнаты табурет, затем полез в ящик стола и демонстративно вытащил браунинг.

Пока я слушала рассказ Валентины Тимофеевны, меня мучили вопросы: что должен испытывать здоровый, сильный мужчина, допрашивая тринадцатилетнего подростка? Какие высокие цели преследует дознаватель, когда громко топает ногами, яростно брызжет слюной и периодически трясёт пистолетом перед носом у перепуганной девочки? Сотрудник СМЕРШа всё время менял тактику допроса. Он неожиданно переходил на лживо-ласковый тон, видимо рассчитывая, что у Валечки не выдержат нервы, и она начнёт давать нужные показания? Догадывался ли бравый майор, что перед ним профессиональная актриса, сумевшая в своё время успокоить огромный зал? А Валечка поняла, что если прямо сейчас не возьмёт инициативу в свои руки, она пропала! Что потом будет с мамой, бабулей, с маленьким братишкой? На все каверзные вопросы она отвечала спокойно и обстоятельно. Конечно, она знала певца Лещенко. Разумеется, она посещала его концерты. Ведь полгорода ходило в его театр. Само собой, она была знакома с некоторыми певцами и музыкантами из ансамбля. Только они все в Бухарест уехали. Да, она училась в музыкальной школе, но это было ещё до войны! Видимо, поняв бесперспективность дальнейшего допроса, её отпустили.

Валечка с трудом дошла до дома, на ватных ногах поднялась по лестнице на третий этаж, из последних сил открыла дверь и, уже теряя сознание, успела что-то прошептать насмерть перепуганной маме. Девочка на сутки провалилась в сон, который был похож на глубокий обморок. Потом бабушка расскажет, что во время её странной болезни к ним в дом приходили двое крепких парней. Искали какого-то Бехштейна.

– Что ты им сказала? – чувствуя, как противно засосало под ложечкой, спросила Валечка. Бабушка только пожала плечами.

– Сказала, что знала Яшку Бехштейна. Но он ещё до войны уехал к родственникам в Бердичев. А ребята, перед тем как уйти, зачем-то под кровать заглянули…

После войны Валечка успешно окончила школу и поступила в консерваторию. В конце сороковых годов умерла «голубиная» родственница. Наняв крепких грузчиков, Валентина Тимофеевна без лишней суеты перевезла инструмент с Молдаванки к себе на третий этаж.

– Скажите, правда, что на этом рояле играл сам Ференц Лист, когда приезжал на гастроли в наш город?

– Это Игорь тебе сказал? – лукаво блеснув глазами, рассмеялась моя собеседница. Я смущённо кивнула.

– Насколько мне известно, Ференц Лист приезжал в Одессу в 1847 году, а Карл Бехштейн основал свою знаменитую фортепианную фабрику только в 1853 году в Берлине. Так что Игорёк, как всегда, присочинил. Но я никогда не скрывала, что мой рояль изготовлен в 1915 году. Знаешь, я очень дорожу этим инструментом, он мой кормилец. За долгие годы мы стали почти как родственники!

А что же всё-таки случилось роялем великого композитора? Мне удалось выяснить, что Ференц Лист дал в нашем славном городе шесть концертов. В ту гастрольную поездку по Европе маэстро взял с собой рояль марки «Карл Шрёдер». После окончания выступлений Лист распорядился погрузить инструмент на судно, чтобы отправить домой. Но портовые грузчики умудрились уронить рояль и серьезно его повредили, поэтому Лист решил оставить его в Одессе. Кто-то из поклонников пианиста восстановил инструмент. Сейчас этот уникальный рояль находится в особняке графа Толстого, где нынче располагается Дом Учёных. Каждый желающий может на него взглянуть.

БЛЕСТЯЩИЙ АДВОКАТ
рассказ

В моём семействе юриспруденцией занимаются так, как в иных занимаются самогоноварением. Самозабвенно, без отпусков и перерывов на обед. Ибо адвокат – это человек, чей труд похож на работу врача в отделении реанимации. Хороший доктор должен быть в курсе ваших многочисленных болячек, желательно, чтобы помнил результаты ваших анализов и даже иногда осведомлён о недугах вашей родни, проживающей в пригороде Лос-Анжелеса. Адвокат, в этом плане – страшный человек! Он знает все ваши секреты и тёмные стороны вашей биографии. Он – профессиональный психолог и хитрый манипулятор, проповедник, умело подталкивающий вас к самой искренней исповеди, о которой только мечтают некоторые служители культа, трагический актёр и фокусник, древнеримский оратор и многое, многое другое.

У меня единственный вопрос – как, занимаясь всем этим, человек в состоянии сохранять бодрость духа, веру в людей, и чувство юмора. Сразу скажу – юмор в нашем семействе до ужаса специфический.

Мой муж, его младший брат с женой Иркой, которая, между прочим, следователь районной прокуратуры, и два любимых племянника – это настоящая семейка Аддамсов! А возглавляет эту тусовку моя свекровь Наталья Владимировна – самый известный уголовный адвокат нашего города. Она называет всех нас простым одесским словечком «кодла». Скажу сразу – у меня самая обычная мирная профессия. Я преподаю английский язык и оказалась в этой специфической компании совершенно случайно. Просто вышла замуж за старшего сына Натальи Владимировны и уже много лет выполняю обязанности некоего технического персонала.

Раз-два в месяц все собираются у нас дома, чтобы пообщаться, обсудить профессиональные проблемы и обменяться новостями, не предназначенными для чужих ушей. Самые мелкие члены нашего семейства к таким встречам категорически не допускается, во избежание утечки информации! Я же всегда принимаю участие в этом сборище и даже пеку свою фирменную кулебяку. У меня имеется собственный интерес. Я тайком записываю их рассказы, многие из которых напоминают библейские притчи, детективы и профессиональные байки в одном флаконе.

В тот день Наталья Владимировна задерживалась. Мужчины время зря не теряли – попивали пиво, лениво обменивались какими-то репликами и с нетерпением поглядывали на часы. Наконец, послышался шум лифта, и младший племянник побежал открывать дверь.

– Мама! Почему так долго? – удивился мой муж. – Мы тут зубами от голода щёлкаем!

– Срочно понадобилась консультация господину N…

Открою секрет, вышеупомянутый господин – один из самых богатых бизнесменов нашего региона и человек в высшей степени влиятельный.

– Новый эпизод из сериала «Богатые тоже плачут»? – усмехнулся один из племянников.

– Смею предположить, опять проблемы с его непутёвым отпрыском Артёмом…

– Сынок очередную крутую тачку разбил?

– А может бедный мальчик кучу денежек в подпольном казино продул?

– Виллу на Лазурном берегу ограбили и вынесли всё нажитое непосильным трудом…

– Не ехидничайте! – поморщилась Наталья Владимировна. – Артёма обвинили в изнасиловании особо извращённым способом…

Мой муж громко присвистнул.

– Это что-то новенькое! – удивилась Ирка, наливая свекрови чай. – Артёмка, конечно, шалопай знатный, но что-то мешает мне поверить в его сексуальные «подвиги». Не тот психотип.

Наталья Владимировна пожала плечами и усталым жестом попросила меня отрезать ей кусок кулебяки. Все присутствующие обменялись многозначительными взглядами. Несколько минут мы, как чопорное семейство английских аристократов, молча пили чай, жевали кулебяку и рассматривали обои. Первой не выдержала я.

– Хотелось бы узнать о пострадавшей. Она в больнице? В реанимации? Или не дай бог в морге…

– С ней-то как раз всё в порядке. Девица оказалась на удивление бойкой. Такую голыми руками не возьмёшь…

– И что, нельзя как-то замять? Деньги предложить, ну, чтобы не доводить дело до… – не выдержал один из племянников и осёкся, встретив твёрдый взгляд Натальи Владимировны.

– Всё не так-то просто, имеются нюансы. Во-первых, N подозревает, что это подстроили конкуренты. Он даже догадывается кто. А во-вторых, ему до чёртиков надоело вытаскивать своего недоросля из очередных неприятностей…

– С Артёмом говорила?

– Конечно! Он бьётся в истерике и твердит, что пальцем девицу не трогал и, вообще, видит её впервые в жизни. Но судя по мятой физиономии и чудовищному перегару, парню в его состоянии могли подсунуть даже мумию Тутанхамона. Уповать в данной ситуации на здравый ум и твёрдую память не приходится…

– Мать, судя по твоему лицу, – встрял мой муж, – ты всё устроила самым выгодным для нашего VIP-клиента образом…

– Пришлось немного повозиться, – не без гордости призналась свекровь. – Судя по реакции нашей доблестной полиции, их неплохо замотивировали. По отдельным репликам было понятно, что в этот раз они точно не закроют глаза на беспредел наглого мажора. А циничная девица принялась диктовать свои условия – либо Артём на ней женится и тогда она согласится забрать заявление, либо…

– Либо что?

Мы все насторожились.

– Скандал в прессе – это раз. Просто фантастическая сумма отступного – это два. И так до бесконечности, как в пословице – «коготок увяз – всей птичке пропасть».

– Похоже, Артём влип. Журналисты, небось, с утра уже дежурили под его окнами…

– А как же! – фыркнула Наталья Владимировна. – А ещё у N выборы на носу, и какой-то контракт с итальянцами. О том, чтобы принять в семью барышню с подобной репутацией вопрос вообще не стоял!

– Короче, мать, не томи! – взмолился мой муж. – Как ты умудрилась решить этот ребус?

И тут свекровь не без удовольствия рассказала нам прелюбопытную историю.

…По её просьбе им с «пострадавшей» девицей накрыли столик на двоих на веранде в особняке N, обеспечив тем самым максимальную конфиденциальность. Расторопный молодой человек принёс кофе в серебряном кофейнике и большую тарелку с бутербродами. Поначалу Настя категорически отказывалась идти на контакт. То угрюмо молчала, то откровенно паясничала. Разговаривать не о чем! Свои условия она чётко озвучила. Выслушивать нотации и нравоучения она не собирается. Она даже не скрывала, что её научили как себя вести и что говорить. Конечно, она в курсе, что всю сумму она не получит, а всего лишь процент. Но ей и этого вполне достаточно. Это её шанс. На пару-тройку лет безбедной жизни хватит! Можно будет вообще не работать. А потом? Нет, так далеко она не загадывала. Сухие, короткие ответы, потом долгая тягостная пауза. Зацепиться не за что. Как тут не впасть в отчаяние?!

Наливая себе очередную чашку кофе, Наталья Владимировна обратила внимание на роскошные волосы девушки.

– Скажите, Настя, – неожиданно спросила Наталья Владимировна, – чем вы моете голову? Я налюбоваться не могу на ваши кудри!

По тому, как дрогнули густо накрашенные девичьи ресницы, она поняла, что попала в яблочко. Оказалось, что Настина бабушка была замечательной травницей. Но особо ей удавалось лечить облысение и восстанавливать ломкие тусклые волосы.

– Понимаете, она сама собирала травы, сушила, делала мази и примочки. Скажу по секрету, она меня многому научила. А ещё бабуля говорила, что волосы выпадают, а концы секутся из-за неправильной стрижки. Я вот никому не доверяю себя стричь.

– Представьте, я тоже! Мой любимый мастер держит парикмахерский салон в Париже…

– Да, у вас классная стрижка.

– …он регулярно набирает учеников, к нему приезжают учиться со всего мира!

– Вот бы к нему попасть!

– Так в чём проблема? Я могу организовать.

– Прямо сейчас?

– Конечно! Сейчас при тебе позвоню и договорюсь. Весь курс обучения тебе оплатят, ещё и стипендию получать будешь. Считай, что ты выиграла грант. И поверь мне, это намного лучше, чем получить свои жалкие проценты. Наверняка ты профукаешь эти деньги очень быстро. А вдруг кто-то попытается деньги отнять? Ну и дальше что? Ты согласна? Вот и прекрасно! Только у меня есть условие…

Ещё через полчаса на столе у N лежало заявление гражданки Анастасии Остапчук. Девушка полностью отказывалась от своих обвинений в отношении Артёма N. Произошла досадная ошибка и т.д. и т.п.

Неожиданно в дверь позвонили. На пороге стоял парнишка-курьер с огромным букетом роз и круглой коробкой.

– А вот и знаменитый торт «Пьяная вишня» из лучшей кондитерской города! – воскликнула Наталья Владимировна и, хитро прищурившись, добавила. – Мои клиенты умеют быть галантными кавалерами. Налейте-ка мне ещё чаю.

– А что с Артёмом? – спросил кто-то из присутствующих.

– Завтра отец отправляет этого лоботряса на стройку. Будет учиться кирпичи класть и штукатурить, пока мозги на место не встанут…

– А не сбежит?

– Куда? Стройка где-то в степях Казахстана. Там у N серьёзный совместный проект.

– Торт просто изумительный. Я, пожалуй, ещё кусочек съем, – сказала Ирка и вдруг, повернувшись к Наталье Владимировне, удивлённо замерла.

– Что-то не так? – спросил мой муж.

– Наталья Владимировна! – глас следователя прокуратуры звучал зловещим набатом. – Если мне не изменяет память, в Париже вы были года четыре назад! О каком личном мастере вы говорили этой несчастной? Кому вы звонили насчёт обучения?

Ни один мускул не дрогнул на лице лучшего в городе адвоката.

– Я действительно звонила в Париж, – спокойно ответила Наталья Владимировна. – Но разговаривала, конечно же, не с мастером, а со своим французским коллегой. Я познакомилась с ним пару месяцев назад в Греции. Помните, дело матроса, который получил серьёзную травму при разгрузке в порту Пирей? Меня тогда нанял судовладелец, а француз представлял интересы семьи моряка.

– Ты это к чему? – с подозрением спросил мой муж.

– Я попросила его срочно найти мне хорошую школу парикмахеров в Париже и прислать реквизиты банка для оплаты курса обучения. Кстати, – свекровь демонстративно посмотрела на часы. – Настя уже должна быть в аэропорту. У неё билет на ближайший международный рейс. Мы с N решили, что её нужно срочно вывести из игры. Серьёзные дяди не любят проигрывать. Между прочим, курс обучения одного парикмахера обошёлся моему клиенту в тысячу раз дешевле, чем замять скандал, заткнуть рот жёлтой прессе и все судебные издержки вместе взятые. Так что, учитесь, дети мои, пока я жива. А насчёт личного мастера – я уже лет тридцать стригусь на Малой Арнаутской в салоне у Софы. И кто вам сказал, что у нас в Одессе на Малой Арнаутской мастера хуже, чем в этом вашем Париже?

КРАСАВИЦА И ТИГР
рассказ

Я очень люблю общаться с друзьями сына. Все они выросли у меня на глазах. Ребята энергичные, толковые, с великолепным чувством юмора. Вроде совсем недавно я возила их компанию на пляж, покупала мороженое, кормила бутербродами и мазала разбитые коленки зелёнкой. И вот уже Игорёк ушёл в рейс по Средиземному морю, Серёжка готовит первую персональную фотовыставку, а о Дениске я хочу поговорить немного подробнее. Этот паренёк из семьи очень известного в городе адвоката. Казалось бы, судьба мальчика была определена. Он блестяще окончил юрфак университета, съездил на стажировку в Англию и даже выиграл несколько резонансных дел в суде. Неожиданно Денис всё бросил и открыл небольшую кондитерскую в центре старого города. Отец до сих пор в шоке, мать в предынфарктном состоянии. А сын твердо заявил, что имеет право на выбор! Он имеет право заниматься тем, чем ему нравится. Точка!

Кондитерская Дениса специализируется на выпечке пирогов, расстегаев и кулебяк по авторским рецептам. От покупателей нет отбоя. Открою секрет, каждый раз перед запуском в массовое производство очередного шедевра, Денис привозит его ко мне на дегустацию. Для ребят это – прекрасный повод собраться дружной компанией, узнать новости и поговорить по душам. В тот вечер Денис привёз кулебяку по рецепту, который он откопал в какой-то зачитанной до дыр кулинарной книге. Вместе с ним приехала худенькая белобрысая девчушка в рваных джинсах и веснушках на бледных щеках. Девушку представили Анастасией. Она смущённо забилась в уголок дивана и сидела там тихо-тихо, испуганно поглядывая на шумную мужскую компанию круглыми, как у совёнка, глазами.

Поскольку большинство друзей так и не смирились с новым статусом Дениса, речь за столом вновь зашла о праве выбора, о необходимости просчитывать последствия своих действий, об альтернативном решении, и что безвыходных ситуаций в принципе не бывает. Особенно горячился мой сын. И когда спорщики охрипли и запутались в собственных аргументах, вмешалась я:

– А давайте, ребята, я расскажу вам одну историю! Называйте её, как хотите – притчей, легендой или историческим анекдотом…

Все дружно согласились.

– Итак, в некотором царстве жил-был король-варвар – сумасброд и очень нехороший человек. У него были несметные сокровища, неограниченная власть и красавица дочь. Однажды от скуки король придумал себе оригинальную, но жестокую забаву. Поскольку в его королевские обязанности входила ещё и должность Верховного Судьи, он решил устроить из судилища настоящее шоу.

На большую цирковую арену выкатывали два огромных ящика с массивными дверями. В одном ящике находился голодный тигр. В другом – молодая девушка. Как сказал бы современный адвокат, правосудие заменили неким подобием гусарской рулетки. Хитрость заключалась в том, что никто из зрителей, включая самого короля, не знал, где находится тигр, а где девушка. Королевский палач умел держать язык за зубами!

– Такой суд в истории человечества носит название ордалии, – сообщил Денис. – Нечто подобное было у шумеров, при царе Хаммурапи и имело ритуально-магический характер. В прямом смысле – это «Суд Божий».

– Всё верно, – согласилась я. – В нашей истории подозреваемого выводили на арену, и он должен был сам указать на дверь, которую следовало открыть. Если человек указывал на дверь, за которой находилась красавица, их тут же сочетали браком. Если же на арену выскакивал разъярённый тигр, приготовленное заранее угощение служило поминальной трапезой. Оригинальная затея короля очень нравилась его подданным…

– Глупая детская сказка, – буркнул мой сын.

– Вовсе нет! Во многих восточных религиях тигр не только «страж лесов и очарованных душ», но и вершитель правосудия, помогающий восстановить справедливость и победить демонов!

– Допустим! – не унимался сын. – Что же было дальше?

– Как-то поздним вечером король неожиданно вошёл в покои принцессы и обнаружил там одного из своих молодых придворных. Гнев венценосного отца был ужасен. Напрасно дочь горько плакала, умоляя помиловать возлюбленного. Папаша-сумасброд был неумолим. Утром юношу ждала цирковая арена…

– Становится почти страшно! – насмешливо сказал кто-то из присутствующих.

– Погодите! Главная история ещё впереди! – предупредила я. – Король выяснил, что в этого юношу была также влюблена и дочь главного министра, красивая молодая девица. Поэтому король приказал поместить влюблённую девушку во второй ящик и выкатить на арену…

Тут я сделала театральную паузу, а затем продолжила рассказ:

– Можно только догадываться, каких усилий стоило принцессе узнать тайну двери. Рано утром подкупленный стражник сообщил юноше, что, выйдя на арену цирка, он должен внимательно смотреть на принцессу и ждать условного знака. Но наша принцесса жила в варварской стране и не была свободна от некоторых местных традиций и предрассудков. Надеюсь, друзья, вы уловили, в чём суть интриги?»

– Думаю, да! – усмехнулся Денис. – Перед принцессой стояла дилемма. С одной стороны, она не могла допустить, чтобы на её глазах голодный тигр растерзал возлюбленного. Но с другой стороны, спокойно наблюдать, как любимый человек, ведёт под венец другую… – что может быть страшнее для любящей женщины?

– Как, по-твоему, поступила принцесса?

– Сложно сказать! – нахмурился Денис. – У меня нет вариантов.

– Ситуация, действительно, безвыходная! – добавил кто-то из присутствующих. – Поэтому предлагаю быстренько доесть кулебяку…

Все вопросительно посмотрели на меня.

– Ладно, не томи! – попросил мой сын. – Давай, рассказывай, чем дело закончилось.

– А вот этого не знает никто! Последний лист рукописи был утерян. Предлагаю вам, друзья, придумать свой вариант. Начнём с тебя, Денис…

– Нет, я – пас!

– Нужно спрятать где-то рядом меткого лучника, чтобы он застрелил тигра…

– Тогда уж лучше убить короля!

– А может, дочь министра?

– Принцессе следовало выпустить на арену тигра с криком «Так не достанься же ты никому!».

– А что, если подкупить стражника, чтобы он открыл обе двери?

– Зачем?

– Тигр – хищник умный, с какой стати он будет нападать на здорового мужика. Намного проще позавтракать беззащитной красоткой – она лёгкая добыча!

Вариантов предлагалось много, один нелепее другого, как вдруг девушка Настя, молча сидевшая в уголке дивана, решительно подняла тонкую изящную руку. Так делают отличницы, готовые ответить на сложный вопрос учителя.

– Настёна, у тебя есть вариант? – удивился мой сын.

– Думаю, да!

У девушки был негромкий мелодичный голос.

– Эта история напомнила мне знаменитую притчу о царе Соломоне и двух женщинах, не сумевших поделить одного младенца. Вечный, как мир, вопрос – любить или владеть? Вы сказали, что принцессе стоило огромного труда узнать тайну двери. Значит, она любила юношу. Иначе, зачем ей эта информация?

Все присутствующие дружно согласились.

– Ну, тогда всё очень просто! Принцесса указала любимому на дверь, за которой его ждала влюблённая в него женщина! Этим она не только сохранила юноше жизнь, но и доказала всю силу своей любви!

В комнате наступила гробовая тишина.

– Хотите, я расскажу, что было дальше? – с улыбкой спросила Настя.

Тут настала моя очередь удивляться:

– А разве есть продолжение?

– Конечно! У любой истории есть начало и конец. Позволю предложить свой вариант. Итак, пришло время, и наша принцесса вышла замуж за королевича из соседнего государства. Её избранник не был богат, а его страна совсем маленькой. Но он имел благородное сердце, весёлый нрав, о его мудрости слагались легенды. Они жили душа в душу и основали знаменитую династию. Много веков их потомки правили страной, превратив её в огромное процветающее государство…

– А что случилось с дочерью министра? – спросил Денис. – Была ли она счастлива с человеком, которого получила в мужья столь необычным образом?

– Думаю, что они расстались, причём очень быстро! Сейчас объясню почему. Красавица не смогла простить своей сопернице-принцессе столь благородного поступка. Не каждый способен оценить и принять такой великодушный жест. Дочь министра бешено ревновала мужа и мучила его всяческими подозрениями…

– Верно подмечено, Настенька, – согласилась я. – Некоторые женщины из хранительниц домашнего очага со временем превращаются в жестоких и подозрительных охранниц! Мне хотелось бы добавить. По-моему, тигр – это символ страшного демона-провокатора и искусителя, который живёт в душе каждого

человека. Именно он заставляет нас постоянно делать выбор. Между добром и злом, между меркантильным интересом и бескорыстной помощью ближнему. У по-настоящему любящего человека тигр всегда остаётся за надёжно закрытой дверью.

– На этой оптимистичной ноте предлагаю всем выпить по чашке свежезаваренного чая! – громко объявил мой сын.

– Стоп! А где остатки кулебяки? – удивился Сергей.

– Пять минут назад на блюде лежал кусок величиной с две мои ладони! – подтвердил Игорь.

– Философские разговоры усиливают аппетит! Разве вы не знали?

Когда ребята собрались расходиться по домам, я отвела Дениса в сторонку и шёпотом спросила.

– Где ты нашёл эту удивительную девочку?

– Помните моё последнее судебное дело?

– Ты защищал мажора, сбившего на переходе двух маленьких детей?

– Всё верно! Его отец предлагал огромные деньги, чтобы отмазать сыночка, а мне хотелось придушить этого урода прямо в зале суда! Из-за этого у меня началась жуткая депрессия. Короче, Настя меня вытащила.

– Она психолог?

Денис весело рассмеялся.

– Нет, она кондитер! Она училась во Франции у знаменитого Короля Эклеров! Мы придумали совместный проект – кафе, где будем продавать пирожные «От грусти», пончики «Для храбрости» и ватрушки «Умиление».

– А как же твои родители?»

– Они всё поняли и согласились с моим решением. Ведь они любят меня. И это главное!

ГАЛИНА СОКОЛОВА

АХ, МОРЕ, МОРЕ…
рассказ

…Взвыла сирена, испуганный кот взмыл к потолку. И, сбив чашку, приземлился возле компьютера.

– Ну вот, всё испортил, – заметил размокшие листы бумаги старик. На имени автора по титульной странице расползалась коричневая клякса.

– Не везёт мне с этим генералом, – глядя, как торопятся люди в укрытие, пробурчал он, – Придётся снова принтовать.

Этот рассказ когда-то принёс в редакцию незнакомый паренёк. Бросил на стол отстуканные на машинке листы и убежал. Старик тогда ещё и сам был молод и невольно подосадовал: вот так, за здорово живёшь, оставил отличную рукопись без обратного адреса и номера телефона и умчался. На море, конечно. А он вынужден сидеть в душной редакторской и править чью-то туфту, хотя именно ей бы и место в корзине. Рассказ тогда в печать не попал, а сейчас, выудив его из старых завалов, старик перечитал его снова. И задумался: вот ведь как время-то изменилось! Вроде, и море то, и город тот, а уже всё иначе – и люди не те, и мир другой: кто был братом, стал врагом, а враг стал союзником. Словно полюса поменялись. Ещё прошлым летом были у старика и родственники, и друзья. А сегодня пару человек да кот на всю парадную. Будто кто-то взял да и сшиб с курса корабль. И крутит его, и бросает без руля и ветрил, то в одну, то в другую сторону. И почему за мир приходится воевать, а за жизнь – убивать? Ради какой денацификации и демилитаризации? А, главное, может ли такое быть по воле одного безумца? С чего бы во внутрисемейный конфликт ввязался весь мир? Теперь уж и до неба ближе, чем до земли – Часы Судного Дня замерли на положении 100 секунд до полуночи.[1] Оттого и лезут всякие странные мысли. В основе происходящего видятся мельчайшие пространственные образования, суть которых не вполне понятна. Но именно эти различия с абсолютным и вызывали тот высокий градус внутривидовой агрессии. Человек ведь пешка на шахматном поле Разума. Сегодня спасает ребёнка, а завтра нажимает кнопку ядерной установки. Парадоксальность – главное качество Вселенной. Покой есть смерть, но смерти нет, хотя есть покой. Примерно так можно выразить. Для неё норма и то, и это. Без этих двух Великих начал мир вообще бы не существовал.

«Самое приятное – играть в шахматы с самим собой», – как-то пошутил известный гроссмейстер, выиграв труднейшую партию с компьютером, куда были заложены все шахматные знания. Гроссмейстер – гений. А человек просто ищет истину. *«Между землёй и небом живёт душа моя. То истину ищет на дне, то взлететь пытается».*[2]

Ах, море, море,

Волна под облака…

Тот паренёк вернётся на Землю чайкой. Поэты и музыканты всегда возвращаются птицами. А кем вернётся он? Наверное, как и все, травой – он-то просто делал своё дело. У моря на склонах много травы. Только и там уже таблички: « Осторожно, мины!».

В мире 63 моря и 5 океанов… Самое чистое – море Уэдделла, омывающее побережье Антарктиды. Самое холодное – Восточно-Сибирское. Самое мелкое – Азовское. А Чёрное – единственное. Оно своё, родное…

В первые дни война не укладывалось в его мозгу. А теперь, когда погибших считают тысячами, в голове срабатывает странная нестыковка конструкции: если человек создан по образу и подобию Бога, как объяснить его невразумительную тягу к самоуничтожению? Кто и зачем сшибает башками народы с единой генетикой? Может, для того Человек и есть, чтобы стать инструментом, благодаря которому, Разум создаст нечто, тёмное, не существовавшее ранее? Сложен путь постижения истины. Иллюзий строить не стоит.

Он кинул взгляд на свои испятнанные старческой горчицей руки – редакцию уже не потянуть. Вот разве в интернете опубликовать? Старик разложил листы рукописи и налил в блюдце сметаны –

кот блаженно закрыл глаза – что может быть приятнее полного блюдца и человека, который его наполнит. Коту проще, он живёт инстинктами. А тут сплошные экстраполяции – из-за них даже вниз спускаться нет смысла. Да и какая разница, если тебе за семьдесят?

«Куда бы ни отправился, за что бы не принялся, только одна мысль преследовала и не давала покоя: всё, что было, бессмысленно. Всё, что будет, зависит не от меня», – набрал он и усмехнулся – людям всегда чего-то не хватает. Несчастлив, потому что имеешь слишком мало. Несчастлив, потому что имеешь слишком много. Законы материи выражаются природными инстинктами – своя рубашка к телу ближе! И никакие Великие Учителя не смогли прорастить заложенное Разумом семечко. Всякий раз что-то мешало: человек верит в свою иллюзию – ох, уж этот лукавый парадокс Кондорсье!

«Лишь вера в простые инстинктивные вещи: летом на море хорошо загорать, приятно ходить босиком по битой ракушке; сначала кажется – больно, а потом чувствуешь в том особую прелесть – подошвы ног сладко ноют, будто долго находились в затёкшем состоянии, и вот отходят, оживают. Хорошо чувствовать, как солнце пронизывает кожу, а вечером она стягивается и возникает ощущение, что это лучшее в тебе, самое здоровое из того, что есть в твоём организме. И хочется к себе прислушаться. Думать о чём-то, не требующем ни доказательств, ни опровержения. Пропадает страх не успеть, не состояться, услышать о себе плохое мнение, отстать, пропустить… Пропадает опасение за себя и на его место селится любовь к себе и доброе расположение к миру».

Моряк вразвалочку
Сошёл на берег.
Как будто он открыл
Пятьсот Америк,
Ну не пятьсот, так пять,
По крайней мере…

Старик вздохнул и снова зашелестел страницами. Последний год он только и делал, что размышлял о всяких непонятных вещах. Вообще-то, положительные и отрицательные заряды – абстракция физиков. Но, выделив из себя два противоположных потока, Разум прислал их на Землю, как потенциально-единое творческое начало. Вот и выходит, что все мы мозаика вселенского калейдоскопа. А мог ли он такую гигантскую задачу доверить не гиганту? Вот и познаёт самого себя через нас. Вот и играет сам с собой в шахматы. А стало быть, и люди не пешки в его ещё незаконченной шахматной партии.

«Завтра снова будет море и быстро меняющаяся картина облаков на небе, колкий детрит раковин, наносимых волнами, запах водорослей и две лодки, зарывшиеся носами на песок, но всё ещё зависящие от волн. Мне известно, что в такие дни быть счастливым легче, чем когда-либо. Можно быть добрым, всё понимающим и быстро найти общий язык с коричневолицым собирателем бутылок, и даже его угрюмая собака улыбнётся, прежде, чем отвести глаза. Она знает, что жизнь – это только другое название мгновенья. А что ещё нужно знать старой собаке с седыми бровями?».

«Годы превращаются в месяцы, месяцы – в дни, а дни – в секунды. Это часы нас обманывают своим круговым ходом, создавая иллюзию безразличного повторенья. Прежнего. Это возможно только для них. А нам надо оценить прошлое. А как его оценивать? Просто по тому, что осталось оно в памяти или нет; что забылось, того и не было – вот как всё просто.

…Хорошо думать, лёжа на песке. Но пора собираться. Солнце ещё медовое и жаркое, впаяно высоко над бровкой берегового обрыва, не скоро оно отделится, нальётся багровым и скатится, но мне уже пора уходить. Сегодня у нас гости и меня просили быть пораньше.

Я ухожу от моря, потому что есть еще и вторая половина сегодняшнего дня, оборотная сторона монетки, найденной в песке. Впрочем, у всего, и у самой жизни тоже можно отыскать другую сторону. Там жилплощадь, служба, оклад, карьера; там несбывшаяся мечта матери, что я стану военным и пойду по стопам отца. И её обида, будто что-то обещал и вот не сделал. Там бесконечные понедельники, вторники, четверги… и такие короткие, как зимний день, воскресенья. Там свой табель о рангах, там тернистый путь в люди, отчаянно прямой и понятный путь на вершину фантастической мечты, где генерал, как сказочный олень с золотыми рогами бродит по изумрудным полянам благополучного, как парк, леса…

Мама не сделала из папы генерала, а тут я подоспел… И вот генерал сам едет к нам в гости и мне надо быть дома пораньше, не умничать, и тогда все мы – умники – увидим, как права была мама.

Дело усугублялось тем, что этот генерал – старый сослуживец отца, бывший когда-то у него в подчинении: теперь отец на пенсии, а его подчинённый давно перерос самые высокие должности и звания, которые были у отца.

У нас однажды он уже был. Тогда долго перебирали фотографии, и генерал рассказывал истории. Помнится только одна. Как-то, в виде особого расположения, генерала пригласили в горной Абхазии „в сад". Фруктовые деревья в той местности растут плохо и ценятся особенно. В саду, кроме нескольких деревьев алычи и полудиких яблонь, ничего замечательного не оказалось. Генерал с присущей ему скромностью съел несколько кислых плодов и хотел уже вернуться в дом.

Но сопровождающий по саду (был специальный сопровождающий!) придержал его и сказал так: „Ешь больше, не обижай хозяев, да и всё равно ведь скажут, что был в саду“. Тогда меня поразило, что совсем не генеральские воспоминания у генерала. А мы генерала встречаем по-генеральски: мать жарит, разогревает, охлаждает, она всегда в таких делах главная и застрельщица. Я слоняюсь по кухне, хочется есть, но почему-то нельзя. И вот уже – от голода или от предчувствия напряжённого вечера – складывается ехидный взгляд на вещи и проявляется моя противная склонность к преувеличениям. Генерала встречают не как старого друга, а как генерала. Отец – маленький, седенький – и это особенно стыдно, потому что он нарядился в выходной костюм. А я заранее знаю, что генерал приедет в рубашке с коротким рукавом, а все будут не замечать этого диссонанса.

И вот на столе всё сияет и блистает; мы так не живём, это всё для нашего исключительного гостя. И вот звонок и все бегут к двери, но я точно знаю, что это почтальон или дворник. Может, он и заметит сквозь дверные проёмы нарядных дам с ласковыми взглядами и ломящийся от яств стол, которых при всей самонадеянности не смог бы принять на свой счёт; и тогда вечером в кампании жэковских дворников и сантехников он расскажет, какие приятные и уважительные люди обитают на четвёртом этаже в двадцать пятой квартире, и может так случиться, что эти самые дворники и сантехники к нам зачастят тоже, и хоть одна мамина мечта сбудется…

Однако дверь уже открыта и на пороге – генеральша. Она обнимается с матерью – между ними уже старая дружба и субординация, они вскрикивают и всплескивают, и не сразу заметен отец; он в сторонке, он не у дел… Но вот все спохватываются: где же Фёдор (генерал)? А генерала нет! И надо скрывать своё разочарование. Его куда-то вызвали, привлекли в комиссию, как единственного в своём роде, незаменимого, неповторимого… Но есть надежда, что он приедет позже, он просил начинать без него… И столько в этой формулировке «просил начинать без него» пронзительного холода другой жизни, что все на секунду замирают. Словно сквознячком потянуло из того сада, где генерал был раз и навсегда отнесён к категории людей, бывших в саду.

Он приедет! Он обязательно приедет к нам. На длинной чёрной машине, перед которой расступятся милиционеры. Он будет спешить и явится в форме. И тогда весь двор увидит Генерала и очень кстати окажется костюм отца. Он обязательно приедет, и мы стройно крикнем „Ура генералу!“. А потом он прокатит всех нас по двору и по городу, и по пляжу на своём огромном глянцевом автомобиле. А на берегу всё также будут облака, облака. Белые и пышные, как осенние цветы хризантемы. И две лодки, вросшие носами в песок, они всё качаются и качаются в прибое, не в силах оторваться от берега – всё стучат друг о друга бортами…».

Сирены гудели. В чёрном небе вспыхивали алые и голубые махаоны. А старику снилось море. Только воды его не смешивались. У них была разная плотность.

---

[1] проект журнала Чикагского университета «Бюллетень учёных-атомщиков».

[2] строки из стихотворения Людмилы Шарга «Грустит осеннее море и песню грустную…».

БЕСС В РЕБРО
рассказ

Я знаю эту «Бесстию» много лет. Огромный ушастый мэйн-кун цвета безлунной ночи с разными глазами, как иногда у белых: один глаз зелёный, другой – золотой. Красивая кошка! Удочерили её лет пятнадцать назад две немки, мать и дочь. Немцев у нас в Портленде вообще много. Они купили квартиру в этом комплексе уже с Бесси – старый хозяин её просто бросил. По словам соседей, кошка и тогда была «старой». Я же появилась на площадке лет двенадцать назад. У меня там был бойфренд. Кодовое имя – Удод. Птичка удод небольшая, а мой Удод – двухметрового роста. С птичкой у них только носы схожи да, когда сердится, хохолок на затылке вскидывается и распускается веером. Чем больше злится, тем шире распускается. Хотя, тут уж скорее, нашу Бесси вспомнишь: когда она разнимает нас с Удодом, её пасть и глаза полыхают таким пламенем, что шерсть даже вроде как дымится – не дай Бог во сне увидеть. Причём, в любой схватке она на моей стороне. За что и обожаю! Впрочем, клевались мы с Удодом редко. Но метко! Вот и в тот раз, будто в нас бес вселился – наверняка выдался сатанинский день, а в лунный календарь я не заглянула. Сейчас и не помню, с чего это я на него так орала и с какого рожна так взбеленился он. Помню только, что его хохолок буквально ходуном ходил. А Бесс… Бесс на него шипела и рычала не хуже собаки Баскервилей. Она вцепилась в его штанину и пыталась прогнать её хозяина в спальню. Отдирая кошку от себя и топая ногами, тот басил: «Не меня – её ату! Ату её! Фас!» – имелось в виду: ату меня, меня фас. А я… Я, задрав нос, демонстративно таскала свои вещи в машину! Чтобы никогда – слышите? – НИКОГДА сюда больше не вернуться!

Вообще-то, если честно, я была абсолютно убеждена, что он поорёт-побеснуется, да и бухнется передо мной на колени. И поклянётся в вечной любви. Как раньше. А вместо этого он… помог мне грузиться. Будущее приходит из настоящего, разумно решила я и, выкрикнув: «Ну и всё! И ноги моей больше здесь не будет!» – хлопнула дверцей своей хонды. «Скатертью дорожка!» – оттаскивая Бесс от дороги и меча в меня оранжевые стрелы своего хохолка, проорал он. И тоже хлопнул дверью! Что было делать?

Я порулила к своей тётке. Тётю Галу я знаю с детства. А теперь, когда родители мои в Киеве, а тётя Гала тут, в Портленде, – я ищу защиту и поддержку у неё. Хотя ей и под шестьдесят, у неё всё ещё шило в одном месте и бес в ребре. Да и выглядит она максимум на сорок пять (тире – ягодка опять). И характер лёгкий – беспечно-положительный: пошёл дождь – хорошо, значит, трава станет зеленее. Солнце палит – отлично, можно на балконе позагорать. И так далее. Сколько помню, у неё всегда нет проблем. Вот ей и рассказала ей про Удода. «Ну и отлично, – выслушав, похлопала она меня по руке. – Правильно сделала! Семья – это искусство жить в аду, зачем она тебе? И пустоту она не заменит, – сказала тётя Гала. – Когда ты умеешь управлять собой, ты можешь управлять и другими. Женщина права даже, когда неправа. Не женщина произошла от мужчины, а мужчина от женщины. – сказала тётя Гала. – Цветы и почёт от мужчины – всего лишь крохотный долг природе! – И добавила: – Посидит один, одумается и приползёт – это его дело милости твоей добиваться».

Надо сказать, что её дядя Боря всегда так и делал: приползал с повинной по любому поводу. Даже когда был стопроцентно прав! И после милостивого отпущения грехов, они оба шли в ближайший бар пить мировую: она – «Леди Киллер» с джином, а он – «Painkiller» (то есть, тоже киллер) с ромом… Или куда-то завеивались. То на лошадях, то на велосипедах, то на лодке. Что, надо сказать, ставило меня в ступор. Он-то старше её лет на десять. Сейчас дяди Бори уже нет, а тёте Гале одной скукотень зелёная – вот она со мной и якшается. Тем более что и выглядит она огурцом – её часто за мою старшую сестру принимают. Один даже (спьяну, наверное!) у меня руки её просил!

«Подожду!» – решила я. И глянула на блямкнувший мобильник. «Увижу – убью!», – прочитала я лаконичный вброс Удода.

– Ах вот как! – возмутилась я.– Вместо того, чтобы ползти, ты ещё и грозишься! Хрен тебе!

Вообще-то руководила мной глубинная вера: моя с ним история насчитывала ни много ни мало одиннадцать лет – не раз он выручал и даже спасал меня из разных ситуаций и никогда не предавал. Я и была в полной уверенности, что старый друг лучше новых двух. Но… Прошёл месяц, другой, а Удод не полз! Не искал встреч, не караулил в подъезде, не бухался на колени и не усыпал мою площадку розами. «Сутками работает», – доносили общие знакомые. «Ну и пусть, – заваривая чай с бергамотом, философски мотнула головой тётя Гала. – Значит, не дозрел. В глубине трудностей всегда лежит возможность. Дозре-е-ет! Все они так: сначала кобенятся, а потом… Приползёт».

«А стоит ли верить её прогнозам?» – усомнилась я через полгода. Всё-таки лошади столько раз её сбрасывали… Но лицо пифии транслировало такую несокрушимую веру, что я махнула рукой – дело-то сделано, назад не повернёшь. Тем более что, как донесли общие знакомые, моё место у Удода уже подсиживает какая-то «Выпь», вроде как соседка-программист. Видимо, профессиональный жаргон компьютерщиков помог им понять друг друга? Короче, ноги моей не будет возле этой хибары!

Но… проведённые там годы не отпускали. Ночами мне снилась Бесси – шикарный ушастик размером с собаку и с пылающими разноцветными глазами. Она была со мной все те одиннадцать лет. Немки считались её хозяйками лишь номинально – Бесс охотилась и жила, в основном, на улице. Такой же хозяйкой могла считаться и я: я покупала ей всякие лакомства и игрушки, кормила её и поила специальной артезианской водой, которую наливала в зеркальную чашечку, куда Бесси, как всякая дама, любила заглядывать. Она часто играла с моей черепахой Бэйбеном. И, зная время моего возвращения с работы, бросалась навстречу, кувыркаясь и мурлыкая. Потому, однажды презрев его обещание переломать мне ноги, я всё-таки отважилась на свиданье с ней.

И что? Ничего. Никто нас не застукал. Ни раз, ни другой, ни третий… Обычно мне хватало нескольких минут. По асфальтированной дорожке вдоль зелёной изгороди я пробиралась к своему бывшему крыльцу и шёпотом звала кошку. Она радостно прибегала, мерцая разноцветными фарами, я уводила её в дальний конец дорожки, гладила и кормила. И уезжала довольная. Естественно, время для визитов я выбирала, когда Удод был или на работе, или вообще в отъезде – о его отъездах мне докладывали те же общие друзья. Но когда разразилась известная пандемия и все перешли на удалёнку, такая возможность накрылась. Тут и вызвалась мне помочь неутомимая тётя Гала. В тот год ей стукнуло шестьдесят, но творческая энергия всё ещё била из неё ключом. А приложить себя некуда: спортивные клубы закрылись, лошади тоже были табу. И что ей делать со своим бесом в ребре? Надо сказать, что, когда ещё я жила в квартире Удода, тётя Гала частенько бывала у меня в гостях, и Удод её хорошо знал. Потому, чтобы случайно её не узнали, она надевала карнавальный парик афро, летнее пальто, скрывшее её почти до пят, и хирургическую маску. И, добавив к образу зеркальные солнцезащитные очки, двигала на подвиг. План был прост: тётя Гала пробирается к моему подъезду, вызывает Бесс и ведёт её к условленному месту, где жду я с кошачьей консервой. Мы и до пандемии так один раз делали – приехали вдвоём и накормили кошку в конце асфальтовой дорожки, идущей вдоль подъездов. О конспирации тётя Гала представление имела.

Если смотреть из космоса, этот квартирный комплекс представляет собой вытянутый эллипс, по всему контуру которого – квартиры, а внутри – паркинг. Эллипс немного «ассиметричен»: уровень его восточного контура ниже западного. Потому их связывает лестница – пять ступенек позволяют пересечь

эллипс по диаметру, а не по периметру. Моя бывшая квартира расположена прямо напротив спуска. На той же площадке живёт и красавица Бесси. К тому времени она уже стала действительно старенькой, и гулять её выпускали не каждый день.

Итак, первую вылазку мы предприняли в тёплый августовский полдень. Как всегда, оставили машину у соседних офисов, но к домам прошли не как обычно, вдоль подъездов, а по траве сквозь кусты и деревья. Мне казалось так безопаснее (учитывая, что Удод находился дома и мог внезапно выйти). Мы вышли к лесенке. Я осталась в кустах у края дорожки, от которой нужно было пройти к ней через паркинг, а тёте Гале предстояло спуститься, выкискискать у моего подъезда Бесс и привести ко мне. Всё!

Но… Наверное была магнитная буря, а в такие дни всё идет наперекосяк: тётя Гала ну никак не могла увидеть лестницу, по которой до того ходила много раз. Потыкавшись по паркингу минут пять, она отправилась в обход. То есть вместо того, чтобы спуститься по лестнице прямо к моей квартире, почему-то пошла по всему контуру эллипса. Подсказать ей я не могла – для этого мне надо было стать «изкуститель-ницей»: выйти из кустов на проезжую часть паркинга, что чревато: всё-таки я жила там одиннадцать лет, и меня могли узнать как знакомые, так и сам Удод. Пришлось терпеливо дожидаться конца эскапады. Тётя Гала скрылась из виду на северном изгибе эллипса, а уже через минуту появилась… на лестнице – той самой, которую так упорно не могла найти. Появилась с месседжем: Бесси во дворе нет.

Ладно. Вторую вылазку запланировали через неделю ближе к вечеру. На пять назначили массаж в трёх минутах от этого места и прибыли в четыре. Я рассчитывала, что на «свидание» уйдёт минут пять-десять, дальше мы заедем за хлебом – в этом городе пекут фантастический французский хлеб. Потом ещё успеем набрать воду (для питья и мытья головы – в этом городе из кранов течёт чудесная артезианская вода). Потому я привычно припарковалась у офисов и выключила мобильник. Тётя Гала водрузила на голову афропарик, я – бейсболку с широким козырьком. Добавив маски и очки, мы пробрались к лестнице.

– Ну давай. Я стою здесь! – застыла я в кустах. Тётя Гала бодро кивнула и ринулась вниз по ступенькам. В этот раз она их нашла без проблем.

Прошло пять минут. Никого. Хм. За пять минут можно дойти от лестницы к подъезду – туда-назад – раза два и уже вернуться.

Десять минут. Никого. Сверху из тех же кустов мне не видно, что происходит внизу. Может, Удод вышел на паркинг, и, пока не уйдёт, тётка боится подняться?

Пятнадцать минут… Никого! За это время можно уже полностью обойти весь комплекс… Причём раза два или три.

Двадцать минут. Я уже не на шутку волнуюсь. Даже если тётка ждёт ухода Удода, не может же это длиться так долго. Или… она потеряла сознание? Возраст всё-таки. Да и лошади… Спустившись на несколько ступенек, я осмотрела открывшуюся мне часть паркинга – НИ-КО-ГО!

Прошло двадцать пять минут. Я спустилась вниз полностью – теперь мне виден весь нижний паркинг – тёти Галы нигде нет! Что могло случиться?! А вдруг её захватили заложницей? Всякое бывает: схватили и насильно усадили в машину?! Или она всё-таки валяется с пробитой головой где-то в скрытом от глаз месте?! Мало ли – по новостям только и слышишь! Вот мимо проехала машина. Вроде, едет быстрее, чем положено… Я бросилась к мобильнику: вдруг в этой машине тётя Гала – кто-то подобрал и повёз в реанимацию?! И сейчас позвонят мне? Но на телефоне пропущенных звонков не оказалось. Я в отчаянии оглядела паркинг. Никого, вон только девушка с пуделем гуляет. Её что ли попросить осмотреть нижний паркинг на предмет дамы, лежащей с травмой головы? Да как-то неудобно…

Тридцать минут. Ни-ко-го. Всё-таки я обратилась к девушке с моей странной просьбой. Удивлённая, она ушла в дозор, вернулась и развела руками…

Тридцать пять минут. Ни-ког-го! Причём за это время с паркинга выехало ещё три машины. А вдруг тётя Гала была в одной из них?.. Спокойствие, только спокойствие. Может, она просто забыла, зачем шла, и завеялась на чай к немкам, хозяйкам Бесс? Или даже к самому Удоду?! Мало ли что взбредёт в голову творческому человеку?!

Сорок минут. Ни-ко-го!! Рискуя нарваться на Удода, я уже сама обошла весь квартирный комплекс и убедилась, что нигде никого нет.

Прошло сорок пять минут – почти подошло время назначенного массажа. Если тётка всё ещё пьёт чай, её нужно срочно вызывать. Я шумно выдохнула и… набрала номер Удода. К моему удивлению, он сразу ответил, сказал, что сейчас как раз очень занят – работает удалённо.

– Тётю Галу видел? – спросила я, задыхаясь: давно с ним не общалась.

– Твою? Видел, конечно.

– Когда видел?

– Да когда она к тебе приходила. А что?

– Не сегодня?

– В смысле? Почему я должен её увидеть сегодня?

И выяснилось: он не видел её ни сегодня, ни вообще в этом году. И так как с этого необъяснимого её исчезновения прошло уже пятьдесят минут, я как на духу выложила ему и про то, как мы ездим тайком кормить кошку, и про то, что тётя Гала пошла к его квартире и исчезла. Обалдев от неформатной информации, он тут же оповестил работу, что у него форс-мажор и кинулся к немкам. Помня обещание «убить» и держа палец на кнопке «SOS», я пошла следом. Но немки, как выяснилось, тоже никого не видели. К ним никто не заходил, а кошка уже час, как спит дома.

Меня накрыла паника. Где человек? С тех пор, как эта чёртова тётя Гала растворилась в ещё ненаступившей ночи, как раз и прошёл час. Удод отправился обходить территорию, а я, трясясь от волнения, набрала 9-1-1. Там сначала к моим воплям отнеслись довольно сонно и сухо, но узнав, что пропавшая – гражданка Украины, тут же ожили, озадачились и выслали наряд.

Стоп! Последующие события требуют пояснения. Если бы такое случилось в самой Украине, то, наверное, всё бы пошло по другому сценарию. У нас ведь принимают заявление о пропаже минимум через трое суток, раньше и заикаться не стоит – мало ли где загуляла свободная личность! Но в Штатах загуливать не принято, да и статистика утверждает, что самый высокий шанс найти пропавшего есть по горячим следам – в первые сутки, желательно даже часы.

И вот: шесть офицеров на трёх машинах и скорая появились уже через несколько минут. Офицеров обступила делегация из немок, Удода, меня и той с пуделем, которую я просила обойти паркинг. Все наперебой рапортовали: ЧП – пожилая украинка пошла кормить кота и исчезла. Сонный кот, к слову, вот он, на руках у немки! Трое полицейских тут же отправились прочёсывать близлежащие закоулки. Двое других начали поквартирный обход – быть может, тётю Галу действительно захватили в заложницы? Вроде, в этом комплексе живут какие-то люди в тюрбанах и паранджах. А ещё хозяйка пуделя указала три квартиры, в которых проживают русскоязычные. Полицейские позвонили, попросили их предъявить документы и разрешить осмотр квартиры. И задержали всех трёх отказавшихся. Шестой полицейский начал обзванивать больницы. Никого!

С момента пропажи прошло уже полтора часа, когда после бесплодных поисков полиция вызвала спасателей. Прибыв с поисковыми собаками, те принялись прочёсывать лесок за домом. Ни-ко-го!.. Вскоре над нами завис вертолёт, вызванный на подмогу. НИ-КО-ГО! И тогда по всему штату был объявлен план «Перехват»: требовалось задержать машины, выехавшие с территории комплекса за последние полтора часа: вдруг тётя Гала в багажнике! Посыпались смски на мобильники, взвыли сирены, затрубили новости по телевизору: – ЧЕЛОВЕК ПРОПАЛ!

…А по прошествии двух часов… вполне довольная и попахивающая любимым напитком тётя Гала появилась из-за гаражей соседнего комплекса, с лёгким удивлением рассматривая полицию, санитаров, спасателей, и… с полным изумлением – меня. Стоящую чуть ли не в обнимку с Удодом. И с, как я начала подозревать, Выпью. На еле слышный наш вопрос «где же вы были, тёть Гал?», последовал непринуждённый ответ: – Да выпить зашла! Кот на тропинку не шёл, я и решила: иди в баню, Бесс, а я пошла в бар. Давно „Леди Киллер“ не пила». – Услышав своё имя, отоспавшаяся Бесси подскочила и боднула её розовым носом. А мы…

Может, не так уж и неправы наши отечественные силовики, три дня не принимающие заявления о пропажах?.. Ибо три полицейские машины с так и запертыми внутри россиянами, две санитарные с фельдшерами и медбратьями, вертолёт со спасателями, план «Перехват», я, Выпь и Удод, пудель и невероятно удивлённые этим эпическим апокалипсисом тётя Гала с кошкой – вот где настоящая немая сцена… Что там «Ревизор»!

– Седина в бороду – Бесс в ребро, – щёлкнув себя по горлу, сурово скаламбурил выпущенный наконец из патрульной машины жилец. И все засмеялись. Даже те, кто не понял.

И что тут ещё скажешь? Убить же мало!

НАТАЛЬЯ ХМЕЛЁВА

КОГДА ВЗЛЕТАЮТ ПЕПЛОМ ОРИГАМИ

***

Нет у него имён,
весело жить одной:
вечной невестой, глазки – как два колодца.
Веришь, в конце времён
станут его женой
девушки, засмотревшиеся на солнце.
Он всегда в бегах,
а ты свой зажги очаг,
пусть огонь согреет суженого, и он
высоко, где зябко, тоже заварит чай,
высоко, где пусто, в твой окунётся сон.

***

Уснёшь, проснёшься в новом теле –
уйдёт усталость без следа.
Гляди: внезапных превращений
нечаянная череда
заставит вдумчивей проститься
и новый кто-то соберёт
свой мир случайный по крупицам,
себя не зная наперёд.
Не оттого ли так неловко
пугать словами тишину,
что Рейн бездомной полукровкой
переливается в весну,
покинув праздное веселье,
втечёт к тому, кто домик свил,
войдёт эпохой новоселий
в холодные подвалы вилл –
и, с миром заключая мир,
узнает тех, кто нас забросил
сюда, в наполненный людьми
трамвай, бегущий мимо сосен…

***

Глядясь во что-то,
можно этим стать.
Как эта мысль ужасна и проста.
Не время для метафор: правда в ливне.

Поднимешь ил
со дна бессонных лет,
в ладони уголь,
а ладонь – в угле,
и колокол надтреснутый в крапиве.
Пластмассовые вывески, карьер,
Подгнившие заборы, переулок.
И ты сказал:
там мог стоять любой,
но я клянусь: то я
была с тобой.
Потом, как ты,
в июльский
гром нырнула.
Мы – вечный Ипр,
что винтовые сваи
Из грунта порождает семимильно.
Мы – персы, но никто не называет
Нас персами, всё больше пофамильно –
Бредём через цветущий сталью сад,
И наши волосы уже горят.
Блаженные, гуляем под дождём,
Под фосфорным дождём бредём кругами.
Забудешь, для чего ты был рождён,
Когда взлетают пеплом оригами.

***

Растёшь своим путём к спасению,
как стебелек качаясь тонкий,
но холодна звезда осенняя
на утреннем своём востоке,
и синь легла в ладони веточкам
протянутым, как древний хаос,
наверх, и впитываясь в клеточки
коры их, смотрит, что осталось:
из века прошлого, свободного
здесь только сон приберегли.
…Ты мир с плеча бросал мне под ноги –
а мне казалось – то угли.

***

Что я скажу, глядя в глаза
людям, которые как гроза
вечно приходят в обед, когда пауза
и в волосах
пепел и затерявшийся Дон Кихот?
Я его тяну, истончая в талии.
Он не рвётся – только луной блестит.
В нём Париж и Славянск, ещё Анталия,
он покрыт серебряным злым грехом,
режет пальцы, я смеюсь над ним:
Хо-хо-хо.
Завтра будешь белая как крахмал,
два диплома, Хайдеггер по верхам.

То ли время стало каким-то плотным,
сжалось всё как зверь – и поди-ка тронь,
то ли красота на иных полотнах
опадает краской сухой в ладонь…
Булочник розовощёкий приходит в два.
Я ищу приметы его родства
с миром детства, маленьким как печать
красного сургуча.
Нахожу едва.

***

Сама исполняешь свой список простых поручений:
сжечь старые письма, взойти под их пеплом озимой.
Бельё на морозе ломается, словно печенье.
И веет озоном – и чем-то невыразимым.
Во всём, чем мы стали, порядок найдётся едва ли:
мы неотличимы от птицы, сидящей на ветке.
Покоится сдобное тесто под бережной марлей,
под снегом и глиной покоятся скифские предки.
– Мы дома! Мы дома!
В чернильной родной пустоте…
Не спрашивай, кутаясь в дым от свечного огарка,
найду ли родство между голубем этим – и тем
седым собирателем крошек на площади Марко.

***

Какая сила Сизифа в гору вела
не стушевался под взглядом всего села
камень катил свой в гору, весна цвела
у него в груди
Бабы в селе шептались: устал Сизиф,
что творит, упал и лежит в грязи,
а по юности был хоть куда красив.
Погляди –
те, бабоньки, как постарел и сдал,
свет очей, подайте ради Христа
что гора вам люди гора не та
отпусти
сдайся гравитации жди пришествия
брось валун здесь начинают шествие
ластиком стирают людей вокруг
Катышки падают с листика, снова чисто
здесь случилось таинство Евхаристии
о, вгрызайся в камень, как Фройды в детство
уничтожение
естественных первопричин движения
может мотивировать на совершение
монотонных
монотонных
необъяснимых действий.

***

Тяжёлая вина – земная мать:
ловушка сфер, фигурка из стекла.
Скорее в сон! Забыться, убежать –
раз бестелесность в тело облекла.

А в чём ещё повинна, как и ты
повинен будешь, кроме этой кражи?
В стяжательстве энергий у воды,
(и зря стоял Данубиус на страже!)

Кто заточил все сотни измерений
в живую плоть, чтобы иссечь углы?
…А это я. И вот мои колени.
И свитера, которые малы.

***

Ни о чём не жалеет сухой
и спокойный октябрь.
В его тёмных подвалах лежит
золотой инвентарь.
А поднимешься вдруг
по воздушным ступеням наверх,
где соседствует с плачем нарочным
неузнанный смех –
и заплатишь мздоимцу
за вдох и за выдох отдашь
всё, что там соберёшь,
чтобы вечный
построить шалаш.
Оттого так богат этот месяц,
что требует дань:
десятину от каждой любви
и иного труда.

***

Приходят с верой – посмотри –
слова, которые внутри
дрожат, готовые сорваться
<по капле света фонари
тепло растрачивают, вкратце
себя зернисто изложив
светящимся, как этажи,
каким-то новым Лорелеям> –
но выдай тайну мне, скажи,
каким мы чудом молодеем,
и почему нам так легко,
размахивая рукавами,
разлить и мёд, и молоко
<но мы стоим, как древний камень,
но мы стоим, как в горле ком>,
и почему у стариков
лицо как девственный пергамент?

БОРИС ФАБРИКАНТ

МЕДЛЕННО ТАЮТ ЛЬДИНКИ

***

Время в сумерки по ложке утекает в чёрный чай,
На истоптанной дорожке различаю хрупкий след,
Всё, что мимо проходило, пропадает невзначай,
Всё, что было, вовсе сплыло, выключает яркий свет.

Задеваю старый ветер, дождь рисует фонари,
Снимки тусклые при свете разбираю до зари,
Различаю по улыбкам, иногда по именам,
Эти надписи к открыткам никому не передам.

Мир пронизан нитью прочной, спотыкаемся о швы,
Новый день уходит с ночью в шорох утренней травы.
Сменишь старую иголку, всё заучишь назубок,
Развернёшь на нижней полке позабытый узелок.

В этой призрачной квартире не живёт никто давно,
Я в неё, как в цели в тире, попадаю всё равно.
Там разглаженное счастье и крахмальное житьё
Ставят крестик чёрной масти в вышивание своё

***

Морзе чёрточки и точки
На поверхности дорожной
Телеграммной длинной строчкой
Составляет осторожно.

Меж обочин осевая
Непонятная граница,
То ли просто межевая,
То ли новая страница.

Я читаю упоённо,
Ничего не понимая,
Небо синее с зелёным,
На прощанье обнимая.

Обнимаю, обнимаю
Эту ниточку сырую,
Перед точкой повторяю
Сокращённое – целую.

Дождик чёрточки и точки
Приготовил для замены,
И в закат уходят строчки:
День-про-шёл-вто-рая-сме-на

***

Ходит-ходит по деревне жёлтый зимний свет,
из того окошка глянет, из другого нет.
А за ним летают птицы в лес и на восток,
сало расклюют синицы в кружевной платок.

Над водою под сосною у окна, где скат,
никого нет за стеною, не согрет огнём.
И плеснётся в сердце память, и начнёт закат
прибавлять ко дню минуты вечером и днём.

Снег кружится, как собака, огибает пень,
дом засыплет, ляжет сбоку, и наступит день
завтра утром первым шагом на пустой карниз,
снег бумажным парашютом оторвётся вниз.

Еле слышен нежный шорох, шёпот за углом,
где подснежных листьев ворох украшает льды.
Засыпает дом последним. За пустым стеклом
тени прячутся от света в старые следы

***

В трубочку где-то дует Господь.
Или наёмный, из прибывших, ангел
Водит над миром души и плоть,
Музыка в местной афише – Вагнер.

Всех посчитают, припишут к местам
В лагере душ этих перемещённых,
Не догадаешься по голосам,
Кто из прощённых и непрощённых.

Нет никаких наднебесных полей,
Те же дожди, что внизу под ногами.
Выпей воды и на руки пролей,
И не сори ни виной, ни грехами,

В ад или рай нынче не поведут,
Дождь, не сады и не адское пламя.
Правь сам себе в небесах божий суд
В честной борьбе со своими грехами.

И не отпустят прощенья просить,
Что-то менять в позабытом пропащем
Времени, всё это будешь хранить
В вечных прошедшем и настоящем.

Жалко, что будущее не введут.
Значит, стоять на продутом вокзале,
Поезда ждать от Забыт до Неждут.
Не уезжали и не приезжали

***

Ветер, дующий с синего моря
От волны до волнистых предгорий,
От глубин до высокого леса,
От песка до пустынных равнин
Улетает, не чувствуя веса,
Гордый, сильный и свежий, один,

И несёт хрусткий воздух солёный,
Рыбий след под водою, зелёный,
Плеск и блеск, и прибоя тяжёлый
Рокот тракторный, пенистый чуб,
Исцарапаны мели и молы
Уголками обветренных губ,

Прилетает, вплетает в гитару
Деревенские стебли, отары,
Горизонт, за которым закат,
По свистку тосковавшего рака
Сам дворовой ложится собакой
И не смотрит, не смотрит назад,

Сонным воздухом хлебного вкуса,
Остужает иконы Иисуса,
И становится толстым и местным,
Как старушки в воскресных пальто,
И стекает по улицам тесным
К солонцу на соседнем плато

***

шаткий прибой без плеска
осень граница лета
прозрачная занавеска
ночи перед рассветом

радужного прибоя
шаг неслышный кошачий
ни собачьего воя
ни человечьего плача

вымокшие причалы
лодочный зал ожиданья
берег тепло начало
детство воспоминанья

ломкие не ухватишь
как ледяная кромка
целою жизнью платишь
и растряслась котомка

медленно тают льдинки
тихие всплески смеха
если позвать негромко
так прилетает эхо

медленно тают льдинки
в памяти посерединке
медленно тают льдинки
посерединке

***

Вдруг наступает странный миг,
Как будто заново сложилось
Всё то, к чему давно привык.
О, Господи, скажи на милость,

Что это брызнуло вдали,
В небесной тверди, где окошко?
И расстоянье до земли
От неба сдвинулось немножко.

Как будто этот странный день,
С разбитым утром, необычен,
И сводит створки набекрень,
Из счёта вычтен.

Вернулись новые слова,
И звёзды, словно сквозь дерюгу.
Но жизнь идёт, как жернова,
Всегда по кругу

***

Не моя судьба, не моя
растерялась во времени. Боже,
отчего я пишу так похоже,
там внизу дно скребут якоря.

Не моя судьба, не моя
жизнь вытряхивала за края
и обои лепила как фон,
жгла и письма и фото со мною,
я полвека несу за собою,
а звонят на чужой телефон.

Не моя судьба, не моя,
эти странные длинные строчки,
будто тропки, а может быть, точки
всё меня продолжают кружить.
Не моя судьба, не моя,
только мне в ней приходится жить

***

Люди, которых коснулся,
Этих любил, тех обидел,
На расстоянии эха
Неподалёку живут
И проживают полжизни,
Лёжа и стоя, и сидя,
А во второй половине
Всё же куда-то идут

Мимо прекрасного, мимо
Старой простывшей удачи,
Всё помещается в гаджет
Или в картонный альбом.
Так мы гуляем кругами,
Верим, смеёмся и плачем,
Помним про всё понемногу
И отстаём, отстаём

***

А жизнь, к несчастью, неполна,
Ведь, кроме дней и света,
Есть тьма и вечность, и вина,
Но нет на всё ответа.

Но понимание судьбы
Приходит на излёте,
Где верстовые жгут столбы,
Меняя числа в счёте.

Увидишь, глядя на просвет,
Как в объектив колодца,
Что время, оставляя след,
Нигде не остаётся

МАЙКА ЛУНЁВСКАЯ

ЗНАКОМЫЙ НАМ ЯЗЫК АНТИУТОПИЙ

***

через Чёрные Земли до истинного Исапа
грунтовку через
спешиться у воды увидав внезапно
коровий череп

постоять у реки исчезла как всё живое
рогов обломки
призрак скота у призрака водопоя
чей взгляд глубокий

через поле не убранной вовремя кукурузы
срывать початки
сравнивать облака что плывут медузы
в берёзовые посадки

что мы делаем здесь находим ячейки воска
от прежних пасек
и пока зимы на всём не лежит извёстка
и свет как праздник

мы берём с собою обломки эти
круша пустоты
и несём для памяти против смерти
чужие соты

***

И когда отражается музыка (звук в окне),
и когда приближается нежность (его ко мне),
и когда остаётся шаг, предпоследний шаг,
что же ты делаешь, дура, моя душа,
что же ты делаешь?

– Время, на что похоже твоё «сейчас»?
– На упущенный шанс.

Звёзды на уровне глаз, на уровне тьмы.
Пространство – запрет сплошной.
Не получается «мы»
и не нужно со мной.

Потому что уже не получится, не случится
(не начинать же то, что нельзя продолжить).
Но и в нежности есть отрицательная частица.
Я тебя тоже.

***

я не того боюсь
и не держусь за связь
Господи я сдаюсь
вот я уже сдалась

ноша ли с головой
ноша ли тяжела
можно мне жизнь другой?
я не свою жила

я не хочу теперь
пробовать и терпеть
ждать окончанья дна
я у себя одна

я не умею цель
мне надоело быть
есть только кнут и цепь
можно ещё продлить

(хочешь поправишь ок
правильно ремешок)

время к руке ремнём
привяжем но не вернём

***

Стекло хранит царапины (а след
от поцелуя долго не хранится)
и равно пропускает тьму и свет.
Я не стекло, но я боюсь разбиться.

Боюсь, что не смогу себя собрать,
поэтому, наверно, избегаю
людей, любви, всего, чего не знаю
и чем могу пораниться опять.

Но и стекло, не убоявшись молота,
смертельным может быть, когда расколото.

***

день – теплынь
дом – белить
чтобы ещё светлей
от гасимых свойств
белые кляксы извести на земле
похожи на брызги звёзд

перед ними ограда яблоня и рябина
много мячей зелёных сетка без игрока
красные точки горько но не обидно
не всякая так горька

а когда полетел над ветками поздний час
чёрный вороний кашель
я стряхнула кисть но белый не весь погас
попало несколько капель
туда где небо

***

Это не город, а частный сектор,
публично повешенное бельё.
До последней воды выкручивает соседка
постельное и своё.
Невольно, но подглядишь – просвечивают дворы.
Что там? Строительный хлам,
мусорные дары –
русский стиль «Сделай сам».
На вопрос «Из какой ты дыры?» –
все из одной, сестра.
Эти здания были отданы под торговлю,
этот воздух – рекламным вывескам.
Если мир – театр, то сколько довольных ролью?
Больше всего в любительском.
Что ещё? Вещевой овощной
рынок, где пахнет рыбой.
Пивной магазин «На дне».
Жизнь как табличка на входе, словом «закрыто»
повёрнутая ко мне.

***

Отпросилась с работы пораньше и вышла, чтобы
не выражать при всех, оголяя нервы.
Лучше с железной крышкой – не нужен штопор.
По дороге закончился вермут.
Человек отвергнут – это когда всё ясно,
а когда невозможно – это уже другое.
Делая выбор, останавливаюсь на красном,
и обязательно недорогое.
Через шпалы, мусор, стройку, заборы, дебри,
по Защитной, по Карла-Маркса, по незнакомой,
можно долго идти, можно считать потери,
можно смотреть в окна чужого дома,
можно вернуться поздно и лечь с рассветом,
только нельзя с тобой говорить об этом.

***

каждый вечер приезжаю на закат
посмотреть как начинается темно
люди любят поворачивать назад
люди смотрят свою память как кино

каждый вечер приезжаю на закат
посмотреть что изменилось (ничего)
люди знают но признаться не хотят
одиночество – свобода одного

***

Ползимы ползём вопреки и вдоль
(всяк свою тоску приручить изволь),
по холодным холмам крахмала.
Как говорит дорога, не сыпьте соль
мне на раны, меня достало.

Что до зимней кухни, ещё мука,
и сравнений ряд завершим на этом.
Дети слепили белого ходока
и воткнули в него режущие предметы.

Так и я стою с улыбкою напоказ,
сдвинуться не могу, как бы этого ни хотела.
И течёт вода из пуговиц серых глаз,
посреди зимы, простора и беспредела.

***

При загрузке данных произошла ошибка.
Окружающий мир прогрузился до половины,
но и в ней, легко догадаться, черты упадка.
Что не весь кирпич разнесли по домам с равнины,
то как будто из чувства лени, для большего беспорядка.

Подключая сеть, проверьте, что вы не рыба.
До ближайшей вышки пена от волн сигнала,
эту пену за облака выдаёт хрусталик.
Река себя исчерпала,
на камнях блестит чешуя от хвостов русалок.

Ворон кричит «ура» под выхлопные залпы.
Вы находитесь здесь вопреки асфальту, его руинам,
здравому смыслу – навигатор так и сказал бы.
Маски в траве остались от карантина.

Мысли о прежней жизни несовместимы с жизнью.
Время – садист, оно отрывает крылья
мельницам деревянным, как мальчик мухам.
Загрузка завершена. Но из всех вкладок, что мы открыли,
мы ни в одной не говорим друг с другом.

***

Белеет одинокий, но не парус,
от ужаса, что жизнь предрешена.
Как музыка – чередованье пауз,
так человек – сплошная тишина.

Обломится, но держится для вида,
так дерево не знает слова «крах».
О чём поёт последняя обида?
Но нет необходимости в словах.

Теперь забыть, кто рядом был, кто выбыл,
кто рухнувших руин не поддержал.
И если счастье есть, то это выбор –
не помню кто, но правильно сказал.

МЫ

Руины, запустенье, тьма и топи,
мыс Мусора и море ржавых волн.
Знакомый нам язык антиутопий.
Кому грозит законный произвол?

Кто мёртвым был, тому не стать мертвее –
мы счастье покупали на разлив,
в заводе «Смерть» вставали за конвейер,
сажали в землю кости и росли.

Работали и думали: «Когда
не станет бесполезного труда,
тогда и жизнь». Но жизнь не наступала.

Кто беден был, тот стал ещё бедней.
Но жалко не упущенных вещей,
а перспективы, светлого начала.

Руины, запустенье, тьма и тьма.
В земле себе мы вырыли дома,
чтоб к кости кость, а череп для пиалы.

И думали, что, избежав цепей,
мы станем и счастливей, и честней,
наступит жизнь. Но жизнь не наступала.

Тогда мы разуверились опять.
Нам кроме крови нечего терять
и кроме обустроенной трясины.

И мы взорвали землю, но под ней
увидели не чёрта и червей,
а наш привычный ад неугасимый.

АННА МИХАЛЕВСКАЯ

ОСТРОВ ОБЕЩАНИЙ
рассказ

Мужчина в строгом пальто безошибочно находит меня среди праздно гуляющих горожан. Приподнимает шляпу в приветствии.

– Половина жизни позади. Не страшно? – говорит Импресарио.

Такие, как он, настигают меня везде. Среди оживлённой улицы, в полупустых кофейнях, когда гуляю с сыном, когда пытаюсь работать, когда засыпаю на старом диване в гостиной. И задают вопросы, на которые не хочу отвечать…

Я всего-то выскочил из офиса пройтись по бульвару и хоть немного оттаять от зимней хандры. Ещё секунду назад мартовское солнце дарило необоснованную надежду на лучшее.

Импресарио вежливо улыбается. Я смотрю на идеальный узел его шейного платка, безупречный покрой пальто, лакированные туфли. И начинаю задыхаться. Неудобная одежда. Неудобные вопросы.

– Не страшно, – мычу сквозь зубы. Настроение безнадёжно испорчено.

– У тебя ведь на эту жизнь были другие планы? – улыбка Импресарио наливается елеем.

Да, другие планы. Мартовское солнце меркнет и мимикрирует под декабрьское. Собственная художественная галерея, выставки – этого уже не случится. Я хотел рисовать по-настоящему и быть востребованным. Но приходится клепать рекламные постеры. У меня ведь семья и обязательства. А жить, как Модильяни, я не способен. Столько не выпью и так не нарисую.

Импресарио молчит. Ему и не надо говорить, чтобы погрузить меня в тягучее и безысходное. Он просто идёт рядом, как немое напоминание.

Разворачиваюсь и возвращаюсь в офис. Механически делаю набросок – очередной бессмысленный заказ. Художественный вкус и фантазия не требуются. Нужно просто моё время, которое мог бы потратить с большей пользой. Мог бы. Но не сумел.

***

Забираю сына из садика. Проверяю, застегнул ли Павлик куртку, на месте ли рукавицы, свои ли ботинки надел. Всё будто бы в порядке. С ним. Со мной – нет.

Инна злится – мол, мало общаюсь с ребёнком. Чаще предпочитаю молчать. Ведь каждое моё слово будет пропитано отчаянием. Это не то, что я хотел бы отдать сыну.

Зато Павлик не умолкает. Мы доходим до сквера. Сын пересмотрел все сериалы про супермена и настойчиво спрашивает, умею ли я летать.

– Полицейские этого не любят, – уклончиво отвечаю и поглядываю Павлику за спину.

Я столкнулся с Эвридикой в узком коридоре детского сада. Она носит шарфы в любую погоду, даже летом кутается в почти прозрачные, шёлковые. Сейчас в клетчатом, кашемировом, обмотанном в три слоя. Кажется, Эвридика постоянно мёрзнет. Рядом с ней крутится девочка лет семи. Веснушки, светлые волосы, серьёзные глаза. Будь у меня дочь, выглядела бы так же.

Эвридика и девочка останавливаются у фонтана, наблюдают за нами. Они никогда не подходят близко. Даже если забредают в квартиру, стараются не попадаться на глаза. Только и замечу – мелькнет шарф Эвридики или тугая коса девочки.

Пятилетний сын начинает оглядываться и ёжиться:

– Пап, пошли домой.

Нам не сбежать. Думать об этом не хочется.

Беру Павлика за руку и увожу подальше от сквера – к дому. Не оборачиваюсь.

Эвридика не похожа на Лизу, но когда смотрю на неё, вспоминаю девушку из прошлого. Двадцать лет назад я обещал Лизе любить её всю жизнь. Тогда и написал первую работу – её портрет. Если вдруг она бросит меня, мечтал я, останется память. Я ещё не знал, что Лиза беременна. И что захочет избавиться

от моего ребёнка. Потом она холодно сообщила – девочка. Моя дочь осталась безымянной. Бросил Лизу я. Портрет забрал себе. В работе уйма ошибок, но это лучшее, что я нарисовал.

Невольно ускоряю шаг. Во дворе уже почти бегу. Павлик еле успевает за мной.

Захлопываю дверь. И изо всех сил пытаюсь казаться нормальным.

Из кухни выходит Инна. Моментально оценивает обстановку. Моя кислая мина, Павлика – растерянная.

Она поджимает губы и срывает передник. Отдышавшись, замечаю, что Инна в нарядном платье.

У нас дата? Юбилей? День рождения? Жена бросает меня? Я с ней почти согласен – это будет справедливо.

В юности, пока не оброс обязательствами и долгами, думал – близкому человеку можно рассказать всё. А теперь… Теперь думаю: правда их убьёт. Всеми силами я должен уберечь любимых от своего издёрганного в клочья внутреннего мира. Слишком часто встречаю гостей с острова, чтобы сомневаться в этом.

Помогаю ребёнку раздеться. Простые действия не дают сойти с ума. Тёплая ладошка Павлика хватается за мою руку. Чувствую тепло и обжигаюсь любовью. Редкие вспышки света на чернильном небосводе. Запрещаю себе думать о чём-либо ещё. В эту секунду я счастлив.

Мы моем руки, раскладываем рюкзак, я достаю из шкафа домашний костюмчик Павлика, на груди – летящий на фоне небоскрёбов супермен. Моему сыну нравятся герои комиксов. Я тоже хотел бы стать для него героем.

На кухне подозрительно тихо.

Инна стоит у окна. Тёмные волосы разметались змеями по красному платью. Напряжённая спина. Не люблю таких спин.

– Что случилось?

Инна резко оборачивается. Пусть бы накричала, но жена говорит устало:

– Ничего. В том-то и дело, что ничего.

В окне за её плечом маячит силуэт Эвридики. Видела ли её Инна? Надеюсь, нет.

– Мне надо уйти. Уложишь Павлика спать?

– Да, – соглашаюсь. И не осмеливаюсь спросить, куда.

В гардеробной нахожу два собранных чемодана – маленький и большой. Вот и ответ.

***

Старик обычно приходит к ночи. Приносит с собой расшатанную табуретку, садится у дивана в гостиной и начинает вспоминать. Обрывки историй и судеб. Я не перебиваю. Жду фразы, которой боюсь больше всего.

– Ты его не спас, – наконец говорит Старик.

– Отец был неизлечимо болен. Его никто бы не спас.

Каждый раз пытаюсь оправдаться. И сам себе не верю. Я должен был что-то придумать. Бывают же чудесные исцеления, ошибочные диагнозы. Бывает, что жизнь поворачивает вспять. Но наша не повернулась. Отец сгорел за полгода от рака – я чувствовал такую беспомощность, что не находил в себе сил даже говорить с ним.

– Ты его не спас, – повторяет Старик.

– Да, не спас, – сдаюсь я, и тяжесть упрочняется в моём сердце.

Старик, кряхтя, поднимается и, шаркая тапочками, уходит за дверь. Мне остается табуретка.

Раньше боялся, что Инна или Павлик заметят Старика. Но он всегда настигал меня в одиночестве. Табуретку я прятал. Выносил в подвал. Выбрасывал в мусорный контейнер. Рубил на части. Однажды сжёг. А она появлялась снова и снова.

Сегодня не усну. Брожу по квартире, не решаясь смотреть в окно. И так знаю, что там увижу.

Но всё-таки останавливаюсь, отодвигаю штору. Сегодня ясное небо. Пояс Ориона по обыкновению скошен, будто звёздный охотник вот-вот сбросит перевязь и махнёт рукой на свою охоту. Но зыркает глазом Большой пес – разгорается Сириус. Испуганный Заяц бросается прочь из-под ног охотника, летят брызги туманностей.

Понимаю этого зайца. Я бы тоже сбежал, но мне некуда. В нашем старом дворе-колодце стремительно набухает остров, призрачный клок земли – слишком тесный, чтобы быть уютным. На нём толпятся люди. Я не вижу лиц, различаю лишь силуэты. В руках у островитян чемоданы, рядом дети, они одеты так, будто скоро в дорогу. И они ждут.

По обыкновению меня берёт оторопь. Хочется закрыть глаза, но я смотрю, и мой взгляд придаёт силуэтам плотность и достоверность. Скоро кто-то додумается спустить верёвку или лестницу, а то и вовсе спрыгнуть вниз. Потом они обойдут двор по кругу и притянутые моим взглядом, безошибочно постучатся в дверь. Отряхивая с сапог снег, или кривясь от жары, ко мне в дом ворвётся незваный гость. Займёт место моих близких, и я не смогу ему отказать.

Силуэтам на острове нет конца. Они суетятся, толкаются, кто-то лезет по головам, кто-то падает и продирается между ног.

Остров вскипает, и толпа, как сбежавшее молоко, льётся через край. Женщины и дети, мужчины и старики, они растерянно оглядываются и шарят слепым взглядом по двору. Скоро, очень скоро меня найдут. Те два чемодана из гардеробной – большой и маленький – навсегда покинут дом, и он заполнится чужими вещами чужих людей.

На секунду удаётся прикрыть глаза.

И вдруг понимаю: я сам вызвал к жизни этот остров и его обитателей. Так боялся ошибиться, не успеть, сделать больно, что всё время обещал невозможное. Вдохнул в обещания всю свою силу. И не справился. Ведь оказался обычным человеком. Не Модильяни и не Пикассо. Не главным героем. Никем из исключительных.

Открываю глаза, и снова смотрю во двор. Призрачные гости больше не ищут меня. Чемоданы выскальзывают из рук, а их владельцы таращатся вверх, провожая взглядом уплывающий в небо остров. С него сыплется земля и ошметки корней, падают ракушки и глина. Остров быстро мельчает, превращается в далёкую искру, она долго не тает, блуждает по небу и кажется, теперь на поясе Ориона появилась четвёртая звезда.

Выхожу во двор. Хочется открыто посмотреть в лица островитян. Но, похоже, им теперь не нужна моя компания. Люди подхватывают поклажу и детей и, расталкивая друг друга, протискиваются к воротам. Будто слышный только им динамик объявил посадку. На новый остров? К новому хозяину, узнику собственных обещаний?

Какая-то девушка оборачивается, и я узнаю Эвридику. Та улыбается и машет рукой. С удивлением отмечаю: она перестала напоминать мне Лизу.

– Прощай, – ещё никогда я не вкладывал в это короткое слово столько смысла.

– Что? Что ты сказал? – передо мной стоит Инна, губы дрожат, вот-вот расплачется. – Кто эти люди? Почему ты ждёшь их каждую ночь? Почему отпустил меня?

Жена оглядывается на вереницу островитян.

Нет, я не жду, я не отпустил!.. И вдруг осознаю – все эти годы она видела! Я строил такие надёжные стены. Хотел защитить. Но близкие, они рядом, они всё знают про нас. Больше, чем мы хотели бы. И даже больше, чем знаем сами.

– Прости! – я порывисто обнимаю её.

Терпкий запах волос Инны, её озябшие пальцы на моём затылке, прикосновение прохладной щеки, обветренные губы.

Почему я так долго отказывался быть обычным нормальным человеком? Это почти как быть суперменом, только гораздо лучше.

***

Последнее время больше смотрю вокруг, чем в себя. Так чётче видны детали, да и в целом картина яснее.

Достал из подвала Лизин портрет и отдал Марье Федоровне, пенсионерке из квартиры снизу. Теперь образ Лизы живёт на кухне, и на него с обожанием смотрят все пять соседкиных котов.

Табуретку трогать не стал – пригодится в хозяйстве. Собираюсь сделать ремонт – не на венские же стулья класть банку с краской и кисточки. Теперь всё будет по-новому.

Но я ничего не забыл. Ошибки – тоже часть жизни. Может быть, самая интересная её часть.

Сегодня заканчиваю мурал. Пока бегал за разрешениями, готовил эскиз, договаривался насчёт техники, подёрнутый северными ветрами март сменился цветущим апрелем. Столько вёсен я бездействовал, зато теперь мне есть, что сказать людям. Это рекламные постеры можно рисовать сходу, а картину надо сперва прожить.

Тянусь из люльки сделать последний штрих – затемняю Импресарио шляпу. Не то чтобы я стал суперменом, но Павлик в восторге. Они с Инной стоят внизу, и я чувствую их молчаливое внимание. Отрываю взгляд от картины, даю отмашку. Мол, всё, закончил. Люлька медленно едет вниз. У стены собираются любопытные, журналисты с микрофонами уже наготове.

В старом городе на глухой стене сталинки теперь плывёт остров. На нём толпятся люди с чемоданами. Эвридика с девочкой впереди. За ними – Импресарио и Старик. Не знаю, куда ушли островитяне, но прибежище найдут быстро.

Этот мурал для их новых хозяев – изображение огромного острова в самом центре города трудно не заметить. А рядом надпись, кто надо поймёт:

«Они не настоящие. Оглянись вокруг».

Не хочу быть ни Модильяни, ни Пикассо.

Хочу быть собой.

УЛУЧШЕННАЯ КОПИЯ
рассказ

– Анахронизм! – сказала моя дочь и прервала связь.

Анахронизм – это я. Тот, кто до сих пор называет Глобал-Нэт Фейсбуком и вместо шоу постит «примитивные закаты и рассветы». Так Соня и сказала – примитивные. С пренебрежительным ударением на последнем «и».

Разница между поколениями – это нормально. Да, нормально. Я думал бы так, если б не был отцом двадцатилетней дочери, у которой ещё не прошёл подростковый бунт, которая ненавидит своё имя, только потому что не сама его выбирала, и верит Глобал-Нэт больше, чем собственным глазам. И которая мечтает развиртуализировать свою улучшенную личность. Пожалуй, это беспокоит меня больше всего. Недостатки – единственное, что нас отличает от машин.

Я таращился в окно, будто мог там высмотреть решение. Но видел лишь соседских детей – те сидели на скамейке и гоняли голограмму мяча. Унибраслет у младшего Серёжки сел, он выбыл из игры и расстроенно поплёлся домой – заряжать. Китайская подделка, плохое качество. Оригинальный Apple держит заряд несколько недель.

Играли сосредоточенно. Не кричали. Радовались победам сдержанно – промелькнёт удовлетворённая улыбка, едва заметно поменяется выражение глаз.

Двор-колодец молча жарился на солнце. Вспомнилось время, когда эти стены отражали эхо детских возгласов, и мне стало не по себе. Соня не приходила в гости. Стыдилась. Старый, четырёхэтажный дом. Глупый, говорила Соня. Все её друзья, их семьи давно перебрались в современные квартиры с системой «умный дом». Парень Сони снимал такую квартиру. Наверное, поэтому и начала с ним встречаться. А в остальном – не знаю, что их с Витом объединяло. Они сидели на одном диване, но каждый пялился в свой экран. Заходил к ним лишь раз. Тридцать восьмой этаж, весь город – далёкая карта. Дочь видела в этом свободу полёта. А я – только свой страх.

Жаркий воздух облепил, лишая сил. Я закрыл окно, включил кондиционер. Сам включил, давать голосовые указания было некому. Вернулся к ноуту, но работа не клеилась. Я писал тексты на заказ – и это тоже было старомодным. Рекламные тексты с ключами, тщательно рассчитанной плотностью вхождений и продуманным латентно-семантическим индексом уходили в прошлое, уступая место коротким видео-шоу. Но клиенты у меня всё же оставались: корпорации-монстры, вложившиеся в Глобал-Нэт, не желали терять ни одного человека потенциальной аудитории, в том числе – читающих ещё динозавров.

Взгляд выхватывал ссылки Глобала, я скользил по материалу – виртуальные помощники, управление профилем теперь становится легче, мы стараемся для наших пользователей. Информация проплывала мимо, не задевая сознания. Работать не выйдёт. Крайний срок сдать задание – завтра. Целый день и ночь. Успею.

Мысли о Соне не давали покоя. С её мамой мы расстались. Жена, которую до сих пор не мог назвать бывшей, без предупреждения развелась со мной и вышла замуж за американца. Теперь она ела бургеры и смеялась несмешным шуткам где-то в засушливой Аризоне недалеко от Большого Каньона. Программирование портит характер женщины, заставляя её думать, что она может изменить жизнь, как меняют код, – просто исправив ошибки в программе. Или добавив новые? Видимо, именно эту черту жена и передала Соне. От меня же дочери досталась погоня за недостижимым. Я люблю Соню и боюсь за неё, потому часто думаю, что в ней не так. Что не так во всех нас…

Я бесцельно бродил по сети. И, конечно же, вышел на профиль дочери. Соло – её ник в Глобал-Нэт. Одна, единственная, одинокая. Соню выдавал колючий взгляд, остальное – отретушированный Глобалом образ. Приложение добавило грудь и бедра, сделало вырез платья поглубже, ноги стройнее, позу развязнее. Ей хотелось казаться взрослой и крутой… Я смотрел на будто выращенное в какой-то колбе тело – одинаковое для многих миллионов зависающих в Глобал девиц – и понимал: оно украло глаза моей дочери и теперь неумело пытается меня обмануть.

Пролистал её шоу – короткие хлёсткие видео, под завязку нафаршированные спецэффектами и дополненной реальностью. Соня с Витом мчат на мотоцикле по хайвею. Соня восходит на Эверест. Прыгает с тарзанки. Сплавляется в одиночном каяке по бурлящей реке. Это и есть улучшенная личность? И что на самом деле значит – развиртуализировать? В Глобале я нашёл лишь пару ссылок, они вывели меня на упоминание нового продукта. Общее описание, виртуальный помощник. Ничего серьёзного.

Уверенность и ощущение победы – вот что Глобал-Нэт давал Соне, и что не могли ей дать мы, родители.

Разница между поколениями – это нормально. Я всё понимал, но не мог смириться.

***

Я вышел в жару, как ступают в опасную реку с крокодилами. Вышел по-старинке, без портативного кондиционера, оставив дома унибраслет – смарта вполне достаточно. Шёл пешком, лавируя между ребятами на городских скутерах, у каждого второго включён унибраслет. Кто смотрел фильм, кто переписывался, кто снимал видео для Глобала. Они не умели смотреть по сторонам. Только внутрь своих экранов. Внутрь себя. Как и моя дочь.

Ещё пару лет – и стану отвратительным брюзжащим стариком. Или гораздо быстрее – прогресс не стоит на месте.

Второй раз чуть не угодил под колеса скутера, когда позвонила жена. Бывшая жена. Когда-нибудь надо начинать говорить правду – хотя бы себе.

– Хай, – сказала Джоанна, которая для меня по-прежнему осталась Жанной. – Как дела?

Риторический вопрос для американцев. Тут надо постараться не пуститься в пространные объяснения. Ответа они на этот вопрос не ждут.

– Слухи о моей смерти несколько преувеличены, – я всё-таки попытался ответить.

– Ты не Марк Твен, чтобы беспокоиться о слухах.

А неплохо для прожившей в Штатах десять лет!

– Что там творится с Соло? Она попросила у меня немалую сумму. Отказывается говорить, зачем. Вернее, говорит, на новое приложение к Глобалу. Но что оно делает, неизвестно.

А у меня не просила. Взыграла ревность. Я всё равно бы не дал. Откуда у копирайтера «немалая сумма»?

– Наша дочь мечтает развиртуализировать свою улучшенную личность. Слыхала о таком?

– Шит, шит, шит! – разразился смарт.

– Ты перевела ей деньги?

На том конце зашипели. Если бы не знал, что говорю с Жанной, подумал, что на проводе минимум – кобра.

– Дело дрянь, – жена наконец обрела дар речи. – Ты должен увидеть нашу дочь. Наберу, как только смогу.

Увидеть нашу дочь. Беспокойство достигло пика и превратилось в намерение. Соня не звала меня в гости. И я был настолько щепетилен, что не нарушал выставленные ею границы, называя это свободой. Но разве свобода и границы – одно и то же? Стены с колючей проволокой есть только в тюрьме. Кто их так тщательно возводит раз за разом, не давая мне приблизиться к дочери? Кто?

Улучшенная личность. Развиртуализация… Я вдруг вспомнил рабочий материал.

Виртуальный помощник – твоя улучшенная копия. Он с лёгкостью будет управлять твоим профилем, генерируя контент, который привлечёт миллионы подписчиков! Но ты можешь повысить эффективность помощника, дав ему доступ к принятию решений в твоей повседневной жизни. Ты стоишь настоящего успеха!

Шит! Жанна права. Дело дрянь. Я слишком много думал – и в основном, о себе. Соня жила недалеко, но сейчас пять кварталов мне показались неизмеримой пропастью.

Я огляделся. Стал на пути очередного скутера и перехватил руль. Поддержал удивлённого парня, который едва не свалился.

– Извини, вопрос жизни и смерти! – вскочив на скутер, игнорируя светофор, я помчался к Соне.

Надеясь, что не будет слишком поздно. Что Жанна не успела перевести деньги, желая побаловать дочь, которой от мамы достаётся не так уж много внимания. Или хотя бы перевела не полную сумму. Что Соня одумалась и отказалась от этого чёртового помощника. Что Вит её отговорил. И какого чёрта он Вит – наверняка элементарный Виталик. Вот уж страсть променять себя на кого-то другого!

Заряд скутера сел за сто метров до ворот, я бросил его и побежал. Оказавшись перед забором, ограждавшим небоскрёб, резко остановился. У меня не было чипа. И я не хотел звонить Соне – не зная, кто ответит на том конце – дочь или улучшенная копия. И как эта копия решит мне помешать.

Я вхолостую метался вдоль забора. Ждать, пока кто-то войдёт, выйдет? Объяснять охране, что сейчас моя дочь совершит непоправимую ошибку? Что мне делать?

Оценив высоту забора, свою физическую форму, вернее, её отсутствие, перебрав в голове навыки детства, проведённого на скалодроме, я полез вверх. Охрана тунеядствовала в своей «умной» будке, наслаждаясь кондиционером, останавливать меня было некому. Но со второй неуспешной попытки я кое-что вспомнил. Когда Соня только переехала сюда и мы ещё общались, она дала мне доступ уровня хозяина квартиры. Я приложил к табло на заборе палец – биометрия должна сработать.

Есть!

Выбрав нужное парадное, я ворвался в невозможно белый холл, напоминавший больничное отделение, и беспрепятственно прошёл к лифту.

Тридцать восьмой.

Я не знал, что скажу. Мне надо просто увидеть свою дочь.

Но увидел я Вита. Дверь квартиры была распахнута. В студии царил хаос. Лишь мигал окном экрана ноут. Вит сидел, откинувшись на диване, из уголка рта тянулась ниточка слюны.

– Где Соня? Где она?

– Соло? – Вит распахнул мутные глаза.

– К чёрту Соло, мне нужна Соня! – я тряс парня со всех сил, и его голова безвольно болталась из стороны в сторону.

– Сол… Соня сделала это… Она ушла…

– Куда? Говори? Она подключила помощника? Да, нет? А то спалю эту высокотехнологичную хибару к лешему! И останешься без своего Глобала!

Угроза подействовала. Взгляд Вита стал более осмысленным.

– Да. Подключила. А потом… Я не мог её остановить. Она… Всё здесь разбила… Меня оглушила…

Я отпустил парня и тот застонал, опустил голову на руки, мучительно приходя в себя.

– Как тебя зовут?

– Вит, – тот удивился, забыв о боли.

– Нет, настоящее имя.

В глазах парня промелькнул испуг и тут же потух. Понял, что хуже не будет.

– Витя.

– Запомни его и никогда не забывай. Виктор – это победитель. А Соня, София – это мудрость. Уяснил?

Тот неуверенно кивнул.

Я подошёл к ноуту, он мигнул, погас и больше не включался.

Где теперь искать Соню?

***

С Витей пришлось завязать тесный разговор. Было стыдно – я так мало знал о своей дочери, что поддался её желанию уйти в одиночество. Хотя она, конечно, принимала это за самостоятельность.

Соня не встречалась с Витей: им было удобно снимать на двоих дорогую квартиру. Правдами и неправдами ей удалось устроиться на работу в Глобал – в техподдержку. Она была разочарована в парнях и считала – больше никому и никогда не понравится. Витя замолчал и покраснел.

– Ты хоть раз пытался её поцеловать? – не выдержал я.

Тот упрямо мотнул головой.

– А зря. Может, всего этого бы не случилось, – я обвёл рукой разгромленную комнату. И как моей малышке удалось навести такой бардак?

– Там не подступиться. Холодная, как далёкий космос.

– Рядом со звёздами и в космосе жарко. Даже очень. Фото на мотоцикле – вы действительно катались? Или это дополненная реальность?

– Катались, – Витя вымученно улыбнулся, – я пытался её растормошить. Но после она с головой ушла в Глобал, ещё больше. Решила, что её виртуальный двойник будет заниматься экстримом. Хотела прокачать его в сети, а потом развиртуализировать и… Ну, она думала, если будет следовать его советам в реале, станет такой же крутой, как на своих шоу.

– На кой ей всё это, а, Витя? – я еле сдерживал злость. Первым делом на себя.

– Она хотела оставить след в жизни. Сделать что-то стоящее. Быть самой-самой хоть в чём-то.

Почему моя девочка не знала, что она уже самая-самая – просто потому что живёт. Просто потому что родилась. У нас… ведь была любовь. С женщиной, которую я по-прежнему называю своей женой.

– И как считаешь, так можно оставить след?

– Честно говоря, нет! Я вообще Глобал не люблю, – парень запустил пятерню в лохматую шевелюру. – Но я в меньшинстве. Почти все друзья активировали помощников.

– Откуда деньги взяли? Это ж недёшево стоит, – волосы на затылке поднялись дыбом.

– Родители дали. Они целыми семьями подключаются. Глобал делает хорошую скидку. Ну и так типа все успешные…

Я вспомнил мальчишек во дворе – молчаливая размеренная игра, совсем непохожая на детскую. Значит, так действуют эти помощники. Перед глазами всплыли шоу Сони. Чужое тело, колючий взгляд. Ужасная догадка прошила иглой.

– Витя, она… Соня когда подключила помощника?

– Кажется, у неё что-то не получилось. И она разозлилась.

Я задержал взгляд на поломанных стульях, опрокинутом стеллаже. Соня не была самбистом. Не метала молоты. Не укладывала шпалы. Откуда в руках хрупкой девушки такая сила?

– Где её искать? – я задал вопрос разгромленной квартире.

И тут раздался звонок.

***

– Хай! – выдохнул смарт голосом Жанны. – Говорю очень быстро, звоню с защищённого канала. Я занималась разработкой этих помощников. Частично. Наноботы с программами встраиваются в нейронную сеть. Программы сделаны так, что блокируют любое решение, невыгодное Глобал. Свобода воли ограничивается многократно. Инфа не должна разглашаться, сам понимаешь. В лучшем случае меня уволят… Ты нашёл Соню?

– Её нет дома. Даже не знаю, подключила ли она помощника.

– Надеюсь, не успела. Я выслала только часть суммы. При частичной оплате можно взять демоверсию. Без встройки в нейронные сети – просто следовать советам бота. Это тоже опасно, но не настолько. Найди её!..

Чёрт, я снова не успел спросить главного.

– Она говорила что-то обо мне? Вспоминала? – я снова вцепился в парня. – Плохое, хорошее?

К своему стыду я не знал, куда сбегает моя дочь, когда ей плохо. Вряд ли Соня сейчас стоит у дверей дома, который называла глупым. Но, возможно, она пошла туда, где ей было хорошо. Где мы были вместе и Соня ещё умела улыбаться.

– Кое-что она не могла вам простить… – Витя замялся, снова покраснел. – Соня считала, что вы… в общем, слишком легко отпустили её маму. Что не боролись за неё.

Проступило воспоминание – удушливое и невыносимое, как эта жара. Я понял, где сейчас моя дочь.

***

События десятилетней давности. Я моложе и глупее. Соня – младше и мудрее. Фейсбук доживает последние дни. Глобал ещё не монополизировал сеть. Унибраслеты только в фантастических фильмах. Дети бегают на игровых площадках.

Мы сидим с Соней на скамейке – смотрим на веревочный аттракцион. Между деревьями на уровне шести метров от земли развешаны веревочные трассы. Петли из канатов, ненадёжные деревяшки, а то и вовсе ленты. Иди как хочешь. Да, страховка есть. Но соскользнуть и беспомощно болтаться на верхотуре – кому захочется? Соня прилипла глазами к трассе. Я знаю, ей хочется попробовать. Но она боится. И вдруг говорит:

– Мама улетает через месяц.

Парк меркнет, перед глазами появляется лицо Жанны. Умное, любимое. И не верю, что теперь – чужое.

– Он чаще говорит «да», – спокойно объясняет жена. – Я задыхаюсь с тобой. Мне нужен воздух и немного безумия.

Воздух? Я всё ещё не понимаю. Разве наша дочь, её улыбка – не глоток воздуха каждый миг?

– Ты слишком крепко меня держал. А сейчас отпусти.

На следующий день Жанна пошла на курсы пилотов.

– Через месяц, – повторяю я слова дочери.

– И ты ничего ей не скажешь? – Соня по-прежнему смотрит на верёвки. Группа проходит по натянутому тросу – трос раскачивает ветер, люди балансируют и чудом не падают.

– Зачем? – от бессилия злюсь. – Я не очень хорош для твоей мамы. Возможно, она найдёт лучше.

Соня молчит, и в её молчании сверкают молнии. После долгой паузы она сдавленно говорит:

– Но ты даже не пробовал…

Моя дочь вскакивает и бежит к началу верёвочной трассы. Как в тумане, я иду за ней. Смотрю, как на Соню надевают систему, шлем. Надо идти с ней, но я лишён воли, ничего не могу. Инструктор даёт краткие объяснения, и Соня, цепляясь руками за трос, уже идёт по первой – самой длинной и оттого страшной – трассе.

Вижу, как дрожат её ноги, как соскальзывают с верёвок руки. И если я не рядом, так хотя бы должен крикнуть: «У тебя всё получится!». Но сам не верю этой фразе, мой рот будто заткнут кляпом беспомощности.

И я молча смотрю, как Соня срывается и повисает на страховке. Как приходит ей на помощь инструктор, как спрашивает, готова ли она продолжать. Прежде чем ответить, Соня смотрит вниз, ловит мой взгляд. И лишь потом отрицательно мотает головой. Нет.

Мы никогда не возвращались к тому дню. Я думал, Соня переросла свою обиду. И не подозревал, что не перерос свою.

***

Аттракционы в парке убрали. Он оброс многочисленными кафе с вайфаем и зарядкой для унибраслетов.

Я поспешил в глубину парка, на место верёвочного аттракциона. Издалека видел: кое-какие трассы оставили – на самом верху. Прошлое не уходит бесследно: настоящее собирает себя из его осколков, как калейдоскоп – новый узор. И чтобы в будущем в жизни появилась новая грань, её надо добавлять уже сейчас.

Я заметил Соню не сразу, хотя и знал: по-другому быть не может. Одинокая фигурка шла по тросу, натянутому между соснами. Я ускорил шаг, надеясь разглядеть страховку. Уже понимая, что её нет. Соня держалась за провисшую верёвку, остатки благоустроенной трассы.

Лезть наверх спасать дочь? Двоих трос точно не выдержит.

– Соня, – я тихо позвал дочь, но она услышала. Замерла и крепче вцепилась в верёвку.

Я тоже замер. Надо сказать что-то важное. Прямо сейчас. Но как уложить десять лет ошибок в один миг раскаяния?

Сказать, что виртуальный помощник – обман? Это вызовет только новый виток злости. Что я виноват и мне жаль? Что это изменит? Что я люблю её больше жизни? Не поверит. Что у неё получится? Эта фраза опоздала. Что Витя хочет её поцеловать? Для этой – ещё не время.

Я застыл внизу – бесполезный наблюдатель. Почти как тогда – обессиленный и растерянный.

Не смог ничего придумать, достал смарт. И набрал последний номер.

– Хай! – услышал родной голос после долгих гудков, поставил на громкую связь.

– Жанна, наша дочь сейчас идёт без страховки по тросу на шестиметровой высоте. Ей, как и тебе, не хватает воздуха. Я не лучший мужчина на этой половине земного шара. Слишком осторожный, старомодный. И ещё – я трус. Должен был ещё тогда пойти на курсы пилотов и на равных, сидя в соседнем кресле, сказать, как люблю тебя. Может, ты бы меня услышала. Не знаю, что делают виртуальные помощники, но почему бы нам не попытаться сперва самим помочь друг другу? Жанна, дай мне шанс!..

Из далёкой Америки до меня дошёл всхлип. Я не отрывал взгляд от напряжённой спины Сони. Её плечи начали вздрагивать.

– Хорошо, – вдруг сказала Жанна вместо привычного «о'кей». – Я попробую.

Это было большее на что я мог рассчитывать.

– Соня, девочка моя, – хриплым голосом сказал смарт, – спускайся осторожнее. Мы ещё должны полетать на воздушном шаре. Втроём. И пусть твой папа только попробует отговорить!

Я обошёл сосну и наконец отважился посмотреть в лицо дочери. Она улыбалась сквозь слёзы. Ноги не дрожали. Руки уверенно держали верёвку.

И это было хорошим знаком!

***

Я помог Соне спуститься, мы шли в обнимку и молчали, боясь разрушить зыбкое согласие, которое вдруг почувствовали друг в друге.

О виртуальном помощнике не спрашивал. Она сказала сама.

– Я попробовала демо, не понравилось.

Вспомнив разгром в квартире, я попытался скрыть облегчённый выдох.

– Программа даёт какие-то дурацкие советы. Я отказалась их выполнять. Потом нахлынула злость. На ровном месте! А сюда, – она махнула на оставшийся позади верёвочный аттракцион, – я бы всё равно пришла.

Заглянул в глаза дочери, толика сомнений ещё жила во мне. Может, Глобал действует гораздо изощрённее – и когда сопротивление личности слишком сильное, помощники добиваются результата, советуя противоположное тому, чего запрограммированы достичь? Но нет, Соня как Соня. Только взгляд стал не таким колючим.

– А этот парень, Витя… Кажется, ты ему нравишься.

– Его проблемы, – нахохлилась Соня, но я успел заметить мелькнувшую и тщательно потом спрятанную улыбку.

Значит, у Вити есть шанс.

Мы шли рядом, вдыхая сладкий запах нагретой солнцем хвои. По тропинкам сновали прохожие, и почти каждый гордо, как драгоценность, нёс унибраслет на запястье.

Я предвкушал встречу с Жанной. Ещё не зная, как всё сложится, как мы преодолеем десять лет пропасти, чем заполним эту прорву пустоты, но веря, надеясь, что справимся. Без всяких помощников.

Глобал не остановится. Рано или поздно наноботы заструятся по нашим жилам. Вопрос лишь в том, кому мы будем доверять больше: себе или им?

ЮЛИЯ МЕЛЬНИК

НЮРОЧКИН СОН

ПЛАНЕТА ЦВЕТОВ

Нюрочка сидела на скамейке, закрыв глаза. Она слышала самые разные звуки – свист ветра, пенье птиц, шум машин, проезжающих неподалёку, а внутри у неё происходило волшебство – она мечтала. Она представляла себя всем, чем угодно.

Вот она представила себя огромным автобусом – он мчится по шоссе, фыркает, сопит, сверкает жёлтыми боками, а внутри него сидят и стоят люди, им очень нужно куда-то доехать, они смотрят на часы и думают: «Быстрее, быстрее…».

А потом она представила себя весёлой, рыжей белкой – вот она прыгает с ветки на ветку, её пушистый хвост трепещет и дрожит на ветру, чёрные глаза блестят, ушки на макушке: прыг-скок, прыг-скок…

А потом она представила себя морем – всегда разным, всегда меняющим своё обличье. Вот оно тихое, нежное, бирюзово-голубое, на нём – полный штиль. Сверкает на небе солнце, рассыпая по волнам блёстки, вдалеке качаются лодки, а внутри у него – рыбы, крабы, водоросли, креветки, осьминоги… Чего только нет.

А вот налетает буря – волны вздымаются выше Нюрочкиного дома, они пепельно-тёмные, зловещие.

Нюрочка так разволновалась, представляя себя морем в бурю, что стала ёжиться и вся покраснела от волнения.

И тут чья-то рука тронула её за плечо.

– Ты чего, спишь? – услышала она Сашин голос над самым ухом.

Нюрочка открыла глаза, и грозное море в её душе сразу же стихло. Перед ней стояли Саша и Светочка и с любопытством глядели на неё.

И тут Нюрочке в голову пришла мысль.

– Здравствуйте, жители Земли! – сказала она, придав голосу торжественность и важность.

– Чего-чего? – переспросил Саша, растягивая губы в чуть насмешливую улыбку.

– Я прилетела к вам пять минут назад и очень рада познакомиться, – сказала Нюрочка.

– И откуда же ты прилетела? – спросила Светочка.

– Издалека, – солидно сказала Нюрочка. – Моя планета – самая красивая планета во Вселенной. Там растут одни цветы.

– А ты что там делаешь? – поинтересовался Саша, хитро сощурившись.

– Я – королева цветов, – важно протянула Нюрочка. – Я живу в самом большом цветке и правлю всеми цветами.

– А что ты ешь? – недоверчиво спросил Саша.

– Ничего! – сказала Нюрочка. – Меня, как и цветы, поливает дождик.

– И тебе этого достаточно? – спросил Саша.

– Вполне! – ответила Нюрочка.

– И на твоей планете даже нет конфет? – поинтересовалась Светочка. Она так любила конфеты, что планета без конфет ей казалась невозможной. – Ни одной конфеты?

– Ни одной!– заявила Нюрочка. – Зачем мне конфеты, когда меня окружают такие прекрасные цветы. Мы с ними целый день разговариваем, а когда становится грустно, поём песни.

– Цветы не умеют петь, – сказал Саша.

– Это тебе так кажется! – заявила Нюрочка, – Если бы Вы знали, какие чудесные песни знают мои цветы! И какие у них красивые голоса. И у каждого цветка – свой голос.

– А я пою в хоре, – сказала Светочка.

– Мои цветы тоже любят петь хором У одних цветов тоненькие-тоненькие голоса, а у других – такие мощные, что хоть уши закрывай.

– Наши цветы не поют, – вздохнул Саша. – Если бы пели, я бы точно знал.

– Жаль, – сказала Нюрочка и вздохнула.

– Если б я правил планетой, на ней жили бы одни жуки, – сказал Саша.

– А если б я правила планетой, на ней жили бы одни птицы, – сказала Светочка. – И они научили бы меня летать!

– А на моей планете нет ни жуков, ни птиц, ни людей, – сказала Нюрочка, – только цветы и я.

– А у нас на планете – столько всего… – Саша даже почесал за ухом, когда задумался, как много всего есть на его планете. – И всё – вперемешку.

– Да, – Светочка вдруг вздохнула, – не знаешь, где кончается цветок и где начинается жук.

– А твои цветы что-то умеют, кроме пенья? – спросил Саша.

– Ну, они ещё немного поэты, – сказала Нюрочка. – Каждый день кто-нибудь из них сочиняет стихи. Но иногда они так спорят, чьи стихи лучше, что мне приходится их мирить. Есть среди моих цветов очень заносчивые.

– А как ты их миришь? – спросила Светочка.

– Я делаю им комплименты, – сказала Нюрочка, – ведь цветам так важно знать, что они красивые. Это их единственное утешение. Ведь они не умеют ни танцевать, ни ходить, ни бегать, ни прыгать… Поэтому они стоят и любуются собой, и, покачиваясь на ветру, шепчут: «Я – самый красивый!».

– Вот зазнайки! – воскликнул Саша. – Я бы этого не потерпел!

– А мне приходится терпеть, – сказала Нюрочка, – ведь это мои лучшие друзья. Надо быть к ним снисходительной.

– Да… – задумчиво протянул Саша, не зная, что сказать.

– Полетели со мной! – предложила Нюрочка Светочке и Саше. – Я познакомлю вас с цветами.

– А на чем мы полетим? – поинтересовался Саша.

– У меня есть невидимый звездолёт, – сказала Нюрочка, – но к нему нужно ещё дойти.

– Меня не пустят, – сказала Светочка, – и мне скоро пора делать уроки.

– А мне среди одних цветов будет неинтересно, – сказал Саша. – Мне надо, чтобы было много всего – машины, дома, яблоки… А одни цветы – это одним девчонкам нужно!

– Придётся мне лететь одной, – вздохнула Нюрочка.

И тут она увидела своего дедушку. Он вышел из подъезда и медленно шёл по дороге к ним навстречу.

– Дедушка, ты почему без шапки? – закричала Нюрочка.

– Забыл, – сказал дедушка, подходя к ним.

– Ага! – воскликнул Саша. – Никакая ты не королева цветов! Ты – Нюрочка!

Нюрочка прикусила губу. Её выдумка рассыпалась как карточный домик, но почему-то ей было совсем не жалко. Ей больше не хотелось куда-то улетать – от дедушки, от Светочки, от Саши. И в самом деле – что ей делать на планете, где одни цветы? Она встала со скамейки, подошла к дедушке и изо всех сил обняла его.

– Я никуда от тебя не улечу! – сказала она, прижимаясь к дедушке и улыбаясь.

– И не улетай! – согласился дедушка, – А то что я буду без тебя делать?

А потом они все вместе пошли в магазин и дедушка всем купил мороженое.

С тополей сыпались малиновые сережки, солнце переливалось весенними лучами, а они сидели посреди двора и с наслаждением ели пломбир.

– Такого пломбира нет на твоей планете, – заявил Саша, причмокивая от удовольствия.

– Нет, – согласилась Нюрочка.

И разноцветные, поющие цветы другой планеты добродушно покачивали своими головками, соглашаясь с Нюрочкой.

– Ладно, ладно… – говорили они, – оставайся на Земле.

«Да, я останусь, – мысленно отвечала Нюрочка, – уж простите меня…».

«Оставайся», – пели цветы.

И только Нюрочка слышала их тихие голоса.

НЮРОЧКИН СОН

Нюрочка шла по густому, чудесному лесу.

«Он – заколдованный», – думала Нюрочка, и это чувствовалось в каждом листке дерева, в каждой травинке, что лес только кажется обычным.

И особенно ясно она это поняла, когда навстречу ей вдруг вышел гном. Он был очень маленьким и очень важным. На нём был голубой камзол и голубая шапочка, весь он уместился бы на Нюрочкиной ладони, а щёки его были круглыми, как румяное яблоко. Крошечные глазки весело блестели.

– Хорошо в моём лесу, ни снежинки на носу! – заявил гном, увидев Нюрочку.

– Ты что, говоришь стихами? – поинтересовалась Нюрочка.

– Ну да, – ответил гном, растягивая крошечные губы в лучезарную улыбку. – В этом сне все говорят стихами.

– Так это сон? – удивлённо спросила Нюрочка.

– А ты как думала? – воскликнул гном.– Это – наш с тобой сон! И в нём сейчас лето. Именно поэтому – ни снежинки на носу.

– А что можно делать во сне? – спросила Нюрочка. Она знала, что не во сне очень многого делать нельзя – баловаться, шуметь, плясать, когда хочется, а вот во сне, может быть, всё по-другому.

– Я не знаю, – ответил гном, – это твой сон. Решай сама, что делать.

– Тогда я ещё погуляю по лесу, – сказала Нюрочка.

Гном почтительно снял шапочку и поклонился, и вдруг шапочка стала стрекозой и улетела.

– Вот так всегда! – обескуражено сказал гном. – Теперь придётся её догонять.

И с этими словами он бросился за стрекозой по тропинке и исчез из виду.

Нюрочка долго стояла и глядела ему вослед, а потом пошла по тропинке и вышла к реке. Прямо у берега она увидела лодку, и в лодке сидел никто иной, как Нюрочкина мама. Она была в такой широкополой шляпе, что походила на гриб на тонкой ножке, а в руках её была удочка.

– Что ты тут делаешь? – спросила Нюрочка.

– Ловлю рыбу, – ответила мама. – Смотри, сколько рыбы я наловила!

Она указала рукой на пустую лодку, в которой не было ни рыбешки.

– И где же твоя рыба? – поинтересовалась Нюрочка.

– Ты что, не понимаешь? Она невидимая, – сказала мама. – Но поверь мне, её очень много. И я даже не знаю, что делать с таким огромным количеством рыбы.

– Хочешь, я тебе расскажу секрет? – спросила Нюрочка.

– Хочу, – кивнула мама и вдруг закричала, – Клюёт!

Она вытащила удочку из воды, а потом сняла с крючка невидимую рыбу и показала Нюрочке:

– Посмотри, какой окунь красивый! Даже жалко, что ты никогда его не увидишь. И всё-таки посмотри. Так какой твой секрет?

– Это – только твой сон, – сказала Нюрочка.

– Только сон? – недовольно протянула мама. – Вся эта рыба, эта звонкая река, этот лес – неужели это только мой сон?

– Не только твой, – торжественно заявила Нюрочка, – мой – тоже… Это наш общий сон.

– Значит, утром мне на работу, – воскликнула мама. – А я-то думала долго-долго сидеть в этой лодке и ловить рыбу.

– А мне утром – в школу, – сказала Нюрочка. – У нас на втором уроке – контрольная по математике.

– Такой хороший сон, а ты всё портишь своей математикой! – воскликнула мама. И тут она схватилась за весла и стала грести. Она уплывала от Нюрочки всё быстрее и быстрее, всё дальше и дальше, и уже издалека был слышен её недовольный голос:

– Опять она со своей математикой!

И тут всё – лес, река, лодка с мамой – исчезли, и Нюрочка оказалась в Сашиной комнате и увидела Сашу. Он сидел на полу, и на полу же была расстелена огромная географическая карта, и всё на ней – реки, моря, континенты – двигалось и перемещалось с места на место.

– Никогда не имел дело с живой картой, – растерянно сказал Саша Нюрочке. – Только хочу рассмотреть Антарктиду, как она убегает в Африку. А реки как себя ведут! Так и норовят улизнуть, прыгают с места на место, как кузнечики! Разве так ведут себя приличные реки?

– А как же тогда путешествовать? – поинтересовалась Нюрочка. – Только захочешь покататься в Египте на верблюдах, все пески и верблюды тут же станут белыми медведями и льдинами. Какая у тебя непослушная географическая карта!

– А я как раз хочу отправиться в Африку, – сказал Саша, – что же мне делать?

– Ты не переживай, – сказала Нюрочка, – ведь это только сон.

– Тогда можно смело отправляться в Африку! – воскликнул Саша. И тут он вдруг прыгнул на географическую карту и исчез.

– Ага, значит он уже в Африке, – подумала Нюрочка. – Завтра, когда он выйдет во двор, я обязательно его об этом спрошу.

И тут Сашина комната закружилась у неё перед глазами, как пёстрая карусель, а карта взлетела под потолок и растворилась в нём.

– Как весело! – воскликнула Нюрочка. А комната кружилась всё быстрей и быстрей, а потом Нюрочка закрыла глаза, и когда она их открыла, то оказалась на маленькой лужайке, посреди которой сидела Светочка и озабоченно шарила рукой в траве.

– Ну где же она? Где же она? – спрашивала она у себя самой шёпотом.

– Кто *она*? – спросила Нюрочка Светочку.

– Ни кто, а что… Нужная нота! – ответила Светочка, вглядываясь в высокую, зелёную траву. – Где-то здесь я её потеряла. Учитель музыки мне так и сказал: «Ты потеряла верную ноту, иди и ищи! И я ищу, ищу, и никак не могу найти.

– Давай я тебе помогу, – предложила Нюрочка.

Она всмотрелась в стрелочки травы и вдруг увидела, как среди них бегают маленькие разноцветные ноты и поют тоненькими голосами. Иногда они сталкивались и ударялись лбами, и тогда из травы доносился звон, иногда залезали на травинки, как жуки, и, раскачиваясь, напевали песенки, каждая – на свой манер.

– Ля, ля, ля! – пели ноты, а потом вдруг начинали приплясывать, иногда – взявшись за руки, иногда – поодиночке. Встречались очень грустные ноты. Они сидели с унылым видом и пели тихую песенку, почти плача. А встречались такие весёлые, что совсем не могли усидеть на месте – они прыгали, кружились, верещали, щёлкали друг друга по носу, начинали играть в салочки.

– Какая же из них тебе нужна? – спросила Нюрочка.

– Я ищу, – сказала Светочка.

И вдруг она что-то рассмотрела в траве и радостно воскликнула:

– Ах, вот она! – и сама стала такой маленькой, как ноты в траве, и бросилась навстречу своей ноте.

– Я забыла ей сказать, что это только сон, – подумала Нюрочка, – но, может быть, это очень важно – найти верную ноту даже во сне.

Она задумчиво пошла по лужайке, вглядываясь в траву, где жили ноты.

– А моя нота – какая? – спросила сама себя Нюрочка. – Добрая или сердитая, грустная или весёлая? Если бы я только знала…

Но она не знала. Ей казалось, что нота пела где-то в глубине её сердца, и эта нота была одновременно грустной и весёлой, доброй, а иногда почему-то сердитой, голубой, а иногда оранжевой. Эта нота напевала нехитрую песенку и дружила с другими нотами – ведь даже ноты умеют дружить.

Так, размышляя, Нюрочка уходила всё дальше и дальше от лужайки, внимательно слушая песенку, что звучала в ней.

И вдруг она увидела своего дедушку, который стоял перед огромной клеткой с тигром и смотрел на яркого, глазастого тигра, который, в свою очередь, смотрел на дедушку.

– Ого! – воскликнула Нюрочка. – Вот это тигр! И что ты тут делаешь, дедушка?

– Я учусь не бояться этого тигра, – ответил дедушка.

– Так ведь он – в клетке, – сказала Нюрочка, – он не может тебе сделать ничего плохого.

– А если я его выпущу? – спросил дедушка.

– Даже если ты его выпустишь, он и тогда не сможет сделать ничего плохого, потому что это только сон, – объяснила Нюрочка дедушке.

– А вдруг не сон? – засомневался дедушка. – Ты только посмотри, какой он страшный. Но я его почти уже не боюсь. Я – самый смелый дедушка на земле!

– Тогда я его выпущу, – решила Нюрочка и распахнула дверь клетки.

Тигр слегка удивлённо посмотрел на Нюрочку, потом на дедушку, а потом открыл огромную, алую пасть, протяжно зевнул и наконец, переступая мягкими лапами, вышел из клетки.

– Давай я его пощекочу, – предложил дедушка, – раз уж это сон…

И он подошёл к тигру и пощекотал его. Тигр посмотрел на дедушку и чихнул.

– Ты почему не смеешься?– спросил дедушка у тигра. – Я же тебя пощекотал.

– Мне не смешно, – вдруг сказал тигр, – я очень серьезный тигр.

– Вот как! – удивился дедушка. – А я вот проснусь и напишу о тебе статью в газету. И немного о себе. Как я тебя не боюсь!

– А обо мне? – спросила Нюрочка.

– И о тебе, – согласился дедушка.

– Послушай, дедушка, может, нам уже пора просыпаться? – спросила Нюрочка у дедушки.

– А который час? – спросил дедушка.

И тут тигр с солидным видом достал откуда-то часы и посмотрел на них.

– У меня – время завтрака, – заявил тигр, и уставился на дедушку и Нюрочку, вдруг облизнувшись.

– Ты знаешь, Нюрочка, по-моему, самое время просыпаться, – прошептал дедушка на ухо Нюрочке.

Нюрочка кивнула и взяла дедушку за руку.

– По-моему, тоже, – так же шёпотом ответила она, поглядывая на тигра. – А как проснуться?

– Надо очень высоко подпрыгнуть, – сказал дедушка.

И, взявшись за руки, Нюрочка с дедушкой подпрыгнули… и проснулись.

КЛОУН

Нюрочка неспешно гуляла по осеннему парку, где, кружась, падали пёстрые листья, где они перешёптывались на ветках и шуршали под ногами. Был ясный октябрьский день, прозрачный, как паутинка, и такой же невесомый. Небо голубело сквозь ветки, щебетали птицы, и у Нюрочки на душе было тихо и мирно. Она шла по тропинке, собирая листья, и в её руках была уже целая охапка, а она всё наклонялась и поднимала следующий лист.

Она с интересом рассматривала узоры на листьях, не было ни одного похожего листа, все разные. Ей хотелось подарить кому-нибудь эти разноцветные листья, но она не знала – кому.

И вдруг она увидела одинокого мужчину в сером плаще, который, как и она, неспешно гулял, собирая листья. У него было такое доброе лицо и такие рыжие волосы, что он походил на солнечный луч. Ещё у него были грустные голубые глаза, они тоже были добрыми и внимательными.

– Здравствуй, девочка, – сказал человек Нюрочке, когда она поравнялась с ним, – сразу видно, что ты весёлая девочка. У тебя такие задорные зелёные глаза и такая лучезарная улыбка!

– Да, я весёлая девочка, – сказала Нюрочка. – А почему Вы такой грустный?

– Я – клоун, – ответил человек, задумчиво улыбнувшись.

Нюрочка удивилась. Это было так необычно – ведь клоуны всегда такие радостные, они не носят серых плащей, на них пёстрая одежда и они могут рассмешить кого угодно.

– Да, не удивляйся, – сказал Клоун, – ты, конечно, думаешь, что настоящий клоун должен быть весёлым. А я вот – грустный клоун.

– И Вы всегда грустите? – спросила Нюрочка. Ей вдруг стало жалко этого голубоглазого Клоуна в сером плаще.

– Да, всегда, – кивнул Клоун, – но если бы ты знала, каким весёлым я был раньше! Я доводил до смеха самого печального человека, смех переполнял меня, смешинки и смешарики так и сыпались из меня, и сам я всё время смеялся. Я выходил на арену цирка в пёстрой одежде, и все, завидев меня, улыбались, и цирк был мне домом.

Но однажды в нашем цирке появилась прекрасная чёрноглазая наездница, в которую я отчаянно влюбился, и которой каждый день признавался в любви. Она была похожа на тоненький цветок, у неё были роскошные чёрные кудри и длинные шелковистые ресницы, она так ловко скакала на своём белом коне, что начинало кружиться в глазах, и я очень переживал за неё – только бы она не упала, ведь она была такая смелая и стремительная.

Каждый день я сочинял для неё стихотворение и дарил ей цветы, но она только смеялась в ответ, я был для неё лишь забавным клоуном, и она совершенно не собиралась влюбляться в меня. Она не хотела принимать меня всерьёз. И это сделало меня печальным.

В одно прекрасное утро я понял, что не могу больше быть клоуном, радость покинула моё сердце, даже детские улыбки не вызывали прежнего восторга. И тогда я ушёл из цирка. Я закрылся в своём доме и стал сочинять грустные стихи о прекрасной наезднице, разбившей моё сердце, надел этот серый плащ и перестал смеяться. Все смешинки и смешарики покинули меня.

– Как это обидно… – сказала Нюрочка. – А я вот влюблена в Сашу, но никогда не плачу из-за любви. Я так радуюсь, когда вижу его.

– Ты – счастливая девочка! – сказал Клоун. – Когда я был маленьким мальчиком, я тоже радовался, если чувствовал, что влюблён. Мне нравилась девочка из нашего класса, которая лучше всех умела рисовать, но так часто плакала, что мне захотелось рассмешить её. И тогда я стал самым настоящим клоуном. Это только кажется, что клоунами становятся, когда взрослеют. Настоящими клоунами становятся в детстве. И вот я стал клоуном – сначала не в цирке, а в нашем классе. Я заставлял смеяться девочку, которую любил, а потом за ней вдруг стали смеяться все вокруг. Каждый урок в школе я превращал в цирковое представление. Учителя не знали, что со мной делать, и неудивительно, что иногда они ужасно сердились на меня – ведь урок должен быть уроком, а не цирковым представлением. Они ставили мне двойки, вызывали моих родителей в школу, но ничего не помогало – я оставался клоуном. Мне очень хотелось, чтобы смеялась девочка, в которую я был влюблён. И она смеялась.

– Я тоже иногда смеюсь на уроке, – призналась Нюрочка, – в меня вдруг проникает смешинка, в животе становится щекотно, и я смеюсь, а наша учительница сердится.

– А ты боишься свою учительницу? – спросил Клоун.

– Немножко боюсь, – призналась Нюрочка, – когда я смеюсь на уроке, она строго глядит на меня из-под очков и делает замечания.

– Может быть, она права, – задумчиво сказал Клоун, – ведь она – учительница. Когда я был маленьким мальчиком, у нас тоже была очень строгая учительница. Она совершенно не знала, что делать с тем бесконечным смехом, который я создавал на уроке. Сначала она просто ставила мне двойки, потом вызвала мою маму в школу, но мама почему-то тоже не знала, что со мной делать.

А однажды наша строгая учительница закрыла меня одного в классной комнате и дала учебник по истории, где рассказывалось о злом короле, и ещё она сказала: «К моему приходу ты должен знать всё об этом короле!».

И я сел за парту, открыл книгу и стал учить урок. Но урок не шёл мне в голову. Злой король смотрел на меня со страницы, но все цифры и факты убегали от меня, я не мог запомнить ни одного факта из жизни этого короля, мне стало скучно и грустно, впервые в жизни мне вдруг стало грустно.

А потом мои веки сомкнулись, на меня, как волна, накатил сон и я заснул прямо за партой.

И во сне ко мне пришёл Добрый Клоун.

– Не хочешь учиться? – с улыбкой спросил он.

– Хочу, – сказал я, рассматривая его старое, морщинистое лицо, – но мне так противен этот злой король, что я не могу ничего про него выучить!

– Злые короли – есть злые короли… – вздохнул Добрый Клоун. – Но я открою тебе тайну – мир держится не на них! Мир держится на Добрых Клоунах.

– А как стать Добрым Клоуном? – спросил я у него.

– Очень просто, – ответил Добрый Клоун, – перестань бояться. А ещё – дари людям смех, а уроки всё-таки учи.

Я глядел в мудрые глаза Доброго Клоуна и понимал, что его секрет – самый важный для меня секрет, и мне казалось, что Добрый Клоун знает о жизни так много, а я – так мало…

– Я очень хочу стать Добрым Клоуном, – признался я Доброму Клоуну, – таким, как Вы… А что ещё нужно, чтобы стать Добрым Клоуном?

– Большое сердце, – сказал Добрый Клоун, – это всё, что нужно.

И с этими словами он погладил меня по голове и тут я проснулся. Передо мной лежал учебник истории, со страницы на меня глядел злой король, но сердце моё не боялось его. Оно хотело быть большим и добрым! Так, девочка, я стал клоуном.

Нюрочка с интересом смотрела в грустные глаза Клоуна и не знала, что сказать.

– Что же теперь делать? – наконец спросила она после долгого молчания. – Вы дарили людям смех, а теперь сами грустите.

– Не знаю, – вздохнул Клоун, – моё сердце было большим и радостным, а теперь оно большое и грустное».

Нюрочка задумалась. Ей так хотелось помочь этому прекрасному голубоглазому Клоуну, но она не знала как. И тут ей в голову пришла мысль:

– А хотите, я каждый день буду приходить в этот парк и рассказывать Вам смешные истории? – спросила она у Клоуна.

– Смешные истории? – удивился Клоун. – А ты знаешь много смешных историй?

Нюрочка покачала головой.

– Нет, но я обязательно их сочиню для Вас», – сказала она.

В глазах Клоуна вдруг засветились искорки:

– Правда? – обрадовался он. – Какая ты добрая девочка! Ну что ж, тогда я каждый день буду ждать тебя в этом парке, только не забудь, приходи!

Нюрочка улыбнулась.

– Обязательно приду, – сказала она. А потом она подошла к Клоуну и нежно погладила его по руке. Он тоже улыбнулся в ответ, махнул ей рукой и пошёл по тропинке к себе домой.

А Нюрочка долго-долго глядела ему вослед и думала о том, что обязательно сочинит смешную историю, чтобы большое сердце Клоуна снова стало радостным, чтобы отступил злой король, чтобы маленькая девочка, в которую Клоун влюблён, всегда смеялась.

РУСАЛОЧКА

Нюрочка с бабушкой сидели на берегу моря. Их загорелые лица обдувал лёгкий, солёный бриз, море было спокойным и весёлым, а подстилка почти касалась воды – волны, урча, как кошки, то протягивали свои прозрачные лапы к самым ногам Нюрочки и бабушки, то с шёпотом и шорохом отбегали, а солнечные блики дрожали на их лазурных спинах.

«Шпр-шпр-шпр…» – пофыркивали волны, и Нюрочка, не мигая, засмотрелась куда-то за линию горизонта, откуда всего полчаса назад поднялось пунцовое, огромное солнце, и загорелыми Нюрочка с бабушкой были только оттого, что приходили сюда уже не первый день.

– Ты знаешь, бабушка, – сообщила Нюрочка серьёзно, – когда я вырасту, я выйду замуж за Сашу.

– Почему за Сашу? – поинтересовалась бабушка.

– Он хочет стать моряком, – сказала Нюрочка. – Он будет уплывать на своём корабле далеко-далеко, видеть весь мир, а я буду его ждать.

– Ну, выходи за Сашу, – согласилась бабушка.

– А вдруг он меня не возьмёт? – с сомнением спросила Нюрочка. – Ведь у меня не самый лучший характер. Капризы так и сыплются из меня, и ещё я бываю злой.

– Да, с характером надо что-то делать, – согласилась бабушка. – А когда бываешь злой, сосчитай до десяти, закрой глаза и подобрей.

– Не всегда получается, – призналась Нюрочка, – иногда я хочу быть доброй, но меня словно щекочат своими усиками десять сердитых муравьёв, и я становлюсь сердитой, как они.

– Что же с тобой делать? – спросила бабушка, покачивая головой. – Тогда вместо Саши тебе придётся ждать принца, который захочет мириться с твоим характером.

– А где его искать? – спросила Нюрочка. – И потом, я уже привыкла к Саше, у него такие чудесные веснушки на носу, и каждый раз, когда я его не вижу, я страшно скучаю. А у принца может не быть таких веснушек, и он может оказаться противным.

Бабушка задумалась.

– Да, бывают очень несимпатичные принцы, – согласилась она.

И надолго замолчала. Нюрочкина бабушка любила подолгу молчать и думать о чём-то своем, и в такие моменты Нюрочке даже не хотелось нарушать бабушкино молчание, оно было похоже на волшебный лес, по которому гуляла бабушка, и в котором она знала каждую тропинку, но другим ничего не могла рассказать.

Нюрочке вдруг тоже захотелось встать с подстилки и погулять.

– Я пойду насобираю ракушек, – шепнула Нюрочка, чтобы не спугнуть бабушкино молчание, встала с подстилки, взяла с собой кулёк и медленно побрела вдоль моря.

Она с интересом рассматривала всё, что было вокруг – разноцветные ракушки, набегающие волны, играющих детей, которых на пляже было ещё совсем мало. Иногда какая-нибудь из ракушек казалась ей такой красивой, что она нагибалась, брала её в ладонь, подносила к лицу и долго рассматривала.

– Тебя я возьму с собой, – говорила она ракушке, – так что попрощайся со своими подружками-ракушками.

И она осторожно опускала ракушку в кулёк и шла дальше.

И вдруг её внимание привлекли длинные, золотистые волосы сидящей на камне девушки. Девушка сидела к Нюрочке спиной, и Нюрочке так захотелось заглянуть в её лицо, что она обошла камень, сжимая в ладони свой кулёк с ракушками, и вдруг с ужасом увидела, что вместо ног у девушки был блестящий, чешуйчатый хвост, который переливался на солнце так, что слепило глаза. Глаза у девушки были зелёными, а нос курносый, и когда она увидела удивление Нюрочки, она звонко рассмеялась.

– Не надо на меня так смотреть, – воскликнула Русалочка, потому что это была ни кто иная, как Русалочка – именно такая, о которой Нюрочке недавно рассказывала сказку бабушка. – Всю рыбу спугнёшь, – добавила Русалочка и состроила Нюрочке рожицу. – Я – самая обычная Русалочка и буду здесь сидеть долго-долго, пока не встречу своего принца.

– Ты ждёшь принца? – воскликнула Нюрочка, вспомнив разговор с бабушкой.

– А что мне делать? – и тут лицо Русалочки вдруг стало печальным. – Ты знаешь, девочка, – начала она свою историю, – я так счастливо жила все эти годы в подводном замке со своим отцом – Морским царём! Он баловал меня, щедро осыпал подарками, приглашал ко мне самых лучших учителей, а когда я болела, подолгу сидел у моей кровати и пел песенки – а он знает почти тысячу песенок и, стоит ему запеть, любая болезнь уходит. Он был со мной таким добрым, что мне хотелось всю свою жизнь провести во дворце, никогда не покидая отца.

И надо же было в один прекрасный, а вернее, ужасный день явиться Чуду-юду рыбе-киту, этому прохвосту, которого презирает каждая рыбка в нашем море. Все знают, что Чуду-юду рыбе-киту доверять нельзя – он хитрый, вредный, мерзопакостный тип, плавает, где хочет, всех между собой ссорит, вечно хвастается и буянит, всех обижает и, что самое обидное – неисправимый лгун и притворщик.

И вот приплыл этот Чудо-юдо рыба-кит к отцу и говорит:

– Я влюблён в твою дочь, отдай её за меня замуж.

Отец сперва так рассердился, что затопал ногами и закричал:

– Никогда этого не будет. Моя дочь – самая лучшая русалочка в этом море, и потом – она ждёт принца, а не тебя, мерзкое Чудо-юдо!

– Ну что ж, – сказал Чудо-юдо рыба-кит, – посмотрим!

Он махнул хвостом и уплыл, но на следующий день приплыл снова и привёз с собой огромный мешок с пряниками.

– Это – дар моего сердца, – сказал он. – Съешь эти пряники и ты будешь вечно молодым.

Чудо-юдо рыба-кит знал одну страшную тайну моего отца – больше всего на свете Морской царь любит пряники. Он готов ни спать, ни играть на скрипке, ни танцевать свои любимые танцы, если сперва

не поест пряников. Он даже ночью под подушку кладёт пряник, и когда ему снится страшный сон, достаёт пряник и съедает. Ну как тут быть?

И самое ужасное в этой истории – Чудо-юдо рыба-кит скупил все пряники в нашем море, наполнил ими свой дом и поклялся себе, что должен стать моим мужем. Мой бедный отец пришёл в ужас, он понял, что если не отдаст меня в жены Чуду-юду, то навсегда останется без пряников. Он начал плакать с утра до вечера, похудел, побледнел и наконец сказал мне:

– Ты должна меня спасти. Я не могу жить без пряников. Если ты меня любишь, ты должна выйти замуж за Чудо-юдо. Он по-своему милый и добрый, он только снаружи кажется страшным, и потом – я не могу жить без пряников!

И я не знала, что сказать отцу. Целую ночь я не спала, всё думала и думала, что же мне делать, а потом просто уплыла из замка, покинув своего любимого отца. И вот я здесь.

– Ну и ну… – протянула Нюрочка. – И ты не скучаешь по своему отцу?

– Скучаю, – вздохнула Русалочка, – но у меня нет другого выбора. Я должна дождаться принца.

– А если он не придёт? – с сомнением спросила Нюрочка.

– Тогда мне придётся самой отправиться на его поиски, – сказала Русалочка.

– Но у тебя же нет ног, – Нюрочка указала Русалочке на ее роскошный хвост.

– Я отращу ноги, – сказала Русалочка.

И тут Нюрочке вспомнилась сказка Андерсена, которую недавно рассказала ей бабушка.

– Ты знаешь, Русалочка, – задумчиво сказала Нюрочка, – это иногда больно – ходить по земле. Особенно, если всю жизнь прожила в подводном дворце.

– Больно? – Русалочка вздохнула. – Что ж, ради принца я готова потерпеть даже боль.

– Тогда ты – настоящая русалочка, – с уважением сказала Нюрочка.

Ей вдруг показалось, что в ясных зелёных глазах Русалочки, где плясали солнечные зайчики, написана вся история о её любимом отце – Морском Царе, об уютном, навсегда покинутом, подводном дворце, о противном Чуде-юде рыбе-ките, и ещё – о прекрасном принце, с которым Русалочка так хотела встретиться.

А солнце уже стояло высоко над ними, и людей на пляже становилось всё больше, но почему-то никто не видел одинокую, мечтательную Русалочку.

– Тебя вижу только я? – спросила Нюрочка.

– Да, меня видишь только ты, – кивнула Русалочка.

– Почему? – Нюрочка удивилась.

– Потому что ты такая же мечтательница, как и я, – серьёзно сказала Русалочка.

– Мне пора, – Нюрочка вдруг вспомнила о бабушке, оставленной где-то далеко на пляже и о том, что пора идти. – Ты обязательно найдёшь своего принца.

– Найду, – кивнула Русалочка.

И в её огромных зелёных глазах отразилось небо.

АННА МАРКИНА

ПОД ПРИКРЫТИЕМ ТРАВ

***

Это я – не я, а твоя среда.
На болоте – смерть, на лугах – цветы.
Я была песком, а теперь – вода.
Что увидишь в ней, что услышишь ты?

Как подуешь – станет вода рябой,
Заморозишь – будет кусками льда,
Подойдёшь – обернётся она тобой,
Спустишь флот – поддержит твои суда.

Но в большой воде не достать до дна,
По большой воде приплывут враги,
И во время шторма вскипит она,
Для себя взойдёт, а не для других.

Что увидишь в ней, что поймёшь тогда,
Что она страшнее, чем все враги?..
Будешь мучим жаждой – спасёт вода,
Бросишь камень – быстро пройдут круги.

***

За городом, за клёнами
Такая бирюза,
Природа воспалённая,
Как мамины глаза.

Бывало, что работали:
Читали всё подряд,
Но вот они, но вот они
За клёнами горят.

Всё мается, всё шаткое,
Они следят весь день,
Как будто просят: «Шапку-то…
Ты шапку-то надень».

Спасут как будто что-нибудь,
Они, следя за мной…
Отрезок неба тоненький.
И голос за спиной.

***

Это было ранение лета,
Лебединая дрожь тетивы,
Жёлтый обморок хрупкой листвы,
Серый ропот оконного света.

А потом – в хрустале до апреля –
Как в гробу, было очень темно.
Уколовшись о веретено,
Спал под ворохом тезисов Ленин.

Таял сон одичавшего вяза,
Что оставлен был в белом снегу.
Я простить никого не могу.
Я прощаю тебя, мой бессвязный,

Потому что не будет покоя –
Ни приюта, ни хлебных полей.
Будет только один мавзолей,
А вокруг только минное поле.

***

Г.П.

За петербургскими морозами,
где катит памяти волна,
плывёт Вертинский в море розовом
с бутылкой белого вина.

В трамваях дни продолговатые
везет в утиль двадцатый век.
И распадается на атомы
сметённый вихрем человек.

Всё тонет в этом страшном вареве,
в надежде, в музыке, в слезах,
и комсомолочки кровавые
стоят у времени в глазах.

Какие зимы чёрно-белые,
какая русская тоска!
Рука, от горя оробелая,
орешек держит у виска.

Не дни, а годы окаянные
ползут, как червяки, точь-в-точь.
Лунатик, движимый сиянием,
идёт на мировую ночь,

за занавес, за зиму млечную,
за йерский пасмурный прибой
и музыку остроконечную
вонзает в сумрак голубой.

***

Раздробленная в лужах синева,
в которой мы – опавшая листва,
к земле и сырости приколотая светом.
Мы водный блеск, мы тонкие слова.
Осенний пламенеющий отряд,
где жизни в одночасье сгорят
не хуже веток.

Кто здесь герой, кто враг, кто командир?
Кто боль страны укачивал в груди?
И кто носился с текстом, как с младенцем,
и верил, что всё будет впереди,
но вместо этого в земельной тьме чернил,
не вырастив, он буквы хоронил,
с кусками сердца?

Но может быть, не осень, а апрель?
Мы таянья большая акварель
и поле для решительных сражений,
где белые гвардейские снега
на красные восходят берега.
Мы зеркало, мы чудо отражений.

***

под прикрытием трав убегает река
дождь грохочет стрельба боевая
по планете по всем её материкам
кто стреляет по людям моим мотылькам
кто боярышник им подливает в стакан
как бесстрашно его выпивают

с бутербродом заветренных масляных букв
белый мякиш центральных каналов
и повесточный миксер взбивает фейсбук
до белкового пика до поднятых рук
и стеснённые шумом на солнечный звук
улетают седые журналы

и сидишь ты такой над текучей Окой
по тебе этот дождь тоже бьёт
и всё кажется медленной грязной рекой
за которой нет правды уже никакой
над которой развешено чьей-то рукой
перепачканное бельё

инфоливень гудит инфоливень идёт
и весь мир пеленой занавешен
ты под ливнем спокойно сидишь идиот
потому что твой взгляд обращённый вперёд
белоснежную правду ещё узнаёт
в облаках и цветенье черешен

УКАЗ

Приказали на топоре внести
Указ –
без всяких там обходных лазеек:
бабушки плохо сидят в театрах,
бабушки плохо сидят в музеях.
Всех изгнать.
Переизбыток древностей.

Небо над городом начинает рдеть.
Есть ли разница бабушкам, где сидеть?

Сложностями времена прошиты.
Опасностей вдосталь.
Пусть сидят по домам под защитой.
Пусть сидят со всеми удобствами.

Не дали открыть и рта нам.
Загнали на дно, как ихтиандров.
Изгнали бабушек из музеев.
Изгнали бабушек из театров.
Бабушки стали таять.

Потому что, когда отвернулись
и когда от целого отрезают части,
через щёлочку оконную и дверную
жизни не достучаться.

Таяли, таяли и растаяли.
Культура стоит пустая.

Но я знаю – растаяв, осадком культуры став,
они выпали все на своих постах:
этим «чщщщ», прокатанном сквозняками,
этим слежением за руками.
Они там – бессменные и живые,
Вечные стражницы угловые.

ЖД-ДИПТИХ

1

Не прислоняйся к стёклам между станций,
на них твой путь морозом накарябан.
Возьми меня себе в ориентир,
и мы помчим, земные арестанты,
по перегону из тепла в ноябрь,
и снег нас поведёт, как конвоир.

Пока прохлада входит через дверцы,
и снег бродячий в тамбуре смеётся,
стекло от напряжения звенит,
прошу тебя – держи мой слух у сердца,
у самого глубокого колодца,
который тянет звёзды, как магнит.

2.

В движение проросшие, мы стали
чёрт знает чем; к дверям не прислоняйся
и к людям, людям тоже – знаешь сам –
оборотятся общими местами,
волнением, землистыми нанайцами,
а поезд станет поездом в Пусан.

И в нём вдруг вместо женщин, стариков,
детей, друзей… вагоны зомбаков,
как в фильме, где никто нам не поможет,
помчатся, и ты дернёшься бегом,
но зомби уничтожат перегон,
вишнёвый сад и дачи уничтожат.

И в конницу стальную, в толщу лет
платоновский вонзится синий свет
и снова машиниста огорошит,
и он, всё понимающий дедок,
Булгакова посадит за гудок
и поведёт на ощупь через крошево

всех нас, всех нас, попавшихся в аркан,
и Венечка опустошит стакан,
смекнув, что никогда он не доедет
ни в Петушки, ни в счастье, никуда,
ведь свет живёт на ранних поездах,
а те к Москве увёл его коллега.

И ночь вскипит, как кит, на берегу.
Ничто её уже не отогреет.
Перед концом земля забьётся тихо,
и мертвецы возропщут: «Клейнмихель,
мы строили дорогу в Петербург,
какого чёрта движемся в Корею?»

И мы поймём, что всё, что кончен бег.
И я к тебе прижмусь сквозь смерть и снег.
А снег о нас расплачется в полёте.
Но Анна вдруг (не та, что на ветру)
наш поезд перепрыгнет на Фру-Фру
и закричит: «Я больше не умру.
И вы, вы все, вы тоже не умрёте!
Не прислоняйтесь, господа, к стеклу».

ЕВГЕНИЯ ДЖЕН БАРАНОВА

ТО СМЕРТНОЕ, ТО РОБКОЕ

***

Я жалкое животное.
Прости меня, прости.
Веду глазами потными
чужих детей крестить.

Злорадствую, завидую,
как трактор, барахлю.
Я тварь в тебе убитую –
дрожащую – люблю.

То смертное, то робкое,
то голос ножевой.
Я жалкая, я крохкая.
Останешься со мной?

Лакать из плошки варево,
лизать луны пятак,
как жимолость-Цветаева,
сурепка-Пастернак.

***

Не расстраивайся, маленький,
не бросай меня всерьёз.
Что любовь?
В лесу проталинка,
тело, полное стрекоз.

Что печаль?
Четыре выстрела –
синий серого клюёт.
От земли душа отчистила –
жаль, до свадьбы заживет.

Так и выпрыгнем в историю
с георгинами в руках…
Что разлука?
Аллегория,
пересадка с МЦК.

***

В желании сродниться есть тоска,
недвижная, как тело языка,
когда его касаются стрихнином.
Так ледоколы мнут рубашку льдин,
так ищут дочь, так нерожденный сын
скользит над миром пухом тополиным.

Мне так невыносимо, так светло,
я так роняю каждое «алло»,
что, кажется, прошу Антониони
заснять все это: кухню, стол, постель,
засохший хлеб, молочную форель
ко мне не прикоснувшейся ладони.

И если говорить начистоту,
то я скорее пламя украду,
отравленную выберу тунику,
чем буду улыбаться и смотреть,
как мальчики, идущие на смерть,
на небе собирают голубику.

***

Надя Агафонова погибла
для того, чтоб выжил агропром,
эскимо, домашнее повидло,
Брежнев на экране голубом.

Жил-був-щыл – но некому послушать,
тишина над городом гудит.
Расцветают яблони и груши
у чужого дома на груди.

***

Когда ни темноты, ни света нет,
а ты выходишь и молчишь на свет,
и бледная акация плывёт,
луна ласкает тополю живот.

А ты выходишь и молчишь, как пёс,
которого хозяин в лес унёс:
и тени светлоглазые бодрят,
и выть не получается,
а зря.

Почувствуй себя лешим,
двойником,
теперь ты в этой сказке ни о ком.
Сосед с рыбалкой…
прапорщик хмельной…
теперь ты анекдот, а не герой.

– И как мне с этим справиться,
как жить?
– Смотреть, как собирают гаражи,
как супермаркет скидками умыт.
Никто не справился,
не справимся и мы.

РОДОСЛОВНАЯ

Один погиб, другой расстрелян,
седьмой за хлеба воровство
пострижен наголо. В постели
не причащали никого.

Татары, русские, евреи
рыдают, охают, скрипят.
Бредёт по матушке Емеля
глазами в ад.

А я тут что? Хромой излишек?
Меня не ездили плетьми,
не жгли допросами. Кто выжил,
тот обзаводится детьми.

И вот я существую. Хрупкий
неразговорчивый тростник –
ловлю в стакане сухофрукты,
давлю гармонию из книг.

И вот я женщина (морщины),
я еду к тридцати шести.
Какой остаток звёздной тины
мне полагается смести?

***

Капустной бабочкой, дремучим огоньком,
орешником ползучим, низкорослым…
Я не умею помнить ни о ком,
по черепкам исследую ремесла.

Не со-жалею – только со-живу,
не прекращаю – только превращаюсь.
На хо*л*мах Грузии укутавшись в траву,
к Олеше вырабатываю зависть.

Хороший друг, ленивая жена,
смотритель небольшой библиотеки,
не для того мне музыка дана,
чтоб памяти достаться на орехи.

По лунным дням на солнечной арбе
не зря тащу предлоги и подводки.
Я не умею помнить о тебе,
особенно про шрам на подбородке.

***

За меня никто не молится.
День примят и обестужен.
Издевается глаголица,
над кириллицею кружит.

Над акациями чёрными
за предел других щедрот
кот мой маленький поломанный
в облака меня ведёт.

То коснётся проявителя,
альдегидами храним.
– Кот, я так тебя обидела,
как мы справимся с таким?

То бредёт в небесных зарослях
(там простили перевес).
Я осталась. Ты отправился
в точку Р из точки С.

2020

Ты хотела двадцатые?
Вот двадцатые:
пожелтевшие лица на Беговой.
По больницам разъехались завсегдатаи
литсалонов,
любители ар-нуво.

Мы идём на Кузнецкий (штаны не клёшены),
лишь троллейбус усиком шевелит.
Бедный транспорт!
его завернули в прошлое,
как Москву завернули в густой covid.

Жёлтой лентой скамейки на солнце жмурятся.
BMW опаздывает в кювет.
Город треплет свидетелей,
словно курица
бьёт соседку
клювом
по голове.

***

У нас проблемы, Хьюстон,
Приём, приём
Анна Маркина

Кому нужна я,
слабенькая, злая,
раздавленная прихотью любой,
когда другие – вона как летают,

когда приёмом выстланный покой
других встречал до моего сигнала,
до встречи космонавта с кораблём.
– Ещё урок, я вас не отпускала, –
гуляем по веревочке вдвоём.

То шар, то диск, то комната пустая,
то за кометой полосатый хвост
кому нужна я
а
кому нежна я
кто припечатан изморозью звёзд

кто обречён молозивом небесным
прикармливать божественную твердь
но мне известно мне теперь известно
я не могу ни взять ни умереть

ЕЛЕНА СЕВРЮГИНА

ЭТОТ СНЕГ СЕГОДНЯ ПАДАЕТ НАВСЕГДА

***

медные трубы не разбирают нот,
вещие истины спят в глубине молчанья,
ищем, живём, записываем в блокнот
всё, что приходит ветрено и случайно –
голос летит по городу, невесом,
переплавляясь в миф, горловую песню –
снова гадаем, золото или сор,
вынесем ли, воскреснем…
музыка дремлет на заводном боку,
ночь призывает не нарушать обычай,
призрачный ловчий ищет в силках строку,
гордый своей добычей,
сон переходит в радугу, солнце, свет,
бьётся забвенье в гулкой аорте суши –
вслушайся в медные трубы, которых нет,
если умеешь слушать…

***

дитя растущих в небо фонарей
пророк что время голосом возвысил
ты доживёшь до отрывных календарей
до ветрено меняющихся чисел
но почему над пропастью во лжи
словами – рёбрами считаешь этажи
безбашенная юркая синица
в падении своём беспечно юн
тем кто услышит музыку твою
теперь алкоголически не спит(ь)ся
вы все набившие оскомину в душе
вам будет навсегда по двадцать шесть
по двадцать девятнадцать восемнадцать
уходит в бездну новая луна
но юность так пророчески точна
слепым стремленьем вовремя сорваться
и стать росой внезапного лица
сияньем золотым череповца
расколотым уральским самоцветом
дитя земли рождённое поэтом
печальный сын проросший сквозь отца

ВОЛЧОК

баюшки баю ложись на бочок
мир до утра в ожидании замер
ночью по городу ходит волчок
смотрит в людей золотыми глазами
в мире заблудших в стране дураков
ищет таких же бессонных волчков

ходит ощерив клыкастую пасть –
если не хочешь бесследно пропасть
просто иди вдоль обочины звёздной
к горлу безмолвия в лес в тишину
и оставайся до полночи грозной
спать на краю и роптать на луну

нужен волнения резкий скачок
чтобы внутри оказался волчок
с вечной тревогой в мохнатой груди
ждущий чужого призыва «приди
и утащи в запределье своё
в мир где ни света ни сна ни краев»…

время придёт и за кромкой зари
пасмурный день дожуёт фонари
выключит фары продрогших газелей
чтобы из окон на них не глазели
лишь заплутавшие сны у реки
будут светиться как волчьи зрачки

***

у печали тоже есть крылья
только они прозрачны
и потому практически не видны
они вырастают из света и тишины
из душных домов барачных
из точки губительного дальстроя
где кончалась эра больших поэтов
из чужого лета встающего за спиной
из границы между тобой и мной
из больного солнца
ставшего медленным и ничьим
помолчим…
а потом пойдём и утопим звёзды
и на чёрном небе расставим волны
и воды потоки огнём потушим
городам на суше не ждать отлива
кораблям на море не ждать причала
отмотаем мир и начнём сначала
с бесконечно долгой высокой ноты
в бесконечно ждущем пустом пространстве
где стирают память дела и лица
нас ведёт печаль у которой крылья…

***

первый день погоды лётной
продлевается конечно
человечек станет лёгким
беспросветным и кромешным
неосознанным для многих
неопознанным и зыбким
сбросит руки сбросит ноги
и дежурную улыбку
он теперь не так как раньше
он совсем не тот что прежде
кто когда-то строил дачу
или прятался в одежды
он – глубокий долгий книжный
он – свободный летний лучший
он проявится из ниши
и пробьётся из-за тучи
он пронзителен как полночь
он – озноб и жар под кожей
разве ты его не помнишь?
он и ты – одно и то же

***

да будет так – безмолвие и море
колючих дней, густых осенних слёз,
бесцветная табличка на заборе
«сезонное хранение колёс» –
до летнего счастливого конца
бутылки, банки, чувства и сердца
закупорены прочно – им отныне
теплом последней радуги мерцать…
и я мерцаю – видишь это пламя,
беспамятно плывущее над нами,
над солнцем неприкаянной земли…
мне ночью снова снилось – корабли
с забытыми родными именами
плывут… куда ж им плыть? блестит роса
у прошлого на смуглых волосах,
и так темно, что впору разрыдаться
на августовской мертвенной груди –
дремучий сон, бессонные дожди
пугают невозможностью остаться
там, где не страшно – хрупкий мир тепла
рассыплется на бисер слов и писем,
в которых мы до музыки возвысим
всё то, что память нам приберегла…
легко и неприкаянно внутри –
закрой глаза, не бойся и смотри,
плывёт по стеблям трав, по кронам сосен
в короткий день распахнутая осень –
твой новый ритм…

***

лёгкая тростинка на ветру,
может быть, сегодня я умру –
просто опознай меня, похожий,
в кровяном брожении под кожей,
в янтаре, врачующем кору…

кто я нынче? вещая трава,
вечная мольба или молва,
душной страсти привкус комариный,
марой ли, мареной ли, мариной
я была – останутся слова…

ты на них попристальней гляди,
чтобы ожила в твоей груди
ласточка с ахматовским прицелом –
станешь просветлённым, но не целым,
обернувшись в камские дожди

нынче холодна твоя кровать,
станем вместе море моревать…
вяжет рот, в пути сбивает с толку
терпкий вкус рябиновой настойки –
это значит, смерти не бывать…

это значит, ветрено-хмельна,
забродила времени вина,
и в чаду застолий будет литься
речь моя, полынь и медуница,
красная больная бузина

***

этот снег сегодня
падает навсегда
не поверишь
даже подумать больно
то ли день слюда
то ли слова вода
то ли звон струится
из маленькой колокольни
ночь аптека фонарь
мигающий на углу
сонный город зябнет
словно его раздели
и всё ближе ближе
сердце твоё и слух
к неземному
тёмному запределью
и уже на тебя
похожая но не ты
застывает в невидимом
облаке немоты

и ни слов твоих ни лица
никому не вспомнить
но дыханье твоё
знают улицы этих мест
эти двор и дом
и окна деревянный крест
и за этим крестом
ледяные альковы комнат
в тёмных комнатах
что ни призрак
то стон и скрип
ты хотела бы крикнуть
но голос давно охрип
и звучит не по-здешнему
и на других частотах
остаётся смотреть
как снег переходит в тьму
и стоишь и смотришь
и думаешь почему
бесконечно легче
покинуть свою тюрьму
только если уснёшь
и навеки забудешь кто ты

НАДЯ ДЕЛАЛАНД

ПОЦЕЛОВАТЬ ВИКТОРА Р
рассказ

Предуведомление (сам факт такого предуведомления должен особенно насторожить бдительного читателя)

Все совпадения с реальностью прошу считать случайными и даже напрасными: все события и всех героев – вымышленными на беговой дорожке, на которой сегодня утром (на самом деле, ближе к полудню) я мотала свои жалкие 300 метров (тут я преувеличиваю, округляю и моментально в этом сознаюсь, подчеркивая тем самым свою натужную честность).

Как человек, влюблённый в Бога,
ищет подсказок и совпадений
в окружающей его реальности, так и мы[1].
Надя и Пьер Делаланд

Люся потрогала большим пальцем левой ноги прохладно-острый угол тумбочки, резко села на кровати и одновременно вспомнила, что натворила вчера. Стащив с тумбочки ноут, она открыла его и набрала новости про Виктора Р. Вывалилось примерно 100500 текстовых прямоугольничков, требующих немедленного продолжения. Она кликнула на какой-то в самой чаще и гуще.

«Сегодня в 3 часа 14 минут пополудни рядом с подъездом, в котором он проживает, был поцелован известный писатель Виктор Р. На видео с камеры наблюдения вы можете видеть, как это происходило. Скорая помощь, вызванная буквально спустя пару минут кем-то из прохожих, увезла Виктора в больницу. Писатель пока не приходил в сознание, врачи оценивают его состояние как стабильно тяжёлое, делают всё возможное и не дают никаких прогнозов. «Новости минуты» будут следить за развитием событий».

Ниже располагалось мутноватое видео, нарезанное с запасом, хотя делов-то было секунд на десять. Люся посмотрела все две минуты, сначала морщась от нетерпения, потом от неловкости, потом просто морщась. На видео стайка нахохленных поклонниц тусовалась рядом с подъездом, выборочно посиживая на низкой ограде через дорогу напротив. Скоро дверь подъезда волшебно распахнулась (угол обзора у камеры позволял увидеть только верхний кончик этой двери и нездешний восторг на просиявших лицах ждуний, отразивший пришествие их кумира). Девушки улыбались, переступая с ноги на ногу, и что-то протягивали на почтительном расстоянии – то ли подписать, то ли съесть. Одна из них, единственная с пустыми руками, внезапно преодолев прозрачную стену неприкосновенности, подошла к невысокому человеку в чёрных очках (он уже успел ступить в зону основательной видимости камеры и несколько раз повернуть голову налево и направо) и чёрной же шапочке, со значением посмотрела ему в очки и поцеловала в губы. Практически сразу ноги у человека подкосились, и он как был (в чёрных очках и чёрной шапочке) рухнул наземь. Девушка постояла секунд пять и стремительно ушла. Запись на этом заканчивалась. Люся ещё дважды пересмотрела с того момента, как её цифровая копия отделяется от толпы товарок и подходит к Р. Волосы у копии растрепались, куртка зверски её полнила, она и не предполагала, что выглядит такой массивной. Странно, в зеркале этого не заметно. Люся соскочила с кровати, побежала на цыпочках в безликую светлую прихожую съёмной квартиры, надела куртку, покрутилась в ней перед икеевским небольшим зеркалом (которое она сама покупала взамен хозяйскому, чуть треснувшему с краю и нагонявшему на неё тоску), сняла, бросила на пол, сходила в ванную за маникюрными ножницами, села рядом с курткой и принялась её методично резать.

*

Виктор Р. аккуратно сгрёб салфеткой со стола яичную скорлупу, выбросил всё в мусор и тщательно помыл руки. Он не любил выходить из квартиры, и то, что сегодня ему предстояла встреча в кустах с новым редактором, его сильно нервировало и заранее фрустрировало. Он взял телефон и нажал на помеченный звездочкой контакт «мяка».

– Привет. Посмотри, пожалуйста, а то я что-то не пойму… я не начал лысеть? – Виктор принялся крутить телефон и бритую наголо голову так, чтобы собеседник погиб на месте от морской болезни.

– Витя, всё в порядке, – пожилая женщина по видеосвязи добродушно прищурилась и напомнила сову из советского мультика про Винни-Пуха, – за последние два года ничего не изменилось.

– А вот тут посмотри, справа, мне кажется, залысина стала глубже и шире, – Виктор изрядно наклонил и приблизил к телефону правую часть лба и одновременно сам попытался увидеть себя.

– Да нет, вроде бы всё так и было, – мама засопела и поправила ворот халата.

– Точно?

– Да.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Посмотри внимательно.

– Я смотрю, всё в порядке.

– А вот я не уверен.

– А ты займись делом каким-нибудь, переключись. – Мама примирительно и громко подышала. – О чём ты сейчас пишешь?

– Подробности не могу выдавать, – охотно откликнулся Виктор, проводя ладонью по молодой щетине у себя на голове. Но там будет про кошек. А ты знала, кстати, что когда персы с египтянами воевали за Пелузий, персидский царь Камбиз какой-то там (кажется, второй) никак не мог взять штурмом этот город? И знаешь, что он придумал?

– Чего?

– А ему в голову пришла омерзительнейшая провокация. Понимая, что египтяне почитают Анубиса, Баст и Тота, он выпустил вперёд своего войска кошек, собак и ибисов.

– Вот гад какой! – мама поёжилась.

– Ага. Но я это дело так не оставлю. Кстати, они могли бы ему ответить тем же. Например, выпустить навстречу ежей. Праведный зороастриец, когда видел «колючую остромордую собаку» (так они называли ёжиков), должен был отступить и поклониться. – Виктор вздохнул. – Правда, боюсь, ежей у египтян просто не осталось.

– Почему это?

– Они их ели, – Виктор прошёл в комнату, взял со стола проездной.

– Фу!

– Да, они готовили их в глине, – Виктор покрутил в руках зонтик и положил обратно на полку. – Обмазывали глиной иголки, а когда еж запекался, снимали её вместе с иголками.

– Ужас какой! Зачем ты мне такое рассказываешь?!

– Ладно, не буду больше. Всё, мне пора выходить. Пока. Подожди. Я точно не облысел?

– Точно.

– Ты уверена?

– Да.

– Посмотри ещё раз!

– Витя!

– Не облысел?

– Нет!!!

– Ладно, пока!

Виктор нажал отбой, потом снова набрал «мяку».

– Мама, а ещё посмотри, у меня зубы не искривились? – он дико оскалился в телефон.

– Нет, ровные.

– А вот тут… вроде щель рядом с клыком образовалась, которой не было…

– Да нет там никакой щели, всё хорошо.

– Уверена? – спросил Виктор с нажимом.

– Да.

– Ну ок, пока.

Виктор сбросил, нажал ещё раз и, не дожидаясь гудка, снова сбросил, засунул телефон в карман штанов, натянул чёрную шапочку, надел чёрные очки, обулся и вышел из квартиры. Вернулся, снял с крючка куртку и снова вышел.

*

Когда он показался из двери подъезда, то сразу заметил нехорошо обрадовавшихся ему девушек. Он замешкался, прикидывая, каким образом ему следует построить свой путь, чтобы минимально с ними

контактировать, и решил уже обойти вражескую армию с правого фланга, но в этот момент одна из дев приблизилась к нему вплотную, посмотрела сквозь непроницаемые очки и поцеловала. Виктор впервые почувствовал на своём плотно сомкнутом рте нежные девичьи губы – влажные и холодные. Это было так странно и дико, настолько не вписывалось в его сегодняшние и без того страшные планы, что сработали предохранители его психики, и он отключился.

*

– Эй, – Люся попыталась продраться сквозь веселье, царящее с той стороны смартфона, – не могу приехать, говорю. Ну потому. Потому что. Куртки нет. Я её порезала. Реально? А ты как? Точно не нужна? Уверена? Ну ок, я ща такси тогда возьму.

Люся быстро натянула джинсы и фиалковый свитшот, надела тонкую демисезонную куртку и набила в приложении адрес Ганны Че. Машина обещала подъехать через шесть минут.

Когда Люся спустилась, приложение врало, что машина её уже ожидает. Но никакой машины не было, а было темно, пустынно, холодно и по-над дорогой на красный свет невидимый великанский мальчик тащил за собой, как гусеницу на палочке, белый пустой пакет из Пятерочки. Люся вспомнила твёрдые губы Виктора и снова пережила вчерашние восторг и ужас. В весенней куртке почему-то больше всего дубела спина. Люся прижимала к груди обеими руками сумку, и это придавало крафтовому тряпичному недоразумению новую ценность. Люся даже представила, как мимо неё проходит бандит и старается выдрать сумку, но не тут-то было. Она проиграла в воображении, как не просто не отдаст свою прелесть, но и наподдаст мерзавцу ногой в тяжёлом Мартинсе. Разъярённая и прекрасная она плюхнулась в белый фольксваген на заднее сиденье.

– Включите печку посильнее, – попросила она, – пока я вас ждала, отморозила себе мозги, – она не знала, почему внезапно выбрала именно эту часть своего бренного тела, но слово, как говорится, не воробей.

– Мозги? – с лёгким, но оскорбительным нажимом переспросил водитель, выкручивая руль, чтобы съехать на дорогу, и характерно поворачивая при этом голову в чёрной шапочке и чёрных очках.

Люся сразу узнала его. Могла ли она его не узнать?!

– Как это? – только и сумела прошептать она. – Ты разве не в больнице?

– Как видишь, – голос был таким же непроницаемым, как очки. – Я должен тебе кое в чем признаться.

Поскольку пораженная Люся молчала, он продолжил.

– Дело в том, что я серьёзно болен. И это не главная новость. Главная новость состоит в том, что теперь больна и ты.

– О боже… чем?

– Не имеет значения, как это называется, и, по правде сказать, я даже точно не знаю, как болезнь будет проходить у тебя, но ты от меня заразилась.

– Откуда ты знаешь? Надо же сдать анализы…

– Анализы не нужны. Но раз ты меня видишь сейчас… ты ведь меня видишь?

Люся кивнула.

– Ну вот, значит, ты больна. Не пугайся. Просто наблюдай. Не вмешивайся. Отнесись к этому как к интересному опыту. Как только я пойму твои симптомы, мы попробуем остановить болезнь.

– Хорошо, – Люся немного помолчала. – А как болеешь ты?

В это время они свернули на трассу, по краям которой улыбались из-под пушистых усов запорошенные сверкающим снегом сосны.

– Я вообще не просыпаюсь.

– Ммм… в смысле, ты впал в кому и не можешь проснуться?

– Не совсем. Я засыпаю, мне начинает сниться сон, хотя я бы ни за что не отличил его от яви, а потом вместо того, чтобы проснуться, я снова засыпаю и мне начинает сниться сон. И так бесконечно. Помнишь, у кого это – чувак просыпался и просыпался в новый сон? А я вот наоборот.

Виктор задумался, и Люси уже показалось, что он забыл о ней. Или заснул. Она обеспокоенно заглянула ему в лицо. Но он продолжил.

– Сначала я пытался считать, хотя бы примерно, сколько раз я уже заснул, но потом сбился. После десяти тысяч…Да и зачем это? В общем, не удивляйся, когда я засну.

– Главное, не за рулём, – попыталась пошутить Люся. В целом, болезнь ей показалась нестрашной и несколько надуманной. Если не засыпать в ответственные моменты.

– К сожалению, я не умею этим управлять.

– А давно это с тобой?

– Ха-ха, – без всяких эмоций произнёс Виктор. – Это сложно определить.

– То есть ты хочешь сказать, когда я вчера поцеловала тебя, это как раз был тот самый момент, когда ты провалился в свой очередной сон?

Виктор снова надолго замолчал. Его молчание можно было интерпретировать по-разному. Например, Люся задала идиотский вопрос, и он не собирается на него отвечать. Или он сам не знает ответа, потому что вопрос не из простых. Люся перестала ждать и сосредоточилась на красиво замерзающем по краю окошке.

– Для тебя имеет значение только то, что это был тот самый момент, когда ты от меня заразилась. Я должен предупредить тебя, что эта болезнь передаётся через поцелуй. Это важно, постарайся никого не заразить.

– Теперь мне нельзя целоваться ни с кем, кроме тебя?

– Да.

– Ура! А от кого заразился ты? – Люся никак не хотела сосредоточиться на себе, её интересовали подробности жизни кумира. – Кого ты поцеловал?

– Люся-Люся, – успел сказать Виктор и отключился, а через секунду машина съехала в кювет, несколько раз перевернувшись. Люся почувствовала, как её тряхнуло, подбросило и стукнуло головой, в ту же секунду она открыла глаза в своей комнате. Звонил телефон.

*

– Алло, – офигевшая Люся пыталась сообразить, что к чему, но пока в голове (которая, к слову, сильно болела, как будто Люся и в самом деле только что зверски треснулась ей о потолок в машине), всё это не особенно укладывалось.

– Люси, – произнёс без эмоций знакомый голос, – открой, пожалуйста, дверь.

Люся, взлохмаченная и неумытая, прошла мимо икеевского зеркала и даже не взглянула на себя. Открыв дверь, она обнаружила на пороге Виктора. Чёрные очки мистически поблескивали. В руках у него был коньяк и прозрачный пакет с лимонами.

– Я не пью, – Люся отодвинулась к стене, давая ему пройти.

– Я тоже, – он снял куртку и, не разуваясь, прошёл на кухню. – Это для другого.

На кухне Виктор по-хозяйски достал рюмки, помыл прямо в пакете лимоны и принялся их ловко нашинковывать прозрачными колечками на разделочной доске, которую Люся куда-то задевала в позапрошлом месяце и уже смирилась с пропажей.

– Садись, – он показал ей подбородком на табуретку, – у нас мало времени. Слушай.

Люся слушала и обмирала. Мир сошёл с ума, время вышло из сустава.

– А если я не смогу?! – в голосе заискрились истерические нотки.

– Тогда ничего не получится, – лицо Виктора ничего не выражало.

– Сними очки, – внезапно потребовала Люся.

– Зачем?

– Я хочу увидеть твои глаза.

– Не уверен, что это хорошая идея.

– Тогда я отказываюсь участвовать в этой ереси. Это же бредятина… Ну сам подумай, куда мы там вынырнем? С чего ты взял, что это так сработает?

– Это моя гипотеза, и мы с тобой уже семь раз её успешно проверили. Надо спешить, пока ещё не слишком много оборотов сделано.

– А почему я ничего не помню?

– Потому что здесь с тобой это ещё не произошло.

– А если мы умрём? Травanёмся этим твоим секретным ингредиентом?

– Да нет, вряд ли. – Виктор взял влажной рукой бутылку и придирчиво осмотрел её этикетку, вернул на место и дорезал последнее лимонное колечко. – Гарантии, конечно, нет, что всё будет так, как я предполагаю, но просто давай попробуем.

Он достал из кармана небольшой бумажный свёрток, положил его на стол и медленно развернул. В центре мятой бумажки покоился кусочек коры.

– И это твой секретный ингредиент? – Люся потрогала кору пальцем, как сдохшую канарейку. – А почему ты решил, что я начну от этого засыпать, а ты просыпаться?

– Долго объяснять. У нас мало времени. Смотри. Тут важна последовательность. Сначала мы едим кору, тебе надо её мелко-мелко разжевать. Она горькая и противная. Но ты должна её проглотить, потом съесть как можно больше лимонов, и когда почувствуешь, что больше уже не можешь, надо запить всё коньяком. Дальше ты почувствуешь, что засыпаешь. Здесь важно открыть глаза внутрь. И ты как бы окажешься в своём прошлом сне.

– Да, я это поняла. Но там ведь не будет всего этого гастрономического роскошества, чтобы двигаться дальше.

– Предоставь это мне. Ты не представляешь себе… – он замолчал.

– Договаривай, – Люся напряглась.

– Ты не представляешь себе, чего мне стоило добраться до *здесь* и *сейчас*. Осталось совсем немного. Давай постараемся не откатиться.

– Постой. Если я правильно поняла, ты хочешь, чтобы мы отмотали всё на до поцелуя, да?

– Да.

– То есть, с тобой всё будет по-прежнему?

– Да.

– Ты не сможешь проделать всё то же самое для себя и того человека, от которого ты заразился.

– Нет, не смогу. И это был не человек.

– Животное? Ты поцеловал животное?

– И не животное.

– А кто?

– Я бы не хотел сейчас в это углубляться. Есть ли у тебя вопросы по существу?

– Зачем тебе нужно, чтобы я не заразилась?

– Это нужно тебе, просто в этой точке ты об этом ещё не знаешь. Есть ли у тебя ещё вопросы по существу?

– Да. Ты снимешь очки?

– Нет.

Люся протянула руку и сняла с Виктора очки.

Кухня поплыла перед её глазами. Виктор стремительно вернул очки обратно.

– Люси, только не отключайся, подожди, – он поднёс к её рту кусочек коры. – Откуси немного и жуй. Вот так, да. Разжуй мелко. – Он тоже откусил небольшой кусочек. – Не закрывай глаза, подожди. Тише, тише, – Виктор подхватил сползающую с табуретки Люсю под мышки. Она старательно жевала, глаза у неё подкатывались. – А теперь глотай. И вот лимончик. – Он принялся засовывать ей в рот один за другим бледно-жёлтые кружочки. Она морщилась, но послушно открывала рот. Когда она в такт жевательным движениям сделала пару рвотных, он поднёс к её губам рюмку с коньяком. – Залпом! – скомандовал он.

Люся выпила, закрыла глаза и одновременно внутри себя их открыла. Сначала ей казалось, что она падает куда-то спиной. Или какой-то ветер несет её со страшной скоростью, но внезапно движение полностью остановилось, и она почувствовала, что стоит на морозе в лёгкой куртке, прижимая к груди сумку. Подъехал белый фольксваген.

Люся осторожно открыла дверцу и села рядом с водителем. Он поднёс к её губам кусочек коры, и всё повторилось. Когда вихрь затих, она обнаружила себя дежурящей среди других девиц под подъездом любимого писателя. Дверь открылась. На пороге показался Виктор Р. В руках у него сидела лысая кошка. Чеканным шагом он подошёл к Люсе и вручил ей кошку.

– Её зовут Культовый писатель. – Виктор помолчал, поправил очки и поцеловал Люсю в левый глаз.

Послесловие

– И он что – специально для этого пришёл? – спросила Ганна Че, закуривая и пытаясь попасть колечком дыма на угол тумбочки. Они втроём с Культовым писателем лежали на Люсиной кровати. Культовому писателю что-то снилось, и она подрагивала во сне вибриссами и лапками.

– Он специально для этого родился.

– Ха-ха, – сказала Ганна и выпустила большое неровное кольцо.

– Меня больше интересует другое… – Люся почесала Культовому писателю за ушком.

– Что?

– Проснулся ли он. Или он так и продолжает всё глубже проваливаться в сон?

– Подожди. Но ведь он же не заснул… – колечко дыма наконец идеально село на угол и стало медленно растворяться. – Или ты имеешь в виду – раньше? Слушай, а я не поняла, что у него с глазами?

– Страбизм.

---

[1] Ну допустим, – подумали вы.

ИЗМЕНА
рассказ

– Никак не могу понять, – в её лазурных глазах дрожали и переливались подступающие слёзы, веки и кончик носа нежно покраснели, – как ты мог… ведь это предательство, понимаешь? – она опустила взгляд на тонко нашинкованную капусту, ожидающую своей очереди украсить борщ, и по щекам хлынул настоящий райнский (именно так! – именно так говорил мой приятель-немец) водопад.

Егор понимал. То есть он с сочувствием и раскаянием претерпевал в миллионный раз этот неослабевающий натиск возлюбленной, но не знал, чем на него ответить. Вот ведь как ей объяснишь, что эта была просто… минутная слабость. Это, как ты, милая, любишь имбирь в сахаре и аж трясёшься, когда его видишь, и пока всё не съешь, не успокоишься. Ну вот, и я тоже просто не смог устоять, точнее увисеть, перед чем-то очень вкусным. Я же не знал, что ты узнаешь. Я же не думал, блин, что эта идиотка выложит в инстаграме мою спящую физиомордию и тегнет меня. Не это же ему было говорить Еве, но в глубине себя он точно знал, что никакое это было не предательство, а просто всё так неудачно сложилось.

Не повезло. Он вздохнул.

По опыту прошлых бурь он помнил, что надо запастись терпением часа на полтора, не спорить, не скупиться в уверениях любви, и в конце концов Ева выдохнется, затихнет, уйдёт в спальню и, надев наушники, углубится в очередной нетфликсовский сериал. А Егор нальёт себе всё ещё горячий овощной борщ, добавит сметану и, не чувствуя вкуса, съест. А потом ляжет в проходной комнате на диване, где спит уже два месяца, и будет смотреть видосы, пока сон не разлучит их.

«Завтра суббота», – подумал Егор с тоской. Прошлые выходные были просто эпически дерьмовыми. Он даже придумал слоган, под которым они с Евой разбегутся: Our relationshit is over. На русский его окказионализм relationshit переводился с потерями, самым точным и всё же не добивающим по красоте до оригинала было слово «говношения».

Когда начались будни, всё вроде как-то рассосалось, но безделье и праздность – лучшая основа для ссор. Ева гомерически всхлипнула и помешала краснокипящее варево в шлемоблещущей кастрюле (Гектор, ты?).

– Мне сложно перестроиться… я не знаю, как вернуться… в доверие, – теперь она стояла к Егору спиной, и он видел, как нервно вздрагивает её плечо в рифму с некоторыми словами, – это как законы физики. Если положить куриное яйцо в кипящую воду на десять минут, то оно сварится вкрутую, и потом можешь его, сколько захочешь, охлаждать, – Ева трагически развела рукой с половником, – оно уже не сделается сырым, и уж тем более, из него не выведется цыплёнок.

– Интересный закон физики, – миролюбиво и практически неслышно произнёс Егор, но Ева чутко отозвалась:

– Да, – сказала она так твёрдо и веско, что даже перестала плакать, – и наше яйцо – сварилось!

Потом торжественно помолчала с минуту и вконец разрыдалась.

Егору было её ужасно жалко, он интеллектуально заметался, пытаясь хоть что-нибудь противопоставить неопровержимости яйца. Но ничего столь же крутого в голову не приходило. Лучше всего бы у него получилось обнять её, как он раньше всегда утешал Еву, с самого восьмого класса. Но с некоторых пор она начала выворачиваться из его всё более нелепых и неумелых объятий, поэтому лучше и не пытаться. «Лучше и не пытаться» – повторил он мысленно и подошёл к ней, провёл по плечам – еле-еле касаясь фалангами пальцев. Ева моментально обернулась, чиркнула по нему огненным взглядом, сказала нежно и грозно:

– Нельзя, нельзя! Я же просила, ну? Как ты не понимаешь! Это больно, – она снова помешала варево, которое весело кипело и булькало, перевела его на маленький огонь и накрыла крышкой набекрень, – я раздваиваюсь. Одна моя часть всё ещё любит тебя, а другая – ненавидит. Одна… – Ева снова всхлипнула.

– Я придумал, – внезапно вскрикнул Егор, ещё даже не успев до конца сообразить, какая синица залетела ему в голову. – Давай введём мораторий.

– Мораторий? – удивилась Ева.

– Да, – давай введём мораторий на одни сутки. Ровно до, – он посмотрел на телефонные часы, – 18:56 завтрашнего дня мы не будем вспоминать, думать и говорить о моей измене.

– А что мы будем? – раздумчиво спросила Ева.

– Мы будем смотреть кино, а еще – мы закажем пиццу – твою любимую с горгондзолой и грушей, и облепиховый морс, и будем лежать, обнявшись, а потом заснём.

– Ну вот про *обнявшись* я не уверена, – глаза у Евы высохли и поумнели. – В целом… в целом, мне нравится такой план.

– Ура, – сказал Егор и, теряя на ходу тапки, побежал в проходную комнату включать телевизор и искать подходящий фильм.

Субботним утром Ева сладко спала в объятьях Егора, на её щеке отплясывал молодым Константином Райкиным солнечный зайчик. И тут она вдруг открыла свои мальдивные глаза, посмотрела на меня в упор и отчётливым шёпотом произнесла: «Тебе было бы лучше назвать рассказ не «Измена», а «Мораторий». Победно улыбнулась, глубоко вздохнула, слегка съехала по подушке влево вниз, уткнулась Егору носом в локтевой сгиб и закрыла глаза. Солнечный зайчик как ни в чём не бывало продолжил свои прыжки и ужимки на ткани наволочки из Икеи, а я, честно сказать, так офигела, что поджала губы, захлопнула ноут и просидела так примерно с минуту (ну вот, как ты сейчас, когда читаешь этот рассказ – я не вижу отсюда в бумажной версии или электронной – а я тебе говорю: «эй, сядь ровно, вредно так изгибать позвоночник» и смотрю тебе прямо в глаза. Хотя нет, дурацкий пример).

Ровно в 18:56 они решил продлить мораторий ещё на три дня, а потом на неделю, а потом на месяц, а потом они продлевали его каждое третье число каждого месяца много лет. У них родилось двое детей: погодки Виталий – в честь её дедушки и Зоя – в честь жизни и в поддержку Виталия. Виталий окончил психологический, а Зоя, не доучившись на архитектурном, уехала в Питер и открыла свою крафтовую кондитерскую.

Однажды вечером 5 ноября Ева рассовывала по полочкам и шкафчикам посуду из посудомойки, а Егор, как кот, караулил в духовке запекаемый с оливковым маслом и специями батат. Параллельно одним ухом он слушал новости (ну да, им с Евой было уже за пятьдесят, и он слушал новости. Все слушают новости, когда стареют, не старости же им слушать). Молодой диктор рассказывал об известном певце, которому исполнилось в этом году девяносто четыре года, и вот вчера его разбил инсульт.

– Когда меня разобьёт инсульт, – Егор печально улыбнулся, – я непременно запощу в фейсбуке селфи с кривой улыбкой и приветливым подъятием действующей руки, и подпишу фото «инсульт- привет!».

Ева радостно захохотала.

– Это ужасно, – сказала она, отсмеявшись.

– Ой, – Егор хлопнул себя по лбу, – как это вылетело у меня из головы?

– Что именно? – Ева поставила последнюю крышку от сковороды боком на верхнюю полочку.

– Я забыл продлить наш мораторий!

– А, ну да, – она закрыла посудомойку, подошла к Егору и обняла его. – Да ну, в нём давно нет необходимости, потому что я и так знаю, что ты меня любишь, а та история была… ну примерно, как я ем имбирные цукаты. Ты же знаешь. Аж трясусь, когда вижу. Пока всё не схомячу, не успокоюсь. К тому же, – Ева нежно поцеловала его в уголок губ, – я должна тебе кое в чём признаться.

– Ну-ка, – Егор слегка напрягся.

– Помнишь, на третий день после того, о чём мы столько лет не говорили, я потащила тебя к психологу?

– Да, помню, конечно, – ты нашла какого-то дебила в инстаграме.

– Ну, положим, не такого уж и дебила. Знаешь, сколько у него было тогда подписчиков?

– Тоже мне критерий ума!

– Ну неважно. В общем, нам с тобой он тогда обоим не зашёл, потому что стремился изо всех сил нас развести.

– Да, помню. Говорю же – дебил.

– Но знаешь, одного его совета я несколько месяцев спустя всё же послушалась.

– Так, и что это за совет?

– Ты только не нервничай. Тебе нельзя волноваться, – произнесла Ева мелодично. – Ничего особенного. Он просто посоветовал мне поступить симметрично.

– В каком смысле? – Егор нахмурился.

– Изменить тебе.

– И?

– И…

– …?

– Ну я изменила.

– ?!!! – Егор просто открыл рот и не мог ничего сказать, но глаза – глаза были красноречивее всяких слов. Они просто выкатились из орбит, и Егор стал похож на фотографию человека с дефектом щитовидной железы из медицинского справочника.

– Мораторий, – весело закричала Ева и поцеловала его в нос.

РАЗНОСЧИК РОЛЛОВ
рассказ

Ммм… да, походу, последний раз он ел вчера утром. Арслан угостил его каким-то дошиком. Вчера он не работал, спал, а сегодня надеялся на чаевые, но, как назло, все жались, не дали ничего. Он остановил лифт, направлявшийся на шестнадцатый этаж, вышел на седьмом, прошёл через общий балкон на лестницу, сел на ступенях (в левом боку ощутимо кольнуло – приятель Дины зарядил ему с ноги ещё на прошлой неделе), снял короб со спины и достал из него пакет. Пакет был ненадёжно, совершенно символически залеплен продолговатой фиговиной. Он аккуратно подцепил её ногтем и без происшествий отклеил. В пакете обнаружились две большие коробки с сетами, три маленьких с отдельными видами роллов и одна с сушами. Маленькие он сразу отложил, сосредоточился на больших. В принципе, можно незаметно съесть по две штучки из каждого вида. Их тут по раз, два, три… восемь. Будет по шесть. Незаметно. Так иногда режут.

Он также медленно отклеил магическую печать с чёрного гробика, откинул прозрачную крышку и поцеловал спящую красавицу прямо в ролл «Калифорния». Ясное дело, надо было есть медленно и получше жевать, чтобы надёжнее наесться, но одно дело – знать, как правильно, а другое – остановить голодного распалённого принца. Он очнулся только тогда, когда вдруг понял, что роллы немного сдвинулись от его движения, и он нечаянно залез в запретное – одного вида осталось пять штук. Он чуть не расстроился, но тут вспомнил, что иногда в некоторых сетах бывает по полвида. Так что он мог оставить по четыре или даже по три ролла из двух видов. Он решил не мелочиться и оставил по три, соединив три и три, чтобы они смотрелись целостно. В гробике поскучнело. Второй гробик своей наполненностью теперь компрометировал первый. Пришлось разобраться и с ним.

Захотелось пить. Он согрелся наконец, даже чуть-чуть вспотел. Только ступни ещё были холодные. Наладив всё, как было, и засунув в короб, он снова вернулся в лифт и доехал до шестнадцатого этажа. В домофон он не звонил, потому что какие-то молодцы заносили в подъезд мешки с цементом и дверь была распахнута. Перерыва на обед в связи с этим никто не заметил. Он сверил с смс номер квартиры и позвонил. В квартире долго шаркали и возились с замком, когда же дверь открылась на пороге оказалась пожилая полноватая женщина в чёрном тянущемся платье с люрексом и печальным лицом.

– Ой, – женщина всплеснула руками, – хорошо, что вы пришли. Заходите. – И отправилась куда-то в глубину квартиры.

Он достал уже к тому времени пакет с заказом, но не успел ей вручить и мялся на пороге. Вообще-то заходить к клиентам возбранялось.

– Можете не разуваться, – донеслось из недр.

Он потоптался ещё снаружи и перешагнул порог крошечной прихожей, обклеенной пластиковыми панельками, имитирующими кирпич. В прихожей было темновато, свет проникал сюда в основном из кухни. Он снял, придерживая другой ногой задник, кроссовки, пододвинул их в уголок, спрятал дырку в носке между пальцами и пошёл на свет.

Хозяйка наклонилось над столом, досервировывая фаршированные яйца. Маленький стол был густо уставлен розеточками с разнообразными салатами, судя по тарелкам, всё угощение было рассчитано на четырёх человек. На плите дымилась только что сваренная картошка, а рядом пригрелась мисочка, доверху наполненная аппетитными румяными котлетами.

– А садись, садись сюда, – сказала она ему приветливо, как старому знакомому, принимая из его рук пакет и отставляя на микроволновку. – Дверь запер?

– Н-н-нет, кажется, – он оглянулся на прихожую.

– Сиди-сиди, я всё сделаю. А ты вино пока открой. Понимаешь, – она удалилась, чтобы исправить его оплошность, – гости не смогли прийти, а я и вино-то сама не открою, суставы *болять*. – Она так и сказала «болять».

Он нашёл глазами бутылку с красным сухим, рядом с ней штопор и занялся делом.

– Меня Марьиванна зовут, – пригласительно представилась женщина.

– Андрей, – он пыхтел над бутылкой и не сразу понял, что произошло. Марьиванна издала тоненький звук, а потом мерно как будто бы застучала. Когда он справился с пробкой и протянул ей побеждённую бутылку, увидел, что она плачет, закусив рукав своего чёрного платья.

– И сыночка моего Андрюшей звали, – она схватила со стола салфетку, решительно вытерла глаза и громко высморкалась. – Это всё поминки по ему. Не пришел никто… не смог. Ну и ладно, ну и ничего, мы с тобой его помянем. Сейчас… давай-ка вон тарелочку. Сорок дней сегодня.

Марьиванна положила ему столько, что пока тарелка плыла в его руки, с неё дважды с разных сторон что-то упало.

– А водочка есть, – она затормозила над его бокалом бутылку с вином и посмотрела со значением, – мне нельзя, я вино только, – поскольку Андрей с набитым ртом промычал что-то невразумительное, она налила ему вино, – но, если что, ты говори.

Марьиванна взяла в руку свой бокал, как будто собиралась сказать тост, и замолчала, задумалась. Потом втряхнулась и отпила глоток.

– Он ведь знаешь каким был, Андрюшенька мой? Он добрый был, очень добрый. Как-то я его на коляске везла, не ходил он у меня, болели ножки, так его и возила до смерти… Тогда ему тринадцать лет было, да. И вот везу его, а под колёса кошка бездомная – облезлая, худющая. Я ей «куда под колёса» и отпихнула так, небольно. А Андрюша мой так расстроился, кричал на меня, даже ударить пытался, я увернулась. Кошку так ему жалко стало.

Андрей слушал, опустив глаза в тарелку, изредка кивая.

– У всех своя доброта, – неожиданно даже для себя произнёс он.

– Да-да, – обрадовалась Марьиванна, – я же тоже не со зла тогда, а чтоб под колёса, чтоб не повредилась она, кошечка. Мы потом её искать ходили, запаслись кормом, но так и не нашли, другим котам отдали. Ты кушай, кушай. Я тут болтаю, отвлекаю тебя. А твои родные где?

– Мать и три младших брата. В области.

– Навещаешь их?

Андрей вспомнил, как в последний его приезд очередной сожитель матери на глазах у мелких дал ей леща за подгоревшую кашу, и когда Андрей попытался за неё вступиться, она набросилась на него с кулаками и отборным матом.

– Неа, – он наколол котлету целиком и отправил в рот.

– А мы тоже с Андрюшенькой без отца. Он когда узнал, что Андрюшенька инвалидом будет всю жизнь, собрал вещи свои и уехал. И больше – всё, не видели мы его. А два года назад сестра его позвонила и сказала, что умер. Сердце не выдержало. Переживал, видать. Конечно, своего сына оставить. Это ж как тяжело. Тоже был хороший. Весёлый, ласковый. Цветы дарил. Давай – за упокой его души, – она требовательно приподняла и приблизила бокал к бокалу Андрея. – Упокой, Господи, душу раба твоего Алексия, прости ему прегрешения вольные и невольные и даруй ему Царствие Небесное.

Андрей выпил вина. В целом, он уже основательно наелся. И вообще-то, по-хорошему надо было возвращаться к работе, но он уютно устроился на этой маленькой кухне, пригрелся и никуда больше не хотел уходить.

– Андрюша, он рисовал красиво, драконов, девушек. Я покажу тебе потом, – сказала она доверительно. – И стихи писал. Сложные очень. Как-то даже в журнале специальном опубликовали. Я читала, грешным делом, ничего не поняла. Талант у него был. Ты ешь, ешь. Давай я тебе ещё котлеток подложу, – она потянулась за его тарелкой.

– Нет-нет, спасибо, я уже наелся, – Андрей прикрыл рукой тарелку от посягательств. – Очень вкусно.

– Тогда давай за упокой души Андрюшеньки моего, сыночка моего, – Марьиванна наполнила бокалы. – Пусть ему там будет хорошо, тепло, сухо, спокойно, пусть будет лучше, чем здесь, – она снова судорожно заплакала, сожмурившись с такой силой, что больно было смотреть. – Пусть там лучше будет, раз тут ему так плохо было, что не захотел он остаться со мной. Маленький мой Андрюша, сыночек мой. – И она выпила весь бокал большими глотками, как воду или как лекарство. – Так люблю его, так люблю, сил нет, боль какая.

Андрей смотрел на неё и внутри поднималось странное чувство, природу которого он затруднялся определить. Ему вдруг страшно, как никогда раньше, захотелось, чтобы его тоже любили. Вот так сильно, до боли, до слёз. Но никто в его жизни не любил его, никому он не был нужен. Ни матери, ни дуре Динке, никому на свете. И так ему стало грустно, а, может быть, он уже немного опьянел, что он тоже заплакал. Марьиванна поднялась со своего места и, не глядя (как только она поняла, что он заплакал? почувствовала как-то), обняла его. И так сидели они бесконечность. А потом как-то отпустило. Даже неловко стало. А потом они ещё выпили, вспомнили о роллах, закусили и ими.

– Поздно уже как, – воскликнула Марьиванна, взглянув на микроволновочные часы.

– Да-да, пора мне, – засобирался Андрей.

– Что ты, куда там он пойдёт. Час ночи. Никуда нельзя, сейчас я тебе постелю.

Марьиванна принесла Андрею банное полотенце зелёного цвета и домашнюю одежду – трикотажные чёрные брюки и майку с надписью «Поэзия или смерть».

– Вот это всё чистое, не бойся, одевай.

Андрей взял и нетвёрдой походкой отправился в ванную.

Заснул он практически моментально. Давно уже он не лежал на чистом вкусно пахнущем белье, и так ему было хорошо, так хорошо…

Андрей проснулся. Солнце светило в комнату сквозь пыльно-бежевые занавески. Вошла Марьиванна с подносом, на котором стоял стакан с чаем в подстаканнике и тосты с сыром.

– Чай с лимончиком, как ты любишь, Андрюшенька, – проворковала Марьиванна и поспешно вышла.

Андрей привычным движением откинул одеяло и на руках перенёс своё тело в рядом стоящее инвалидное кресло. Подъехал к компьютеру, включил его, пальцы сами бегло набрали пароль. Он отпил горячий сладкий чай из стакана и с удовольствием захрустел тостом. На тумбочке звякнул сообщением телефон. Андрей подъехал, взял телефон, просмотрел. Арслан писал ему про какой-то ключ. Не так. Какой-то Арслан писал ему про какой-то ключ. Надо было умыться. Андрей легко выехал из своей комнаты, проехал по коридору мимо жёлтого короба, криво нагнувшегося влево, и закрылся в ванной, чтобы приступить к утреннему туалету.

ОЛЬГА АНДРЕЕВА

Я СКАЗАЛА – УДАРЬ
рассказ

Шестилетняя восточная красавица Надя часто играла с моими детьми. Они с матерью Таней (Талигой) жили напротив нашей съёмной гостинки на девятом этаже, дверь в дверь. У Нади – нежный румянец на смуглых щеках, сияющие карие очи с тяжёлыми веками и чудесные крупные тёмно-каштановые локоны, от ребёнка не отвести было глаз. Таня спокойно принимала комплименты о красоте дочери:

– Все говорят.

В кого Надя так хороша, Таня не уточняла. Сама она была маленькой, подвижной, с короткими прямыми почти чёрными волосами и с совершенно незапоминающимся лицом. Мужа не наблюдалось, но постоянно приезжали-уезжали шумные деловитые мужчины тюркской внешности, Таня торговала овощами на рынке, эти хлопцы привозили ей туда овощи оптом. Они быстро развернулись, стали нанимать местных русских женщин на торговлю, Таня была у наших девочек вроде бригадира… Ходили слухи, что азербайджанцы быстро вытеснили русских с рынка в нашем немаленьком южном городе, оставив местным только розничную торговлю.

С Таней у меня отношения установились хорошие. Она была измученной загнанной послушной исполнительницей в кругу своих работодателей, жёсткой командиршей над безработными девочками на рынке – а дома вдвоём с ребёнком просто стремилась создать Наде уют и научить её чтению, письму и домашним делам. В их комнате было хорошо и странно, стоял восточный «сундук невесты» с узорами, красивые кувшины и прочие нездешние мелочи. В день рождения Нади Таня и соседей к столу позвала, мы ели что-то вроде открытых пельменей, квадратики теста с фаршем вперемешку. Вкусно. Было два молодых парня, кто они – бог весть.

Ещё Таня гнала и продавала самогон – запах стоял тогда на весь этаж, система-то коридорная. Но никто не возражал – а что делать матери-одиночке? Девяностые стояли. Провинция выживала, как могла.

Ни она, ни я никогда не впадали в расспросы или в откровения – не хотелось нам откровенничать друг с другом.

Моя подруга Лена, с которой мы раньше работали программистками на судоверфи, теперь, после банкротства предприятия, торговала овощами на рынке под Таниным руководством. Свежие овощи им привозили в четыре-пять утра, а потом хрупкая Леночка весь день стояла на ногах, тщательно взвешивая и вежливо улыбаясь каждому клиенту. Но вскоре Таня стала её ругать – за то, что не обвешивает покупателей!

– Самая умная, да? Все так делают – и ты делай! Или ты хочешь, чтобы у тебя быстрее раскупали? – грозила, что уволит, обучала разным хитрым способам обвеса…

От этого стояния за прилавком у Лены развился варикоз. На её длинных стройных двадцатитрёхлетних ногах стали выпирать некрасивые бугристые вены… Она отчаянно искала работу несколько лет, а потом уехала в Норильск, работать на «Норникель» и дышать диоксидом серы.

Однажды Талига принесла мне большую пачку денег и попросила спрятать у нас в квартире, она потом заберёт. Мой муж запретил категорически, он лучше меня представлял, в какие времена живём, шёл 1995-й.

Моей Свете тоже тогда было шесть, как и Наде. Младшей, Лене, шёл второй год. Света уже три года как училась в музыкальной школе, весь этаж слушал наше немецкое пианино. Надя с интересом к нему подошла, взглянула на меня вопросительно – я разрешила. Погрохотала по клавишам около двух минут. Света стала ей что-то показывать – но она уже потеряла интерес к инструменту, отвела душу. И ни разу больше к нему не подошла.

Я читала им сказки и детские повести – подбирать старалась такое, чтобы и Света не скучала, и Надя понимала.

А особым аттракционом у нас тогда были диафильмы. Их обожала малышка, да и старшая любила, хотя и помнила наизусть. И с восторгом, когда я стала вешать экран-простыню, Света побежала звать Надю – в предвкушении радости, которую она подарит подруге – Надя диафильмов раньше не видела.

Смотрели мы в тот раз «Сказку о глупом мышонке», к которой неровно дышала Алёнка, – она то подпрыгивала у меня на руках, то бегала к экрану показать пальцем на персонажей – и две шестилетние смеялись над её огромной тенью на простыне.

– Утя! – спойлерила Алёнка, кого ж дальше позовёт мышка-мать.

– Иго-го!

Света радостно подтверждала, что сестричка правильно всё помнит.

Надя глядела на экран торжественно и серьёзно. Рядом с ней нежная блондинка Света казалась очень узкой в плечах, бледной и щуплой, даже кожа её казалась тоньше – в прямом, а не в переносном смысле. Но вела она себя, как взрослая с двумя малышами – Надей и Алёнкой. Надя принимала её первенство, тем более что оно было добрым и ненавязчивым.

На экране появилось слово «конец», Светуля включила свет – ритуал прошёл на славу!

– Всё? Слава бога. – сказала Надя, слезая с дивана. Не поняла она, чем же эта вещь лучше телевизора.

Услышанное по телевизору Надя часто с очень значительной интонацией рассказывала подруге:

– Я всё-таки уговорю маму купить мне маленькую собачку. В доме, где есть кошки или собаки – полтергейста нет. И ещё – я ей когти буду красить. Когти собаки должны быть покрашены в цвет платья хозяйки.

Моя старшая с интересом поддерживала светскую беседу, ей было ново и занимательно в Надином мире.

Мы редко включаем наш телевизор при Свете – с тех пор, как наши войска вошли в Чечню. Мультики разве что, или «В мире животных». «В принципе, несложно быть фламинго» – рассказывает Николай Дроздов. Или – «О неверности самок кошачьих лемуров ходят легенды…». Света слушает очень внимательно.

Летом в нашем городе температура под сорок. Девятый этаж нашего общежития гостиничного типа находится непосредственно под плоской крышей, раскалённой от солнца. В квартирках – как в микроволновке. Жара стоит густая, непобедимая, до десяти вечера. Дома сидеть невозможно. Плавятся мысли, цепенеет воля. Все устраивают сквозняк, раскрывают балкон и дверь в коридор – но не тут-то было, Талига тоже раскрыла дверь, она варит самогон…

Надо бежать. Собираю своих, забираю Надю и убегаем с детьми на пляж до вечера, точнее, до первых комаров. Я поглощена младшей, старшие – две лучшие подружки, одна покрупнее, с чёрными локонами, у второй голубые радостные глаза с искорками и косы цвета платины. В воде и на песке беззаботно дурачатся весь день, попутно Света учит Надю читать, довольно успешно. А ещё они делали Тане таблички для рынка: «кинза», «петрушка» и так далее.

Сама Светка начала читать в два года десять месяцев, и сейчас она этого просто не помнит. Читает книжку за книжкой. Иногда её удивлённо спрашивают взрослые – когда же ты научилась? И Света отвечает с недоумением:

– Я всегда умела…

…Впоследствии и младшая научится читать к трём годам. Дело не в исключительных способностях, а в том, что я доверилась книгам семьи Никитиных о раннем развитии. А позже, прочтя японскую книжку «После трёх уже поздно», – а Свете было уже три с половиной! – сразу повела её в музыкальную школу. А то, что от такой маленькой ученицы отказались обычные преподаватели – но зато её взяла самая талантливая – это уже закономерность, разве нет?

Обратно с пляжа везу разморенных детей в маршрутке. Напротив светленький паренёк с московским выговором даёт чёткие инструкции по телефону: «Завтра еду в Замоскворечье, в гараж. Приготовь мне шестьдесят справок на морфий. Дома всё убери, чтоб ничего не было. У Паши всех повязали. Куда? В самолёт? Да что ты, в самолёт даже с пластмассовым пистолетом не пустят…».

Что это было?

У автобусной остановки в ларьке традиционно покупаем «жвачку про любовь» – «Love is…».

«Пропустить половину фильма в поисках её туфельки». «Сделать рамку для его детской фотографии». «Говорить, что её имя звучит как музыка». Света коллекционирует эти сентенции.

*

Как-то они прибежали вдвоём ужасно озабоченные, Надя к Тане, Света – ко мне:

– Мама, у тебя есть ненужная кожаная сумка какая-нибудь?

– Зачем? – вопрос лишний, у меня и нужной-то кожаной нет и не предвидится.

– Надо! Чтобы спасти котиков!

И выясняется картина маслом – дети откуда-то узнали, что в городе ведётся отстрел помойных котов. А чтобы не пострадали при этом домашние питомцы, решено стрелять только в тех, на которых нет ошейника от блох.

И дворовый отряд спасателей решил срочно надеть на шею всем котам хоть что-то похожее на ошейник. Дермантиновую сумку для овощей мы распустили на полосы довольно быстро, Надя тоже вернулась с добычей, и они обе умчались к лифту.

Мне эта акция в целом понравилась.

А вот в другой раз вышло хуже.

Светка вернулась со двора поздно, вся какая-то притихшая. Повертев на тарелке котлету, принялась рассказывать.

– Мы играли в свадьбы. В женихов и невест. Даша всех венчала. Было четыре пары.

Ну, норм. Свадьба – это красиво, отчего бы и не войти в роль.

– А тебя за кого выдали?

– Мама, ты не поверишь! За того мальчишку, который мне тогда камнем чуть в глаз не попал!

– Только у нас мальчиков было всего трое, а девочек семь.

Я засмеялась:

– То есть только три пары поженились?

– Нет, остальные девочка с девочкой поженились. Катя с Надей, а Вика с Машей.

– Отлично.

– Да. Только… – Светка отложила вилку, повернулась на табуретке, подняла коленки и обхватила их руками.

– Что случилось, Светуля?

– Настю еле уговорили «выйти» за Арсена. Она говорила: «я за русского хочу».

…Да уж. Семилетние шовинисты.

– А когда Катя с Надей вышли так на середину парой, Настя сказала – «фу, русская с чёрной!». И все засмеялись.

Я растерялась.

– Вот прямо все засмеялись?

– Ну, не все сразу. Сначала только Андрей и Настя. Потом Андрей Наде сказал – не хочу, чтобы ты с нами играла. И мы с Надей ушли.

Светка жалобно посмотрела из-подо лба:

– Мама, а чего они так, а?

Я увидела, что она *уже* что-то понимает и догадывается о том – отчего они так. И нам с ней обеим было стыдно этого знания и понимания. А я и не подозревала, что у нас во дворе так обострилась дружба народов…

– А Надя сильно огорчилась?

– Ну, она сразу мне сказала – ты оставайся, тебя же не прогоняют. Я сказала – не хочу. Тогда она развеселилась, и мы ещё с ней на каруселях покатались.

– Ну и правильно. Почему добрые и хорошие люди должны огорчаться из-за глупых и злых? Подрастут – поумнеют.

– Да? – недоверчиво взглянула на меня Светка. Ох, знакомый взгляд…

Поумнеют они, как же. Ведь это «фу» Настя из семьи принесла, не сама придумала…

*

Дети верят, что в мире всё разумно и логично. И всё неразумное пытаются объяснить. А когда начинают подмечать двусмысленность человеческих поступков – кончается детство потихоньку. И ты, взрослея, привыкаешь к этой двусмысленности, смиряешься с ней, подозреваешь её уже везде и во всём – даже там, где её нет и в помине. И уже не выглядишь таким же беззаботным и счастливым, как другие дети, «нормальные», то есть не настолько наблюдательные. И тебя уже не так балуют взрослые – они тебя стесняются, ты уже не дитя.

*

…А Света взрослым не очень-то доверяла всегда, вот уж кто умеет своей головой думать.

Как я помню этот Светкин недоверчивый взгляд искоса – огромных ярко-голубых ироничных не по возрасту глаз! Она и сейчас умеет так взглянуть. И так же – не спорить. Что толку с вами спорить.

– Ножкам холодно.

– А ты варежки надень – согреешься.

– Мама, не ручкам, а ножкам!

– Так у человека внутри – кровообращение! Кровь в ручках согреется, потечёт по сосудам к ножкам – и ножки согреются!

– Да? – с сомнением. И этот взгляд…

– Света, как ты думаешь, что больше, Луна или вон та звёздочка?

– Луна, конечно.

– А на самом деле звёздочка в тысячи раз больше. Просто она от нас очень далеко.

Взглянула косо на меня. Потом долго и скептически на эту звёздочку. И не смогла молчать. Холодно, тоном, не допускающим возражений:

– Луна – больше. Я точно знаю.

*

Впрочем, скоро во дворе всё наладилось, ксенофобия не прижилась – играть с Надей никто не отказывался. Бегала она быстро, мяч бросала хорошо, голос имела громкий и властный, смеялась заразительно всеми ямочками и локонами. И устоять против такой красоты мальчишки не могли, Надя стала своей.

И вот тут-то она стала обижать Свету – старалась это сделать при всех, на людях. То есть пока они вдвоём – всё хорошо, лучшие подружки. Впрочем, вдвоём-то они играли редко, у Светы музыка, Света любит читать книжки одна на балконе, рисовать… Когда они вдвоём – Наде интересно, но Света ведёт себя, как старшая. А тут, на улице, в шумной игре – тут Надя и ярче, и сильнее, и громче! И она норовила незаметно толкнуть Свету, дёрнуть прыгалку, чтобы та споткнулась, неправильно подсказать в игре… Света, конечно, очень скоро заметила эту перемену в подружке, сказала о ней мне.

– Ну что делать, значит, нельзя ей доверять. Просто будешь теперь с ней осторожнее. Не огорчайся, вот с Ваней и Гришей вы настоящие друзья. А Надя глупая просто ещё.

Хорошая была тогда у меня оттоворка, чтобы утешить ребёнка, универсальная – если кто-то из детей ведёт себя невыносимо – так это он глупый ещё. Подрастёт.

– Хочешь, я с ней поговорю?

– Нет. Я обещала ей, что не буду жаловаться. Я сама справлюсь, большая уже.

…Ну что тут скажешь?

Но Надя, почувствовав, что Светка отстранилась от неё в домашних играх, стала агрессивнее во дворе. Ей хотелось доминировать над кем-то, и эта беленькая спокойная зазнайка подходила лучше всех. Правда, однажды, когда Надя пыталась ей мешать в игре на площадке, Игорь ей сказал грозно:

– Не трогай Свету! – после этого Надя стала осторожнее. Она стала преследовать Светку, когда никто не видел. Светка мне не жаловалась – а как же, дворовый кодекс чести. Но однажды Надя уж сильно допекла – моя спокойная и жизнерадостная девочка пришла в слезах.

– Что? Надя? – сразу догадалась я.

Во мне возникло ощущенье тупика. Я не памятью, а кожей и закипевшей кровью вспомнила тех, кто травил меня в детстве, с шестого класса по восьмой, ни за что – за то, что не похожа на них, что хоть и стараюсь не быть ярче – но на уроках говорю, не молчу, и говорю лучше…

– Что ты выделяешься? – так дословно звучала главная претензия ко мне моих одноклассниц… Другие претензии касались моих кос, моей походки, моих стихов…

И сколько бы я ни давала им списывать, сколько бы ни решала за них контрольные, рискуя не успеть решить свою – всё равно было мало, всё равно кому-то не подсказала на уроке – потому что стыдно наглеть перед учителем, а кому-то не ответила на записку на контрольной – потому что мне её не передали…

И однажды они пришли ко мне домой, завели за сарай и начали долгий грозный разговор – три отличницы и две хорошистки. Травили меня только девчонки, ребята в классе жили своей жизнью. И если бы не бабушка, которая вышла на порог и громко меня позвала – моя боевая инициация произошла бы раньше, в этой честной драке.

А так уже в восьмом окончательно потерявшие берега красотки в школьных мини-формах (моя форма была сантиметров на пятнадцать длиннее, и спорить об этом с мамой было бесполезно, и это тоже было поводом для травли) обступили меня и стали бросать в лицо что-то презрительное – а учителя это видели, но предательски делали вид, что ничего не замечают, как и три предыдущих года, – и тут я двинула кулаком в наглое смеющее передо мной лицо Вальки Затулихи.

И – всё сразу стало хорошо, стало так, как надо! Лицо Вальки скривилось в слёзной мине, подружайки её обступили, Наталья Серая что-то злобно-угрожающее бросила мне в лицо – но уже звенел звонок, и моя подруга Ленка, которая всё видела (но боялась вступиться), горячо мне говорила, что я совершенно права, и мальчишки смеялись над зарёванной Затулихой. А две её спутницы уже жаловались на меня учительнице русского – вот и вся-то их честь, я три года не жаловалась – но она что-то им спокойно сказала – и начался урок.

И меня оставили в покое, а после восьмого классы переформировали естественным образом, и этот кошмар закончился.

А теперь, значит, они же тиранят моего ребёнка?! И не в шестом классе – а в шесть лет, мою добрейшую Светку, которая играет Бетховена и Чайковского!

– Что она сделала, Светуля?

– Схватила меня за руку и тащила по улице. Я не могла вырваться, и кричать на всю улицу тоже ведь не могла. А она тащила и смеялась…

Я представила, что вот это делают – со мной. И вы – представьте, что это – с вами. И милицию звать бесполезно.

– А ты её ударь, – посоветовала я. Глаза Светкины изумлённо округлились.

– Ка-ак??

– Как получится. Один раз ударь, и она отстанет. Не бойся, она крупнее тебя, ничего с ней страшного не случится. Вот если только ещё раз опять будет себя так вести – просто стукни.

– Мам. Ну разве можно – всё-таки?!

– Ну хочешь, я маме её пожалуюсь? Но это ведь не поможет?

– Не поможет. Она и так её бьёт часто.

Это была правда, и я знала об этом.

Но слёзы на глазах у Светки уже высохли, и настроение улучшилось.

*

Когда Света ударила Надю – я увидела выражение нескрываемой, торжествующей радости на родной курносой мордашке, и сама испугалась так сразу возникшего во мне неприятия – это что-то совсем чужеродное, не светкино!… Мой чувствительный ребёнок сразу понял, растерялся – «ну ты же сама мне говорила…». Она ведь – победила! В неравном бою! (Надя крупнее и выше).

В эту минуту я опомнилась и сказала, что всё правильно. Больше Надя мою Свету не трогала.

…Света ударила Надю по носу. Надя плачет, бежит домой, Света торжествует. Было за что. Надя её столкнула с порога, вцепилась, не пускала и т.д. Всё равно жалко.

Но Светка теперь знает, что против тупой силы можно применять запретное оружие. И оно действует. И в её жизни не было – и уже не будет! – этих трёх лет ада, которые я проходила в шестом, седьмом и восьмом.

Ну не настолько пока хорош этот мир, чтобы быть в нём пацифистами… Но стремиться к этому стоит, кто бы спорил.

Надя тоже знает теперь… что? Что надо искать другую жертву? Что не надо доводить человека до отчаяния? О, она уже много знает о жизни, хоть и читает пока что только по слогам…

Да не надо о ней-то горевать, ей в нашем мире куда проще и спокойнее будет прожить, чем хрупким интровертам.

Подготовительные курсы на тему добра и зла…

Из музыкальной школы Света вернулась с сообщением:

– Мне задали Моцарта разбирать. А чтобы я лучше его поняла, сказали прочесть «Свадьбу Пифагора».

– А может быть, «Женитьбу Фигаро»?

– А, ну да!

Жизнь продолжается.

СЕРГЕЙ ПАГЫН

КРЫЛЬЯ БАБОЧКИ, ЩЕКОЧУЩИЕ ВОЗДУХ

***

С. Т.

Парижский дождь в молдавском захолустье…
И лето движется к мерцающему устью –
туда, где лес нищает на ветру…
Скамейки у гостиницы районной.
И кажется, что дождик полусонный,
но к нашему слетается двору

Париж, Париж – с платанами Монмартра,
с мостом влюблённых,
с «Тошнотою» Сартра –
реальность расползается опять…
Коктейль в бокале (сок с дешёвой водкой),
Камю, Корт*а*сар – вот модель для сборки…
Но нам теперь лишь камни собирать.

Беречь живых.
Умершим ставить свечку.
И глиной мазать дедовскую печку,
не собираясь в дальние края,
хотя их много, кто туда уехал…
Ты помнишь строчку С*е*сара Вальех*о*:
«Единственное, что уходит, – это я»?

И мы уходим… меж деревьев вечных,
среди дождей, идущих бесконечно,
бессмертных птиц, поющих поутру,
над бездною несущихся без страха…

И чем мы будем? Пением и прахом
на светлом
несмолкающем
ветру.

***

В прозрачных яблоках светящиеся зёрна.
Плечом заденешь – и они звенят.
И весь он из мерцания и звона –
далёкий,
близкий,
заповедный сад.

Но в воздухе скрывается уловка –
поманит вход, и снова в тупике…
Ни детских снов,
ни сказочного волка…
Лишь ветер молодильный – по щеке.

***

Нетленный ровный свет
стекает с образов,
уже неотделим от тёмного покоя…
Но что мне до него?
Посюсторонних снов
смотритель – я влюблён
без памяти в другое…

В зелёный бунт листвы,
в мятежную траву,
в которую упасть –
бездомный горький роздых,
в озвученную ливнем тишину
и в крылья бабочки,
щекочущие воздух.

НА ХОЛМЕ

Где тризну мёртвые справляют по живым,
там холм и столб с языческою елью.
В долине вьётся одинокий дым,
чтоб люди в стынь согрелись и поели.

А здесь кружат, за ленточки держась,
вокруг столба как будто в отрешенье
ушедшие – таинственная связь
приводит их в единое движенье.

Они всегда здесь были, и сейчас
в пространстве снежном движутся по кругу…
Они молчат – молчание о нас,
покуда окликающих друг друга…

***

Я видел сад заснеженный, и в нём
печальных женщин в платьях разноцветных,
в молчанье собирающих плоды.

Простоволосы,
пот на тонких лицах –
не знал, что мёртвым от мороза жарко.

И молодая бабушка моя
в бордовом платье в блёстках золотистых
мне яблоко горящее несла
по полю
через снег неодолимый.

***

Человек во сне немного Бог –
он выходит ночью на порог,
и с него – в распахнутое небо…
Он в себе,
и словно он в других.
И сидит меж мёртвых и живых
с тёплым ломтем глины
или хлеба.

***

Пока огонь в ладони бьётся,
пока, объят июльской тьмой,
бумажный шар теплом нальётся
и вознесётся над землёй,

спеши, спеши, ещё не поздно
своё желанье загадать –
безбедных дней и снов бесслёзных,
и счастья, быстрого, как тать…

– Пора, пускай! Ну, что ж ты, Саня!
Тебе помочь?
– Да нет, я сам…

Светясь, летят шары желаний
к слепорождённым небесам.

***

Вчера был странный день – я ветки собирал,
сгребал листву,
смотрел на быстрых птиц мельканье…
И сад был так похож на призрачный вокзал,
наполнен золотой мелодией прощанья.

Гремел ли в небе гром, иль поезд грохотал,
и слышались гудков неявственные звуки…
Я знал, что никуда никто не уезжал.
Откуда же тогда солёный свет разлуки?!

ГРУША НА СТОЛЕ

Груша стала пустотелой –
злые осы то и дело
забираются в дыру,
мякоть сладкую в ней ищут…

И жужжит она, и свищет
на мерцающем ветру.

***

Окно и стул…
А человек как не был.
Наверно, просто тихо вышел в небо
или во двор, пустынный и сквозной, –
забитые почистить водостоки
иль узкие межзвёздные протоки,
земною занесённые листвой.

Окно и стул,
стоящий здесь от века.
И можно бы домыслить человека –
лицо, фигуру тёмную его,
и ожиданье воссоздать несложно.
И кажется, что всё ещё возможно…
Но невозможно больше ничего.

КАРТИНА

Яблоко подмёрзшее на окне,
пряди в поле снежные за окном –
вот и всё…
И хватит, чтоб в тишине
в пустоте возник одинокий дом.

Во дворе бочонок гнилой без дна
и петух, клюющий из миски жмых.
Вот давно не крашенная стена,
дверь в чешуйках выгнутых голубых,

и седая женщина у стола,
тяжело вздыхая, лущит фасоль.
Вот к жилищу мягко подходит мгла,
и в уставшем сердце стихает боль.

И вода яснеет в недолгом сне –
он легко в пространстве плывёт ночном…

А всего-то – яблоко на окне,
поле поседевшее за окном.

АНДРЕЙ ИВОНИН

БУДЬ ТОНКОЙ НИТОЧКОЙ

ПРОЛЕТЕЛО ЛЕТО

Ещё в духмяных травах бродят соки,
и воробьи галдят на солнцепёке,
но в зарослях кипрея и вербены
уже необратимы перемены.
Кончается малиновое лето,
стригут стрижи, и ты, увидев это,
произнесёшь, пока ещё несмело:
Как незаметно лето пролетело.

А дальше дни замедлятся, и осень
войдёт в права, деревья листья сбросят.
И будут ветры завывать, подобно
бродячим псам, и дождь стучать подробно.
И ты свою печаль уже не скроешь.
Ты свет зажжёшь, окно плотней закроешь
и скажешь тихо, как бы между делом:
Как незаметно лето пролетело.

А там, глядишь, пройдёт ещё неделя –
другая, и завьюжатся метели.
И воцарит зима над миром целым.
И станет целый мир от снега белым.
И в довершенье этим новым бедам,
душа замрёт, и ты, укрывшись пледом,
задумчиво вздохнёшь: Когда успело?
Как незаметно лето пролетело.

МОЯ ЛЮБОВЬ К ТЕБЕ

Время стирает из памяти
звук наших шагов на безлюдной улице,
слегка припорошённой первым снегом;
пахнущие солнцем, тяжёлые кисти тёмно-лиловой сирени;
летний ливень,
настигший нас где-то в районе «Пушкинской» или «Динамо»;
прогулки вдвоём по спящей осенней Москве,
поцелуи у ночного подъезда –
множество дней, хранящих где-то на самом дне
твой голос,
твой смех,
твои черты.
Если ты сейчас пройдёшь мимо,
я не узнаю тебя,
не окликну.

И уже давно не имеет значения кем ты была:
школьницей, сидящей за соседней партой,
дочкой академика, члена-корреспондента Академии Наук СССР,
внучкой беженцев из Варшавского гетто,
а может правнучкой знаменитого художника-пейзажиста
или композитора;
всё равно, кто ты по национальности:
русская, украинка, еврейка, армянка;
откуда ты – с Земли или Марса;
реальна или придумана мной.

Оборачиваюсь назад и вижу, как всё, что остаётся за спиной,
превращается в пепел и дым,
осыпается на глазах,
рассыпается в пыль,
становится хрупким и зыбким.
Всё меняется в этом мире:
границы стран, окружающий ландшафт, улицы городов, лица друзей,
твоё имя.

Только одно остаётся неизменным –
моя
любовь
к тебе.

ТЫ РЯДОМ

Немеют пальцы рук на холоде.
От слякоти бросает в дрожь.
Ты где-то рядом в этом городе
смеёшься, хмуришься – живёшь.

Глядишь, как дождь косыми струями
стекает вниз с покатых крыш.
Под изморосью, как под пулями,
под стареньким зонтом стоишь.

Вдыхаешь грудью воздух масляный
гниеньем тронутых аллей.
И день дождливый, серый, пасмурный
чуть-чуть становится светлей.

А может в кофточке залатанной,
укрывшись будто пледом, мглой,
в глубоком кресле, поздно за полночь,
сидишь с напёрстком и иглой.

А я, пусть тучи в небе грудятся,
слепой покорствуя судьбе,
шагаю по безлюдным улицам,
стихи слагая о тебе.

ПРОВОДНИК

За зыбкой тенью вслед,
за спутником ночным,
по краю неба – нет –
по узким мостовым,

в предел иных миров,
в дремотный полумрак,
на звук твоих шагов
идти за шагом шаг.

Пусть город крепко спит,
густеет ночь, увы –
веди меня, мой гид,
по улочкам Москвы.

По закоулкам лет,
приметам той поры.
На окон жёлтый свет,
сквозь старые дворы.

Пусть длится этот миг,
грядущее кроя.
Мой друг. Мой проводник.
Моя сестра. Моя…

СОН ВО СНЕ

Я спал во сне
и в этом сне мне снилось:
я сплю во сне
и вижу сон во сне.
И был тот сон
дарован мне как милость,
как откровение,
ниспосланное мне.

Во сне я шёл куда-то
шаг за шагом,
блуждал впотьмах,
и возвращался вспять.
А был тот сон
проклятием иль благом,
я там, во сне,
так и не смог понять.

Мне снился сон,
как суетно и куце,
и как-то бестолково,
на бегу
проходит жизнь,
и хочется проснуться,
но я никак
проснуться не могу.

Явь обернулась сном
и круг замкнулся.
Едва глаза закрою,
как опять
мне снится сон,
в котором я проснулся,
но в том, другом,
я продолжаю спать.

СНЕГ

1.

Расходился снегопад.
Всю неделю без запинки
с неба падали снежинки
невзначай и невпопад.

Вдаль летели, к нам за ворот
забирались – каково? –
превращая этот город
в чудо, сказку, волшебство.

Ровно восемь дней подряд
ветер дул, в каком-то роде
для рождаемых мелодий
подбирая звукоряд.

2.

Белый снег – как белый стих,
что без рифмы и размера
покружился для примера,
покуражился и стих.

Порезвился и у ног,
добродушный и лохматый,
вытянув покорно лапы,
смирно, как собака, лёг.

И лежит пушист и бел.
Вот какая заморочка.
Пишется за строчкой строчка.
Точка с запятой, пробел.

ЖАННЕ

«Ука-дудулька», «ука-одичка» –
первые в жизни слова.
Неторопливо ползёт электричка
детства, плетётся едва.

Дальше быстрее. И строчка за строчкой
пишутся новые дни.
Вот и на чуточку выросла дочка.
Спи, дорогая, усни.

Едем по кочкам, жмурки и прятки –
полон забав арсенал.
Не беспокойся. Всё в полном порядке.
Папа ещё не устал.

МАМА

К маме приходят гости из прошлого:
давние, близкие, дальние – разные.
Спорят, кривляются, корчат рожи,
песни поют, ухмыляются, дразнятся.

Мама не гонит гостей, ей весело.
Ей по душе их нестройное пение.
У мамы в груди вместо сердца месиво
из боли, тревоги, любви и терпения.

В чём держится эта душа ледащая?
У мамы внутри вместо сердца крошево.
Мама устала от настоящего.
Просит гостей: заберите в прошлое!

В прошлом по узкой тропинке вьющейся
лёгкие годы под гору катятся.
Там она видит себя смеющейся
маленькой девочкой в синем платьице.

Там ярким солнцем трава расцвечена.
На паутинке паук качается.
Бойкий, невидимый глазу кузнечик
стрекочет в траве. И жизнь не кончается.

91-Й

Я помню: год почти был на исходе,
а перемены зримы и близки.
Под мантры о бесправье и свободе
мы свою землю рвали на куски.

Вставала ночь и сон тяжёлый длился.
Синюшный, измождённый, испитой,
в тягучей тьме печальный дух носился
над проданной, оплёванной страной.

Она сжималась, как шагреневая кожа,
кукожилась, секлась, и вместе с ней,
как оказалось, мы сжимались тоже
до среднестатистических нулей.

До ренегатов с памятью короткой.
До полной пустоты, до чёрных дыр
коммерческих ларьков с палёной водкой
в прорехах улиц, превращённых в тир.

До шантрапы известного фасона.
До формулы «такие времена».
До шлягеров попсовых и шансона,
звучащего из каждого окна.

До ветеранов, харкающих кровью,
внезапно оказавшихся на дне.
До девочек, торгующих любовью.
До мальчиков, погибших на войне.

ДОМ

Обеззвучен, обесточен,
заколочен навсегда.
Дней хороших и не очень
промелькнула череда.
Эти старенькие стены
помнят лучшие года:
перестройки, перемены,
слёзы, смех, любовь, измены –
мир, наполненный теплом;
звон сдвигаемой посуды
за обеденным столом,
разговоры, пересуды
и об этом, и о том.

Солнце сушит, точит влага,
изменяя внешний вид.
Он, запасливый, как скряга,
до сих пор в себе хранит
вороха вещей забытых,
перевёрнутых вверх дном.
Дом заброшенный, забитый,
предназначенный на слом.

НИТОЧКА

Будь тонкой ниточкой, последней из примет,
связующей границы и пространства,
среди смешного мельтешения лет
собой обозначая постоянство.
Привычки? Памяти? Любви? И да и нет.
Всего, чего бессмертный дух касался.

Следи за тем, чтоб этот слабый след
не стёрся, не забылся, не прервался.

ЮРИЙ ТАТАРЕНКО

ПО ПЕСКУ КАНАТОХОДЦЕМ

В САНАТОРИИ

День играет соснами.
Сумрачный ампир.
Волны бьются сослепу
о бетонный пирс.
Мы живём привычками.
Но в июльский зной
Лермонтов не вычеркнул
парус, край родной.
На обед – баранина.
Страсть в одном носке.
На груди царапины.
Буквы на песке.

ОТПУСК В СИБИРИ

Обеднеет июнь –
на прощальный концерт соловья.
И прибавится синего
в небе над городом Бердском.
В чемодане моём
вдруг найдётся расчёска твоя.
Ну, а в книжном шкафу –
мемуар об актёре Хабенском.
Деликатно шуршит
на ветру от конфеты фольга.
От моторки безбашенной
волны спасаются бегством.
Станет меньше воды –
на моих два широких шага.
И прибавится синего
в море под городом Бердском.
Нестабилен вайфай –
и в сердцах задремал ноутбук.
Всю неделю жара –
и с тарелок сошла позолота.
Вдоль заката и волн
улетит смска на юг.
И окрасятся синим
глаза голубые на фото.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Наполнилась беседка смехом,
а флирта – вовсе через край…
А счастье в граммах не измерить.
В минутах не измерить крафт.
Пакет какой-то вялой снеди –
для исповедующих ЗОЖ…
Оставят след в душе скамейки
то штопор, то консервный нож.
Все облака – на пересменке.
Винца в стаканчике – на дне…
Волна спешит навстречу смерти.
Поставьте памятник волне.

СЕРЕДИНА ЛЕТА

О, предпляжное волненье,
трезвой жизни преступленье,
но в конце концов накатишь –
как волна и все вокруг.
В существа полунагие
превращаются богини:
если мысли стали вялы –
значит, взгляд давно упруг.
Активировать архивы,
архивировать активы –
море этим беспрерывно
занимается, не пьёт.
Невеликое мученье –
знать своё предназначенье.
Хоть и расплясались волны,
но глядят всегда вперёд.

ДОМИК У МОРЯ

Завтра будет четверг.
Не уверен, но вроде бы он.
У заката во вторник
был очень хороший стилист.
Всё своим чередом.
То Селин нам поёт, то Дион –
про огромный «Титаник»
и очень короткий плейлист.
На веранде вино.
На руках – две семёрки и туз.
И прикрыта луной
неизвестного зверя нора.
У ночных поцелуев
солёно-расслабленный вкус.
Сосны много о чём
напряжённо молчат до утра.

НОЧЬ НА ПЛЯЖЕ

Июль… Огни погасли в доме.
И хочется смотреть туда,
где между небом и водою
не километры, а года.
И вдруг под крышею оконце
сверкнёт капканом на звезду –
и по песку канатоходцем
вокруг тебя я обойду.
Увы, но лунные ходули
пошли ко дну и в этот раз.
Когда-нибудь, в другом июле,
в другом раю окликнут нас.

ОКРАИНА БЕРДСКА

Женский смех в полночном коридоре.
Снова на пол выпали ключи.
Это спящий бердский санаторий
продолжает страждущих лечить…
На тарелке – косточки от вишен.
И конверт не вскрытый – под рукой.
И давленье, кажется, чуть выше,
чем верхушки сосен над рекой.
Буду рад и солнечной погоде,
и ненастью – в Омске и Москве.
Потому что лето на исходе.
Потому что кровь на рукаве.

РАЗЛУКА

Солнце спрячется в завтрашний день –
и вода моментально остынет.
И словам станет попросту лень
к нам протиснуться сквозь запятые…
Дочитаю бутылку вина.
Откажусь от вишнёвого сока.
Если волнам давать имена,
будет ночь. И не так одиноко.

СЕРГЕЙ БЕЛОРУСЕЦ

РОДОМ ИЗ…
(Фрагментарная семейная хроника)

В РОЛИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПРЕДИСЛОВИЯ

1

Оба моих Дедушки родом из Одессы.

Дедушка.

И – Другой Дедушка…

Да и одна (Другая) Бабушка – тоже уроженка Украины.

Её малая Родина – тогдашнее довольно крупное местечко под названием Кривое Озеро, где её папа, не надевавший перчаток или варежек даже в самый лютый южно-русский мороз, был церковным (синагогальным) композитором.

Он со всей своей весьма многочисленной семьёй покинул СССР в 1929-м.

Когда по стране прокатились чистки по конфессиональной линии…

Со всей ближайшей роднёй.

Кроме одного мятежного сына и моей Другой Бабушки.

Уже вышедшей замуж за молодого николаевского собкора – моего Другого Дедушку, и даже родившей первенца – моего Другого Дядю…

Кстати, композиторскую синагогальную ермолку собственного родителя Другая Бабушка сумела сохранить.

Пронеся сквозь года.

А незадолго до ухода в мир иной передала её мне.

И она до сих пор у меня лежит.

Живёхонька…

Впрочем, Бабушка, меня вырастившая – исконная россиянка.

Бабушкин Папа изначально был деревенским жителем и сельским механиком.

Очень востребованным у себя в селе и в соседних деревнях местным Кулибиным.

Читай: мастером-золотые руки.

Причём, похоже, был он человеком, склонным к некоторому размаху.

В селе, пусть и многолюдном, каким считалось его Ивановское, Калужской, что ли, губернии, чувствовал он себя тесновато.

Да и бедновато…

Посему очутился в Москве-столице.

Ещё до Октябрьского переворота.

Тем более, что пошли дети.

А жена довольно быстро ушла.

В мир иной…

Стольный град оказался к Семёну Фомичу (так его величали по имени-отчеству) весьма благосклонен.

Кроме регулярной работы, между прочим, дал и вполне приличную большую комнату.

Которую, кстати, со временем удалось обменять на значительно бо́льшую.

В том же самом доме, вблизи Кремля…

Несколько лет Семён Фомич (отчасти неприкаянно) мотался между городом и деревней.

Туда-сюда.

Однако с началом двадцатых окончательно осел в Москве.

Забрав туда парочку младших дочек.

Старшей из них была Бабушка, девочкой учившаяся, к слову, в центровой школе имени знаменитого норвежского полярника Фритьофа Нансена…

Однозначно положительным типом при этом Семён Фомич точно не являлся.

Ибо крепко пил.

Будучи запойным.

Что не слишком сопутствовало его дальнейшему продвижению по служебной линии.

А вот в гроб его уложило весьма скоро.

До сорока…

Носил крестьянский сын Семён Фомич фамилию Усачёв, предсказуемо доставшуюся ему от собственного отца.

Видимо, после отмены в России крепостного права.

Ведь у Фомы имелось прозвище Усач.

Иначе – Усатый.

Благодаря его шикарнейшим пшеничным усам…

Любопытно, что не такие уж многочисленные потомки Фомы Усатого, который был родом из окрестностей Костромы, стали обладателями совершенно различных фамилий.

Ибо отменённое на Руси реформой 1861-го года крепостное право дало этим потомкам право выбора.

Фамилии.

В общем, одни потомки Бабушкиного Дедушки сделались Фомиными, другие – Костромиными.

Не считая наших Усачёвых…

Хотя Дедушка был стопроцентным коренным одесситом, прожившим там всё детство и юность, про Дедушкиного Папу я знаю только то, что непосредственно перед Великой Отечественной Войной он обитал в скромном белорусском городе Рогачёв…

Там его и не стало.

В тамошнем гетто.

Фельдшер, он имел официальное разрешение от оккупационных властей периодически выезжать за его пределы.

Чтобы относительно регулярно пополнять запасы лекарственных средств и перевязочных материалов.

А назад, в гетто, Дедушкин Папа провозил отнюдь не только их.

Будучи связанным с партизанами…

Вроде бы так.

Знаю, что примерно в сороковом году Дедушкин Папа целую неделю гостил в Москве.

Где подарочно-просветительски водил Бабушку в ГОСЕТ.

В Государственный еврейский театр.

Тем вечером давали в нём шоломалейхемовского «Тевье-молочника».

Естественно, пользуясь языком оригинала.

Синхронный перевод пьесы в постановке уже знаменитого советского актёра Михоэлса по мотивам рассказов классика еврейской литературы Дедушкин Папа тихонечко нашёптывал Бабушке прямо на ушко…

2

Будучи в позднем юношестве, я почему-то считал, что все советские анекдоты сочиняют остроумные одесские евреи.

Которые специально для этого собираются в общественном туалете на Дерибасовской улице.

Но когда, в лето московской Олимпиады, я со товарищи впервые добрался до черноморской Одессы – города, откуда родом оба моих дедушки-москвича, пришлось вышеназванную собственную версию признать абсолютно ошибочной.

Ибо не было на Дерибасовской ни одного общественного туалета.

Зато почти в любой одесской подворотне можно было прочитать: «Во дворе туалета нет!..»

3

А ещё в тот же мой (до сих пор оставшийся единственным) приезд в Одессу, уже по дороге назад, к аэропорту, услышал я эту фразу.

Зажатый между людскими телами.

В дико переполненном августовском автобусе.

Истошный женский голос выдал нечто невообразимое.

Неподражаемое.

Хотя выданный миру канонический текст (вроде как) можно и воспроизвести:

– Ой, наш бедный папашка! Он совсем не имеет за что подержаться!..

ШАХМАТЫ И ПРЕФЕРАНС

Среди небольшого количества семейных историй, которые я в разные годы детства слышал от Старших Родственников, есть и эти две.

Про Дедушку.

Игрока-интеллектуала.

Спасителя и освободителя.

Ещё до московского рабфака, будучи полноправной частью юной одесской голытьбы, играл он по воскресеньям, полуголодный, в шахматы.

На пирожные.

Причём проиграть Дедушка просто не мог.

Потому что купить пирожное было ему не на что.

Поэтому он регулярно выигрывал.

Еженедельно подпитывая свой растущий, остро нуждающийся в еде организм – таким вот экстремальным способом.

Пополам с активно выделяющимся адреналином…

А после Великой Отечественной у Дедушки, прошедшего всю войну практически от звонка до звонка, никак не получалась демобилизоваться.

Не желала привязчивая советская армия его отпускать.

Артачилась, любвеобильная милитаристская гадина…

Но Дедушка с ней, змеюкой, бился.

На жизнь мирную.

Будущую.

И едучи как-то по служебной необходимости узнал, что Самый Большой Начальник в том же поезде с инспекцией едет.

И компанию себе для игры в преферанс подходящую ищет.

И не абы кого-нибудь.

А только игрока заведомо сильного.

Чтобы играть с ним было жутко интересно.

Но всё-таки выиграть.

(Стало быть, могущего в упорной бескомпромиссной борьбе проиграть…).

Это уже Дедушка про себя подумал.

И себя самого Самому Большому Начальнику в этом благородно-корыстном качестве предложил.

Сильного игрока, в смысле.

А заодно и сделал вид, что не знает, что перед ним Самый Большой Начальник сидит.

В купе личном.

Короче, играли они всю ночь.

За питьём трофейного коньяка и душещипательными разговорами о жизни.

Касавшимися, в частности того, как мечтает Дедушка поскорее демобилизоваться.

Чтобы домой вернуться.

К жене и детишкам…

И на исходе ночи, под стук колёсный, Дедушка в упорнейшей борьбе, наконец, уступил Самому Главному Начальнику.

И тот, растрогавшись от благодарности и спонтанно возникшей симпатии, демобилизовал счастливого Дедушку.

В максимально короткие сроки…

Помню Дедушку и за шахматами – почти ежевечерне, а по выходным – обязательно.

И за преферансом – иногда летом, на даче.

Я же ни в шахматы, ни в преферанс не играю.

Не испытываю ни малейшего интереса и желания.

Хотя немного умею.

Ведь Дедушка меня учил.

По своей личной инициативе – в шахматы, когда я был старшим дошкольником.

По моей блажной просьбе – много позже – в преферанс…

У ДЕДУШКИ НА РАБОТЕ

Детский сад, куда меня отдали, когда мне исполнилось три, находился от нашего дома далеко, на Садовом Кольце, между станциями метро «Маяковская» и «Краснопресненская».

Зато он располагался довольно близко к Дедушкиной работе.

Поэтому чаще всего в детский сад я отправлялся на персональной машине, полагающейся Дедушке как Большому Начальнику.

Сначала Дедушка забрасывал в сад меня, а потом уже ехал на работу.

Или – наоборот – если Дедушке на работе требовалось быть пораньше, он сначала держал путь туда, а уже следом – сменный водитель (Коля Мукомолов, которого я считал Мухоморовым, или Борис Гаврилыч, впоследствии оказавшийся Борисом Григорьевичем) завозил меня в сад.

Из-за того, что Дедушкина работа находилась в непосредственной близости от детского сада (а может, и вне связи с этим) посещения Дедушкиной работы, куда я попадал вроде бы и не так часто, воспринимались мной, скорее, как нечто повседневное, чем что-то праздничное.

Хотя бывал я там с удовольствием, перманентно купаясь в благожелательности, которую расточали мне и Дедушке все встречные-поперечные.

Начиная нежно улыбающимися девушками-милиционершами, поставленными в дверях проверять пропуска.

У всех.

Кроме Дедушки.

А шестиэтажное длинное здание, состоящее из двух разностильных половинок, представлялось мне громадиной.

И чтобы не потеряться в ней, я придерживал Дедушку за полу его пиджака.

Дедушка же всё время норовил убежать вперёд, не боясь сбиться с пути и потерять ориентировку в пространстве…

Как правило – Дедушка вёл меня в свой кабинет, где выдавал пачку белой бумаги и массивные карандаши (для разноцветных начальственных резолюций?), которыми я с упоением рисовал.

Пока Дедушка решал какие-то дела с подчинёнными или разговаривал по телефону.

Тем временем Дедушкина секретарша приносила из буфета чай и бутерброды.

Чтобы мы с Дедушкой могли перекусить…

Водил меня Дедушка и в разные редакции, и во всякие аппаратные.

В одной из них по Дедушкиной просьбе я даже прочитал наизусть нравоучительный стишок про Гришу, чьи карманы ломились от уймы ненужных вещей, но в которых не было «пустяка – носового платка!..»

Звук «р», произносимый мной с дефектом, обозначенным в логопедическом реестре как боковое «р» – в стихах про Гришу повторялся многократно.

Что и приняла на себя магнитная лента, записанная тогда оператором.

Коричневая лента, хранившаяся потом у нас дома, на верхней полке секретера в Большой Комнате.

Без малейшей возможности быть прослушанной.

Ведь магнитофона у нас дома – как и у большинства соотечественников – не водилось.

А когда он всё-таки возник – в качестве части комбайна, преподнесённого к шестидесятилетию Дедушке его подчинёнными сослуживцами, магнитная лента уже размагнитилась…

АДЕНОИДЫ И ГЛАНДЫ

Было мне тогда 6 лет.

Почти что 7.

И – целую зимнюю неделю вблизи Нового года я прожил на Ленинградском проспекте.

В нашей районной детской больнице.

Где мне вырезали аденоиды и гланды.

Палатные окна выходили на больнично-поликлинический дворик – и почти всё время я старался проводить перед ближним к моей кровати окном, сидя на подоконнике.

В ожидании Дедушки.

Либо другого Старшего Родственника.

Потому что в первый день моего недельного заточения (хотя первоначально речь шла всего лишь о трёх днях), повинуясь то ли тонкому душевному порыву, то ли надежде на чудо, я тупо уставился в окно – и вдруг – отчётливо – с третьего этажа – увидел Дедушку, сиротливо стоящего внизу.

Не помню, кричал ли я, призывая Дедушку увидеть меня ответно, дабы забрать домой, но руками жестикулировал точно.

Дедушка заметил меня в огромном окне старинного казённого здания – и вместо того, чтобы забрать домой, спрятался за широкое, облепленное снегом дерево…

Медсёстры и – особенно! – нянечки злостно запрещали сидение на подоконнике, считая сие занятие непростительной вольностью.

Но я всё же исхитрялся просиживать перед окном.

Часами.

Для меня это был тот последний рубеж, который я сдать не мог.

И – не сдал…

ВОКРУГ ФУТБОЛА

Папа болел за ЦСКА, Дедушка и я за «Спартак», Дядя за «Динамо».

Почему-то считалось, что и Бабушка болеет за «Динамо».

А что Мама ни за кого не болеет.

Впрочем, я подозревал, что Мама испытывает тайные симпатии к «Динамо».

Речь шла в первую голову (идеально круглую, как мяч!) о футболе.

Кстати, когда меня поначалу длинноволосого и мелкокурчавого, стали стричь в парикмахерской, всякий раз после стрижки, мама любовно проводила рукой по моей голове и ласково произносила одно и то же слово: – Футбол!

Хотя стригли меня под полубокс…

В мужском зале парикмахерской, находящейся в доме, который кто-то называл Ажурным, а кто-то Кружевным…

Футбол вошёл в мою жизнь рано.

Можно сказать, влетел в открытый ближний угол детской души…

Уже с четырёх лет я был ярым спартаковцем, смотрящим по телевизору и слушающим по радио все футбольные трансляции.

У Дедушки наличествовал служебный пропуск, обеспечивающий проход в ложу прессы на матчи высшей лиги чемпионата СССР по футболу.

Вернее, два пропуска.

Один для прохода на Центральный стадион «Динамо», на Северную Трибуну, а другой – в Лужники, на БСА – Большую Спортивную Арену.

Дедушка почти всегда, если шёл на футбол, брал меня с собой.

На «Динамо» мы ходили значительно чаще.

Ибо жили в двадцати минутах ходьбы…

Да и сам я в футбол играл (как правило – с Дедушкой).

Дома в качестве мяча мы обычно использовали воздушный шар, из тех, что приносились Старшими Родственниками с первомайских демонстраций или покупались мне во время народных гуляний.

Играли в незахламлённом идеально прямом и даже не слишком узком коридоре.

Воротами (Дедушкиными) служила обитая дерматином внутренняя часть входной двери (снаружи – дверь была целостно деревянная, с висящим на ней синим типовым, при свисающим снизу замке почтовым ящиком «для писем и газет»).

А моими – находящаяся ровно напротив – дверь Маленькой Комнаты.

Порой дверь Маленькой Комнаты оставляли открытой – и моими воротами тогда становился дверной проём, который я защищал самозабвенно…

Если Дедушка брал меня на прогулку, я обязательно прихватывал с собой мяч, чтобы мы могли «постукать» друг другу в каком-нибудь подходящем местечке.

На худой конец – во дворе или в примыкающем к нашему дому скверике.

Или на аллее Стадиона Юных Пионеров, который находился к нашему дому даже ближе, чем стадион «Динамо».

ЗАСЛУЖЕННЫЙ КЕФИРЩИК РЕСПУБЛИКИ

Дедушка был Большой Начальник.

Но почти у каждого большого начальника тоже бывает начальник.

Вот и у Дедушки он был.

А если точнее, то была.

Поскольку начальника звали Валентина Фоминична.

Это – в глаза.

А за глаза – просто Фоминична.

Что Фоминична – женщина крутая (в том, ещё давнишнем значении слова) – я знал из Бабушкиных с Дедушкой домашних разговоров, при которых порой мог нечаянно оказаться (совсем не у всех тогдашних больших начальников и квартиры были большие)…

Правильнее сказать, даже не из разговоров, а из их обрывков, ведь едва заметив моё присутствие неподалёку от себя, Бабушка и Дедушка всякий раз в мгновение ока сворачивали с этой магистральной (как я понимаю сейчас) темы и переходили на какую-нибудь другую, менее животрепещущую…

Что Фоминична женщина крутая, я как бы знал, но впрямую меня это никак не касалось.

Никаким боком.

Напротив, со мной она всегда вела себя подчёркнуто вежливо, уважительно, дружелюбно.

Мне очень нравилось с ней общаться.

По-моему, ей со мной тоже.

Я встречался с Валентиной Фоминичной довольно часто.

И в гости она к нам неоднократно приходила, и вместе на подмосковную лыжную базу (которая в дни праздников становилась своеобразным Домом Отдыха Руководящих Работников) мы регулярно выезжали, и на даче потом много лет соседствовали…

Любила Фоминична держать в поле зрения жизнь своих ближайших подчинённых.

Любила (и умела) быть в курсе их семейных дел.

Причём старалась в этих делах – по мере возможности – принимать активное творческое участие.

Как правило – с очевидной пользой для противной (приятной!) стороны…

Бабушка очень хотела, чтобы я вечером за пару часов до сна выпивал чашку кефира.

И многажды пыталась преуспеть в организации нужной для здоровья ребёнка ежевечерней процедуры.

Всё безуспешно.

Ребёнок не желал пить кефир.

Ни кисловатый, естественного магазинного вкуса.

Ни подслащённый с помощью сахарного песка в домашних условиях.

Никакой.

Категорически.

Даже наличие симпатичных, притягательных, похожих на медали, зелёных крышечек из фольги на кефирных бутылках мало что меняло…

Информация о Бабушкиных организационных неудачах посредством Дедушки достигла Валентины Фоминичны, которая, как признанный организатор, сразу же нашла способ решения кефирного вопроса.

Нужно было объявить социалистическое (а какое ещё?) соревнование.

Длиною в квартал.

С целью привлечения ребёнка к систематическому питью кефира.

Причём это должно было быть не просто соревнование, а соревнование по питью кефира!

Кандидатура первого участника состязания у жюри (или как его там?), возглавляемого Валентиной Фоминичной, сомнений предсказуемо не вызвала.

Что до соперника юного спортсмена – практически на безальтернативной основе – им стал Дедушка.

Во-первых, согласно генеральной идее Валентины Фоминичны, для поддержания длительной турнирной интриги мне требовалась серьёзная конкуренция со стороны опытного, закалённого жизнью бойца.

Во-вторых (весьма приятная неожиданность!), именно закалённый жизнью боец проживал на той же самой жилплощади, что и юный спортсмен, а это позволяло соревноваться ежевечерне, без вынужденных перерывов и простоев.

В-третьих – как посчитала прозорливая Валентина Фоминична – кефир штука полезная не только для ребёнка, но и для взрослого пятидесятилетнего мужчины, коим тогда являлся Дедушка.

В качестве приза подразумевалось нечто.

Что за нечто, похоже, не слишком знали и сами организаторы турнира, надеющиеся, впрочем, в течение трёх месяцев это нечто придумать.

Ближе к награждению.

А там уж торжественно вручить победителю.

На старт! Внимание! Марш!

Валентина Фоминична, прибывшая к нам в гости, дабы перерезать ленточку на кухне, ленточку благополучно перерезала, тем самым дав отмашку – и мы с Дедушкой начали каждый вечер пить кефир.

Кто быстрей – наперегонки.

Главным судьёй определили Бабушку (кого ж ещё?), которая специально купленным в магазине «Спорттовары» секундомером фиксировала наши результаты, ежевечерне определяя победителя этапа, а заодно личные рекорды каждого участника.

После чего результаты вносились в таблицу соревнований, прикнопленную изнутри к двери Маленькой Комнаты.

Иногда побеждал я.

Иногда – Дедушка.

Но чаще всего случались ничьи.

В кефирных баталиях прошла заключительная часть осени и первый месяц зимы.

Наконец положенный Валентиной Фоминичной на состязание квартал истёк, и нужно было подводить итоги.

Тут организаторы (голосом главного судьи) объявили, что в течение недели, оставшейся до подведения окончательных итогов борьбы, участники трёхмесячного поединка продолжат пить кефир.

Правда, не на время, а так, ради удовольствия…

Обе стороны-участницы не возражали.

Торжественное подведение итогов кефирной дуэли предусмотрительно назначили на 1 января, приурочив к встрече Нового Года.

Лучше всего для этого мероприятия, по мнению Валентины Фоминичны, годилась вышеупомянутая лыжная база.

Она же Дом Отдыха Руководящих Работников.

Планам Валентины Фоминичны суждено было сбыться.

Общий праздник, продлившийся аж до 5 утра, явно удался.

Включая праздник на моей отдельно взятой улице, который достиг своего апогея в момент торжественного награждения победителя и призёра длительной кефирной битвы.

Валентина Фоминична собственноручно осчастливила меня настоящей почётной грамотой, в которой значилось, что мне присуждается первое место в соревновании по питью кефира, а также присваивается почётное звание «Заслуженный кефирщик республики» (почему – сразу – не Советского Союза?), с вручением Малого Ордена Ленина. (Почему не Большого – я даже не спрашиваю…).

Малый Орден был сделан из нижней части значка, на котором ясно угадывался профиль вождя мирового пролетариата.

Верхняя же часть Малого Ордена практически ничем не отличалась от верхней части Дедушкиных военных медалей и точно так же цеплялась к груди.

Или к чему-нибудь ещё…

Я потом, однажды, через пять месяцев, даже надел этот Малый Орден на грудь.

Тогда как раз отмечалось двадцатилетие победы Советского Союза в Великой Отечественной Войне – и мирная Бабушка, крайне противящаяся милитаристским играм единственного внука, уступив моим настойчивым уговорам, сшила мне солдатскую почти защитного цвета пилотку, а в придачу к ней гимнастёрку.

Из того же материала.

Дома играть в войну Бабушкиными усилиями мне – как правило – не разрешали.

Хотя иногда мне всё же дозволялось строчить из игрушечного автомата и в домашних условиях.

Главным условием было – не целиться в живых людей…

Другое дело – детский сад.

Там – игра в войну наряду с футболом на одной третьей части общего участка (две другие принадлежали другим группам), огороженной забором территории с беседкой, являлась основной мальчишеской забавой.

Порой мне приходилось становиться и фашистским офицером, что меня отнюдь не огорчало.

Я умел найти в этой роли свои плюсы, подспудно чувствуя, что сопереживать можно и врагу.

Который тоже – человек…

Но – к моей военной форме.

Бабушкиного кроя и шитья.

Бабушка вообще много шила.

Даже в начале пятидесятых, когда Дедушку уволили и чуть не посадили, она своими портняжными умениями около года семью кормила…

А мне любила шить вещи синие и с оттенками голубого, полагая, что в них мои серые глаза становятся васильковыми.

Так вот, о моей военной форме.

Она создавалась, имея в виду быть надетой на двадцатую годовщину Дня Победы.

Так всё и вышло.

К пилотке я прицепил всамделишную красную звёздочку, купленную Дедушкой в «Военторге».

А Малый Орден Ленина отправился мне на грудь…

Но это приключилось со мной уже после встречи Нового Года, во время которой занявшему второе место в соревновании по питью кефира Дедушке тоже досталась грамота, и тоже присвоилось звание.

Только немного скромней, чем у меня – «Кефирщик Российской Федерации второй степени».

И вместо нагрудного знака Дедушка получил Большую Серебряную Шоколадную Медаль.

Действительно, громадную.

Запакованную в серебристую фольгу.

Другой такой Медали (или хотя бы отдалённо на неё похожей) я в жизни не видел.

А эта чуть позже перекочевала ко мне.

Я её долго хранил в моём ящике Папиного Письменного Стола.

Пока – в конце концов – не съел…

По завершении соревнования кефирщиков я ещё какое-то время каждый вечер продолжал пить кефир, постепенно переходя на менее регулярное его потребление.

Через год прекратилось и оно, чему Бабушка почему-то не противилась.

ПРО ЦК И ЧК

Дедушка рассказал мне, десятикласснику, анекдот, который начинался вопросом.

А вопрос был таким:

– Чем отличается ЦК от ЧК?

Что удивительно, у меня сразу же нашёлся ответ:

– В ЦК выбирают, а в ЧК забирают! – радостно выпалил я.

Впрочем, Дедушкин вариант ответа, несколько отличался от моего.

Хоть нисколько ему не противоречил:

– В ЦК цыкают, а в ЧК чикают…

КАРТОЧНАЯ КОЛОДА

Я её нашёл.

Полную колоду игральных карт.

В красочной картонной капиталистической коробочке.

С картинками (абсолютно) голых женщин.

На каждой карточной рубашке…

Нашёл я эту колоду внутри одного из пяти нижних ящиков импортной, венгерской, что ли, горки – части не так давно купленного Бабушкой и Дедушкой мебельного гарнитура.

Гарнитур стоял в Большой Комнате, где жили Бабушка с Дедушкой.

А я жил в соседней – Маленькой.

Но иногда заходил в Большую.

Причём не только в присутствии её обитателей…

Вот и на сей раз оказался в Большой Комнате самовольно.

Воспользовавшись тем, что ни Бабушки, ни Дедушки дома не было.

Что, собственно, мне и требовалось для осуществления моего плана.

В плане же – первым и единственным пунктом значилась поисковая операция.

С целью обнаружения и последующего захвата искомого.

От меня, одиннадцатилетнего, спрятанного.

Которое, ввиду очевидного отсутствия альтернативных мест хранения, находилось либо в самом верхнем отсеке старого секретера.

Либо в одном из пяти нижних ящиков не так давно купленной горки.

Короче, нашёл я карточную колоду запрещённого в нашем социалистическом обществе характера – и тихо перетащил к себе.

В Маленькую Комнату.

Где спрятал под (зелёный жёсткий) матрас моей новёхонькой польской софы.

Причём почему-то предварительно вынув содержимое из картонной красочной коробочки – и расположив карты по всей площади деревянного кроватного каркаса.

Рубашками вверх…

Впрочем, через сколько-то времени меня разоблачили.

Старшие Родственники.

Кажется, в лице Мамы…

Уже тогда проживающей с Папой на Новолесной – и достаточно регулярно (пару раз в неделю после работы) приезжающей к нам на Беговую, в частности, навещать сыночка – и в один такой приезд зачем-то решившей вытрясти мой (зелёный жёсткий) матрас.

Видимо, в лице Мамы…

Почти бесконфликтно предложившей мне посещать Третьяковку и Пушкинский музей.

Чтобы в нужном (для растущего организма количестве) открыто лицезреть настоящую красоту нагого женского тела.

А не подпольно удовлетворяться низкопробными суррогатными аналогами…

Я благодарно и расслабленно промямлил в ответ что-то маловразумительное.

Однако самое интересное заключалось в том, что – отнюдь не (запретная) карточная колода – являлась предметом моего тогдашнего любопытства,

Вовсе не её, привезённую из Канады, вожделенно искал я, нелегально проникнув на территорию соседней, Большой Комнаты.

Мне животрепещуще хотелось попробовать дефицитной жевательной резинки, также привезённой, однократно отправленным в капиталистическое далёко Дедушкой, из Монреаля.

И – люто Бабушкой презираемой (лишь эпизодически в то время попадающихся на глаза пользователей этого пищевого продукта Бабушка заглазно бичевала словосочетанием «жвачное животное»).

Ещё сильнее, чем (любого рода) игральные карты…

КВАРТПЛАТА

Что делать – привык я платить за квартиру.
Причём делать это вовремя…
Неизменно.
Даже в самые мои чудовищные, ахово-безденежные девяностые, каждый божий месяц выкраивал я средства на квартплату.
Считая свет, газ телефон…
Так продолжалось лет около десяти.
Очень может быть, ещё и потому, что однажды слышал я от Бабушки такую вот историю.
Домашне-давнишнюю…
Лет которой сейчас примерно столько же, сколько дню окончания войны.
Великой Отечественной.
Как её посейчас у нас кличут…
Уехала летом сорок первого Бабушка в эвакуацию.
В Свердловск.
С двумя детьми.
Дошкольницей Мамой и грудничком Дядей.
Стала работать на трудовом фронте.
Так это называлось…
Работала практически без выходных.
Уходя ранним утром и возвращаясь почти ночью.
А пятилетнюю Маму приходилось оставлять за старшую…
Денег водилось не слишком.
Но как-то всё же справлялись.
Тем более, что Дедушка прислал с фронта свой офицерский аттестат…
Оттуда, из той армейской матчасти, ежемесячно извлекала Бабушка энную сумму.
Чтобы немедленно выслать её в Москву своей старшей сестре – Бабе Тине.
Где та жила неподалёку от площади трёх вокзалов…
Отправляла же Бабе Тине Бабушка не просто фиксированную денежную сумму.
Сумма была целевая.
И полагалась в основном для оплаты нашей родовой квартиры по адресу Беговая улица дом №8.
Да-да, наш дом носил тогда именно такой номер…
А вносить кварплату разрешалось тогда только по месту жительства-прописки.
В ближайшей к нему гострудсберкассе…
На столичный общественный транспорт времён ВОВ (метро и трамваи) полагаться особо не приходилось.
Тем паче, что Беговая улица об эту пору по праву считалась настоящей московской окраиной…
Короче, раз в месяц шлёпала сороколетняя ещё Баба Тина пешком.
Со своей площади трёх вокзалов.
Часа два-три шлёпала.
В один конец…
До сберкассы на Ленинградском проспекте.
Оплачивала жировку.
После чего шлёпала в обратном направлении.
Те же пару-тройку часов…
Ну а весной сорок четвёртого возвратилась Бабушка с чуть подросшими детьми из эвакуации.
О чём я уже написал выше…

ПРО НОМЕР ТЕЛЕФОНА

Бабушка и Дедушка собирались переезжать.
На новую квартиру.
В новый дом.
Совсем-совсем новый.
А телефон там ещё не поставили.
Никому.
Дедушка тогда являлся не только Большим Начальником, но и народным депутатом.
Как раз того самого московского района, где получил свою новую двухкомнатную квартиру.

В обмен на бывшую однокомнатную.

Полученную энное время назад неподалёку.

Так тоже (порой) тогда случалось…

Вот Бабушке и пришло в голову, что очень хорошо было бы, чтобы у домашнего телефона оказался удобный номер.

Легко запоминающийся.

Не знаю, сколь легко далось решение этой очередной бытовой задачи народному депутату председателю районной комиссии по культуре Дедушке, однако номер у домашнего телефона, действительно, оказался что надо.

Легко запоминающийся.

Ведь сумма первых трёх цифр эмтээсовского городского номера равнялась десяти, а четырёх последних – ста!

Сейчас, в эру индивидуальных мобильников, когда коллективные домашние телефоны повсеместно сделались анахронизмом, я так и не решился отказаться от стационарного телефона в бывшей Дедушкиной и Бабушкиной квартире.

Записанного теперь на меня.

И уже дюжину лет выдернутого из телефонной розетки.

В том далеко не новом блочном двенадцатиэтажном доме. где нынче проживает семья моего почти тридцатипятилетнего сына.

А не решился я отказаться от здешнего стационарного телефона лишь по одной-единственной причине: очень жалко с ходу безвозвратно лишиться столь удобного телефонного номера.

Так легко запоминающегося!..

ДОМ НАПРОТИВ

Другая Бабушка открыла фортепьянную крышку, прикоснулась руками к чёрно-белым клавишам и запела низковатым, почти мужским голосом.

При этом двойной подбородок на её одухотворённом умеренно усатом лице нежно дрожал, придавая дополнительную вибрацию песенному звучанию.

Другая Бабушка любила рассказывать, как раньше, после окончания гимназии, пела в настоящей украинской капелле.

И вообще считала себя человеком, приобщённым к различного рода искусствам.

Ведь регулярно посещала консерваторию, ездила в кинолекторий, печатала на машинке профессиональным журналистам и писателям.

Даже вроде самому Шолохову.

Или его литературному секретарю…

Пишмашинка у Другой Бабушки была дореволюционная, знаменитой фирмы «Континенталь», с русской алфавитной клавиатурой, переставленной взамен иностранной.

Пишмашинка вместе с Другой Бабушкой, Другим Дедушкой, а также с их первенцем – Другим Дядей и турецкой ручной кофемолкой прибыла на берега Москва-реки в самом конце двадцатых, навсегда покинув черноморскую Одессу.

Просто Другого Дедушку вызвали на новую работу.

Назначив каким-то мелким начальником внутри разрастающегося аппарата Главной Партийной Газеты…

Другая Бабушка поехала с ним – молодым, подающим надежды мужем.

А не со своими многочисленными (в том числе и старыми) родственниками, которых за пару лет до того местные власти практически вынудили покинуть проводящую очередную (слава Богу, на сей раз бескровную) чистку Страну Советов…

Другой Дедушка с перерывом на войну, проведённую на фронтах Великой Отечественной, оставшуюся часть жизни так и проработал в аппарате Главной Партийной Газеты.

Начальником средней руки.

Или заместителем начальника чуть более крупного масштаба…

Если же чуть подробнее о войне, то окончилась она для него, старшего лейтенанта, в 44-м.

Получением спинной травмы и ордена Красной Звезды.

За спасение секретных документов дивизии, которые он выпёр с передовой на своём горбу.

Посредством типового бронированного сейфа…

Проживал же Другой Дедушка с последнего предвоенного года до заслуженной смерти (она у всех заслуженная) в двух смежных комнатах пятикомнатной ведомственной коммуналки.

С женой и тремя детьми, одним из которых был Папа.

Будущий идеолог хрущёвского периода Ильичёв, жившей в том же доме, в такой же пятикомнатной, правда, отнюдь не коммунальной квартире и совсем не в том подъезде, чем Другой Дедушка и компания, порой позволял себе отдохнуть от государственных дел.

Это известие неизменно вторгалось в жизнь Другого Дедушки.

Грубо её корректируя.

В обличии домработницы будущего создателя Новой Программы Партии, нажимающей нужное количество раз кнопку общего дверного звонка, дабы отозвались обладатели двух смежных комнат…

Они отзывались.

И увидев в дверях домработницу Дору, знали заранее, что она скажет.

А произносила она одну (и только одну!) фразу:

– Сам на рыбалку собрался…

В переводе на русский общеупотребительный это означало неизбежную необходимость немедленно из рук в руки передать домработнице лучший (и единственный!) плащ Другого Дедушки.

Ибо рыбу товарищ Ильичёв ловил исключительно в плаще Другого Дедушки.

Прочие варианты будущим творцом Морального Кодекса Строителя Коммунизма даже не рассматривались…

Зато главный редактор еженедельника «Футбол» Мартын Иванович Мержанов никогда в звонок не звонил.

Просто оставляя в почтовом ящике Другого Дедушки свежий номер своего детища.

Еженедельно.

В течение лет.

И зим…

Я застал Другого Дедушку.

Хотя виделись мы нечасто.

Его последние годы, прошедшие по больницам и санаториям, совпали с первыми моими…

Другая Бабушка, дожившая почти до девяноста пяти, в моём дошкольничестве также общалась со мной лишь по праздникам и в дни, когда меня было не с кем оставить.

Чтобы попасть из нашего дома в гости к Другой Бабушке, требовалось перейти через Очень Большую Дорогу.

Наш дом находились (да и находится) строго напротив того, в котором обитала Другая Бабушка.

Из окна Большой Комнаты, кухни или ванной окна Другой Бабушки и один из её двух балконов просматривались как нельзя лучше.

Вот я порой и устремлял туда взгляд юного естествоиспытателя…

Если я оказывался у Другой Бабушки, первым делом она куртуазнейшим образом предлагала мне снять верхнюю одежду в прихожей.

– Разоблачайся! – величественным полубасом произносила она, иногда имитируя посильную помощь.

Следом снятые вещи отправлялись на вешалку, где среди постоянно висящих неизменно привлекал моё внимание светлый потёртый овчинный полушубок Другого Дедушки, пришедший на нём с войны, а теперь иногда использующийся в качестве одеяла.

Любил я им накрываться, да позволяли мне редко….

Взамен снятых мной валенок с галошами или ботинок, Другая Бабушка выдавала мне чувяки – мягкие овечьи тапочки.

Чувяки мне нравились, потому что в них было удобно скользить по длинному широкому коммунальному коридору – в сторону кухни и обратно.

Немного приволакивая ноги и представляя себя всамделишным конькобежцем.

Каким-нибудь знаменитым чемпионом вроде Виктора Косичкина, Евгения Гришина, Антса Антсона, Валерия Каплана…

Другая Бабушка и кормила меня иначе, чем кормили дома.

Коронным здешним блюдом считалась жареная картошка с яичницей.

Причем еда приносилась из коммунальной кухни и подавалась к столу в огромной чугунной сковородке, для которой на буфетной полке имелась специальная крутобокая массивная подставка из железа.

Мне же приносили жареную картошку, залитую яйцом («картошечка с яйцом» – так это здесь называлось) в маленькой аккуратной сковородочке и – тоже! – позволяли прямо с неё есть, ещё дымящуюся.

Напрочь игнорируя такой жанр как мелкая тарелка.

И подставочка своя для сковородочки наличествовала.

И вынималась она – тоже – из вышеупомянутого буфета.

У нас дома жареную картошку не готовили: либо – отварную, либо – пюре, в крайнем случае – отварную Бабушка чуть поджаривала.

А – тут…

И стихи какие-то другие читала мне Другая Бабушка:

Каспар Шлих, куря табак,
Нёс под мышкой двух собак!

После чего меня так и подмывало курить спички, которые у Другой Бабушки лежали не в бумажном коробке, как у нас, а в маленьком серебряном коробочке.

Коробочек она от меня не прятала и курению спичек не препятствовала…

Сказки Другая Бабушка тоже читала другие.

Наизусть.

Из книжки «Чтец-декламатор», которую проштудировала от корки до корки в своём давнишнем южнорусском детстве, с гимназией и украинской капеллой.

И с двойной красивой фамилией Поляк-Молдавская, полученной по факту рождения.

Очень смешно.

Потому, что после того, как Другая Бабушка вышла замуж, фамилия Поляк-Молдавская превратилась в Белорусец…

ПИШМАШИНКА

Я люблю моей комнаты
Пыльноватый дурман.
Эту дымку оконную,
Этот дряхлый диван,

Эти шкафчики книжные –
С беспорядком внутри.
Нужные и ненужные
Словари, буквари…

За окном эту бледную
И глубокую даль.
Пишмашинку наследную
Фирмы «Континенталь»…

Короче, стихотворение (которое я цитирую здесь без его заключительной, четвёртой строфы) было написано мной спустя какое-то (незначительное) время.

Когда вышеупомянутая пишмашинка стала уже полноправно моей…

Году в 83-м.

Пишмашинка – символично и прямиком – перешла ко мне в руки из рук Другой Бабушки.

Моментально перейдя на моих руках через родную Беговую.

Чтобы водрузиться на письменном столе в доме напротив дома Другой Бабушки.

В Маленькой Комнате у меня дома…

Другая Бабушка сама изъявила желание подарить внуку-стихотворцу свою заслуженную механическую пишущую машинку.

Через пятилетку вынужденного и окончательного простоя.

А прежде пользовалась ей активнейшим образом.

Начиная года с двадцать девятого.

Когда вместе с пишмашинкой, турецкой кофемолкой, грудным ребёнком и вызванным на новую работу в аппарат главной партийной газеты мужем (Другим Дедушкой) приехала в Москву-столицу.

Из Николаева…

Пишмашинка же была из Одессы.

Точнее сказать, из (очень) дальнего зарубежья.

Заморского.

Ведь в Одессу-маму приплыла из Стамбула-папы.

С латинским шрифтом – пресловутой латиницей – на клавиатуре.

Капиталистическую латиницу, естественно, следовало теперь сменить на социалистическую кириллицу.

Что Другая Бабушка, подсуетившись, и сделала.

При помощи (русских?) народных умельцев.

Правда, буквы и прочие значки на клавиатуре пишмашинки располагались в каком-то своём, индивидуальном, порядке.

Во всяком случае, поборницы слепого метода набора машинописных текстов, глядя на эту клавиатуру – точно – отдыхали.

А Другая Бабушка – (на ней) работала.

Зряче и не покладая рук.

В результате – весьма быстро набрала персональную клиентуру.

Имевшую неуклонную тенденцию к постоянному росту.

Тем более, что менее чем десятилетие спустя – Другая Бабушка с пишмашинкой, кофемолкой, двумя сыновьями и Другим Дедушкой переехала на Беговую.

В новый дом, где получили квартиры (и комнаты) работники аппарата главной партийной газеты, а также, примкнувшие к ним штатные и внештатные акулы пера…

Тех и этих Другая Бабушка по-соседски окучивала.

Или – они её…

Долго и умеючи.

Когда же пишмашинка всё-таки попала ко мне – ей капитально требовался ремонт…

Однако мастеров, разбирающихся в таких механизмах (разбирающих и собирающих такие механизмы) надо было поискать.

Я и поискал.

Я и не нашёл…

К тому же лента для пишмашинки не подходила ни одна.

Ни 13 мм, ни 16…

Впрочем, я пишмашинкой иногда вынужденно пользовался.

Печатая под (сворованную ещё на работе в инфизкульте) копирку вечные стихи и первую мою прозу.

В трёх экземплярах.

Четвёртый – увы – получался совсем слепой…

А на излёте горбачёвской перестройки дозрел Папа свою личную фирму организовать.

С давненько, видать, припасённым для собственного детища названием.

«Дабл ю» – «W».

В честь доблестной английской (атакующей посредством клина из пяти нападающих!) футбольной схемы-системы сорок пятого…

В общем, схватил Папа мою пишмашинку – и уволок.

Без разрешенья.

Понятное дело, домой (ко мне) она уже больше не вернулась…

ДЕВЯНОСТО ОДИН С ХВОСТИКОМ

– Я проживу девяносто один с хвостиком! – говорил мне Папа.

Причём говорил многажды.

Как бы заклиная и жизнь, и судьбу.

В конце концов, Папа не дожил даже до своего 77-летия…

А неделю спустя, взглянувший на результаты последних больничных Папиных анализов, доктор медицинских наук, мой ровесник, этнический одессит Сергей Царенко заключил:

– Это вполне штатные анализы того, кому чуть больше девяноста.

Стало быть, Папин биологический возраст в момент ухода в мир иной составлял примерно девяносто один с хвостиком…

УРНА И ПАМЯТНИК

За Папиной урной мы с моим сыном Арсением ездили дважды.

На его машине.

Потому что в первый заезд Арсюша потерял паспорт.

Что выяснилось лишь часа через три после нашего посещения Митинского крематория.

Когда мы поехали на дачу, чтобы взять вроде как забытый там Арсением паспорт.

Ведь без Арсюшиного паспорта урну могли нам и не выдать.

Причём паспорт требовался именно этот: общероссийский.

Ибо – иностранный – категорически не годился по причине того, что в квитанции на получение урны значились реквизиты общероссийского…

Впрочем, заверенную нотариально копию своего общероссийского паспорта Арсений всё же обнаружил.

Днём позже.

На работе…

Чтобы через две недели мы повторили попытку вызволить урну.

Взяв с собой – на всякий случай – кроме водительских прав и копии паспорта общероссийского – иностранный сыновий паспорт.

Строго говоря, попытку №2 совершал Арсений без моего формального присутствия.

Востребованную крематорскую урну сыночку выдали, даже не испросив у него удостоверяющего личность документа.

Хоть какого-то…

Он мне об этом сам рассказал, подъехав к воротам Головинского кладбища.

Где я его ждал.

По договорённости.

Был – как раз – Папин день рожденья.

77-летие.

Предсказуемо возникшее на стыке весны и лета.

Вот мы и решили провести обряд захоронения Папиной урны.

Приурочив одно к другому…

Первым делом – следовало отыскать родовую могилу.

А уже следом – в конторе могильщика.

Я знал номер участка и что могила – ближняя к пешеходной дорожке.

На пространстве в несколько десятков метров.

В ожидании Арсения я безуспешно занимался поисками нужной могилы минут сорок.

Мы вдвоём с Арсюшей – ещё минут пятнадцать.

Буквально все ближние могилы вдоль пешеходной дорожки были нами тщательно проверены и перепроверены.

До кучи – вторые и третьи от краешка пешеходной дорожки…

– Ну, разве что – вот эта? – почти вынужденно я указал Арсению на могильное место с несколькими глубоко вросшими в землю серыми горизонтальными плитами – проверь, что ли…

Единственное вокруг могильное место – с горизонтальными плитами.

Потому что памятники на всех прочих окрестных могилах стояли сугубо вертикально…

Арсений присел над лежащим камнем.

Поскрёб ногтем по его шероховатой пыльноватой поверхности.

Вырвал – двумя руками – из плиточных трещин сорную траву…

Короче, это оказалось именно то, что мы искали.

Могильщик же обнаружился в кладбищенской конторе практически моментально.

Вместе с лопатой и загодя, в самом начале апреля, заказанной мной для Папы табличкой.

Вверху которой был изображён православный крест.

Хотя я заказал безрелигиозную…

МЕМОРИАЛЬНАЯ ТАБЛИЧКА

Примерно недели за три до Арсениевой семейной репатриации оказались мы вдвоём с моим взрослым сыном на почти безлюдном Головинском кладбище.

Где урна с Папиным прахом захоронена.

На одном кладбищенском участке с телами Другого Дедушки и Тёти.

А ещё здесь же урна с прахом Другой Бабушки покоится.

Если позволительно соответствующим словом про урну…

Правда, урна с прахом Другой Бабушки в здешних могильных документах не значится.

В паспорте захоронения…

Так уж у Папы – тогдашнего владельца сего паспорта вышло, когда он этим делом занимался.

Аккурат посерёдке лихих девяностых…

Короче, прибыли мы будним майским московским утром на Головинское.

Вдвоём с Арсением.

Большую мраморную мемориальную табличку на тутошнем семейном участке поставить.

Практически памятник.

В честь Другой Бабушки и Папы.

Наконец у нас руки до этого дошли.

Вместе с ногами…

Заходим.

А народу вокруг – практически ноль.

Никого.

Вот мы в глаза ревностному охраннику и бросились.

Попались на глаза, когда через кладбищенскую калиточку – ту, что вплотную к будочке охранника – просачивались…

А в приличного размера холщовой сумке у Арсения – вышеупомянутая двуимённая табличка.

Которая целиком в сумку влезть не в состоянии.

Посему оттуда частично подтарчивает…

Что, собственно, внимание зоркого охранника и привлекло.

– Куда и зачем следуете? – как бы благожелательно спрашивает.

Вежливо и честно ему отвечаю.

– Это вам сначала надо к лиректору – как бы приветливо улыбается охранник. Вон туда – направо – в контору… Хотя, нет. Вот он сам – директор – прямо навстречу идёт…

Действительно, идёт нам навстречу.

Хотя и в сторону конторы.

Импозантный.

Стильно костюмно-галстучно упакованный.

Средневозрастной…

Идёт, впрочем, довольно медленно.

Что нам вроде как на руку…

В общем, подкатываем.

Так, мол, и так – объясняю нашу ситуацию.

Ссылаясь на пославшего к начальству охранника.

Который в двух шагах от нас болтается…

– Паспорт – спрашиваю директора – показывать? А – паспорт захоронения?

Кивает.

По телефону при этом с кем-то разговаривает.

А тут и дождик зарядил.

Меленький…

Под ним директор все запрошенные им документы и проверил.

На все нужные странички залез.

Да ещё и Арсения табличку показать вынудил.

Тот её и показал.

Чуть приспустив холщовую сумочную поверхность.

Чтобы Папина верхняя половинная часть мраморной мемориальной таблички целиком выглядывала, а та часть, что Другой Бабушке принадлежит, оставалась для глаз невидимой…

В общем, то ли повезло, то ли Арсений специально таким образом табличку внутрь сумку встроил.

Предусмотрев нечто подобное…

Да и мелкий дождик, похоже, нам способствовал.

Вкупе с телефонным директорским разговором…

Притом что импозантный кладбищенский директор мимикой, жестом и парой уточняющих фраз отправил того же охранника сопроводить нас в сторону участка №7, значившегося в паспорте захоронения…

К счастью, следовать под конвоем охранника надлежало не слишком долго.

Главной задачей следующего этапа было умело готовить почву для установки мемориальной мраморной таблички, всячески тянуть время и ждать, пока охранник уйдёт, так и не увидев её, целиком вынутой из приличного размера холщовой сумки…

Нужного результата мы дождались весьма скоро.

Благо дождь в одночасье усилился.

После чего охранник молча ретировался.

Дав нам недвусмысленно предположить, что фактическая наша родина, в конце концов, может, нас и отпустит.

Если не куда-то ещё, то хотя бы на родину историческую…

«ФОНОГРАФ»

Памяти Ильи Рейдермана

***

Ночью проснулась от музыки. Снилось, что в осеннем парке, звучит орган; на открытом полукруглом балконе старинного дома, музыкант играет «Аве Марию» Вавилова, и прекрасный женский голос… контральто, поёт. Только одна певица обладает таким голосом – Лина Мкртчян.

Снова уснула, на рассвете, часов в шесть.

И проснулась уже с другим чувством, с чувством утраты.

Прочла на странице Аси печальную весть о том, что ушёл Илья, и поняла, почему именно орган звучал в моём сне: Илья часто читал свои стихи в Кирхе, и я бывала на его вечерах, где поэзия и музыка сплетались в единое, высокое и светлое.

Он был внимателен ко мне, к тому, что я пыталась говорить в стихах и в прозе, к тому, о чём пыталась молчать.

Внимателен и щедр: его слово о моём слове шло от сердца.

Перечитываю. Вспоминаю. Благодарю.

Из того, что вспомнилось сегодня, из разных книг Ильи, которые живут на моих книжных полках.

Людмила Шарга

ИЛЬЯ РЕЙДЕРМАН

***

Мой Бог, как просто всё на этом свете,
когда встаёшь и куришь на рассвете,
и боль под сердцем чуточку сосёт,
а в небе тело ласточка несёт,
движенья крыльев трогательно-зыбки…
Всё внятно взгляду. Нет ни в чём ошибки.
И о печалях знаешь наперёд.

***

Я пишу стихи на воде,
(были-сплыли, и нет нигде…)
Я пишу стихи на песке –
исчезают они в тоске.
Не доверю карандашу
и на воздухе их напишу.

Даже если никто не прочтёт –
зарифмую птичий полёт.
Я на ветер бросаю слова
и летят они, как листва.
И лепечет о чём-то волна.
И песок шуршит дотемна.

***

Сны беззаконны. Будто бы в окно
надуло – оттого и снятся, снятся.
И всё, что не сбывается давно,
опять рискует из глубин подняться.
Сны беспощадны. Простынь белизна
внушает сходство с операционной.
Беспомощен, наркозом опьянённый
в чужой, непобедимой власти сна.
Перед любою истиной – не струшу
при свете дня. Чего же снам – не рад?
Они во тьме обшаривают душу
как будто ищут позабытый клад.
Что в памяти хранил неповторимым,
то – сшито заново. Но где же швы?
…И вновь – невидимое станет зримым,
как в детстве – ветер в шелесте листвы.
Двойное зренье нужно – охватить
мечту и явь, их сплав, их нераздельность.
Разрозненному придавая цельность
порыва – времена соединить.
Сны беззаконны – всё, что мы делили,
чтоб знать отдельно, ставя по местам,
они перемножают без усилий,
соединяют: нет ни «здесь», ни «там»…
Есть только воздух – утренний, летящий,
тот ветер, что из детства – к нам в окно.
…Ах, мало ли во что поверит спящий.
Глаза открыть. Пора вставать давно.

***

....*Людмиле Шарга*

Перед лицом вселенской тьмы,
перед безглазой пустотой –
что можем? Вправду ль мыслим мы?
Поглощены ли суетой?
Неужто мир настолько прост,
и ты на жизни пир – не зван?
…А небо тёмное без звёзд –
как будто выключен экран!
Изобрели мы фонари
и наши ночи – ярче дней.
А тот огонь, что в нас внутри –
не жжёт и светит всё бледней.
– Ты где? – Я в трепете огня,
что жжёт и рвётся из меня.
– Но в силах ли дрожащий свет
ближайший осветить предмет?

…Увидеть нужно – и назвать,
и друга милого позвать,
и воедино всё связать,
и слово честное сказать.

***

Как тонкой нити звука нет конца –
есть эхо, отзвук и преображенье,
так солнца луч, коснувшийся лица,
во мне самом отыщет продолженье.
Ты, эхо света, помысел ли, звук
нечаянно сорвавшегося слова?
Ты – тайны и признания испуг
перед определённостью земного
существованья. Бродишь в глубине
под оболочкой каждого предмета,
глухим волненьем отзовясь во мне,
как жажда продолженья, эхо света!
Трудись, душа, стремясь соединить
всё то, что жизнь дала и обещала,
держа в руках существованья нить,
тот лучик без конца и без начала.

***

И чай наливающий в чашку
подумает вдруг: ерунда!
Исписана эта бумажка,
нельзя перечесть без стыда.
Жизнь – глупое очень занятье,
но смерти оно не глупей.
Какие нас держат объятья –
не те же, что и голубей,
деревья и камни? Не те ли?
И не надоело творцу?
Присутствуй, душа моя, в теле,
шепчи свою тайну лицу.
Понять бы, в чём жизни основа,
и правду сказать невзначай.
Ещё бы мне слово, полслова –
пока допиваю свой чай…

***

Мне этот город преподал урок.
Самим собой быть – вовсе не заслуга!
Сам по себе небесный свод глубок
и солнце – ярко, и листва упруга.
Сама собою южная весна
вошла в деревья, переулки, лица…
В её щедротах мне не заблудиться.
Она – и небо, и земля – она.
Как разобрать мне этот росчерк в небе
ветвей, летящих смело в вышину?
Как суть понять? Я сам – зелёный стебель,
вдруг ощутивший тяжесть и длину.
И как весна, как этот город жаркий,
– пишу себя, порвав черновики.
Правдиво. Безоглядно. Без помарки.
Ещё не зная будущей строки.

***

И опять облетает листва,
будто падает с мира завеса.
Загляни в глубину естества
поднебесного голого леса.
Эти ветви корявы, стволы,
будто их обожгло, почернели.
Пламя дремлет внутри, в колыбели,
– тайный жар среди ветра и мглы.
Безответная жизнь – муравья
терпеливей, – а так бушевала,
щебетала, шумела, играла,
лепетала, сама не своя…
Небо – низко. Земля – под листвой.
И в просветах – простор обозначен.
Лес молчит, нежилой, но живой,
– будто за руку временем схвачен.
Что там между ветвей – между строк?
Чем пространство недвижное живо?
Лес молчит – онемевший пророк.
Жизнь – вот слово. Сказать бы – не лживо…

***

Ах время, мы и впрямь, как дети,
спешим накрыть его сачком,
поймать рукой, запутать в сети.
Спешим – и падаем ничком.
И вот, когда мы, обессилев,
лежим – над нами небеса,
травинка – зеленью на синем,
жучков беспечных голоса.
И жизнь мгновенная природы,
бессмертия кратчайший миг
объемлет нас. И мир велик,
заполнен временем, как соты.
И мы мгновенья собираем,
преображаем, раздаём.
А что на свете оставляем?
Себя. Во времени своём.

***

А жизни тоненькая нить
того гляди и оборвётся.
Но нужно длить её и длить,
покуда это удаётся.
Навеки породнить спеша
два мига, двух сердец биенье.
Лишь это целое – душа,
отдельности преодоленье.
Все впечатленья и событья,
всё, что без нас тоскует врозь,
соединять живою нитью,
порою наспех, на авось.
Так жить, чтоб не зиял пробел.
Кривым стежком стянув два края.
Всем телом бездну прикрывая,
не вопрошая, где предел.

***

Воспоминания – не дом, а дым.
Ещё клубятся – но живёшь иным.
И в сторону уносит по кривой
разъятый прах минуты неживой.
Но горький воздух – камня тяжелей, –
летит, недвижим, сквозь движенье дней.
Среди машин, забот, бегущих толп –
лоб расшибёшь об этот дымный столп.
И вдруг поймёшь: прочнее, чем гранит,
ушедшее. На том – душа стоит.

***

За каждой мыслью – голоса других.
За каждым словом – ожиданье слова
и созидают глубину живого
все те, кого и нет среди живых.
И жизнь, которая сегодня есть,
не нас одних вела и обнимала.
Так много жизни, что нельзя и счесть!
А мы твердим, её не зная: мало.

***

Жизнь ушла, и всё же возвратилась,
пожурив меня и пожалев,
чтоб душа от спячки спохватилась,
в сотый раз от счастья ошалев.
Всё мне любо: даже чад бензинный,
пёс облезлый и бродячий кот.
Я хочу идти дорогой длинной,
и не на закат, а на восход.
Надо мною сень раскинет осень.
Стану стар, как дерево в саду.
А когда листву свою износим, –
постоим у неба на виду.
Трудно ль жить с душою неприкрытой?
…Дождь идёт. Во мгле. Во сне. Во мне.
Время длится баховской партитой,
оставляя скорбь на самом дне.

***

Книгу жизни бесцельно листая,
вдруг увидишь: страница пустая.
Ни строки. Ни словца.
Ни живого лица.
Было место для мира, для Бога,
а теперь – пустота, безнадёга.
Это боль и беда,
что уже навсегда.
Только тени – безлики, безглазы,
только эхо несказанной фразы.
Это горе и стыд –
пустота, что болит.

***

Ещё шажок, что приближает к краю…
Но злобу дня в себе одолеваю.
Не знаю, весь умру, или не весь –
бессмертным нужно быть сейчас и здесь,
частицу вечности в руке держа,
как будто соль на кончике ножа.

***

1.

Мертвое море – соль тяжела.
Чёрное море – живое.
Жизнь, что зачем-то сюда привела,
жизнь твоя – снова с тобою.
Мёртвое вряд ли станет живым.
Ну а живое – смертно.
Вот почему мы так жадно глядим
в этот простор предрассветный.
Тьма – и уже возникающий свет.
Море и небо. Свобода.
…Неуловимой жизни портрет
пишет художник-природа.

2.

Море волнуется два,
море волнуется три.
И, забывая слова,
остановись и замри.
Ошеломляющий дар –
зов бесконечности – даль,
оклик пространства, удар,
моря хмурая сталь.
Ибо и ты из границ
вышел обыденных. Вот
в дымке предутренней птиц
неутомимый полёт.

«ОКОЁМ»

«СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА» ПРОШЛА В ДЕВЯТЫЙ РАЗ

С 26 по 28 мая в белорусской столице в девятый раз прошёл Международный литературный фестиваль «Славянская лира». В этом году он собрал под свои знамёна 66 писателей из 13 белорусских и 7 российских городов. Был также и почётный гость из Афганистана. Южнорусский Союз Писателей уже много лет является соучредителем этого крупного форума, а журнал «Южное Сияние» – информационным партнёром. В рубрике «Окоём» нынешнего номера мы даём материалы, которые пришли в редакцию благодаря литературным конкурсам «Славянской лиры».

Упомянем только несколько событий, имевших место быть на фестивале. Первый день открылся пешеходной экскурсией по центру Минска – Верхнему Городу и Троицкому Предместью. Однако на экскурсии были не все: часть членов жюри, разбившись на две группы, в это же время выступала в столичных вузах: перед студентами факультета журналистики Белорусского государственного университета и студентами филологического факультета Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка.

Основные действия начали разворачиваться ближе к обеду в Доме Москвы в Минске, куда стягивались писатели, шла их регистрация и книжная выставка. В два часа дня на сцене концертного зала Дома Москвы зазвучал торжественный туш, и перед участниками фестиваля один за другим выступили сначала председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» (организации-основательницы фестиваля) Олег Зайцев, руководители дипломатических ведомств, а затем – председатель Международного сообщества писательских союзов Юрий Коноплянников, председатель «Общества писателей Афганистана» Саид Ахгар, были озвучены приветствия от руководителей ряда творческих союзов, выступающих соучредителями данного мероприятия. Сразу после торжественного открытия участники фестиваля с головой окунулись в литературные состязания, первым в череде конкурсов на приз зрительских симпатий шёл «Турнир поэтов», вечером члены жюри «Славянской лиры» провели мастер-классы, которые стали лейтмотивом и следующих двух дней.

Второй день начался с круглого стола «Литература в период глобальной цифровизации». Пять десятков авторов дискутировали о том, куда движется современный литературный процесс, каким путём идёт развитие носителей текстовой информации, хорошо или плохо вытеснение печатного текста «виртуальным» для его создателя и читателя, как можно адаптироваться к тенденциям цифровизации художественного слова и им противостоять. После круглого стола стартовал конкурс среди финалистов на приз зрительских симпатий в номинации «Поэзия. Свободная тематика», затем соревновались прозаики.

Завершающий день форума также был насыщен состязаниями среди поэтов и переводчиков, творческими вечерами членов жюри, презентациями литературно-публицистических журналов «Западная Двина» и «Приокские зори» и книг, а завершился фестиваль традиционным и торжественным награждением победителей в концертном зале, праздничным фуршетом и безграничным свободным общением.

Более подробно о фестивале и победителях нынешнего года и предыдущих лет можно узнать на официальном сайте «Славянской лиры» (https://slavlira.wordpress.com), а редакция журнала «Южное Сияние» тем временем представит вниманию своих читателей те конкурсные работы, которые более всего приглянулись ей, т.е. редакции.

ИРИНА САВЧЕНКО

Минск

ВЕЧЕР ЖИЗНИ

Ничего я не пил, кроме кофе и грусти.
Ветер выл и, как гончая, рыскал у ног.
Тихо таяли в снах потаённые сути
И печальная нежность несыгранных нот.

Вечер кутался в сумерек колкие шарфы,
В обречённость имён позабытых и лиц,
Трогал прутья забора, как струны у арфы,
Перелистывал тайны небесных страниц.

Задним светом машины багряно мерцали,
Как угли, тщетно силясь согреть темноту,
Убегая вперёд по изгибам спирали,
Поворотам судьбы подводили черту.

Жизнь – крутая дорога, ведущая в вечность,
Дни и ночи вокруг поседевшей луны.
Нам, познавшим свободы лихую беспечность,
Горько знать, что следы канут в пене волны.

Что осталось у нас в этот призрачный вечер?
Только счастья обломки на чаше весов,
Груз промчавшихся лет и усталые плечи…
Всё сметая с земли, мчатся стрелки часов.

Ничего я не пил, кроме кофе и грусти,
В этот вечер холодный попав, словно в плен.
Ветер в клочья рвал грёзы и врал, что отпустит,
Жизнь мою день за днём забирая взамен.

НА ОСЕННЕЙ ПАУТИНКЕ…

Я поймать пыталась лето
В сеть осенней паутинки,
Но неслось оно по свету
Неприкаянной былинкой.

Усмехалось и вздыхало
Озорное мирозданье
И пророчило устало
Наше с летом расставанье.

И каштанами бросался
Беспокойный шумный город.
Озираясь, забирался
Холодок ко мне за ворот.

И выплясывал на коже
Зайчик солнечный румянцем.
И смеялся день погожий
Над забытым школьным ранцем.

Кувыркались неуклюже
Детства яркие мгновенья.
И купались в тёплой луже
Расписные отраженья.

А осенний лист вращался
И кружил над нами низко,
И шуршал, и спотыкался –
Рыжий призрак ретро-диска.

Обнимал тайком, балуясь,
Ветер стан осинки кроткой.
Бабье лето шло, красуясь,
Величавою походкой.

И вышагивали ножки,
Демонстрируя обновки.
И на лаковом сапожке
Грелись божии коровки.

А росинки на травинках –
Дробь летучего стаккато –
Догорали с паутинкой
В искрах тлевшего заката.

Полыхало охрой в вальсе
Платье тающего лета.
Умоляла я: «Останься! »,
Но не слышала ответа.

Лето ласково глядело
Изумрудною грустинкой.
Жизнь моя за ним летела
Вслед – осенней паутинкой.

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ГОНЧИХ ПСОВ

Колдует весна на крыше
С магнитами полюсов.
В макушку планеты дышит
Созвездие Гончих Псов.

Пульсирует Сердце Карла,
Маня в неземную высь.
Туманная фата-моргана
Нашёптывает: «Держись!»

И в жизненном кратком часе
Под вихрями лунных лет
На трудной вселенской трассе
Оставлю незримый след

И в знаках небесной бездны
Суровый вердикт прочту,
Но в тысячный раз воскресну,
Пикируя на мечту,

Где в длинном хвосте кометы
Дрейфует роскошный день,
И прячутся сны в рассветы,
Поскольку сбываться лень.

И я потеряюсь где-то
Над россыпью белых звёзд
В обнимку с грядущим летом,
Шагающим в полный рост.

И я поцелую счастье
В щекастый овал лица.
Господь, помоги – НЕ стать мне
Началом его конца!

—

ИГОРЬ ИСАЕВ

Москва

МЕЖА

Скажи мне, где межа меж радостью и болью?!
Где темноте свеча проигрывает спор.
Где пальцы палача затравленно, с любовью,
от ужаса дрожа, ложатся на топор.

Где стылая постель осеннего погоста –
утраченная пядь земли, золы, родства;
где нечего терять, где все мы только гости,
отведавшие хмель земного волшебства.

Нам есть кого беречь, пред кем зажечь лампаду,
и без кого – судьба! – померкнет всё окрест.
Есть Тот, к кому мольба, и тот, кому награда,
кому – прямая речь, кому – по мерке крест…

Повторенный стократ удел, что нам ниспослан…
Истоки доминант затеряны в веках…
Там все, кто до меня, и те, кто будут после –
репродуктивный ряд молекул ДНК.

Там, в поисках черты меж будущим и прошлым,
порой идут на вы и падают на снег.
Там жизнь моя, увы – зашоренная лошадь,
кругами суеты нехитрый правит бег.

Туманное давно там явственно и зримо,
глухой язык молвы, немой размытый фильм…
Там шествуют волхвы, и там паденье Рима
предопределено падением Афин.

Там серые дожди дотошны и упорны
в стремлении дойти до сути, до конца,
там все мои пути до тошноты повторны,
и неисповедим любой маршрут Творца.

И пусть неуловим пронзающий пространство
след световых погонь – холодный Млечный путь,
но разожгут огонь, шепнут чуть слышно: «здравствуй»,
и к родникам любви захочется прильнуть.

Ты двери отвори – в лачугу или в терем,
и тёплый дух жилья тебя заворожит.
Вот здесь – межа моя. Находки и потери.
Мои календари. Моя – до боли – жизнь.

КИЕВСКАЯ НОЧЬ

Витрин погашен пёстрый ребус.
Сутулясь, меркнут фонари.
Усталый тащится троллейбус,
уже последний – до зари.
В безмолвном ожиданьи утра
к глазницам окон мрак приник…
А я иду по переулку,
подняв от ветра воротник.

Мне ночь – товарищ, закадычный
мой друг, мой брат, моя печаль.
Озноб предутренний – привычка,
а мокрый тротуар – причал.
А мне навстречу – шелест долгий,
слова досужливых дождей,
и эхо в каменных ладонях
насквозь продрогших площадей.

Рассеянно и невесомо,
впопад шагам, за мной вослед –
то скрип дверей, то лязг засовов,
то шёпот-крик, то шорох-бред…
Скороговоркой длинной, гулкой –
не разберёшь наверняка –
сырой сквозняк из переулка
доносит шум товарняка.

На скорости почти предельной,
мча вне разметки, по оси,
прошелестит, как привидение,
в рассвет спешащее такси,
и два краснеющих окурка
умчатся вдаль, исчезнут прочь…
И снова молнию на куртке
рванёт застигнутая ночь…

И снова – чернота до горла
да редких ламп густая тень…
Лишь беспокойно спящий город
ворочается в темноте,
лишь светофорная нелепость
желтеет в зеркалах витрин…
Последний тащится троллейбус.
Сутулясь, гаснут фонари…

ПАМЯТИ ДРУГА

Мы спорили, тому немало лет,
о подлинной поэзии, о фальши.
Он говорил, что не читает дальше
двух первых строф, когда полёта нет…

Редеют на земле моей числом
товарищи, друзья и одногодки,
соратники, соперники по гонке –
мы вверх рвались, мы лезли напролом.
Из нитей дружб, любовей и причуд
плели судеб затейливые сети –
в них перемен запутывался ветер,
и времена их колыхали чуть…
Но – до поры. Железный этот век
ломает всё, что звонко и упруго.
Неумолимо вычеркнут из круга
ровесников знакомый человек.
Один. Другой. Мне пальцев на руке
уже не хватит подсчитать потери.
Мы с ним давно увидеться хотели.
Но он ушёл… куда-то… налегке…

Поставлю поминальную свечу.
Наполню рюмку и расправлю плечи.
«Ах, время, время, ты меня не лечишь,
сам за тобою к краешку лечу».
Сглотну комок. Остыну, помолчу.
Никто не знает, сколько нам осталось.
И это – мудрость. И пока не старость.
И можно жить. И нужно. И хочу!

Хочу забыть давнишние грехи,
покой сердечный новыми нарушу.
И можно не дочитывать стихи
за восемь строк не тронувшие душу.

ВИТАЛИЙ ШЛАБОВИЧ

Браслав, Беларусь

НА РАСКИСШЕЙ ТРОПЕ

Сугробы обмякли. С утра плюсовая
Погода распутьем крошит тротуар.
Ручьи неуклюже друг друга толкая,
Спешат в неизвестность, как пьяницы в бар.

Разрывы звенящей шрапнели-капели
Вспороли сырую шинель февраля.
Поникшие ветви берёз побледнели,
Плакучесть души над землёю стеля.

Смеркается… Пасмурно… Солнце незримо
Сползает за взгорка костлявый хребет…
Рождается март и тропой пилигрима
Бредёт, спотыкаясь, в раскисший рассвет.

***

На белой простыне
Лежу в палате номер шесть,
Как все – с «короной».
А за окном синиц – не счесть –
Щекочут клёны,

Роняя крошево с ветвей
В больничный дворик.
Скребёт лопатой без затей
По снегу дворник.

Запорошила у двери
Зима-старуха
Пыльцу серебряной зари
Дрожащим пухом.

Летит небесность в белизне
На гладь скамеек…
И лишь на белой простыне
В душе чернеет.

***

На обманутой земле
Шум апрельского спектакля.
Пашня чёрствая размякла.
Закружилась жизнь в страде.
Для кого-то вновь батрак я
В миллионной борозде…

Позади забота плуга.
Сенокос. Раздолье луга.
Жизнь кипит в медовом дне.
Я по-прежнему прислуга,
Только в солнечном огне…

Слякоть. Поле. Ранний вечер.
Осень сыростью не лечит.
Жизнь расплакалась навзрыд.
И крестом легла на плечи
Боль неправедных обид…

Воет вьюга. Снега хлопья.
Целят в стужу елей копья.
Потерялась жизнь во мгле.
Для больной судьбы холоп я
На обманутой земле…

——

МАЙК ЗИНОВКИН

Архангельск

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Кот забрался на колени. На плите горячий чайник.
За окном темно и тихо – там идёт последний снег.
В этом медленном паденье только отблески печали,
Только лёгкий тёплый выдох вновь прощающего всех.

Улыбаясь отраженьям, над землёй склонилось небо.
Всё спокойно, всё как прежде. Лишь снежинок сонный вальс.
В этом медленном круженье только радостная нега,
Только вкрадчивая нежность защищающего нас.

На ладони хвойных веток, на дорожки зябких скверов
Опускается, не тая, параллельный зимний мир.
В этом медленном бессмертье только искренняя вера,
Только истина простая. Но поди её пойми.

В спальне молча бродят тени. Кот залез в пододеяльник.
За окном совсем морозно. Лишь снежинок сонный смех.
В этом медленном паденье только отблески печали,
Только праздничные звёзды равно любящего всех.

НАВЕРНО

Всё было так. И было наяву.
Когда я верил, что ещё живу,
За прошлое истошно не хватаясь.
Стучало сердце, будто «Ундервуд»,
И падал снег на жёсткую траву,
И таял.

И мы лежали там – к плечу плечо.
От снега становилось горячо,
А от прикосновения – покойно.
Молчанием о всём и ни о чём
Был надвое, как бритвой, рассечён
Тоскующего неба треугольник,

Где – в ореоле (с)тонущих берёз –
Нам чудились «Юнона» и «Авось»,
Плывущие в нездешнее Инферно.
И падал снег. Волнительно и вкось.
Всё было так. Всё было и сбылось.
Наверно.

———

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

снт Светлый Тверской обл.

***

Дуне

Ну и что ты мне скажешь, моя душа?
Научи меня снова ровней дышать,
столитровыми лёгкими мир вкушать,
как тогда, вначале.
Мы как будто в доме, где нет окон,
во дворе притон, над башкой циклон,
перед мультиком втюхивают ферон,
горлопанит чайник.

Но возникла ты, мой изящный свет,
предпобедной хроникой из газет,
доброй новостью, брошенной в интернет
будто бы случайно.
Научи, когда радио мельтешит,
а вокруг на сто тел ни одной души,
поискать в себе южных нот гроши.
Не впадать в отчаянье.

Научи меня радостно каждый день
с этой мыслью снова вставать к плите,
пылесосу, прописям, спискам дел,
улыбаясь мило.
Научи, когда кто-то бесстыдно врёт,
покоряет «наше», чужим живёт,
взять лопату и к дому расчистить вход,
чтобы отпустило.

Чтоб, когда меня быт с потрохами съест,
я бы видела полдень печали без –
флюгер, словно над колокольней крест,
солнце в девять ярдов.
Да ходить бы чаще к берлоге той,
где сопит лирический мой герой,
на Тверце дворцы, на дороге соль,
на окне гирлянда.

Чтоб, когда ползёшь, огибая склон,
в голубом наморднике за песком,
взять и вытравить зависть из сердца вон
в направленьи юга.
Где ровесники сделали сто карьер,
знают асаны, гении модных сфер,
мы с тобой и можем-то только с тем
что обнять друг друга.

Научи, душа моя, научи!
Богатырь мой редко встаёт с печи,
повышает голос, на власть ворчит,
от бессилья плачет.

Но когда ты смотришь, мой свет, мой рай,
мне как будто Бог говорит: вставай!
Подхвачу тебя, посмотрю за край.
И обратно пячусь.

***

Беда или не беда,
топишь ли печку сценой
или влетает в дом
чёрная полоса, -
всё, что мне нужно здесь, -
это, по меньшей мере,
добрых моих друзей
звонкие голоса.

Я заживаю с тем,
с кем ничего не больно,
с кем ни гроша не жаль,
с тем, кто всегда со мной,
с кем увидать мне даль
и угасать с любовью –
солнышком в камышах,
радугою над Тьмой.

Переживём, чего ж –
слов не напишем кровью,
не покорим вершин,
мир не перевернём, –
лишь бы согреть детей
звёздным немногословьем
и сохранить любовь
песнею и огнём.

***

Лист неба, как тетрадь,
просвечивает тонко.
На дом, как на звезду,
рассвет идёт волхвом.
С шести утра не спать,
разглядывать вагонку
и заставлять себя
не думать о плохом.

Причудливый изгиб,
ветвящийся рисунок,
дыхания стены
изящный лабиринт.
Теперь ты крепче сбит,
теперь ты лучше собран,
вселенная с тобой
как с равным говорит.

Что грубости врача,
что штрафы за парковку,
что банка взорвалась –
такая ерунда!

Сквозь первый блик луча
к холодной остановке
по лужам поплывём
в счастливое – всегда…

Так крепок нынче дом,
так сладко спят в нём дети,
собаки и коты,
в клубок свернулась нить,
и кажется, кругом
всё то, что есть на свете,
способно от беды
их всех отгородить.

А сколько было здесь
тревожных разговоров,
закончившихся сил
и слившихся друзей.
Но в теле бьётся жизнь
и новый день, в котором
светает иногда,
и радуются все.

—

ЕЛЕНА ДАНЧЕНКО

Свалмен, Нидерланды

КИЕВСКАЯ, 139

Брату Сереже

На Киевской сто тридцать девять жарко,
а если зябко – топится голландка,
но чаще жарко, потому что юг.
Раскрыты окна настежь: слева – варка
сливового варенья, справа – сладко
вздыхая паром, греется утюг.

На Киевской сто тридцать девять тени
зелёнкой мажут сбитые колени.
Я в центре Кишинёва – средостенье
мне, данного зачем-то, бытия.
Здесь носится сестра с собачкой Пальмой.
Мелькают бантики, дворняжий хвост спиральный.
В качалке старой бабушка моя.

Серёжка, брат двоюродный и младший,
доев котлету с гречневою кашей:
«Айда под крышей побежим!» – зовёт.
Зашнуровав с подковками ботинки,
мимо соседской прошмыгнув Бастинды,
кричим дворовым: «Эй, постройся, взвод!»

Потом, взобравшись на чердак, в погоню
пускаемся, невидимые кони
несут нас друг за дружкой по всему,
что там под кровлею обречено валяться:
обломкам черепицы (восемнадцать
и два нуля потом в музей снесут).

По доскам, сваленным крест-накрест, как попало.
по битому стеклу, ух как достало –
осколками стреляет, жмурься, люд!
Орёт Бастинда снизу : «Чтоб вы сдохли!»
Но тут вступает пианино, в окнах
свет загорается то там, то тут.

Мне десять лет, я к тёте Кате в гости
пришла и память детская запостит
асфальтовый тот двор и щели в нём,
в котором одуванчики пасутся,
а сколько лет над ними пронесутся –
не сосчитать заросшие быльём.

Ну а пока мы носимся под крышей,
и собираем синяки и шишки,
они нам пригодятся – ещё как! –
в чердачной и не только дольче вите.
Бастинды, вии, спите-спите-спите!
Пусть дети обегут сперва чердак.

ШИПОВНИК

Затейник июнь раздобыл акварель
салатно-зелёную, синюю,
и в той синеве затянул менестрель
канцону свою соловьиную.

Ваганты-лягушки о чём-то кричат,
о чём – не скажу (неприличное)
лихой одуванчик меняет наряд
на пух, легче пёрышка птичьего.

ну как мне, скажите, в такой лепоте
не позабыть своё прошлое,
отрезать и сжечь его чёрную тень,
а дальше – июньски-хорошею

остаться промытым зелёным листком,
шиповника белым душистым цветком,
всей веткой-царапкой, её коготком
смеющейся праздничной ношею?

ЖАСМИН

Пусть вечно сияет июньский жасминовый куст
и светятся звёздочки с жёлтым штрихом сердцевины!
Так рви же на части судьба, ну и пусть
мистралем сменяются ярые летние ливни!
Отняли любовь и по кочкам её разнесли, по клочкам,
отняли судьбу и заставили жизнью чужою
не жить, а болеть, но не вашим, а светлым богам –
жасмину вот этому – буду склоняться главою.

К деньгам, пьедесталам всегда равнодушна, плевать
на ваши законы молчания и осторожности шёпот!
Я выжила – значит, права, с этих пор благодать
июньская мне прописала по лужицам шлёпать,
и топать босой на вершину холма Сен-Жени,
туда, где жасминовой куст наклонился над бездной.
Не станет меня – значит, он за меня будет жить
земную мою, отраженьем моей же небесной.

—

НАДЕЖДА АКУШКО

Бобруйск

МЕСТЬ
рассказ

1.

Шурик сидел на своём любимом дереве и смотрел на дорогу, которая уходила в лес. Это был старый раскидистый дуб, на котором он и «свил гнёздышко» Ему было интересно наблюдать, как дорога превращается в тропинку, а где-то там за соснами, пропадает совсем. Он это видел много раз, но каждый раз открывал для себя что-то новое. Когда очень долго смотреть в одну точку, то начинаешь видеть что-то сказочное. А может Шурик всё это рисовал в своём воображении…

Если повернуться в обратную сторону, то весь детдом, как на ладони. Большой одноэтажный деревянный дом. Двор, обгороженный низким забором. Хозяйственные постройки и спортивная площадка. Почти три года, как Шурика перевели сюда из дошкольного детдома. Осенью он пойдёт в третий класс. Ему здесь больше нравилось, чем в предыдущем. Вкуснее кормили и меньше наказывали. Да и не было за что его наказывать. Шурик был спокойным и более-менее послушным ребёнком. Но тех, кто нарушал дисциплину, наказывали жестоко. Закрывали в тёмную, холодную комнату на несколько часов. Шурик об этом знал из рассказов ребят и очень боялся страшной комнаты.

Мимо детдома пролегала дорога, которая уходила в лес. По этой дороге два раза в день проезжал рейсовый автобус, последняя остановка его была у ворот детдома. Высадив пассажиров, он доезжал до леса, где и разворачивался.

По воскресеньям этот автобус привозил родственников детей. К Шурику никто никогда не приезжал. Он не знал своих родственников, может их вообще не было… По воскресеньям он мог сидеть на дереве сколько угодно времени, казалось, что про него все забыли. Он видел, как дети со своими родными расходились по лесу, выбирали полянку поудобнее, раскладывали всякую вкусную еду и ели, ели…

В одно из воскресений Шурик, как всегда, занял свой наблюдательный пункт. И как каждое воскресенье, автобус привёз посетителей. Шурик прищурил глаза и вглядывался вдаль, туда, где небо касалось верхушек сосен. И где облака цеплялись за ветки деревьев. Эти облака умели превращаться в разных зверей, или в каких-либо сказочных героев. То вдруг кораблями плыли по небесному простору, как по морю. И Шурик был капитаном на самом большом корабле. Он вёл корабль по бескрайнему морю туда, где его ждали родные люди. Может даже мама, которую он никогда не видел и даже не произносил это слово. Только иногда в мечтах, когда один плыл на своём корабле.

– Шурик, Шурик, к тебе приехали! Скорее слезай с дерева, – бежал к нему и кричал во всю мочь Петька Книга.

Шурик слез на землю и не спеша пошёл в детдом. К нему никто и никогда не приезжал. Как-то больно стало в груди и защипали глаза. Он протёр их кулачками и открыл дверь. В коридоре стояла воспитательница, рядом с ней взрослая девушка, державшая за руку девочку, которая удивлённо смотрела на вошедшего Шурика. Девочка была старше и выше Шурика. Похожая на девочек-старшеклассниц из детдома. Да и одежда на ней была похожа на детдомовскую.

– Ну, вот и ваш Александр, – сказала воспитательница.

Взрослая девушка подошла к Шурику, обняла его, прижала к себе и расплакалась. Девочка тоже заплакала. Шурик не знал, как себя вести, в горле что-то сильно мешало, как будто он не успел проглотить что-то твёрдое.

– Сашенька, братик мой, как же долго мы тебя искали, – сквозь слёзы произнесла девушка. Мы твои сёстры. Меня звать Ксения, а это Соня. Возьмитесь за руки, познакомьтесь, – и она соединила руки детей.

Взяв Шурика за вторую руку, повела их на улицу. По тому же маршруту, что шли все посетители, они вошли в лес. Выбрали уютную полянку. Ксения извлекла из сумки покрывало и расстелила на траву. После этого стала выкладывать всякую вкуснятину, которую Шурик не то, что не пробовал, даже в глаза не видел. Чего здесь только не было. Крупные апельсины, разное печенье и конфеты. Ещё нарезанная тоненько копчёная колбаса, которая так дурманяще пахла, что у Шурика заурчало в животе. Ксюша быстро сделала бутерброды с колбасой и сыром, нарезала свежий огурец и помидор.

– Давайте, дети, сначала перекусим, потом поговорим обо всём. Все дружно принялись за еду. Ксюша достала по бутылке лимонада – это для Шурика вообще было пределом мечтаний. Она ела мало, больше наблюдала, как едят дети.

– Саша, Соня, не ешьте много, оставьте на потом. Могут разболеться животы. Мы же будем здесь до вечера, уедем последним автобусом. Давайте я вам расскажу про нашу семью. Ксюша достала из сумки альбом с фотографиями. Сели теснее друг к другу и она начала рассказывать.

– Вот это наша мама. Она показала детям поблекшую фотографию. Она погибла, когда Сашеньке было 2 месяца, а тебе, Сонечка, четвёртый годик. Вы не помните маму, а я хорошо помню. Мне было девять лет. После маминой смерти меня забрала тётя, мамина сестра, а Сашеньку определили в дом малютки. Тебя, Сонечка, в дошкольный детдом. Я недолго жила у тёти, она была больна и через год умерла. Её муж сдал меня в детдом.

– Сейчас я учусь в институте и несколько лет ищу вас. Слава Богу, нашла, теперь мы вместе. Я обещаю, как только окончу институт и получу направление на работу, сразу заберу вас к себе.

– Ксюша, расскажи про маму, как она погибла, – несмело произнесла Соня.

– Наша мама была очень красивая и добрая. Она любила нас всех, и тебя, Сонечка, и тебя, Сашенька. Но случилось несчастье и её не стало. Мы остались сиротами. Я не могу сейчас всё вам рассказать, потому что вы ещё маленькие. Но когда вам будет по 18 лет, я всё расскажу, что помню и знаю.

У Ксюши дрожали губы, и она сдерживала слёзы. Соня сидела, опустив голову, и теребила край платья. Ей тоже хотелось плакать, но она научилась сдерживать эмоции. Ей скоро будет 14 лет, а Сашке нет и десяти, но он не плачет, а задумчиво смотрит куда-то вдаль.

С этого дня жизнь Шурика изменилась. Он узнал, что не одинок. Что у него есть родные и близкие люди, его сёстры. А ещё он узнал о том, что у него была мама, которая его любила. Если раньше в его задумчивых глазах была только грусть, то сейчас в них загорались искорки. Глаза оставались задумчивыми, но это была другая задумчивость. Он, за время пребывания в этом детдоме, ни с кем не сблизился. Если только чуточку подружился с Петькой Книгой. У всех ребят из группы были родственники, которые их навещали. У Пети была одна тётя, которая жила где-то далеко и редко навещала его.

Все свои удачи и неудачи Шурик мысленно рассказывал дубу, и ему казалось, что дерево это чувствует. Дуб дотрагивался до щеки мальчика своим листом, или тонкой веткой как бы обнимал Шурика. Может, в этом помогал ветер, но Шурик верил, что дуб понимает его и жалеет. Потому и хорошо ему было в «гнёздышке», между дубовых ветвей. Слово мама он никогда не произносил. На это слово в его организме выработался запрет. Но после знакомства с сёстрами и увидев фото мамы, он стал в мыслях обращаться к ней, к своей родной маме, которая любила его и до двух месяцев носила на руках. Когда удавалось убежать со двора к дубу, он залазил в своё гнёздышко, прислонялся к стволу, и начиналась сказка. Он закрывал глаза, представлял рядом с собой маму, и уже не ветви, а мамины руки гладили его по лицу, по волосам… Бывало, что от нахлынувших чувств текли слёзы, но Шурик их не сдерживал. Об этом знал только он и старый дуб.

В середине августа воспитательница взяла за руку Шурика и сказала, что его вызывает директор.

– Я в чём-то провинился…? – удивлённо спросил Шурик.

– Нет, не пугайся, он хочет с тобой поговорить. И повела его в кабинет.

Директор сидел за большим столом, что-то писал. Когда дверь открылась, он поднял голову и пригласил их войти.

– Александр, тебе нравится жить в нашем детдоме, – спросил директор.

– Да, – несмело произнёс мальчик.

– Я знаю, что у тебя есть сёстры, и одна из них в детдоме. Так вот по просьбе старшей сестры мы переводим тебя в тот, где живёт младшая. Вместе вам будет легче, да и старшая сестра не будет ездить в два разных места, потому сможет чаще вас навещать. Так что иди и складывай вещи. Завтра тебя отвезут к сестре.

Шурик так обрадовался, что даже забыл поблагодарить директора. Воспитательница принесла вещмешок, куда он и сложил свои нехитрые пожитки. После этого побежал к своему дубу рассказать все новости и попрощаться. Он решил, что своё гнёздышко передаст Петьке и попросит его подружиться с дубом.

2.

Время летит так стремительно быстро, совсем недавно Шурик приехал в этот детдом и пошёл в третий класс. А сегодня он выпускник. Экзамены позади, вот отгуляют выпускной вечер, и до свиданья этому дому. Соня учится в пединституте в одном городе с Ксюшей. И он поедет к ним, только никак не может решить, куда ему поступать. Здесь он научился рисовать, и это получалось у него очень хорошо. Чем бы он ни рисовал: акварелью, гуашью или просто карандашами, рисунки получались хорошими. В школе все стены были увешаны его натюрмортами и портретами. К нему приклеилась кличка – художник. В городе, где живут сёстры, есть художественное училище, может попробовать туда…? Но об этом он решил подумать позже, пока надо отметиться в военкомате, неделю назад получена повестка.

Шурик не раз хотел спросить у Ксюши про отца, но какая-то неведомая сила сдерживала его. Совсем скоро ему 18 лет, и сестра расскажет ему про маму. Вот тогда и будет удобный момент узнать про отца. Он ехал в электричке и представлял, как он встретится с Ксюшей и Соней. Он нарисовал их портреты и вёз им в подарок. И мамин портрет, с ребёнком на руках, лежал в его рюкзаке. Ребёнок – это он, Шурик.

Девочки так радовались его приезду, то и дело обнимали и целовали его. И наперебой говорили, какой он красивый, стройный и совсем взрослый. Шурик чувствовал себя почти счастливым. Только тяготило то, что должна рассказать Ксюша. Соня, конечно уже всё знает. Ей давно исполнилось восемнадцать. На днях и он узнает, как погибла мама и есть ли отец.

Вот и настал момент истины. Они сидели на диване у Ксюши, тесно прижавшись друг к другу.

– Сашенька, история страшная. Сонечка всё знает, сейчас узнаешь и ты. Только прошу тебя, будь мужественным, поздно или рано, но узнать ты должен это.

– Наш отец сильно пил. И в тот день он пришёл совершенно невменяемым. Соня небольшая, ты совсем кроха, маме тяжело было, крутилась, как белка в колесе. Когда я зашла в дом после школы, ещё за дверью слышала крики отца и плач детей. Мама попросила забрать у неё из рук Сашеньку и вместе с Сонечкой уйти в другую комнату. Что я и сделала. Мне было очень страшно. Я слышала, что в соседней комнате отец избивает маму, но что я могла сделать…? Положила тебя на кровать, попросила Соню, чтобы держала бутылочку с молоком, а сама решила выйти и позвать соседей. Как только я открыла дверь, отец подскочил ко мне, схватил в охапку и швырнул обратно в комнату. Я только успела увидеть маму, лежащую на полу. Она махнула рукой мне, чтобы я не выходила из комнаты. Я не знаю, как выдержало моё сердце и не разорвалось. С соседней комнаты раздавался крик отца и просьбы мамы, не трогать её. Я не помню, сколько это длилось, потом стало тихо. Мне показалось, что хлопнула входная дверь. Я подошла тихонько к двери, но ничего не было слышно. Приоткрыла немного дверь. Мама лежала в луже крови, не шевелясь. Отца не было. Я оставила вас и закрыла дверь, чтобы Соня не вышла. Выбежала за дверь, стала стучать соседям. Дальше всё было, как в тумане. Нас куда-то увели, я только знала из разговоров соседей, что мамы больше нет. Он нанёс ей несколько ножевых ранений и сбежал. Но милиция вскоре его задержала. Мы были у тёти несколько дней, потом нас всех увезли в детскую больницу. Из больницы тётя забрала только меня. Был суд, ему дали 15 лет строгого режима. Это всё, что я знаю. Мамы нет, а он уже на свободе и где-то живёт. В детстве я хотела одного, поскорее вырасти, найти его и зарезать ножом, как он маму. Но детство кончилось, и поняла, что мне надо найти вас, чтобы отдать вам ту любовь, которую не успела отдать мама.

Шурик понял, какая сила сдерживала его от вопроса об отце. Это называется подсознание, которое срабатывает не только у взрослых, но и у детей. Теперь он знал, что дальше будет делать. Он пойдёт в армию, отслужит положенный срок, потом найдёт его, хоть под землёй, и сделает то, что хотела сделать Ксюша. Месть – это не женское дело. Он мужчина и должен рассчитаться с тем, кто сделал его и сестёр сиротами. Кто лишил их самого дорогого, материнской ласки и заботы. И кто отнял жизнь у его мамы. У этого человека, которого он никогда не назовёт отцом, нет права на жизнь. Он потерял его тогда, когда отнял жизнь у матери своих детей.

3.

Служба проходила легко и интересно. Благодаря умению рисовать и каллиграфическому подчерку, Шурик был назначен в штаб писарем. Основной задачей его было оформление Лен. уголков, стенгазет, написание плакатов для казарм и клуба. На втором году службы ещё прибавилась работа киномеханика. А в выходные дни, когда в клубе были танцы, крутить пластинки на проигрывателе. К концу службы имел 2 «сопли» на погонах – младший сержант. Мысль о мести хранил в подсознании, ждал окончание службы. Но, как говорят, на ловца и зверь бежит, однажды получил письмо, которого никак не ожидал. Письмо было от того человека, который не имел права жить. Но он жил, не близко от Шурика, в Магаданской области, но жил. Шурик вытащил письмо и сжёг не читая. Оставил только конверт с адресом. Его совершенно не интересовало, что написано в том письме. Решение принято, и ничто не помешает привести его в исполнение.

Сёстрам написал, что после службы поедет проведать детдомовского друга. Погостит у него несколько дней и приедет к ним. У Ксюши уже родилась дочь, так что забот хватает. Соня получила распределение в сельскую местность, уехала отрабатывать. Девочки доверяли брату и никто не подозревал, что он задумал.

Благодаря сёстрам, была небольшая сумма денег. В первую очередь Шурик сменил военную форму на гражданскую. Купил нож с длинным лезвием, упаковал в рюкзак с военной формой и пошёл искать адрес, написанный на конверте. Время было полуденное, поезд только вечером, билет в кармане. Так что шёл не спеша, обдумывал детали операции. Вот и дом, который ему нужен. Открыл калитку, постучал в дверь. Увидел в окне мелькнувшую женскую фигуру. Тут же открылась дверь. На пороге стояла молодая женщина со светлыми кудряшками.

– Проходите, пожалуйста, в дом. – Защебетала она, мило улыбаясь. Я, кажется, знаю, кто вы.

– Ну и кто? – Улыбнулся в ответ Шурик.

– Вы Александр, я не ошиблась? Отец вас искал, писал письма и не получал ответ. Может, они не дошли к вам…?

Услышав топанье, Шурик повернулся и увидел маленького мальчика в ходунках. Он быстренько перебирал ножками и двигался прямо к нему. И улыбался так, как старому знакомому.

– А это ваш братик, Андрюшка. Ему девять месяцев. – И она подхватила ребёнка на руки.

– Меня звать Галина. Сейчас я быстренько накрою на стол и вы перекусите, потому что отец будет не скоро. Он работает до пяти вечера. А пока приедет, будет и шесть.

Она хотела поставить малыша в ходунки, но тот выгибал спинку и никак не хотел туда возвращаться. И вдруг протянул ручки к Шурику. Деваться некуда, пришлось взять на руки. Шурик впервые держал на руках маленького ребёнка. И этот ребёнок был его братом. Этот ребёнок был сыном того человека, который не имел права не только иметь детей, но и жить. Мальчик произносил какие-то звуки, ручонками трогал лицо Шурика. Он улыбался, глядя на это маленькое, беззащитное дитя. Сверлила мысль… – может сейчас отдать ребёнка матери и уйти? Но что-то сдерживало его от этого шага.

– Как же отец будет рад, что ты приехал, – щебетала Галина, накрывая на стол. Он всех вас разыскал, написал письма, но ответа почему-то не получил. Говорил, когда пойдёт в отпуск, в первую очередь поедет к вам. Как хорошо, Саша, что ты приехал. Вот и с Андрюшкой познакомился, с братиком своим.

– У Шурика в голове вертелась одна и та же мысль: – Знает ли Галя о его прошлом. На первый взгляд она выглядела счастливой женщиной, любящей своего мужа. Неужели такого можно любить….

Но вот накрыт стол, Галина взяла ребёнка, а Шурика пригласила к столу. Он был голоден и не отказался от еды. Тем более что стол был накрыт так, как будто его здесь ждали. Пока он обедал, Галина уложила ребёнка спать. Над столом висела фотография, на котором сидел мужчина с ребёнком на руках, а рядом стояла Галина, обняв его за плечи. Милое семейное фото, на котором заснято счастливое семейство. Шурик впервые видел отца. Он долго рассматривал его лицо и не мог понять, как такой человек мог совершить такое страшное убийство. Шурик представлял его себе каким-то монстром, со звериным лицом, а с фото на него смотрел обыкновенный человек.

Поблагодарив Галину за обед, Шурик сказал ей, что пойдёт навстречу отцу и вместе с ним вернётся. Галя рассказала, как доехать до завода.

Ждать пришлось недолго, с проходной завода шли мужики, громко разговаривая. В одном из них Шурик узнал отца. Шёл следом до остановки автобуса. Понемногу все разъезжались. Вот и автобус с нужным номером, Шурик вошёл в заднюю дверь. На нужной остановке вышел только один, за ним следом – Шурик. Нож лежал в кармане. Шли через заброшенный парк, людей не было. Шурик взял в руку нож и подбирал момент, чтобы окликнуть. Он не будет нападать со спины. Он выскажет ему всё и ударит ножом в область сердца. Всё казалось так просто в его рассуждениях, но на деле было всё по-другому. Как только он собирался окликнуть мужчину, идущего впереди, перед глазами появлялся беззащитный мальчик, который тянул к нему ручки и мило улыбался. Вот и последние кусты парка, а там недалеко и дом, где Шурика приняли, как долгожданного гостя. В этот момент он понял, что не сможет сделать задуманное.

– Живи, хрен на тебя. – Проговорил со злостью Шурик и повернул обратно. До поезда ещё было пару часов, он не торопясь шёл по мосту. Остановился, достал из кармана нож и швырнул в реку.

Поезд выстукивал мелодию, под которую хотелось уснуть и ни о чём не думать. Проводница принесла постель, помогла расстелить на полку. Под стук колёс Шурику снились какие-то воздушные сны. Он бежал по цветущему лугу с Ксюшей и Соней, а навстречу им бежала мама, широко раскинув руки, как будто всех сразу хотела обнять.

ИГОРЬ ИСАЕВ
Москва

ПУТЬ В АТАШКАДЕ
рассказ

Парс проснулся от предутреннего холода. Шум прибоя нарастал. Ночь отступала.

С середины прибрежного холма, на котором они разместились на ночлег, уже можно было различить едва уловимую тонкую створку, смыкающую быстро светлевшее небо с тусклой тёмной полосой воды. Внезапно внутри неё возникла крошечная янтарная капля. Она дрожала, росла, меняла цвет от красного до золотого, окрашивая воду и осветляя небосвод.

И вот уже огненный круг, на мгновение зависнув над горизонтом, оторвался от него, прочертив по враз позеленевшей поверхности воды золотую дорожку. Сияющий диск поднимался всё выше, дорожка расширялась, заливая золотом и охрой всё видимое глазу пространство. Рассвет возвращал миру краски: море становилось синим вдали, зелёным у берега, линия прибоя пенилась белым, а в небе покачивалась лёгкая голубизна. Однако что-то в этой картине было завораживающе незнакомым. Парс резко встал на ноги. Встревоженный пёс, мгновенно избавившись от своей собачьей дрёмы, встал в стойку рядом. Человек молча потрепал его загривок – всё в порядке, Итхан. И только потом, оглядевшись, понял, что его изумило. Справа, в южной части берега, всюду, куда только мог достать взгляд, и сам берег, и мелководье, наполнял удивительно розовый, странно пульсирующий цвет… Сотни, тысячи фламинго, стояли в воде, встречая солнце…

Насмотревшись на это диво, парс спустился ближе к морю, поеживаясь, снял с себя одежду, тщательно натёрся песком, потом смыл его обжигающе холодной водой, обтёрся полой войлочного халата, снова надел серую до колен рубашку – судру, перетянул на талии свой пояс кусту и прочёл первую из пяти обязательных дневных молитв – гаты: «Признаю себя поклонником Мазды, последователем Заратуштры. Отрекаюсь от демонов, даэвов. Признаю веру Ахуры…».

Вернувшись к камню, возле которого спал мальчик, он вытащил из дорожной сумы кремень, несколько ранее запасенных сухих веток, неспешно по всем правилам развёл огонь. В медный казан с помятым боком налил из фляги немного воды, бросил в него несколько комков овечьего сыра, высушенных до каменного состояния, туда же отправилась горсть серой муки. Очистил от внутренностей выловленную вчера в прибрежной луже рыбину, обмазал её толстым слоем голубой глины. Той самой, что они собрали на вершине прибрежного холма; с её помощью и раны лечили, и готовили пищу на открытом огне.

Внутренности рыбы, чтобы не осквернять землю, завернул в листья, поднялся на холм, оставил свёрток на высоком камне. Рыбину закопал в угли. Когда и похлёбка и рыба были готовы, парс успокоил огонь, разбудил мальчика, поторопил его сделать обряд очищения и помолиться, разломил на три части одну из последних лепёшек. Парс, мальчик и пёс, все трое, не торопясь ели. Им предстоял длинный переход, и, кроме куска лепёшки и глотка солоноватой воды, вряд что-то попадет в рот до ночлега.

День начинался. С моря неслись крики чаек, хлопанье крыльев фламинго. Солнце понималось всё выше. Пора в путь.

Это случилось десять лун тому назад. Мобед – двоюродный дядя, старшина парсов – отправил его с поручением в соседний посёлок. Вернувшись через неделю, он не узнал родных мест. Дома людей Ахуры Мазды стояли пустые, разорённые, полусгоревшие. Попадавшиеся навстречу селяне из числа Людей Пророка отворачивались, старались не встретиться с ним взглядом. Со всех ног он побежал к общинному храму, но, словно натолкнувшись на невидимую преграду, ошеломленно застыл перед дымящимися развалинами, рядом со полуслепым плачущим стариком-парсом, едва слышно шепчущим гаты: «Признаю веру Ахура…».

Старик повернулся к нему. «Это сделали всадники. Мобед и его сыновья защищали храм, но врагов было больше. Они убили много мужчин и женщин, разграбили дома, угнали скот и детей, они замуровали наши дахмы – башни молчания. Оставшимся в живых дали три дня на сборы. Нассалары две ночи переносили павших на скалы за лесом. Парсы взяли то, что могли унести – и ушли. На юг. Твоего племянника отбила от всадников собака, я спрятал обоих в шалаше в саду. Забери мальчика, возьми то, что осталось у тебя в доме, и уходите…»

С тех давних пор, когда его жена Тайшэ перешла мост-разлучитель Чинват, он жил одиноко… Дверь-циновка в его жилище была скинута на землю. На пороге он столкнулся с человеком, доверху нагруженным утварью, войлочными кошмами, какими-то тряпками… Увидев нежданного хозяина, рябой Селим, ровесник парса, его сосед, когда-то приятель по детским играм, выронил свою добычу. Медный казанок звякнул о камень.

Селим, часто моргая, пробормотал: «Я не виноват. Ты убьёшь меня?!». Парс молча покачал головой. «Я же думал, тебя нет уже, убили… Ваши… все ушли, а у меня, сам знаешь, семеро детей. Я все положу на место. Сейчас. Все парсы ушли на юг…»

Парс жестом остановил поток оправданий. Выбрал из кучи тряпок на полу свою расшитую звёздами белую парадную судру и кушак кусту, гребень Тайшэ, которым она расчесала свои медные косы в их далёкую первую ночь, ещё пару безделушек, сложил всё в помятый казанок. Собрал оставшееся на полу в охапку и, не говоря ни слова, сунул в руки дрожащего Селима. Повернулся, медленно пошёл прочь. На углу остановился, обернулся, бросил последний взгляд на свой дом. Сосед с тряпьём в руках поймал этот взгляд, плечи затряслись, и он, как маленький ребёнок, в голос зарыдал…

На следующее утро парс с девятилетним, онемевшим от перенесенного страха мальчиком и старым пастушьим псом, волкодавом Итханом, ушёл навсегда. Парсы всегда уходили на юг. А он пошёл сначала на запад, а потом вдоль берега моря на север, в края, где, по преданию, родился великий пророк Спитама Заратуштра. Там в стране огней, он знал об этом по рассказам покойного Мобеда, тысячу лет жили парсы, и тысячу лет не гас алтарный огонь в маленьком Аташкаде…. Им – туда.

Многомесячное странствие скоро окончится. Несколько дневных переходов – и они, обогнув в сумерках чужой приморский город, взойдут на древнюю, насквозь просоленную скалистую землю, напоенную белым и черным маслом, на землю, одно пребывание на которой внушает простому человеку только страх, но Людям Ахура Мазды эта земля дарует вечный, чистый, не гаснущий тысячелетиями огонь. А пока они идут, когда берегом, наполненным острым запахом выброшенных штормом гниющих водорослей и огромных рыб, когда по гребню прибрежных холмов, с которых далеко в море можно увидеть полузатопленный остров Пираллахи. Когда-то он горел днём и ночью, две сотни лет подряд наводя ужас на путешественников, и только море, поднявшись за столетия выше, загасило наконец этот вселенский пожар.

Они идут, иногда останавливаясь для очищения и молитвы. Парс готовит мальчика к инициации, как умеет рассказывает Авесту, учит Ясны и гаты. Мальчишка молчал почти полгода, но время берёт своё, и вот он уже вовсю расспрашивает наставника о том, как устроен мир, почему их земля оказалась чужой, куда девается урман – душа умершего, увидит ли он когда-нибудь снова мать. И, конечно, как все дети во все времена, задаёт тысячу простых вопросов, на которые так трудно ответить…

После полудня неожиданно увидели стоянку знакомого каравана. Неделю назад они три дня стояли рядом, ожидая, когда закончится проливной дождь, спадёт вода, и можно будет перейти мутную, заросшую камышом и осокой реку. Два погонщика страдали от малярии, и парс, немного разбиравшийся в свойствах растений, приготовил целебный отвар, чуть взбодривший бедолаг. А в качестве ответного жеста получил в подарок дюжину лепёшек, испеченных караванщиком на раскалённом камне. Больше всего удовольствия от такого вынужденного стояния получили мальчик, которому молодой старшина каравана пересказал весь свой запас персидских сказок, и Итхан, нашедший себе подругу – ласковую белую собаку. Личная жизнь волкодавов не видна людям, несомненно только, что собакам было вместе хорошо, во всяком случае, расставаясь, Белая всё время оглядывалась, словно приглашая Итхана следовать за ней…

Стреноженные ослики щипали чахлую травку, люди сидели у костра, подле полусухого дерева стояла палатка, под пологом которой лежал один из погонщиков. Караванщик поднялся навстречу парсу.

– Господин, можешь ли ты помочь мне, мой человек почти не дышит.

– Ты знаешь, я – парс, мне нельзя прикасаться к больному, вера не позволяет врачевать.

– Я не об этом. Ты старше всех нас здесь. Я первый раз веду караван. Человек в палатке то ли дышит, то ли нет, как мне узнать, не умер ли он?

Парс вдохнул:

– Положи ему на грудь кусочек лепешки, Итхан ответит нам…

Подозвал пса, коротко головой показал на палатку. Волкодав медленно подошел к лежащему, лёг чуть поодаль, и минут десять лежал, уткнувшись мордой в лапы. Потом встал, бережно снял с груди лежащего лепешку, съел её, подошел к парсу и замер, наклонив голову. Тот, вздохнув, потрепал пса за обрезанное ухо.

– Похорони своего человека до захода солнца по вашим обычаям. Его душа ждёт своего пути. А нам пора.

На прощанье Итхан ласково обнюхал виляющую хвостом Белую. Сегодня от неё пахло совсем по-другому, молоком и чем-то новым…. Необъяснимый тысячелетний пёсий инстинкт подсказал, что род его будет продолжен.

Тайшэ, Тайшэ. Сколько лет прошло, а он всё помнит её запах, чуть кисловатый вкус кожи, тонкий аромат вымытых травами волос. Чуть припухлые нежные губы, скрывающие ровный жемчуг зубов, прозрачную, розовую, как вчерашние фламинго, мочку крошечного уха, неожиданные веснушки, их всего несколько, смешных, на самом кончике носа. Были молоды, женаты, любили друг друга, и он до смертного своего часа будет помнить её кроткий полусмешок-полустон, всегда венчающий их единение. В редких снах, он видит её: сидящую, положившую маленькие ладони на большой живот и улыбающуюся ему

своей тихой улыбкой. Она трудно и долго рожала их дитя, а потом в течение трех дней согласно суровому обычаю парсов не могла ни греться у огня, ни напиться воды. Не могла. И не смогла. Он никогда не видел её мёртвой. Её душа ждёт его там, за мостом Чинват. А он всю жизнь старается прожить здесь праведником–ашаваном, чтобы вновь соединиться с ней…

«Признаю себя поклонником Мазды, последователем Заратуштры. Отрекаюсь от демонов, даэвов. Признаю веру Ахуры…».

Утром последнего дня пути миновали гирканские (волчьи) ворота – узкий проход между линией берега и почти отвесной известняковой стеной высокого холма. Почти весь день шли в обход города и ближайших к нему сёл. Земля становилась всё беднее, растительность всё скуднее, только колючие перекати-поле цеплялись за редкие пятна почвы, терявшиеся среди трещиноватых серых, покрытых лишайником и мхом камней. В воздухе стоял кислый удушливый запах. Миновали озеро с горькой водой красного цвета. Другое озерцо было покрыто болотистой ряской и пахло серой. Мучила жажда. За время долгого путешествия они привыкли пить только ту воду, которую пил Итхан. В этот день пёс даже не остановился ни у одной лужицы или озерка. Солнце закатывалось за горизонт. Небо темнело. Сумерки мягко укутывали путников. В какой-то момент стало совсем темно, и только узкий серп новой луны серебром отблескивал в лужицах. И вдруг они увидели, как у подножия камней как маленькие ящерки стали пробегать розовые, красные, жёлтые, сине-зелёные огоньки. Где-то совсем слабые. А где-то – яростно выпрыгивающие из-под земли на высоту человеческого роста. Мерный гул огня вплетался в ночную тишину. Огни были впереди, огни были позади, огни были вокруг… Ещё в сумерках выбрав направление на храм, теперь они быстро шли к цели среди диковинной долины огня. Аташкаде возник на их пути внезапно. Небольшой, сто пятьдесят локтей в ширину и длину, храмовый двор с восемью кельями и алтарём и примыкающие к нему хозяйственные постройки были рассчитаны от силы на двадцать– тридцать служителей храма. В действительности их было меньше. И каким бы маленьким ни казался храм, его главный священный огонь не гас никогда – с начала времён. Старший сын мобеда встретил их у ворот и показал, где они могут расположиться.

– Это теперь наша земля? – спросил мальчик. Парс промолчал.

– Этот огонь не погаснет?

– Нет.

– Никогда-никогда? – допытывался мальчик.

– Для нас – никогда!

«Признаю себя поклонником Мазды, последователем Заратуштры. Отрекаюсь от демонов, даэвов. Признаю веру Ахуры…» – раздавались голоса у алтаря. Огонь гудел…

1985 год. Самолёт АН-2 с научной аппаратурой взлетел в 7-00 утра с ахээровской (полоса для авиационно-химических работ) взлётной полосы в районе города Сабирабад и взял курс на Баку. Через тридцать минут, когда впереди во всей красе показалось море, лёг на левое крыло, повернул вдоль берега на север по направлению к городу. Когда летчик выровнял самолёт, в правом иллюминаторе я увидел на зелёной поверхности Каспия огромное розовое пятно. «Фламинго», – понял по губам обернувшегося ко мне механика…

Через сорок минут, пройдя по траверсу курсового радиомаяка, самолёт снизился над сплошь усеянной вышками–качалками равниной и совершил посадку на вторую полосу аэропорта Бина.

В одиннадцати километрах от места посадки, вблизи железнодорожной станции Сураханы, находится современный музейный комплекс «Аташгях». Туристов возят сюда на комфортабельных автобусах. Алтарный огонь горел здесь до конца девятнадцатого века. После того, как с южной стороны храма разместился первый в Российской империи керосиновый завод (одним из акционеров которого был Д.И. Менделеев), было выкачано немереное количество знаменитой лёгкой сураханской нефти. Давление в пластах сильно упало, и выход попутного газа на поверхность прекратился. Огонь погас….

На Апшероне осталось на сегодняшний день только одно место, в котором горящий газ постоянно выходит на поверхность. Туда тоже возят туристов. Огонь горит.

У северной храмовой стены уже в двадцатом веке был построен роддом. Я там родился.

Парсы ушли на юг в Индию… Они уходили несколько столетий, и на территории бывшей персидской империи сейчас их практически не осталось. Есть сведения – впрочем, достаточно противоречивые – что сам пророк Спитама Заратустра родился где-то в районе нынешнего Дербента. В книгах о зороастризме редко указывают Азербайджан, но я с детства знал это слово – парс. А мой школьный товарищ носил очень примечательную фамилию Парсаданов.

На гербе некогда моего доныне любимого города три факела.

Огонь горит!

И всегда найдётся тот, для кого он никогда не погаснет!

ЕВГЕНИЙ ВАЛЬС
Омск-30

УТЕРЯННЫЙ ПОДАРОК НАПОЛЕОНА
рассказ

Марина щёлкнула выключателем в ванной. Свет загорелся на секунду, а затем раздался хлопок. Марина зажмурилась, прикрывая голову руками. Однако никаких опасных звуков она больше не услышала, кроме рычания спаниеля, свернувшегося калачиком на постели деда. Придя в себя, Марина посмотрела на почерневшую лампочку и негромко выругалась.

– Вторая за неделю! Теперь не только ужинать буду при свечах, но и умываться тоже?!

Марина видела, как дед менял лампочки раньше – ничего сложного. Нужно попробовать. Марина обшарила все полки высокого пенала в комнате деда и решила поискать в прикроватной тумбочке. Верхний ящик заполняли таблетки, а нижний никак не открывался. Разозлившись, она дёрнула за ручки со всей силы и вырвала ящик. Из него выпали старые аппараты для измерения давления, перемотанная шнуром электрическая грелка и несколько лампочек в упаковках.

Пёс соскочил с кровати и залаял, а Марина снисходительно произнесла:

– Да, Бонд, все сокровища твоего хозяина теперь мои. Скоро привыкнешь…

Марина протянула руку, чтоб погладить Бонда, но пёс увернулся, фыркнул и сунул морду в дыру, где был ящик.

– Что там? Громадный паук?

Марина отодвинула пса и осторожно заглянула в дыру. Хоть там и было темно, но ей удалось заметить красную коробку. В голове мигом промелькнули воспоминания из детства. За такую же коробку её сильно отругали однажды.

Марина достала её, сдула слой пыли и приоткрыла. Внутри, как и тогда, лежал ларчик, обмотанный шерстяным шарфом. С тех пор моль сильно постаралась: шарф расползался под пальцами. Марина разогнала моль и освободила серебряный ларчик, опоясанный замысловатой надписью.

– Похоже на латинский, – размышляла вслух Марина. – Надо показать Матвею Сергеевичу, на биологическом он точно изучал латынь.

На синей бархатной подушке, как и прежде, лежали золотые карманные часы с цепочкой.

– Смотри, Бонд, дедуля тогда сказал, что их потерял сам Наполеон, где-то под Москвой! Если это правда, то они стоят нехилых денег!

Марина подержала их на ладони, оценивая их вес. Тяжёлые, а ещё холодные, и не тикают. На корпусе торчали три штырька–винтика вместо одного. Подобное она видела на секундомере физрука. Но какой из трёх крутить здесь? Марина выбрала средний и провернула несколько раз. На удивление механизм заработал.

Псу явно не понравилось, что Марина нашла часы, он схватился зубами за цепочку. Марина потянул часы на себя, и вдруг её ладонь как будто пронзило током. В грудь ударила невидимая волна. Перед лицом Марины зависла моль. Она не трепетала крылышками, а просто замерла в одной точке. Но самым странным было не это. Пёс стоял на задних лапах с раскрытой пастью, как чучело с кафедры зоологи.

– Ты чего? – Она легонько ткнула пса в нос.

Но тот не шелохнулся. Марина бросила часы и потрепала пса за ухо. Бонд не моргнул, не издал ни единого звука. Марина отодвинулась от него и прошептала:

– Неужели у меня съехала крыша?

Но от чего бы ей сойти с ума? Не от потери же деда? Напротив, она считала, что переживает недостаточно сильно, хотя он заботился о ней, когда предки оказались за решёткой. Но если эти глюки вызваны не страданиями, тогда чем?

Взгляд Марины заметался по комнате и остановился на часах Наполеона. Марина вновь взяла их дрожащей рукой. Вспомнив про секундомер физрука, она нажала на правый штырёк. Ничего не изменилось. Пёс так же смотрел на неё стеклянными глазами. Марина нажала на второй штырёк – никаких изменений. Нажала на два штырька сразу, и тут её слух пронзил лай Бонда. Собака ожила, а моль рванулась в поисках укрытия. Марина повторила последние действия с часами, и мир вокруг неё опять замер. Марина проделала это несколько раз, пока мозг не поверил в происходящее.

Это не глюк, а что тогда? Секретные технологии XIX века? Или волшебство? Все это невозможно, но происходит…

– Почему дедуля мне не рассказал, что часики с секретом?

Марина подошла к портрету, перевязанному чёрной лентой. Теперь его взгляд с лёгким прищуром стал ей понятен более, чем когда-либо.

***

Теперь у Марины появился настоящий повод пожалеть о том, что она избегала бесед с дедулей. Она уважала его и побаивалась. Особенно, когда он спустил с лестницы её первого ухажёра. За ним последовал второй и третий.

Дедуля всегда оказывался прав, как и карты Жанны, которая гадала ей перед каждым свиданием.

Жанна единственная, с кем Марина делилась секретами. Но может ли она рассказать ей о том, что обнаружила в тумбочке деда? И надо ли об этом кому-то рассказывать? Не проще ли вернуть всё на место и забыть? Эти вопросы мучили её остаток дня и ночью. Поэтому утром Марина проснулась с туманом в голове и красными глазами.

Быстро выгуляв пса, она поехала на работу, прихватив с собой часы деда. Она так боялась их потерять, что повесила на шею.

Марина впервые не разглядывала пассажиров автобуса. В интернете телефона она надеялась найти что-то о потерянных Наполеоном часах. Увы, всемирная сеть лишь рассказывала забавные случаи из его жизни. Однажды он оставил в залог свои часы хозяйке трактира, поскольку не смог расплатиться с ней за завтрак. Возможно ли, что Марине достались те самые часы? В это верилось с трудом.

Марина так увлеклась, что не сразу заметила перепалку между пассажиром и кондукторшей. Только когда автобус остановился и открыл двери. Пассажир орал, что у него только наличка, а кондукторша возмущённо твердила, что сейчас все расплачиваются картой.

Марина нажала очередную ссылку в интернете, но разгорающийся скандал в салоне автобуса мешал сосредоточиться. Каждое слово резало слух и заставляло морщиться.

Когда кондукторша схватила мужика за рукав и потащила к выходу, тот с матом начал от неё отмахиваться. Марина сжалась в комок. Сейчас начнётся! Обязательно зацепят кого-нибудь ещё, и даже ей, сидящей в конце салона, может в голову что-нибудь прилететь. От очередной тирады мата заложило уши, а удар терминала в стекло заставил марину зажмуриться. Внезапно всё стихло и на столько, что захотелось прочистить уши. Марина не только не слышала ругани в салоне, но и гудения мотора и звуков города. Она открыла глаза и увидела застывших пассажиров. Скандалист замер в нелепой позе, как будто поскользнулся и вот-вот упадёт, а кондукторша с перекошенным лицом и раскрытым ртом выставила вперёд руки со скрюченными пальцами, словно собиралась выцарапать ему глаза. Марина глянула в окно. Машины и пешеходы стояли на месте, и даже голубь, слетевший с карниза, завис в воздухе.

Марина остановила время случайно, сжав от волнения дедушкины часы. Поражённая увиденным, она медленно поднялась и вышла из автобуса. С желанием пересесть в другой она сделала несколько шагов и остановилась.

«А почему я должна платить за проезд дважды?» – возмутилась Марина.

Марина вернулась в автобус и подошла к скандалисту. На две головы выше неё, избалованный вседозволенностью и безнаказанностью. В его сторону даже страшно смотреть.

У Марины увлажнились ладони, и казалось, что золотые часы запрыгали под блузкой от ударов сердца в груди. Преодолев страх и приступ брезгливости, Марина обхватила мужика и с трудом выволокла его на тротуар. Поскольку мужик был как несгибаемый манекен, она не смогла усадить его на лавку, а просто навалила на стену дома. В неустойчивой позе он грохнулся на землю. Марина махнула рукой, забежала в автобус и вернулась на сидение.

Дрожа от волнения, она запустила время на часах. Мигом вернулись все звуки, машины за окном продолжили свой путь, а пассажиры автобуса начали шевелиться и вертеть головой. Кондукторша в недоумении огляделась и, не заметив скандалиста, скомандовала водителю ехать дальше. Двери закрылись, и автобус сдвинулся с места. Марина вздохнула с облегчением, когда мужик, которого она уложила на тротуар, тоже ожил и пошатываясь встал.

«Неужели я это сделала?» – спрашивала себя она, но уже без страха и тревоги.

***

В коридорах вуза Марина никогда не встречала Матвея Сергеевича. Обычно к ней в диспетчерскую все забегали сами: уточнить расписание, сделать ксерокопию. Но импозантный доцент кафедры генетики заглядывал редко.

Марина поправила причёску и, прихватив листок с фразой на латыни, отправилась в лабораторию кафедры генетики.

Матвей Сергеевич в безупречном белом халате разглядывал пробирки с мухами.

– Они у вас такие милые, – игриво произнесла Марина.

– Я тоже так думаю, – чуть растерянно ответил Матвей Сергеевич.

Марина подошла чуть ближе и хотела сказать комплемент, но растерялась сама, заглянув в грустные чёрные глаза доцента. Собственный порыв и его мягкий голос подрумянили щёки Марины. Она открыла

рот и понесла какую-то ерунду про то, как повезло мухам, что попали в надёжные руки Матвея Сергеевича. Чувствуя, что ещё чуть-чуть и ей будет стыдно за себя, Марина вручила доценту листок и мило улыбаясь, попросила перевести.

– Мы на латинском в основном учили названия растений и животных, – замялся он. – Но, если не дословно, то здесь написано: Повелевающий временем – повелевает миром.

– Думаю, вы всё верно перевели, – произнесла Марина, поглядывая на его губы.

– Был рад помочь, – нарушил неловкую паузу Матвей Сергеевич.

Марина ещё раз поблагодарила доцента и хотела уйти, но рука сама нащупала на груди часы, а пальцы включили механизм остановки времени. Матвей Сергеевич замер, как восковая фигура. Но мужчина перед ней был настоящий, тёплый, и от него так вкусно пахло духами от Givanchy! Как можно устоять против любимого аромата?

– Вы сами напросились, Матвей Сергеевич…

Марина поправила на нём галстук и прильнула к губам с накипевшей страстью. Однако быстро отпрянула. Не потому, что ей стало стыдно, мужики ведь позволяют себе щипать её в маршрутке за мягкие места. Матвей Сергеевич не мог ответить взаимностью, а целовать его сейчас – всё равно что целовать резиновую куклу. Никаких приятных ощущений!

В коридоре она запустила время и, не оглядываясь, поспешила в диспетчерскую.

«Никто не пострадал, – убеждала она себя по пути. – Попади эти часы в руки любого мужика, тут такое начнётся! Матвей Сергеевич конечно исключение… Хотя, откуда я знаю, какой он на самом деле? Дедуле он бы точно не понравился. Слишком ухоженный и красивый…».

***

Вернувшись на рабочее место, Марина никак не могла сосредоточиться. Перевод надписи на ларце и мысли о том, что часы могут попасть в чужие руки – не давали ей покоя. Марина уже в двадцать пятый раз проверила – на месте ли часы. В один из таких моментов зашла Жанна. Подруга с кафедры естественников всегда заглядывала к ней по пути в столовую. Марине особенно нравилось, когда они вдвоём грациозной походкой шли обедать. Все мужики вуза сворачивали шеи, глазея на них.

– Ты в порядке? – настороженно спросила подруга, едва взглянув на Марину.

– Буду, если нагадаешь мне нечаянную радость.

Гадание на картах действовало на Марину успокаивающе. Даже, когда подруга предсказывала разочарование от очередного свидания.

Жанна привычно попросила сдвинуть колоду, раскинула карты, и вдруг в её зелёных глазах промелькнула тень.

– Что ты там увидела? – забеспокоилась Марина. – Говори как есть.

Жанна указала на карту, где человек летел вниз головой с башни, потом указала на вторую, где у лежащего на земле мужика из спины торчало десять мечей.

– Зловещие карты? – предположила Марина.

– Тут карта катастрофы и потери, – вздохнула подруга. – А другая говорит, что ты достигнешь дна.

– Достигну дна?!

Жанна внимательно посмотрела на подругу, как будто пыталась прочесть её мысли, а затем указала на карту с рыцарем, который с мечом в руке мчался верхом на белом жеребце.

– Не всё так плохо. Есть надежда. Всё зависит от тебя.

– Катастрофу можно избежать? – уточнила Марина.

– Не хочешь рассказать, что у тебя ещё произошло?

Взгляд Жанны остановился на часах, их золотой корпус предательски мелькал в прорехе между пуговиц блузки. Марина прикрыла их ладонью и замотала головой, потому что слова застряли у неё в горле. Жанна не стала её пытать расспросами. Она напомнила про столовую и по пути поделилась секретом. Жанна рассказала, что они с мужем перебираются в Москву и откроют там салон предсказаний.

Конечно, Марина ответила, что рада за подругу. Но эта радость была только в словах. Тень, что промелькнула в глазах Жанны во время гадания, сейчас как будто окутала её внутренности и сгустилась где-то в груди.

***

Марина сама отпросилась у завуча и без настроения возвращалась в свою двушку, в захолустном районе города. Она думала о том, что скоро Жанна купит квартиру в столице, и ей не придётся вызывать по объявлению того, кто умеет менять лампочки. Подходя к подъезду, она внезапно вспомнила,

что не купила корма для пса. Выругавшись, Марина побежала в магазин. Купит столько корма, чтоб месяц не волноваться о том, чем кормить пса.

С тяжёлым пакетом корма Марина начала осторожно спускаться с высокого крыльца универсама и едва не столкнулась с мужиками в спецодежде. Марина отшатнулась, а те как-то недобро на неё посмотрели. И тут её осенило – это же инкассаторы. Вон и машина с бронированным стеклом стоит с логотипом банка, где работали родители.

«Наверняка идут заполнять банкомат», – догадалась Марина и замерла, как будто кто-то другой остановил время.

В голове мелькнула мысль, от которой всё внутри похолодело. Лёгкое движение пальцев, и она тоже сможет купить себе квартиру в Москве.

«И никто никогда не узнает, как опустели инкассаторские мешки. Главное – не оставить отпечатков!».

Рука неуверенно легла на часы, а проснувшийся внутренний голос начал её подначивать:

«Они тебя не увидят, не вспомнят и ничего не почувствуют. Нажимай! Ничего не бывает случайным. Это шанс! А если хочешь – месть!»

Логотип банка натолкнул её на мысль о мести за родителей. Разве дают три года тюрьмы за передачу пакета с копчёной курицей? Кто бы догадался, что там был откат за незаконную выдачу кредитов? Мамин начальник, попросивший привезти пакет от приятеля, до сих пор в том банке работает. А мать и два года не выдержала в тюрьме. А вслед за ней и отец. А его за что? Он просто сидел за рулём их машины, в которой мама перевозила тот злополучный пакет!

Дедуля рассказывал, что всё так и произошло, а значит, она имеет право мстить! Тем более, появилась возможность.

Марина решительно нажала на два штырька. Листва на берёзах возле магазина перестала шелестеть, а пылинки застыли в воздухе. Марина сделала глубокий вдох и шагнула к инкассаторам.

– Это за родителей! – твердила она себе.

Подойдя к мужику в бронежилете, она остановилась. Сердце бешено колотилось в груди, воздуха не хватало, ноги начали дрожать. Когда она коснулась мешка с деньгами, в голове отчётливо прозвучали слова Жанны: «Ты достигнешь дна, если не остановишься».

– Кого я обманываю? – едва слышно пробормотала Марина. – Какая месть? Что вообще я делаю? Убеждаю себя в безнаказанности? Хочу стать, как тот мужик из автобуса?

Марина попятилась назад. Она едва не свалилась с лестницы, оступившись. В глазах потемнело, но ей удалось ухватиться за перила. Марина села на ступеньку и запустила время.

***

Отдышавшись, она побрела домой. Она чувствовала себя так, словно её окатила из лужи проезжающая машина, а въедливая грязь впиталась в кожу. Хотелось снять с себя всё и долго стоять под душем.

Она так и сделала, но закутавшись в полотенце, не ощутила себя чистой. Пёс дедули не притронулся к еде. Он как-то открыл пенал, вывалил на пол инструменты хозяина и погрыз деревянные ручки напильников. Но Марина не стала его ругать.

– Я не думаю, что ты плохой. Поверь, я хуже, чем ты можешь себе представить, – уставшим голосом произнесла Марина. – Сегодня был день неприятных открытий. И всё из-за…

Марина не договорила. Она не нашла на груди часы. В панике она носилась по квартире, не в силах вспомнить, где их оставила. А, если она обронила их по пути домой? А, если кто-то уже нашёл часы и также быстро открыл их секрет?

Марина вытряхнула содержимое сумки и обшарила карманы ветровок, которые даже не надевала сегодня. Внезапное озарение привело её к стиральной машинке. Пришлось выключить и слить воду. Копаясь в мокром белье, она всё же нащупала часы.

Вода попала в механизм, отчего часы остановились.

– Можешь быть доволен, Бонд. Они не работают! – Марина покрутила часами перед мордой пса.

Бонд ответил рычанием. Тогда Марина задумчиво добавила:

– Ты прав, их наверняка можно просушить и запустить снова…

Взгляд упал на разбросанные по полу инструменты. Среди них был и молоток. В этот раз Марина действовала решительнее, чем с инкассаторами. Она колошматила молотком по часам Наполеона, пока не заболела рука.

Раздробленные части механизма она разделила, чтоб выкинуть в разные мусорки по пути на работу. А золотой корпус вернула на бархатную подушку в ларец, а тот в красную коробку. Когда Марина ставила её в тумбочку, из тёмной ниши вылетела моль. Первым же хлопком Марина словила её и победоносно размазала между ладоней.

ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВА
Новомичуринск

«ПРИЮТ НЕБОЖИТЕЛЕЙ»
рассказ

Я был даже рад, что отправился в кафе один. Да, ещё утром был крайне раздосадован, а сейчас мне хорошо. Может, это потому, что я чуточку выпил? Но, в любом случае, главное то, что я получил удовольствие. Не столь часто такие бедные, как я, студенты ходят по дорогим кафе. Правда, и повод был достойный: первая в жизни получка. Хорошо, что удалось устроиться подрабатывать механиком – у меня же с железками всегда всё ладилось. Конечно, на работу уходит уйма времени, но как без неё прожить? Моя мама зарабатывает так мало, что не может меня обеспечивать, пока я просиживаю над заумными учебниками в аудиториях.

Короче, я приглашал друзей в кафе отпраздновать моё маленькое событие, а они, вредные такие типы, как раз уже сговорились ехать на фан-сборы одной там рок-группы. Единственное, что отличает меня от моих друзей – я не выношу хеви-металл. Так что праздновать там, в толпе озверелых кайфующих фанатов – ну нет, спасибо уж. Тогда я решил поехать один в кафе, которое мне посоветовал Лёха. Правда, оказалось, что находится оно просто-таки у чёрта на куличках, вообще глушь; но само такое стильное, что я не пожалел. Китайская кухня, всё такое – я это люблю. Так что теперь я сидел уже третий час в небольшом, приятного коричневого цвета зальчике, слушая обволакивающую музыку, и мне было уютно. Красивые драпировки на окнах, кожаные сиденья, спокойная миловидная официантка (очень необычная девушка, глаза сероватые и прозрачные, как река в пасмурный день… Ух ты, чего это я так выражаться-то стал?!), вкуснейшие пирожные с ореховым кремом – всё это так выгодно контрастировало с грязным полузаброшенным пригородом, в который мне пришлось тащиться, чтобы зайти в этот рай. Отсюда ничего не было видно снаружи. Широкие подоконники уставлены цветочными горшками, тёмные рамы с навесными украшениями.

– Вам ещё пирожное? – спросила мягким голосом официантка, выводя меня из приятного оцепенения. – Что-нибудь пить ещё будете?

– Ааа… – я замялся. – Да, пожалуй, я хочу второе такое пирожное. Кутить так кутить, как говорится.

Она как-то серебряно рассмеялась, подарила мне странную, как это бывает иногда у японок или китаянок, улыбку и удалилась. Надо с ней познакомиться, мелькнуло в голове.

«Слушай меня, Никита Валерьевич! – сказал я себе. – Съешь ещё одно пирожное и поедешь домой. Хватит лопать. А то так можно всю получку за один вечер и истратить!»

Посетителей в кафе было мало. В это время как раз вошёл мужчина средних лет и сел за соседний столик. Он достал газету и стал читать. Взгляд у меня упал на завернувшийся уголок этой газеты, и я невольно нахмурился: что это? Мне показалось, что там была напечатана моя фотография. Чем больше я вглядывался, тем сильней в этом убеждался. Что ещё за штука?

Я не выдержал и сказал мужчине:

– Извините, может, я покажусь нахалом, но мне очень нужно глянуть вашу газету. Не одолжите мне?

– Вы слишком вежливы для нахала, – добродушно усмехнулся мой рыжеватый, усатый собеседник. – Собственно говоря, я ничего и не читаю. Держите.

Он протянул мне газету, и, забыв поблагодарить, я впился глазами в страницу. То, что я увидел, повергло меня в глубокое оцепенение. В углу страницы я ясно увидел свою фотографию, под которой было написано:

«Разыскивается Ларионов Никита Валерьевич, 1999 года рождения, пропал без вести. 2 октября 2018 года ушёл из студенческого общежития и не вернулся. Всех, кому что-либо известно о его местонахождении, просим позвонить по указанному ниже номеру».

Меня бросило в жар. Что ещё за ерунда такая? Не может же это быть розыгрышем: официальная колонка происшествий. Почему это я «пропал без вести»? Когда это успели напечатать? Что, человеку уже нельзя отлучиться на полдня в свой законный выходной день? Может, я всё-таки выпил лишнего? Я провёл рукой по голове, посмотрел на стены зала. Вроде бы состояние было нормальное. Я ещё раз вгляделся в фотографию: нет, ошибки быть не может, это определённо я. Да и тут же столько данных. Девушка принесла пирожное, но мне стало временно не до лакомств и даже не до знакомства.

Честно говоря, я просто не знал, что мне делать. В замешательстве я стал листать газету и тут увидел дату выхода на первой странице: 10 апреля 2019 года. Мне стало как-то нехорошо. Я точно знал, что сегодня 2 октября. И год 2018-ый. Не могло же у меня в голове так всё перемешаться! Я почувствовал,

что враз вспотел, хотя в зале не было жарко. Я не понимал, что теперь предпринять. Во всяком случае, мне не хотелось возвращать газету обратно. Что, если рыжеусый заметит объявление о моём розыске?

Как будто услышав моё желание, сосед за столиком повернулся и сказал:

– Можете оставить газету себе, юноша. Мне она не нужна.

– Спасибо, – пробормотал я механическим, как у робота, голосом. – А вы не подскажете, какое сегодня число? Что-то я забыл.

– Десятое апреля. Может, вы ещё и год забыли?

– Нет, спасибо, – ответил я нервно, не желая признаться, что он, в сущности, прав.

Дурак! Надо посмотреть в телефоне. Я полез в карман, но не нашёл ничего. Выходит, я оставил свой смартфон в общежитии. Ничего себе так расслабился! Даже про телефон до сих пор не вспомнил. Вот растяпа! Было совсем неясно, что делать. Я попытался собрать разбегавшиеся мысли. Второго октября 2018 года я, студент Никита Ларионов, поехал на край города, в кафе «Приют небожителей», чтобы… Стоп! Вот оно! Конечно, я не верил в мистику, но когда с тобой творится такое… Это кафе, с названием, смахивающим на китайское, вдруг напомнило мне какую-то древнюю восточную легенду. Там люди, поднимаясь в горы, попадали в странные райские места. Пробыв в них, скажем, день, они возвращались из мест обитания небожителей и богов такие же молодые, в то время как на земле могло пройти не одно столетие… Это, конечно, древняя чепуха, но не то же ли самое случилось со мной?

Было дико обо всём этом думать, но факт оставался фактом: прошло не три часа, а полгода, пока я наслаждался уютом по-странному далеко отброшенного от города милого кафе. Уж не небожительница ли та официантка, что так загадочно мне улыбалась? Бред, конечно, но как в него не поверить, если всё так сходится?

Мне показалось, что теперь всё прояснилось. Но нет. Что делать дальше? Поскорее вернуться домой, это ясно! Но… я там всех переполошу. Хорошо бы сначала позвонить хотя бы Лёхе. А как же полиция? Теперь придётся что-то объяснять, разбираться, доказывать, где я был… Если я уйду из кафе, то по правилам таких легенд оно исчезнет, и потом нельзя будет ничего доказать… Значит, нужно звонить в полицию отсюда. Как же это я не взял мобильного! Время идёт, так промахнёт ещё месяц, пока я буду раздумывать… Я и так уже пропустил экзамены, что будет, если меня выгонят из универа? Мама просто домой меня не пустит. Никто не поверит, и тогда все станут думать, что я где-то шатался эти полгода, только не хочу в этом признаваться. Вдобавок я вспомнил, что теперь-то меня давным-давно уволили с той работы, первую получку с которой я тут праздную…

Всё это вихрем пронеслось у меня в голове, но самое главное было то, что я вспомнил: нельзя быть эгоистом, надо предупредить и моего соседа. Он сидит тут, ничего не зная, задумчиво жуя рагу, а его жизнь пробегает мимо…

– Простите, снова наклонился я к нему. – Мне ужасно не хочется выглядеть перед вами дураком, но то, что я скажу, правда. Нам нужно уходить из этого кафе, и побыстрее.

– Что? – удивился мужчина. – Почему это?

– Это плохое место. Просто уйдите, послушайтесь моего совета. А мне… мне уже просто так не уйти.

– Да с какой стати мне уходить? – раздражённо сказал мужчина. – Вы действительно чудите, молодой человек.

Я так и знал, что он меня не послушает. С чего бы ему это делать? Тогда я решил больше не таиться:

– Вы сами дали мне эту газету. Здесь написано обо мне, видите? – я показал ему заметку. – Я только что узнал, что меня считают пропавшим без вести, и что сейчас 10 апреля, хотя утром было 2 октября… Понимаете?

– Вы шутник, – улыбнулся рыжеусый.

– Какие тут шутки! С вами случится то же самое, если пробудете здесь дольше. Кафе называется «Приют небожителей». Вы слышали китайские легенды?

– Молодой человек, пошутили и хватит, – нахмурился мой сосед. – Я вижу, что вас разыскивают, но не понимаю, почему вы делаете из этого предмет для розыгрыша. Скорее позвоните в полицию или идите домой.

– У меня нет с собой мобильного, – в отчаянии проговорил я. – Забыл взять. Такая досада!

– Ну, хорошо, вот вам мой мобильник, позвоните и успокойтесь.

Не зная, как отблагодарить моего соседа, я взял телефон и всё-таки для начала набрал номер, указанный в объявлении. Только так можно доказать всю эту невероятную историю.

Мне ответил молодой серьёзный голос, назвал какой-то отдел полиции.

– Послушайте, – проговорил я взволнованно. – Всё, что я сейчас скажу, прозвучит неправдоподобно, но я клянусь, что это не розыгрыш. Я звоню вам, потому что прочёл в газете объявление о розыске… моём розыске.

– А что вы совершили? – спросил полицейский подозрительно.

– К счастью, ничего! Тут написано, что я пропал без вести, полгода назад. Газета сегодняшняя, за десятое апреля…

– Вообще-то сегодня восемнадцатое апреля, – поправил меня строгий голос.

– Ну вот! Уже! – вырвалось у меня.

– Что вы хотите этим сказать?

– Поверьте мне. Я никуда не пропадал. Днём второго октября я поехал в кафе… – и я рассказал всё, что было со мной дальше. Я умолял полицию срочно приехать на место и разобраться, уверяя, что иначе доказательства будут утрачены.

– Послушайте, – ответили мне, – вы, конечно, сочинили любопытную историю, но мы опираемся на факты.

– Но это всё правда! – вскричал я.

– Вас можно понять. Допустим, вы рассказали это из хороших побуждений. Допустим, вы правда не знаете, где были эти полгода. Кафе может быть опасным. Или не кафе. Неизвестно, где вас так накачали наркотиками…

– Да я в жизни не прикасался к наркотикам! – взвыл я, видя, что всё потеряно, а время продолжает лететь…

– Успокойтесь, пожалуйста! Я готов поверить части вашей истории, и мне правда жаль, что сейчас нет свободной машины, чтобы выехать к вам. Вы будете ждать?

– Нет, мне нельзя ждать, – совсем упав духом, прошептал я. – Я постараюсь добраться до общежития. До свидания.

Весь этот разговор со странным выражением слушал мой рыжеусый сосед. Когда я положил трубку, он спросил:

– Юноша, вы не в своём уме или просто притворяетесь?

– Жаль, что вы мне не верите. Вам бы срочно уйти отсюда, – грустно сказал я. – Вы будете потом жалеть. Можно, я ещё позвоню другу? Я уплачу вам за разговор.

Мужчина пожал плечами:

– Ну, звоните. Я и так скоро ухожу.

Я дрожащими пальцами набрал номер Лёхи. Тот отозвался сразу:

– Алё! Кто это?

– Лёх… – проговорил я сдавленным голосом. – Лёха, это я, Никита.

– Кто? – в трубке наступила небольшая пауза, а затем мой лучший друг прямо-таки заорал мне в ухо: – Никита!!! Это ты? Правда, что ли?! Где ты? Что с тобой было? Откуда звонишь? Все уже не думали тебя живым увидеть…

– Лёх, я там же. В этом кафе, которое ты мне посоветовал. Почему ты послал меня сюда?

– Не знаю, понравилось название… Ты же вроде любишь восток… Да что с тобой было-то?

– Потом расскажу, – ответил я. – Сейчас постараюсь уйти. Пока.

Я поскорее отключился. Зачем терять время? Я отдал соседу мобильник, сто рублей за разговор и бросился к стойке уплатить счёт. У меня бешено колотилось сердце: казалось, что всё равно что-то помешает, что я не смогу выбираться отсюда.

Девушка за стойкой удивлённо глядела, как я расплачиваюсь в такой спешке.

– Извините… извините… – бормотал я.

Потом я ещё раз посоветовал рыжеусому мужчине не задерживаться, подлетел к двери и распахнул её.

Снаружи всё было так же, как и когда я входил. Но это неудивительно: тогда была осень, сейчас весна, снег уже растаял. Пригород показался мне только каким-то зловещим, и я поспешил к остановке, поминутно оглядываясь, чтобы удостовериться, что кафе «Приют небожителей» ещё не растаяло позади меня в лёгкой дымке.

Накрапывал дождь. Было безлюдно, что ещё больше подгоняло меня. Не знаю, чего уж я боялся теперь, но мне было по-настоящему страшно. Хотя и свежий воздух после слегка дурманящих ароматов кафе приятно отрезвлял меня.

Каково же было моё удивление, когда на остановке я увидел всех моих друзей! Лёха, Вовка, Рустам и Дэн – все они радостно заорали, увидев меня. У нас состоялись настоящие обнимашки, они меня так стискивали, что кости хрустели.

– Как вы тут оказались? – спросил я наконец.

– После твоего вчерашнего звонка Лёхе, – стал рассказывать Рустам, – мы не знали, что делать. Никому пока ничего не сказали, ждали тебя…

– Значит, сегодня девятнадцатое апреля?

– Ага, – сказал Лёха. – Ну, хотя всё было странно, но раз ты так и не приехал, мы сегодня решили прокатиться сюда и разобраться…

Друзья – они настоящие друзья. Они мне в конце концом поверили, особенно когда я показал им газету. Мы дождались автобуса и поехали в центр города. Даже странно, что я не был здесь полгода…

– Ларионов, – услышал я за спиной голос, когда мы подходили к общежитию, обернулся и увидел Марину Вележаеву. – Что меня-то не пригласил на празднование получки? – Она хитро улыбнулась.

– Какой получки? – растерялся я.

– Какой?! Да ты, никак, совсем напился и не помнишь, что вчера хвастался всему общежитию: первая получка, отмечу в кафе…

– Вчера?.. – завис я.

– Эй, да что с тобой! – Марина обогнала нас.

Я остановился и внимательно посмотрел на друзей. У всех были странные лица: не то сейчас засмеются, не то что.

– Выкладывайте, что это значит, – тихо произнёс я.

– Это всё Лёха придумал, прости нас, – виновато сказал Рустам.

– Что?!!

– Ну, классно же вышло, ты поверил… – мялся Лёха. – Просто решили пошутить…

– Пошутить?..

– Ну да, – подхватил Вовка. – Лёха подсказал тебе это кафе, он тебе и легенды китайские рассказывал, помнишь? а Рустам классный мастер в подделках: газету же он так сляпал и на принтере распечатал… Знакомого попросил подыграть в самом кафе. Тот мужик, ну, ты понял…. Мы ни на какой фан-сбор не ездили. Номер тебе мой запасной дали – это я голос изменил и полицейского изображал… А телефон мы у тебя из кармана потихоньку вынули… Вот и всё.

Я весь разом обмяк. Внутри стало пусто и тихо.

– Дурак, – глухо бросил я Лёхе.

– Прости… – промямлил тот.

– Да ведь прикольно вышло… – начал Дэн.

Вовка зашикал на него.

– Ну… спасибо, – сказал я всем, и мой голос прозвучал как-то по-чужому. – Спасибо, друзья! Хорошо попраздновали…

– Ну прости, – снова начал Лёха. – Я ж не думал, что ты всё всерьёз воспримешь.

Я что-то буркнул и пошёл. Никто не стал меня догонять.

Вечером я от какой-то тупости искал всё подряд в интернете. Набрал название кафе, в котором был. Но поиск выдал мне, что кафе с таким названием в нашем городе нет. Я только хмыкнул. И тут же почувствовал грусть. Я не сразу осознал, почему. Но потом понял: я так и не попросил номер телефона у официантки-«небожительницы». Тогда я решил, что снова туда съезжу. Как назло, всё время что-то мешало. Только через две недели тайком от друзей снова поехал к «Приюту небожителей».

И тут-то это случилось: кафе всё-таки растаяло в призрачной дымке. Нет, конечно, не на моих глазах. Но его не было, на этом месте я нашёл только пустырь и какие-то строительные обломки! Второй раз дать себя провести мистической историей я не желал, поэтому обошёл на всякий случай все окрестности. Никакого следа загадочного кафе! Я наткнулся на проходившую мимо женщину и навалился с расспросами.

– Кафе? – переспросила она. – Я не знаю. Не помню. Может, и стояло. Сейчас много всего строят, много всего тут же опять ломают. Может, выгоды нет. Я без понятия.

Некоторое время я ещё постоял у пустыря. Хотите верьте, хотите нет, но так оно всё и было, а моя небожительница исчезла вместе со своей роскошью, как ей и подобало.

… И почему я тогда не познакомился с ней сразу?!

—

ЕВГЕНИЙ СУЛЕС

Москва

ЗЕРКАЛО ЗАДНЕГО ВИДА

ГРУППОВАЯ ФОТОГРАФИЯ БЕЗ МЕНЯ

Отец в своём любимом чехословацком костюме, мама улыбается кончиками губ. Она всегда говорила, что нужно улыбаться кончиками губ, то ли улыбаешься, то ли нет. Мне кажется, она подглядела это у Джоконды, всю жизнь хотела повторить её загадочную улыбку. У сестры смешная прическа, как у Мирей Матье. И сама она смешная. Брат задумчив. Ему от девчонок не было прохода уже с класса седьмого. И он всегда был озабочен, как бы никого не обидеть, чтобы всем хорошо было. Дела любовные были у него не радостью, а вечной заботой, как у многодетной матери.

Я люблю эту фотографию. Часто прихожу и часами смотрю на неё. Смотрю, как спит мама. Сестра читает книгу, брат говорит по телефону, улаживает дела. Иногда со мной приходит отец.

Меня нет на этой фотографии. 15 июля 1984 года я погиб на войне. «Я не знаю, зачем и кому это нужно / Кто послал их на смерть недрожащей рукой» – это про нас. Мы те самые мальчики. Когда эту фотографию снимали, меня уже убили по дороге в Кабул. Мы попали в засаду, меня уложили первого. Больно не было, всё очень быстро произошло. Я даже испугаться не успел. Ни боли, ни страха. Многие ребята мне позавидовали.

Я как-то быстро попал домой. Вот пыльная дорога, крики, стрельба. А вот я уже дома. Они фотографируются и ещё ничего не знают. Папа в своём любимом чехословацком костюме, мама улыбается кончиками губ, сестра со стрижкой, как у Мирей Матье, брат красив и задумчив. Я подошёл к маме и положил ей голову на плечо, как в детстве. Так что я всё-таки на этой фотографии есть. Просто меня не видно.

ЖАЛКО ВЫБРОСИТЬ

Ёлка простояла весь январь и февраль. Было всё некогда, да и жалко выбросить. А в марте зацвела. Она дала зелёные ростки, а потом на ней появились красные цветочки, как на декабристе. Так мы узнали, что уже давно случилась Третья мировая, вошедшая в историю как Тихая война, наша страна проиграла, и в следствии сброшенных на нас «тихих бомб» начались мутации. Ёлка зацвела, моя дочь заговорила на суахили, жена стала читать чужие мысли, я раз в месяц сбрасывал кожу и летал в костромские леса медитировать, а соседка Нина выжигала взглядом на фанере рисунки и играла на кельтской арфе ирландского короля Бриана Бору, прозванного «Седым богом». Мы не умерли, но изменились, причём капитально. Мы стали непобедимыми самородками, государством странных дел мастеров. Следующую войну, вошедшую в историю как Нелепая, уже выиграли мы. А наши противники стали молчальниками с большими ушами и навсегда ушли в леса Мансурдии.

МАНДАРИНОВЫЙ КОНТРАБАНДИСТ

Дед Фомы был мандариновый контрабандист. Вывозил тонну мандаринов, получал 3-4 тысячи рублей. После развала Союза, во время войны, сжёг два чемодана денег, превратившихся в обычную бумагу, которой и были изначально. Пламя горело мандариновым цветом.

НИКОЛАЕВ ОБЛЕЗАЕТ НА СОЛНЦЕ

Николаев лежал на горячем песке. Кожа на солнце пузырилась и лопалась, как подсолнечное масло на раскаленной сковородке. Николаев медленно сдирал её и отбрасывал в сторону. Сощурившись, глазел на горящее колесо в небе и твердил слова песни:

«Я на Солнце, я как Солнце,

Мои флаги и кольца поют и звенят».

На пляже никого не было. Николаев попытался сглотнуть, но во рту пересохло. Во рту была Сахара. Маленькая личная Сахара во рту Николаева.

Не спуская глаз с горящего колеса, Николаев встал и полез на Солнце, как будто оттуда ему скинули канат, тот самый из спортзала в школьном подвале. Если долезешь, нужно коснуться рукой потолка, испачкать побелкой ладонь в знак доказательства, и посмотреть вниз, видит ли она.

«Быть на Солнце, жить на Солнце,

И уже никогда не вернуться назад!»

– орал Николаев во всё горло, перевирая мотив.

Через время, он оглянулся. На песке лежала его лопнувшая кожа. «Ещё чуть полежит, а потом приливом смоет в море, и никаких следов моего побега не останется!» – радостно подумал Николаев в последний раз и, скорее, уже по привычке.

ТРОЕ В ДВЕРНОМ ГЛАЗКЕ

Был такой старый французский фильм «Троих нужно убрать» с Аленом Делоном. Детектив с жестокими убийствами. Одного застрелили прямо в глазок, в который он решил предусмотрительно посмотреть, прежде чем открыть дверь. Мол, кто там? А там твоя напрасная смерть.

Обо всём этом я подумал, когда позвонили в дверь. Я никого не ждал, да и время было позднее.

– Кто там? – спросил я. В ответ – тишина. Я с опаской – в голове всё крутились кадры из фильма – заглянул в глазок. В дверном глазке стояли трое в длинных стильных плащах и шляпах с широкими полями.

– Кто вы? Что вам нужно? – в ужасе спросил я.

– Кончайте маскарад, Халесин! – увесисто произнёс один из них.

– Что вы говорите?! Я ничего не понимаю! Какой Халесин?! Какой маскарад?!

– Не откроешь ты, откроем мы! – вступил в разговор второй. – И это будет хуже.

– Вы не имеете права! – затрепетал я.

– Мы право имеем, а ты тварь, дрожащая за дверью! Открывай!

– Слушайте, я, правда, не понимаю, в чём дело… Я не знаю никакого Халесина! Честное слово!..

– Это не его голос. Это не он, – вдруг сказал третий, снял шляпу и отёр капли пота со лба платком цвета тёмной запёкшейся крови. На его лице промелькнули страдание и безысходность. Но что можно с уверенностью разглядеть в дверной глазок?

Троица переглянулись и, не сказав больше ни слова, ушла.

Иногда ужас и Кафка стучатся к тебе по ошибке. А может быть, ты просто видишь будущее гадательно, сквозь тусклое стекло дверного глазка.

КОМУ НУЖНЫ АБРИКОСЫ?

Кому нужны абрикосы? Сейчас не до абрикосов, старик. Ты вообще должен сидеть дома, ты в группе риска. Давно в этой группе, лет десять уже, наверное. Видишь, все идут мимо. Народу и так мало, а те, что есть, идут мимо. Не нужны им твои абрикосы. Люди скупают гречку, крупы, туалетную бумагу. Им долго сидеть под домашним арестом, нужно что-то непортящееся, первой необходимости, а ты со своими абрикосами. Я их вообще не люблю. Иди домой, дед…

Хотел я сказать ему. И вдруг вижу – это Лимонов. Стоит на рынке и продаёт абрикосы. Я подошёл, присмотрелся. Точно он.

– Брать будешь?

– Это же… вы?

– Ну я.

– Так вы же…

– И что? У каждого своя загробная жизнь. Кто в шоколаде, кто в говне. А кто с двух до пяти торгует абрикосами на рынке. Когда абрикосы никому не нужны. Вот и вся валгалла.

И тогда я купил у Лимонова абрикосов. Сколько было денег. Пошёл по Москве, ел их, абрикосовый сок капал с холодных губ на подбородок и дальше, на землю. Предлагал прохожим. Но кому нужны абрикосы во время чумы?

Так я дошёл до Чеховки и дал лимоновских абрикосов Володе Гуге. Он ни о чём не спросил, достал стаканы, и мы молча помянули Лимонова и закусили его абрикосами.

НАМ НА СЛЕДУЮЩЕЙ

Мы ехали долго. Пути не было конца и края. Сначала я читал, потом задремал. Когда открыл глаза, в электричке было пусто. Только кто-то одинокий в конце вагона, в капюшоне и спиной ко мне, и рыжая девушка в двух сидениях от меня.

Я смотрел за окно на проплывающие мимо поля, деревья, облака. Украдкой любовался девушкой. Очень захотелось выпить. Тут же появился мужик с бутылкой «Столичной».

– Третьим будешь? – спросил мужик.

– А кто третий?

– Как кто? Она!

Мы посмотрели на девушку. Она улыбнулась. «Действительно будет третьей», – подумал я и по телу пробежали мурашки.

Мы подсели к ней. Мужик достал пластиковые стаканчики, разлил «Столичную». Затем развернул салфетку и положил на неё несколько огурцов, редисок и конфет.

Мы посмотрели друг на друга – мужик, рыжая девушка и я – чокнулись и без лишних слов выпили. Я закусил редиской, девушка конфетой, мужик рукавом.

– Хорошо сидим, – прервал молчание зачинщик.

Белое вдохновение подхватило меня, я почувствовал прилив жизни, будто тебе двадцать лет, ты влюблен, слегка нетрезв, возвращаешься домой с последним метро, и жизнь вокруг жительствует, дышит, пульсирует.

Мы проезжали красивую реку, я посмотрел девушке в глаза. Я понял, что всё сегодня будет и будет хорошо, даже говорить ничего не надо. Поэтому я просто ей улыбнулся, и она улыбнулась в ответ.

Мужик разливал по второй, когда одинокий в капюшоне, что ехал в конце вагона, поднялся, подошёл к нам и сказал, глядя на меня:

– Нам на следующей.

ЗЕРКАЛО ЗАДНЕГО ВИДА

Монахи ордена «Пятой печати» в одном из отдаленных монастырей жили исключительно своим трудом: огороды за обветшалой стеной, пасека и небольшая винодельня. Паломников не жаловали и даже относились к ним враждебно, насколько это могут позволить себе монахи.

Монахи охраняли Зеркало заднего вида. В обычном зеркале можно увидеть себя. А в Зеркале заднего вида – того, кто стоит за твоей спиной. У обычного человека – это ангел и бес. У грешника – тьма бесов, а ангела нет: человек прогнал его своими делами. У святого – ещё больше бесов, все норовят его свернуть с прямого пути, но есть и ангел, который не отошёл от него, лицо ангела светло. Также видно в этом зеркале всё, что человек сделал за свою жизнь, все его деяния.

По одному древнему пророчеству в конце времён в монастырь должен прийти некто, который посмотрит в Зеркало заднего вида и не увидит там ничего. Одну пустоту. Тьму над бездною. И войдёт он в эту тьму, и стрелки часов повернут вспять. Люди начнут молодеть и возвращаться в утробы своих матерей. Семя отцов вернётся в их чресла. Мир свернётся, как свиток. Останется одно лишь Зеркало заднего вида. И отражение в нём будет пусто и безвидно, как в начале времён.

ЗАНАВЕСКА ВСЁ-ТАКИ ШЕВЕЛИТСЯ

Я зашёл и замер. Стою, не дыша. Кажется, что этим объята вся квартира. Весь дом. Весь город. И это заразно. Не спрашивай по ком «бом-бом».

Она лежала прямо в квартире, тогда ещё можно было не сдавать в морг. Никакого вскрытия и платить не надо. Когда покойника вскрывают, он всё чувствует, просто сказать не может. Смотрю на неё, и мне кажется, что она дышит. Как актёры в кино, играющие умерших. А сам пытаюсь не дышать. Но тайно дышу, как и она, украдкой ворую воздух. Все зеркала закрыты. Чувствую сладкий запах, корицы как будто. Не шевелюсь, замер. Считаю про себя секунды. Раз, два, три… Умри! Застываю, как камень. Слёзы стекают, как воск, по лицу. И только занавеска на окне шевелится, как будто окно это открытый рот, и он дышит, и он живёт.

ОН БУДЕТ ГОВОРИТЬ СО МНОЙ ИЗ ШКАФА

В доме комната, в комнате шкаф, в шкафу скелет. Он будет говорить со мной из шкафа. Всю жизнь. У каждого свой дом, своя комната, свой шкаф и свой скелет в нём. Каждому его скелет говорит из шкафа что-то своё.

Мой говорит о деревенском доме с покосившимся двором. Идёт дождь. В доме горит тусклый свет, лампа в сорок свечей. У окна сидит мужчина с бородой. Он ещё не стар, но уже и не молод. Мужчина читает книгу, начинает дремать. Я тихо вхожу с улицы. Он просыпается, открывает глаза и смотрит на меня.

– Привет, – говорю я.

– Привет, – отвечает он. – Я ждал тебя. Ждал, когда ты вернёшься.

– Ну вот, я вернулся, – пытаюсь говорить беззаботно и от этого похож на социопата с бритвою в руке.

– Поставлю чайник, – говорит он, начинает суетиться и стареть на глазах.

– Как вы живёте?

– Всё хорошо, – отвечает он быстро. – Всё хорошо. Брат скоро вернётся, он в поле.

– Не женился?

Он мотает головой.

– Ты чай или кофе?

– Чай.

– А я кофе.

– Как твоя подагра?

– Не спрашивай! – он машет рукой. – Ты надолго?

– Навсегда.

И он больше ни о чём не спрашивает. Наливает чай, пододвигает сахарницу, достаёт конфеты.

«ГОРИЗОНТ»

1 июля 2022 года завершился очередной международный конкурс прозы и публицистики «ДИАС», учреждённый в честь выдающегося философа и писателя Диаса Назиховича Валеева. Для членов жюри это время читательской радости и новых открытий, за что хочется сказать отдельные слова благодарности организатору и идейному вдохновителю конкурса Галине Булатовой. На сей раз выбирать лучшие работы было особенно трудно – очень много сильных, равных по степени литературного мастерства рассказов. И география конкурса расширяется с каждым новым сезоном: за два месяца приёма работ поступило 208 заявок от авторов из 10 стран.

Увеличивается и количество информационных партнёров конкурса, в числе которых поэтический альманах «45 параллель», литературный журнал «Гостиная», интернет-портал «Сетевая Словесность».

В декабрьском номере журнала «Южное Сияние», являющегося постоянным информационным партнёром конкурса ДИАС, публикуются четыре работы, вошедшие в личный топ-12 нашего постоянного автора и члена жюри Елены Севрюгиной. Это рассказ Лады Басниной «Зима», затрагивающий тяжёлую, но очень важную тему блокады Ленинграда, добрая и умная история от Александра Колтакова «Как я стал сказочником», ироническая антиутопия Владимира Янова «Всё сначала» и вновь посвящённая военной теме «Клятва Гиппократа» от Льва Авилкина.

Желаем всем приятного прочтения!

ВЛАДИМИР ЯНОВ

Воскресенск Московской обл.

ВСЁ СНАЧАЛА
рассказ

– Адам, как вы себя чувствуете?

Адам открыл глаза и осмотрелся. Он лежал в зелёной пижаме на кровати в больничной палате с белыми стенами и потолком. Перед ним на стуле сидел доктор и участливо смотрел на него.

– Я хорошо себя чувствую, – ответил Адам, пытаясь ощутить своё тело и понять суть вопроса.

– А где я? Что со мной? Я ничего не помню.

– А вы и не должны ничего помнить, – ответил доктор. – Вы в Институте Экспериментальной Медицины. Меня зовут Патрик. Попрошу вас встать.

Адам встал, неуверенно переступая босыми ногами.

– Присядьте, встаньте, вытяните руки перед собой, закройте глаза, приложите палец правой руки к носу. Теперь палец левой руки. Так, прекрасно. Судя по первым тестам, с вашим организмом всё в порядке.

Адам продолжал стоять с вытянутыми вперёд руками.

– Опустите руки, можете присесть.

Адам присел на краешек кровати.

– Патрик, а почему я здесь?

Доктор неожиданно открыл дверцу на груди, вынул оттуда стакан воды. Адам заметил там ещё массу проводов и кнопок.

– Выпейте, пожалуйста, это успокоительное.

– А зачем? – не понял Адам. – Я не волнуюсь. А вы что, робот?

– Выпейте, а потом послушайте, что я вам скажу.

Адам крупными глотками осушил стакан.

– Вы первый экспериментальный образец живого человека, организма, воспроизведённого по расшифрованному генетическому коду.

– А зачем вы это сделали? – машинально спросил Адам.

– Мы достигли очень больших успехов в формировании организмов по геномам, и решили попытаться воссоздать живого человека.

– А зачем? – тупо продолжал спрашивать Адам, пытаясь понять сказанное.

– Дело в том, что на планете Земля уже давно нет живых людей.

– Вот те на! – вырвалось у Адама. – А куда все подевались?

– Понимаете, Адам, люди вымерли на Земле от безделья. С тех пор, как они создали самоорганизующиеся совершенные кибернетические организмы, такие, как я и мне подобные, им стало нечего делать. Всё, что было нужно для человека, делали за них роботы. Еда самая лучшая, одежда самая совершенная, развлечения любые на любой вкус. Вот тут и проявился настоящий характер человека цивилизованного. Он ничего не хотел делать. Люди ели, пили, предавались разврату, и, несмотря на прекрасное медицинское обслуживание их прихотей, они стали вымирать. Женщины отказались рожать детей. Они не понимали, зачем им это нужно. У людей всё было, у них исчезли желания, отсутствовала даже самая примитивная мечта, и они вымерли как бесполезный придаток цивилизации. Последний человек по имени Роберт умер пятьсот тридцать лет тому назад в возрасте сорока двух лет. С тех пор земную цивилизацию представляем мы – самоорганизующиеся роботы.

Адам выслушал это сообщение с открытым от удивления ртом. А Патрик продолжил:

– Мы продолжаем развиваться по технократическому пути, осваиваем ближайший космос, снаряжаем экспедиции к дальним галактикам. Мы бессмертны и можем себе это позволить.

– А я вам тогда зачем? – не понял Адам. – Вы прекрасно существуете без людей, у вас не существует болезней, вы постоянно совершенствуетесь. Зачем вам смертный болезненный, ограниченный в возможностях человек?

– Видите ли, дорогой Адам, человеческий организм очень сложен. Мы научились из чисто научного интереса воспроизводить по геному любых земных животных. Мы даже можем конструировать новые размножающиеся организмы. Их немало чудных сейчас бродит по нашим заповедникам. Жирафы, утконосы, кенгуру созданы нами искусственно с помощью генной инженерии. Нам тоже стало скучно, и институт решил попробовать воссоздать вас, человека разумного. Вас мы создали по набору генома человека тридцати пяти лет, проживающего в Европе восемьсот лет назад. И мне кажется, что это у нас неплохо получилось.

– А что мне теперь делать? Как мне дальше жить? Ведь без дела я тоже помру в сорок лет.

– Адам, мы вложили в вас все знания современной цивилизации, от кулинарии до ядерной физики. Вы будете жить в институте под присмотром наших докторов. У вас будет всё необходимое. Мы будем изучать ваш организм. Ведь вы для нас уже давно забытое существо.

– Я не существо, я человек, и я хочу жить нормальной человеческой жизнью, – возмутился Адам.

– Вот и живите, – пожал плечами доктор Патрик. – Отдыхайте, через два часа у вас обед. Поверьте, превосходный обед. Вы такого никогда не ели.

Он встал и вышел из комнаты.

– Я вообще ещё никогда ничего не ел, – пробормотал Адам. – Получается, что я новорождённый и скоро получу первую соску.

Адам ещё раз оглядел свою комнату. Огромное на всю стену окно, у окна стол и стул. Более в комнате не было ничего.

– А если мне понадобится в туалет пройти? – подумал он, и тут же в стене напротив открылась ниша с унитазом необычной формы и раковина с журчащей водой.

– Вот здорово, – сказал Адам, – а что, если поесть сейчас?

Тотчас в стене напротив открылась другая ниша с накрытым столом. Адам почувствовал тонкий аромат горячей еды, прошёл в столовую комнату и с аппетитом поел. Подали салат из морепродуктов, острый сырный суп и стейк с рисом под неким оранжевым, очень вкусным соусом. На десерт его ожидал горячий кофе с неким подобием эклера.

– Однако, жить на таком питании вполне возможно, а как здесь с развлечением?

Вместо окна засветился экран телевизора, на котором крутили ковбойский фильм. Но Адам с изумление увидел, как крутой мачо в ковбойке лихо выхватил из правой ягодицы бластер и разом застрелил троих противников. Затем он из груди вынул белую тряпочку, любовно протёр ствол оружия и подмигнул с экрана.

– Ба, – догадался Адам, – да у них роботы играют ковбоев. А не пойти ли мне в артисты?

– Нет, Адам, роботам неинтересны артисты-люди, – вдруг послышался в комнате голос.

С экрана на него уже смотрел доктор Патрик.

– Как вам обед?

– Обед как обед, – отозвался Адам. – А как же мне быть с личной жизнью? Мне что, прикажете всю жизнь одному проживать в этой комнате?

– Резонный вопрос, – ответил Патрик. – Мы уже работаем над его решением. Вы каких дам предпочитаете – блондинок или брюнеток?

Вопрос огорошил Адама. Он порылся в памяти и выяснил, кто такие – брюнетки и блондинки, но ответа на этот вопрос не имел, поскольку не имел реального опыта общения с ними. Он решил не показывать своё невежество.

– А, без разницы, – небрежно бросил роботу. – Только чтобы красивая была, – предупредил на всякий случай.

– Не сомневайтесь, – успокоил Патрик. – Создана по схемам Барби. Лучше ещё не было в истории Земли.

Через несколько дней Патрик пригласил Адама на прогулку. Они вышли из комнаты, прошли по длинному коридору и вышли из здания. По улицам в разные стороны шли люди, нередко по двое-трое, но все они были мужчинами. Внешне всё было вроде бы нормально, но некая механичность и правильность их походок выдавала то, что они не люди. Адама поразило обилие летящих среди небоскрёбов глайдеров. Они сновали от дома к дому, стремительно уходили ввысь и резко снижались. Один из них опустился перед Патриком и Адамом.

– Прошу вас, Адам, – пригласил робот. – Мы отправим вас в ваше жилище, где вы будете чувствовать себя, как дома.

Через несколько минут глайдер плавно опустился на лужайку перед небольшим двухэтажным особняком в гуще хвойного леса.

– Вот ваше жилище, дорогой Адам. Этот дом максимально приспособлен для проживания двух человек. Вы будете обеспечены всем необходимым. Время от времени мы будем вас привозить в Институт и изучать ваше самочувствие.

У Адама пересохло горло от волнения.

– Дом на двух человек, – едва выговорил он от волнения. – А кто второй?

Робот сделал знак, и на крыльцо особняка вышла ослепительная красавица.

– Это Ева. Вы просили обеспечить вам личную жизнь, мы пошли вам навстречу и по геному одной из самых красивых женщин Земли создали вам подругу. Теперь это называется семья. Желаю вам счастливого существования. Если вам что-либо понадобится, то мы всегда рядом.

Патрик вошёл в глайдер и скрылся в безоблачном небе. Адам подошёл к дому.

– Ева, ты знаешь, кто ты такая?

– Конечно, Адам. Мне всё объяснили.

– Ева, ты знаешь, что мы будем жить, как муж и жена?

– Да, у нас нет выбора. Но я постараюсь быть хорошей женой. В меня заложен весь курс примерной семейной жизни.

– Ева, у меня такое чувство, что мы с тобой обыкновенные подопытные кролики. Даже не кролики, а игрушки в руках бездушных роботов.

– Похоже, Адам, но от нас ничего не зависит. Давай будем просто жить, пока нам это позволяют.

– Как всегда, права женщина, – усмехнулся Адам. – Тогда давай для начала пообедаем.

И началась у них райская жизнь. Роботы обеспечивали их всем. Даже насекомых отпугивали лазерным веером во время сна. Они спали в роскошных постелях, утром умывались родниковой водой из крана, завтракали, затем отправлялись на прогулку в заповедный лес, где прохаживались в окружении слонов, жирафов, кенгуру и даже северных оленей. Время от времени их привозили в Институт, где брали анализы и проводили всевозможные тесты. Однако молодожёны не придавали этому особого значения.

– Наука есть наука, – пожимал плечами Адам. – Даже если ею занимаются роботы.

Но однажды утром в столовой молодых не ожидал завтрак. Адам возмутился.

– Патрик, почему нет завтрака? Вы решили нас перевести на диету?

Экран в столовой засветился слабым мерцанием. Патрик на нём выглядел неожиданно необыкновенно уставшим. Он едва шевелился, не поднимая взгляда.

– Адам, случилась беда. Наш электронный мозг поражён неизвестным вирусом, сопротивляться которому мы не можем. Мы уже потеряли управляемость почти всеми процессами на Земле. Вирус стремительно распространяется, и если мы за несколько суток с ним не справимся, нашей планете грозит полное вымирание.

Адам едва не задохнулся от этих слов угасающего робота.

– А как же мы, Патрик? Вы нас создали как научную игрушку, а теперь нас бросаете. Где наш завтрак, что мы будем есть завтра в вашем благословенном обществе роботов?

– Адам, никто не мог это предвидеть. Мы только можем помочь вам умереть.

– Что, убить нас? Нет, спасибо. Мы как-нибудь сами ещё поживём.

Изображение Патрика на экране слабело, голос его перешёл в невнятный шорох, и экран потух. Стало заметно холоднее. Ева поёжилась.

– Адам, я озябла.

– Накинь мой пиджак.

Ева взяла пиджак мужа, но он распался у неё в руках. Неожиданно стали потрескивать стены дома, построенного на биотехнологиях.

– Ева, нам надо взять всё необходимое и покинуть этот дом. Он лишился электронной поддержки и скоро рухнет.

– Но у нас нет ничего такого, – ответила Ева. – В доме нет ничего, что мы можем взять с собой. Даже одежда на нас стала расползаться.

– Тогда, Евочка, мы с тобой выйдем из него и начнём новую жизнь.

Едва Адам и Ева вышли из особняка, как его стены перекосились, крыша рухнула, и весь дом расплылся скользкой липкой лужей. Одежда на них тоже расползлась и повисла лохмотьями. Они стояли совершенно голые посреди могучего заповедного леса. Их было всего двое на всей огромной планете Земля. В небе сгустились чёрные тучи, грянул гром, хлынул холодный дождь.

– Адам, я совсем замёрзла, – прошептала Ева и прижалась к мужу. – Как мы будем жить?

– Будем жить хорошо, – сурово молвил Адам. – Пошли, жена, я здесь неподалёку видел подходящую пещеру.

Пещера оказалась действительно неплохой, но в ней уже проживал хозяин. Крупный леопард зарычал из глубины пещеры, предупреждая о своём присутствии.

– Ева, подожди в сторонке, – попросил Адам жену.

Он отошёл к лесу, подобрал у павшего дерева огромную дубину и вернулся к пещере. Леопард зарычал громче и кинулся на Адама. Но удар дубиной остановил его, а второй удар выбил из него дух. Освежевав тушу острым каменным осколком, Адам, выбил искру из двух камней на сухой мох, развёл костёр и поджарил на нём мясо.

– Ева, теперь мы будем жить здесь. Я буду охотиться, а ты поддерживать огонь в очаге. А из этой шкуры я сошью тебе прекрасную шубу.

Пришла зима. Адам и Ева оделись в шкуры зверей, но выглядели сытыми и довольными. А когда снег сошёл и деревья зазеленели, из пещеры раздался громкий детский плач. Тогда Адам принёс в пещеру тростник, долго его мял и вымачивал, затем положил под плоский камень. Когда папирус просох, Адам развёл в глиняном блюде охру и тонкой тростниковой палочкой тщательно вывел на белой поверхности:

– Адам родил Сифа.

Так началась новая история планеты Земля.

———

ЛЕВ АВИЛКИН

Хайфа

КЛЯТВА ГИППОКРАТА
рассказ

Эту реальную историю мне рассказал один фронтовик, которого сейчас уже нет в живых, а в то тревожное военное лихолетье ему всего-то было девятнадцать лет. Уже после войны он закончил факультет журналистики Московского университета и до самой пенсии работал в газете. Когда он рассказал мне эту историю, я порекомендовал ему опубликовать её в прессе, на что он ответил, что в условиях социалистической действительности никакая цензура её не пропустит, а если изменить конец и сделать его благоприятным, то теряется весь смысл истории.

Так и осталась она неведомой миру. Я же расскажу её с его слов, а поэтому буду рассказывать от первого лица.

Война всё дальше и дальше катилась туда, откуда пришла, на Запад. Вот уже несколько часов я слушал, как канонада боя удаляется от меня в западную часть горизонта. Совсем недавно бой был здесь, в поле, на котором я сейчас стою в ожидании тягача. Тягач должен оттащить два наших танка, две наших

Т-тридцатьчетвёрки на ремонтную базу. Эти два танка получили в бою незначительные повреждения, и после ремонта могут ещё войти в строй боевых машин. Мне, рядовому бойцу, заряжающему одного из них, было приказано остаться и охранять их. Изрытое траншеями и окопами поле, на котором я нёс свою «караульную службу», было совершенно пустынным. Только невесть откуда взявшиеся грачи, которым до войны не было никакого дела, беспечно щебетали в весеннем воздухе. Ранняя весна 1945 года! Близился победный конец войны. Фронт всё дальше и дальше катился на Запад. Там, в той стороне горизонта, гремел бой. Конвульсирующий враг ещё не сдавался, но уже ничто не могло остановить победную поступь наших войск. Отсюда и настроение у меня, как и у всех наших бойцов, было хорошее, даже приподнятое. Думалось о чём-то прекрасном, о будущей жизни, об учёбе после войны…

Закинув за спину свой ППШ (пистолет-пулемёт Шпагина), я ходил вокруг подбитых машин, и в голове у меня звучала торжественная музыка Богатырской симфонии Бородина.

Прошло несколько часов, а тягачей всё не было. Да и когда они придут? Но… я выполнял приказ и охранял подбитые танки. А от кого охранял? В поле не было ни души, кроме щебечущих грачей. Мне стало зябко.

Вдруг я услышал скрип телеги и понукающий голос нашего «кашевара», как мы его называли, Ивана Лубкина, развозившего на своей подводе полковое имущество. В этот раз он вёз несколько термосов каши на передовую, чтобы покормить солдат. Подъехав ко мне, он остановил свою клячу, весело приветствовал меня и зачерпнул мне в котелок большую порцию наваристой горячей каши. Ах! С каким аппетитом я уплетал эту кашу! Иван, свернув самокрутку, закурил и присел рядом.

– А что, не холодно тебе? Не озяб здесь? – спросил он меня.

– Конечно, холодно, – ответил я. – Не лето ведь ещё. Видишь, снег кое-где лежит.

– Так чего ты здесь маешься? – говорит Иван. – Кому нужны твои подбитые танки? Кто их украдёт? Вон сколько окопов! Залезай в любой и спи там. Тягачи придут – услышишь.

Сказав это, Иван повёл свою клячу дальше, на передовую.

– А что? – подумал я. – Иван прав. Не посидеть ли в окопе? Хоть от ветра укроюсь. Да и наблюдать из окопа за подбитыми танками можно нисколько не хуже, чем на открытом месте.

И, проводив Ивана, я решительно направился к ближайшему крытому бревнами и ветками окопу. После котелка вкусной, густой каши я был сыт и намеревался отдохнуть.

Спустившись в окоп, я тут же в ужасе отпрянул назад. Прямо на меня широко открытыми глазами смотрел живой немецкий солдат. Он лежал на полу окопа с искажённым от страха и боли лицом. Мне потребовалась секунда, чтобы совладать с собой и вскинуть для выстрела автомат. Ещё бы миг и я выпустил бы по нему очередь из своего ППШ, но немец опередил меня криком по-русски:

– Не стреляй! Не стреляй! – и вскинул вверх руки, как это может сделать лежащий на земле человек.

Что-то остановило меня от выстрела, но я продолжал держать немца под прицелом. Немец, хоть и с заметным акцентом, но довольно чисто заговорил по-русски:

– Не надо стрелять! Я сдаюсь! Вот моё оружие! – и он указал на свой автомат, лежащий неподалёку. – Это всё. Больше у меня оружия нет.

Я взял его автомат, не выпуская из-под прицела своего, и строго спросил:

– Кто такой? Почему здесь прячешься?

– Я ранен, – ответил немец. – У меня перебиты обе ноги. Не могу даже ползти. Я вот уже сутки лежу здесь и несколько часов наблюдаю за тобой. Если бы я хотел тебя убить, давно бы сделал это без труда. Поверь мне. Я не хотел тебя убивать. И не только тебя. Я никого не хотел убивать.

В голосе немца чувствовалась какая-то интеллигентность и искренность, и я решил при первой возможности сдать его как пленного, тем более, что с перебитыми ногами и без оружия он мне был не опасен. О своём решении я сказал ему. Он обрадовался и сказал, что именно этого он и хочет.

Мало-помалу я успокоился, присел поодаль от немца, но свой автомат всё же держал на изготовке: всё-таки передо мной был враг.

Прошло какое-то время. Я периодически выходил из окопа, осматривал поле и возвращался назад. Немец всё это время лежал на земле.

Наконец, он попросил меня помочь ему сесть, прислонившись спиной к стенке окопа. Самостоятельно он этого сделать не мог из-за изуродованных ног. Я помог ему и сел рядом. Мы стали разговаривать. Немец говорил на очень правильном русском языке. С виду ему можно было дать лет 50-55. Из разговора с ним я узнал, что он был не последней скрипкой Гамбургского оперного театра, жил в Гамбурге, и у него там осталась семья. Кроме жены у него два сына, которые, по его словам, были не на много младше меня. А на фронт он попал по тотальной мобилизации. Германия катилась к неминуемому краху, и Гитлер гнал на фронт всех, не считаясь ни с возрастом, ни с профессией. Сам он в армии никогда не служил, воевать не умеет и не хочет. А сейчас он очень обеспокоен за своих сыновей, которых уже тоже, вероятно, угнали на фронт. Самой заветной его мечтой было дождаться конца войны и увидеть своих детей.

Так мы сидели и разговаривали. Тяжело было смотреть, как его мучила боль в ногах, но помочь ему я был не в состоянии. Оставалось сидеть и ждать. В разговоре я спросил, откуда он так хорошо знает русский язык. Он ответил, что несколько раз был в Москве, в Ленинграде и в Киеве с концертами, что он вообще любил русскую культуру, а русских композиторов Глинку, Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского и других ставит в один ряд с Бетховеном и Вагнером.

– Я всегда с наслаждением и слушал, и исполнял симфонические концерты этих великих композиторов, – сказал он. – А что касается русского языка, то я с таким же успехом могу разговаривать с тобой и на английском языке.

– Как же вы, такие интеллигентные и образованные люди решились пойти на нас войной? – с детской наивностью, которую можно объяснить только моей молодостью, спросил я. – Столько горя нам принесли!

– Что ты, мальчик! Да разве я хотел с тобой воевать?! Да разве я хотел уничтожить тебя и твоих близких?! – с горечью ответил он. – Трагедия, случившаяся в Германии – это беда не только одного вашего народа, это трагедия всего человечества и, прежде всего, самого немецкого народа. Я же тебе уже говорил, что двоих таких, как ты, я оставил в Гамбурге. Где они сейчас? Что с ними?

И он застонал не то от боли, не то от воспоминаний о своих сыновьях.

Прошло несколько томительных часов. Тягачи всё не приходили. Я выглянул из окопа и увидел возвращающегося с передовой Ивана Лубкина. На телеге лежали три наших раненых бойца, среди которых был командир моей танковой роты майор Звонарёв. Он лежал с раздробленной правой ногой и тяжело дышал. Именно он, майор Звонарёв, приказал мне остаться и охранять танки до прихода тягачей.

– Всё, сынок! Я, кажется, отвоевался! – сказал он мне, как только я подошёл к телеге. – Как бы хотелось встретить конец войны в Берлине, да видно не судьба!

Я стал ему говорить что-то ободряющее, но в душе мне самому было очень тяжело видеть своего командира в таком бедственном положении.

Я рассказал о своём пленном немце и посетовал, что не знаю, куда мне его сдать, на что Иван быстро среагировал:

– Давай его мне. Я ведь везу раненых в медчасть, а по дороге буду проезжать приёмный пункт пленных. Он сейчас как раз ближе к передовой, так что я обязательно мимо него проезжать буду. Там и сдам твоего немца.

Я даже обрадовался такому обороту дела.

– Идём, – говорю, – в окоп. Он там сидит.

И мы вместе пошли в окоп.

Когда мы в него вошли, то застали немца в том же сидячем положении, в каком я его оставил. Без посторонней помощи он даже позу поменять не мог. А на Ивана вдруг нашло какое-то баловство. Иначе и не назовёшь. Вскинув автомат и направив его на немца, Иван закричал:

– Что, фашист?! Довоевался?! Вот я тебя сейчас!.. За кровь детей, за слёзы матерей!..

Надо было видеть, какой испуг отразился на небритом и измученном лице немца.

– Брось, Иван, – говорю я. – Он без оружия и тяжело ранен. Кошке – игрушки, а мышке – слёзки. Оставь немца в покое. Давай отнесём его к телеге.

– Нет, – заерепенился Иван, – пусть сам ползёт. А не доползёт – пристрелю!

И немец пополз. Но уже через пару метров силы оставили его, и он замер недвижимым. Только тяжелый стон вырывался из его груди.

– Ладно, Иван, не дури, – сказал я. – Давай отнесём немца.

Мы донесли его до телеги и положили на землю. Здесь Иван опять стал куражиться над ним, сказав, что если немец сам не залезет в телегу, то он фашиста пристрелит. Услышав это, вмешался раненый майор Звонарёв:

– Без глупостей, ребята, – сказал он. – Поверженный и сдавшийся враг – уже не враг, а пленный, заслуживающий снисхождения. На телеге место есть. Кладите его. Я подвинусь.

Мы положили немца на телегу, и Иван, понукая лошадь, повёл её дальше, в тыл наших войск. Я долго смотрел им вслед, удручённый тяжёлыми мыслями о жестокостях войны.

***

Старшие возраста были демобилизованы сразу же по окончанию войны. Мы же, мальчишки, ещё несколько лет тянули солдатскую лямку уже в мирное время. В 1948 году с моего согласия и по моему желанию я был направлен учиться на курсы военных журналистов в город Львов.

Однажды, в один из выходных дней, я, курсант этих курсов, с увольнительной запиской в кармане, шёл по одной из оживлённых улиц Львова. Впереди меня, опираясь на клюку, неторопливо шёл человек с протезом правой ноги. Что-то знакомое показалось мне в его облике. Как будто почувствовав мой

взгляд, он обернулся. Так и есть! Это же бывший командир моей танковой роты майор Звонарёв. Он тут же узнал меня. Как мы обрадовались встрече! Оказалось, он по ранению демобилизован и живёт со своей семьёй здесь, во Львове, работает в какой-то мастерской. Он сразу же, не допуская никаких возражений, пригласил меня к себе домой. Всё-таки встретились два однополчанина-фронтовика. Нас очень приветливо встретила его жена, накрыла на стол и поставила бутылку водки. Чего только мы с ним не вспоминали?! Всех перебрали из нашей роты, да и из нашего полка. Он рассказывал о себе и живо интересовался моей судьбой. Одобрил мой выбор учёбы на курсах, на что я сказал:

– Никак не демобилизуюсь, иначе я пошёл бы учиться на факультет журналистики какого-нибудь университета.

– Ты ещё молодой, – ответил он. – Сначала окончи курсы, а университет от тебя не уйдёт. Молодец! А я вот, видишь, инвалид. Ногу мне ампутировали сразу же, как Иван Лубкин доставил меня на своей телеге в медчасть.

– А помните, Николай Алексеевич, – назвал я его по имени-отчеству, – того немца. Вот повезло-то ему! Сейчас, наверное, он уже со своими детьми в Гамбурге.

– Какого немца? Уж не того ли, что вы с Иваном положили на телегу рядом со мной? – с какой-то грустью в голосе спросил он.

– Да, да! Того, того! Он ведь музыкант, скрипач из оперного театра Гамбурга. Я с ним долго разговаривал до вашего приезда. По-русски чисто говорит. Интеллигент, одним словом!

– А ему вовсе и не повезло!

– Как не повезло?! – воскликнул я. – Что случилось?

– А случилось вот что. Видно, не все врачи дают клятву Гиппократа. А если и все, то есть среди них и клятвопреступники.

– Да что же произошло? Расскажите!

И он рассказал следующее.

Пленного раненого немца по нашему общему замыслу Иван должен был сдать в пункт приёма пленных и далее везти наших раненых бойцов в медчасть, которая находилась два-три километра дальше в тылу. За время, пока Иван ездил на передовую, произошла дислокация, связанная со стремительным наступлением наших войск, и медчасть оказалась ближе к передовой, чем та часть, где можно было сдать немца. Немец был тяжело ранен, самостоятельно идти не мог. Значит, его надо было везти.

И тогда начальник медико-санитарной службы полка, врач по профессии, полковник медицинской службы и член Коммунистической партии сказал:

– Буду я ещё каждому фашисту подводу давать.

И с этими словами он достал из кобуры пистолет и тут же, прямо на телеге и на глазах у всех, тремя выстрелами пристрелил пленного.

ЛАДА БАСНИНА

Санкт-Петербург, г. Пушкин

ЗИМА
рассказ

1. Санки

Снег под санками поскрипывал слабо, как голодные горожане передвигали ноги. След от полозьев заметался кусочком снежно-белой простыни, чуть свисавшей со скорбного груза. Скоро ещё один «сугроб» пополнит стихийный склад мёртвых. Когда-то живой, человек в белой простыне теперь станет лишь частью братской могилы – голод не смотрит на чьи-то заслуги, он забирает с собой.

Суровая зима 1942 года сохранила его облик даже спустя месяц. Двадцать семь дней тело пролежало в одной из комнат ледяной квартиры, продолжая защищать своих близких и после смерти – продовольственная карточка всё ещё действовала, хотя еда человеку была уже не нужна. Зато она была нужна его жене и её родным, чтобы попытаться выжить.

И вот теперь двадцатичетырёхлетняя девушка везёт своего тридцатилетнего мужа, зашитого в простыню, на санках к месту, откуда его заберут навсегда. У него не будет ни могилы, ни даже гроба – в городе не хватает места и досок. Ему уготовано лежать в земле вместе с тысячами других ленинградцев, которые проиграли голоду и морозу.

Безразлично к чужому горю падает снег, забирая одних и сохраняя других – мороз не даёт распространиться эпидемии, а лёд на Ладоге обеспечивает единственную связь с большой землёй – Ледовую дорогу жизни.

Человеку на санках уже не холодно. Он стал частью этой блокадной зимы, растворившись в её жестоких объятиях. От него даже не осталось строчки на могильном камне. Только память неродных ему потомков.

2. Шампанское

В буржуйке тихо потрескивает огонь. Это горят книги. Дрова кончились уже давно. Жечь мелованную бумагу тяжело, но книги – единственное, что отделяет живых людей от стучащегося в окна мороза, желающего забрать их с собой в темноту. Держались до последнего – но сейчас наименее ценные экземпляры всё же оказались в печи.

В углу на холодной кровати лежит девушка, недавно похоронившая своего мужа. Она не чувствует холода – температура её тела уже выше сорока градусов. Кажется таким абсурдным – умирать от больного зуба. И тем не менее это так. Два дня назад ей просто не хватило сил дойти до дома. Голод поймал её в свои холодные тощие руки по дороге. Сил не осталось совсем – она упала на холодный блокадный снег, который казался сейчас мягкой периной. Страха не было, на него нет сил. Ещё немного, и всё это кончится. Но как же мама, папа, сестра…

Очнулась она в подъезде, незнакомая женщина стояла рядом. В руках у неё был небольшой кусочек хлеба, посыпанного сахаром – «Ешь, тебе ещё рано умирать».

И она съела эту частичку жизни, лишь благодарно взглянув на человека, рисковавшего собственной жизнью ради спасения незнакомки.

Хлеб помог ей дойти до дома, но холодная земля сделала своё дело: зуб был застужен, и воспаление всё распространялось. Лекарства в городе кончились уже давно, остановить инфекцию было нечем. Как же глупо – умирать в двадцать четыре года от зубной боли.

В комнату вошёл отец. До войны он был профессором психиатрии, но медицинское образование Военно-медицинской академии – широкое.

Протянул бутылку шампанского – частичку старого безвоенного мира. Раньше его подавали к семейному ужину, а теперь эта бутылка – единственный путь к спасению. Шампанское – сильный антисептик, и если прополоскать им рот, шанс на выздоровление будет.

На следующий день температура упала. Нет, её время умирать ещё не пришло. Она должна жить за двоих. За себя и за своего мужа, тело которого она везла на санках навстречу пустоте.

3. Смерть

Холод сковал дома. Когда-то величественные, горящие огнями тысяч свечей на торжественных приёмах и балах, теперь они зияют пустыми глазницами окон. Словно внимательные и отстранённые чёрные зрачки смерти бесстрастно наблюдают за полуживыми горожанами. Да, она рядом. Её можно почувствовать, легонько прикоснувшись посиневшей рукой к промёрзшим стенам. Или ощутив губами вкус блокадного хлеба. Или взглянув на заметённые снегом бугорки, из-под которых ещё виднеется лоскут белой материи.

В одном из безразлично смотрящих на голодных прохожих окон ещё теплится слабый огонёк. Буржуйка продолжает скудно освещать и согревать комнату. Пока горит огонь, есть ещё надежда.

Но вот огонёк становится всё слабее, свет в окне уже почти не прорезает вечернюю тьму. Догорает последняя ножка стула, тусклыми лучами освещая лица четырёх человек. Мысленно они уже далеки отсюда, на их осунувшихся лицах с заостренными носами покой. Грудь ещё вздымается, рефлекторно перегоняя единственное, что есть в достатке в Ленинграде – морозный воздух. В углу, на одной из кроватей, женщина прижимает к себе мальчика, но тепло её тела уже ему не нужно. Последнее, что его глаза видели во тьме – искры от догорающего пламени. Они звали его с собой. Туда, где тепло и нет голода. Туда, где люди наконец перестанут убивать друг друга.

Гаснет пламя. Как тлеющие угли, уходят последние члены семьи, которые проиграли эту смертельную схватку. Сразу четверых унесла смерть в своём белом снежном саване.

4. Рынок

Замотанные в разнообразные лохмотья скелеты медленно передвигаются сквозь толпу других таких же людей. Их посиневшие руки бережно прижимают к груди небольшие кульки с самым дорогим, что осталось. В кульках – бриллиантовые серьги, кольца с разнообразными камнями, золотые часы, причудливые запонки. Все эти потерявшие свою ценность в голодном городе вещи живые трупы собираются выменять

на хлеб или другую еду. Но ростовщики – те, кто имеет доступ к продуктовой кормушке – привередливы: они долго рассматривают товар, а потом уходят в поисках лучшего предложения.

Есть среди обитателей рынка и необычные люди: лица у них полные, на щеках странный румянец, черты лица одновременно и мягкие, и отталкивающие. И товар у них необычный – мясной бульон, котлеты, студень.

Девушка, сжимающая в маленьких окоченевших руках заветный кулёчек с драгоценностями, знает, что покупать у них ничего нельзя. Разум её чист: откуда в блокадном городе мясо? Даже крыс на улицах сейчас не увидишь. А вот мёртвых людей – с избытком…

Кто-то трогает её за плечо: предлагают хлеб. Буханку. Девушка раскрывает кулёк. В платочке золотые серьги. В центре большая голубая бирюза, а по краям – венок из крупных прозрачных бриллиантов.

Слышится нечеловеческий вой: «карточку укралиииии». Торговец хлебом сразу же скрывается в толпе. Чуть поодаль на снег опадает гора лохмотьев. Человека в ней не видно, слишком он худой. Он ложится на снег и больше уже не встанет. Потеря карточки означает смерть.

5. Ящик

Голод убивает медленно, мучительно. Без еды можно прожить значительное время, а если поддерживать существование 125-ю граммами хлеба в день, тянуть можно долго. Но любой, даже самый стойкий организм, однажды сдаётся.

Холод, царящий в комнате, лишь усугубляет положение. Тело требует энергии, чтобы согреться. Но произвести её не из чего – даже крошки в доме нет уже давно.

Женщина в большом сером платке медленно встаёт с кровати и идёт по тёмному коридору в дальнюю комнату. Её не открывали уже очень давно: обогревать большую квартиру нет смысла. Драгоценное тепло нужно экономить.

В комнате стоит старинный красного дерева буфет – подарок на свадьбу то ли бабушке с дедушкой, то ли прабабушке. Вспомнить сейчас сложно, голодный истощённый мозг отказывается работать.

Красное дерево – это массив, горит оно долго. Женщина вынимает один из ящиков. Как же это тяжело. Ведь ящик совсем пуст, а так тяжело.

Хотя нет, в глубине ящика что-то есть. Какие-то коробки. Так вот почему у него такой вес.

Женщина аккуратно ставит ящик на пол: в нём чай, соль, сахар. Каждого – целая пачка! Как же все могли забыть про такое богатство? Вот же оно, столько времени рядом пролежало!

Спасены. По крайней мере, ещё месяц они будут жить. А дальше будет видно.

6. Собака

Под лоснившейся когда-то коричневой шерстью теперь видны только рёбра. Голова на тощих лапах больше напоминает череп собаки из анатомического театра. Обрубок хвоста всё ещё пытается приветствовать возвращающихся с мороза хозяев, но сил для этого уже не осталось.

Тор – боксёр, чемпион множества выставок, представитель славной собачьей родословной. Только домашние зовут его Тором, для остальных он Тор Гаудиум Эгалитэ. Но сейчас он – лишь ещё одна живая душа, которая мёрзнет и голодает.

Двух его сыновей усыпили, когда была объявлена война. Наверно, они не понимали, что это единственный способ уберечь их от страшной гибели – голода или голодного горожанина.

Тора у хозяев не хватило духа усыпить. Он так посмотрел им в глаза, что сразу стало понятно: старый пёс не простит им предательства. Он будет с ними до конца.

Несмотря на то, что каждый из семьи ежедневно делился с Тором своим пайком, большому псу этого было, конечно, мало. Собака не человек, приспособиться к условиям ей сложнее. Сейчас Тор мог только лежать и смотреть в пустоту, вспоминая своё щенячье детство.

Вот они вместе с хозяином идут на первую выставку. Тор ещё совсем маленький и случайно проваливается в глубокую лужу. Она холодная, но тёплые руки хозяина бережно поднимают его и укутывают во что-то мягкое.

Белая простыня полностью закрывает тело собаки. В неплотно сжатых зубах – крошечный сухарик. Сегодня вечером хозяева выроют яму в мёрзлой земле и опустят туда горстку костей, обтянутых тонкой коричневой кожей. Ты был как член семьи, Тор, покойся же, как положено.

АЛЕКСАНДР КОЛТАКОВ

г. Новокузнецк

КАК Я СТАЛ СКАЗОЧНИКОМ
рассказ

Каждый ребёнок мечтает поскорее стать взрослым. Каждый взрослый с годами всё чаще хочет вернуться хотя бы на день в детство. Мечты детей сбываются: не так быстро, как им хотелось бы, и порою не так красиво, как представлялось, но всё же…

У взрослых гораздо сложнее. Они могут вернуться в детство только благодаря своим воспоминаниям. Чем счастливее было то время, тем больше воспоминаний. Так уж устроены малыши – запоминают всё хорошее и забывают плохое. Лично у меня настоящее возвращение в детство происходит во сне.

Сначала в голове появляются самые дорогие сердцу воспоминания: ласковые мамины руки, пасхальные куличи и булочки добрейшей бабушки, весёлый смех ещё молодого отца. Происходит знакомое и трепетно-приятное погружение в волны бескорыстной любви и добра, исходившие от близких тебе людей. Возможно, это и есть ощущение настоящего счастья.

Следом постепенно всплывают из далёкого прошлого какие-то картинки, имеющие свои запахи, звуки, цвета, и вот уже целые эпизоды из прошлой жизни, пропущенные через фантазийное детское восприятие окружающего мира, превращаются порой в необыкновенные, увлекательные истории.

После очередного такого путешествия в сказочную страну под названием «детство» на сердце остаётся светлая грусть и великая благодарность небесам за неповторимые и удивительные годы. Воспоминаниями непременно хочется с кем-нибудь поделиться, чтобы уже не забылись и, быть может, так же взволновали или обрадовали чью-то душу.

С этой минуты я уже не старый ворчливый дед, а, как и полагается, – добрый, седой сказочник. Усаживаю рядом своих внуков и начинаю очередную историю-сказку из давно ушедшего детства когда-то таких же мальчишек и девчонок, как они. Вот одна из них…

Давным-давно, когда мне было всего шесть лет, я считался очень общительным и шустрым ребёнком. Дружил со всеми мальчишками и девчонками нашего двора. Они часто называли меня Шуриком. Я не обижался, Шурик – не Шарик.

Однажды в середине лета я с мамой пришёл на вокзал встречать нашу бабушку Надю. На улице было очень жарко. До прибытия поезда оставалось ещё какое-то время, и мама встала в очередь к киоску за мороженым. Я уселся неподалёку на привокзальную скамейку и стал от нечего делать болтать ногами.

Вдруг рядом со мной сел дядя в военной форме. Он был не просто солдат, а самый настоящий командир, потому что на плечах у него я увидел погоны с двумя полосками и большой звёздочкой. К тому же на голове находилась фуражка, а не пилотка.

Я украдкой рассматривал красивую форму, мужественное лицо настоящего защитника Родины и маленький чёрный чемоданчик на его коленях. Неодобрительно наблюдал, как он прикуривал сигарету, затем сморщил нос и фыркнул, оттоняя рукою дым. Командир повернулся ко мне, улыбнулся, затушил сигарету и бросил её в урну.

– Как тебя зовут, малой? – обратился он ко мне, продолжая приветливо улыбаться.

– Александр, – сурово и с достоинством, как мне казалось, ответил ему.

– Ну, будем знакомы, тёзка, – улыбнулся он и протянул руку. – Я тоже Александр. Хочешь быть военным?

Молча кивнул в ответ головой. Вообще-то, ещё вчера хотел быть пожарным – огнеборцем отважным, но с этой минуты раз и навсегда решил быть защитником Родины.

Новый знакомый посмотрел на часы, потом в мою сторону, открыл свой чемоданчик, вынул погоны и протянул их мне: «Держи, тёзка, на память». Быстро поднялся и бодро зашагал прочь.

Надо было сказать ему хотя бы спасибо, но от такого неожиданного подарка вдруг перехватило дыхание. Я сидел, словно заворожённый, и рассматривал погоны. На каждом было по четыре звёздочки, по одной полоске, а ещё щит с двумя мечами. Сразу было понятно, что он и есть: самый главный защитник всех нас и нашей большой Родины.

Подошла мама, протянула мне мороженое и удивлённо спросила:

– Откуда у тебя это?

– Дядя командир подарил, – машинально ответил я, не отрывая взгляда от волшебного подарка.

– Надо же, на минуту отошла, а он уже сидит одаренный.

Потом прибыл наш поезд, и мы встретили бабушку. Я её очень любил. Она тоже нас любила, каждый раз привозила много вкусных подарков и если долго гостила, то перед сном всегда читала мне сказки. Иногда просто болтали с ней о жизни. Я рассказывал, что было со мной за день, а она – как жила раньше.

Вот и в этот раз она привезла целую кучу деревенских гостинцев, долго подавала их из тамбура вагона, а мама принимала и складывала все сумки на перрон. Наконец бабушка вышла, стала обнимать и целовать меня, заодно громко охать-ахать, удивляясь, как я сильно подрос за этот год. В общем, все мы были очень рады нашей встрече. Потом я не утерпел и показал погоны бабушке, а маму попросил пришить их к рубашке.

Она рассмеялась:

– Они тебе большие – будут, как крылья торчать.

– Ну и пусть. Даже ещё лучше – стану крылатым командиром-защитником.

– Ладно, – согласилась мама, – только не сегодня. Хорошо?

Когда пришли домой, я сразу умчался на улицу показать ребятам нашего двора своё сокровище. Все жутко завидовали, чего только не предлагали за них: и машинки, и значки, даже новенький пистолет с пистонами. Я был непреклонен, как настоящий воин.

Вечером бабушке стало плохо. Вызывали скорую. Приезжал доктор, ставил укол. Мама плакала, папа ходил хмурый.

Я сам лёг в кроватку, без всяких уговоров, понимал, что взрослым сейчас не до меня. Смотрел в окно на звёздное небо и изо всех сил сдерживал слёзы. Было очень жалко бабу Надю – вдруг она совсем разболеется! Её увезут надолго или даже навсегда в больницу, и мы все останемся без нашей самой доброй на свете бабушки и её вкусных блинчиков. Как ей помочь? Вот бы достать живой воды, как в сказках, или найти волшебную палочку! В голове стали всплывать волшебные заклинания: «По щучьему велению, по моему хотению... Ты лети, лети листок… Быть по-моему вели…».

Вдруг окно стало постепенно исчезать. Дохнуло прохладным ветерком, и в комнате появился гусь-лебедь, но не белый, как в сказках, а звёздный, состоящий из тёмной пустоты и маленьких мерцающих звёздочек.

Лебедь подошёл к моей кроватке и сказал:

– Я знаю, где есть живая вода для бабушки, могу отвезти, но там очень опасно. Не побоишься?

– Отвези, пожалуйста, мне не может быть страшно, я – великий воин-защитник, вот доказательство! – достал из-под подушки и показал ему погоны. Гусь удовлетворённо кивнул.

Я быстро оделся, взобрался ему на шею, и мы отправились прямо в ночное небо. Долго летели среди больших и маленьких звёзд, мимо ярких вспышек, чьих-то теней, странных звуков и каких-то каменных обломков. Видели, как пронёсся над нами дядька Черномор с богатырём, держащим его за длинную бороду. Незнайка с Луны долго махал вслед рукою, а барон, пролетавший мимо на ядре, галантно снял шляпу и поздоровался.

Наконец подлетели к огромной скале, из которой бил родник с живою водой. Рядом с ним стоял освещённый двумя факелами каменный трон. На нём сидел самый страшный и ужасный Кощей Бессмертный и следил, чтобы никто не приближался к заветному источнику. В этом ему помогали верные слуги: ядовитые змеи и огромные пауки.

Я слез с гуся и подошёл к трону. Змеи громко зашипели, а пауки угрожающе зашевелились на своих липучих паутинах. В кармане моём лежали погоны, но всё равно было боязно. Жалко, что мама не успела пришить их куда надо. Тогда бы точно боялись они, а не я.

Кощей держал в руках огромный меч, поигрывал им и ухмылялся. Глаза горели красным светом, а из ушей выходили кольца чёрного дыма. Мне нечем было с ним сражаться, даже игрушечный пистолет и тот остался дома.

Пришлось Кощея просить:

– Не сердись Кощей Бессмертный, дай для бабушки воды, первый раз в своей жизни хоть кому-то помоги.

Кощей явно не ожидал такого разговора, даже меч выронил, а из ушей дым перестал пускать. Целую минуту не знал, что сказать, а потом заговорил своим противным голосом:

– Хорошо, не буду драться, дам воды, а что взамен?

– У меня ничего нет, я ещё маленький.

– А что у тебя в кармане?

– Погоны. Дядя командир сегодня подарил.

– Давай меняться: я тебе – воду, а ты мне – погоны.

Очень жалко было расставаться с ними, но по-другому бабушку не спасти. Отдал свой бесценный подарок, получил взамен маленький фиолетовый флакон с живою водой.

Кощей сразу нацепил погоны на свои плечи. Звёзды на них загорелись кровавым цветом. Тотчас из глаз злодея посыпались искры, а из ушей дым столбом пошёл. «Я теперь самый главный злодейский командир на свете! – страшным голосом закричал он. – Всех убью и завоюю»!

Что было дальше – не знаю. Быстро сел на волшебного гуся, и мы отправились обратно.

Когда подлетали к дому, решил попробовать живой воды. Очень было интересно – какая она на вкус. Открыл флакончик, капнул чуть-чуть на язык. Вкуса не было, но стало удивительно легко. Я понял, что сам могу летать, отпустил шею лебедя и полетел рядом. «Спасибо тебе, – сказал своему звёздному другу, – дальше доберусь сам».

Гусь остановил свой полёт, помахал мне на прощание крылом и сказал: «Прощай, хороший мальчик, я всегда помогу тебе в трудную минуту, а о погонах не печалься, они сделали своё дело – ты уже стал настоящим защитником». Затем он развернулся и через мгновение исчез, слившись с ночным небом.

Я влетел в своё окно, осторожно зашёл в комнату бабушки и вылил содержимое флакона в стакан с водой, который стоял на её тумбочке. Довольный, что всё получилось, вернулся к себе и улёгся спать.

Утром в мою комнату вошла баба Надя, чтобы показать, какие она испекла блинчики и сказать, что пора давно уже вставать, а то всё на свете опять просплю.

Я с тревогой спросил:

– Бабуль, как твоё здоровье?

– Теперь гораздо лучше. С божьей помощью всё обошлось, не переживай.

Мне стало весело. Знала бы она, с чьей помощью выздоровела. Я на минуту представил себя Богом. Получилось смешно.

Зашла мама:

– Давай свои погоны. Пришью, пока будешь завтракать.

– Я их потерял, – пришлось впервые соврать маме. Наверное, потому, что моя невероятная история была похожа на сказку, а взрослые, к сожалению, в сказки не верят.

– Эх, ты, Саша-потеряша! – улыбнулась она и погладила меня по голове.

Когда взрослые вышли, я встал с кровати, чтобы надеть штаны. Из кармана выпали погоны. От неожиданности сел обратно. Неужели всё приснилось?

Машинально засунул руку в другой карман и вынул уже знакомый флакон. Он был пуст. Так вот в чём дело! Пока я спал, Кощей всю злобу мира в себя набирал. Столько набрал, что лопнул от злости и разлетелся на тысячи кусочков по всем закоулочкам. Слуги его верные: змеи и пауки разбежались во все стороны собирать те кусочки, чтобы собрать злодея заново. Не зря же Кощей был бессмертным, а про погоны в этой суете все и забыли! Волшебная птица нашла и вернула их мне, чтобы не расстраивался.

Невероятно счастливый я улыбнулся и тихо прошептал: «Спасибо тебе, звёздный гусь, ты настоящий друг!».

Вот такая история приключилась со мной много-много лет назад.

Я закончил свой рассказ и с удовольствием наблюдаю за внучатами. Они ещё какое-то время продолжают неподвижно сидеть с широко раскрытыми глазами. В них читается восторг и сомнение в правдивости услышанной уже не в первый раз истории.

Тогда в подтверждение моих слов я достаю из заветной коробочки своё детское сокровище – капитанские погоны военного юриста уже несуществующей страны и флакончик давно забытых духов. Они верят, я – тоже.

Бабы Нади давно уже нет на этом свете. Она где-то там, на небесах, с моим волшебным другом пьёт чай и кушает блинчики; вместе с ним радуется и переживает за меня.

Наверное, поэтому люблю смотреть на ночное небо, подсвеченное тысячами звёзд. Их свет приносит с собой успокоение, надежду и веру в свои силы. Иногда мне кажется, что вижу там гуся, который катает на себе по Млечному пути очередного маленького мальчика, очень похожего на меня в детстве. Малыш иногда поднимает руку и слегка касается какой-нибудь звезды. Она срывается с неба и падает. Он хохочет и радостно болтает ножками.

Я смотрю на летящий вниз по тёмному небосводу очередной огонёк и мысленно желаю юному путешественнику: «Будь счастлив, малыш! Радуйся окружающему тебя миру. Знай – только в детстве люди могут летать по небу, как птицы, и искренне верить в волшебство. Не торопись покидать эту сказку и не спеши опускаться на землю во взрослую жизнь. Придёт время… всему своё время».

«КАМЕРА-ОБСКУРА»

ЕВГЕНИЙ ДЕМЕНОК

ПОЭТ ВАСИЛИЙ ТУМАНСКИЙ ГЛАЗАМИ ФУТУРИСТА

«Беседа о забытом поэте» – так назвал Давид Бурлюк свою заметку, опубликованную 29 октября 1933 года в нью-йоркской газете «Русский голос». Речь в ней шла о Василии Ивановиче Туманском.

Название это было, безусловно, актуальным для эмигрантских кругов, которые и составляли читательскую аудиторию «Русского голоса». Давид Давидович, выбравший для себя с первых дней работы в газете роль просветителя, публиковал многочисленные очерки и заметки о художниках, скульпторах, литераторах, музыкантах. Чаще всего это были его современники и даже друзья, но обращался он и к творчеству Пушкина, Гоголя и даже Державина (в контексте обсуждения книги Д. Благого «Три века»). И всё же заметка о Туманском выглядит удивительной, потому что имя его действительно вспоминалось и упоминалось крайне редко.

Однако были и исключения. Например, в Одессе о Василии Ивановиче Туманском никогда не забывали – в первую очередь, конечно же, благодаря Пушкину.

Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на неё взирал.
Приехав, он прямым поэтом
Пошёл бродить с своим лорнетом
Один над морем – и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.

Этот отрывок из «Евгения Онегина» – о Туманском и его стихотворении «Одесса» – широко известен. Стихотворение было написано в 1824 году. Вот оно:

В стране, прославленной молвою бранных дней,
Где долго небеса отрада для очей,
Где тополы шумят, синеют грозны воды, –
Сын хлада изумлён сиянием природы.
Под лёгкой сению вечерних облаков
Здесь упоительно дыхание садов.
Здесь ночи тёплые, луной и негой полны,
На злачные брега, на сребряные волны
Сзывают юношей весёлые рои…
И с пеной по морю расходятся ладьи.
Здесь – тихой осени надежда и услада –
Холмы увенчаны кистями винограда.

И девы, томные наперсницы забав,
Потупя быстрый взор иль очи приподняв,
Равно прекрасные, сгорают наслажденьем
И душу странника томят недоуменьем.

Именно Туманскому принадлежит фраза о том, что «Отрывки из путешествия Онегина», в которых так много строк посвящены Одессе, являются «грамотой на бессмертие для нашего города». Он писал это Пушкину 20 апреля 1827 года:

«По прошедшей почте послал я тебе „Одесский вестник“, который издаём мы здесь общими силами. Прими его, как знак нашего уважения к тебе, Главе Русской Поэзии. В будущем No. мы осмеливаемся напечатать, любезный Пушкин, твоё описание Одессы, оно принадлежит нам по праву, ибо в нём заключается *грамота на бессмертие* для нашего города».[1]

Более того – рукопись с этой самой главой о путешествиях Онегина вообще некоторое время находилась у Туманского. Скорее всего, Пушкин отдал её Туманскому в 1826 году в Москве. В феврале 1827 года он писал ему в Одессу:

«Милый мой Туманский – ты, верно, ко мне писал, потому что, верно, меня любишь по-старому, но я не получал от тебя ни строчки. Уж не почта ли виновата? – справься и возьми свои меры. <…> Подкрепи нас прозою своею и утешь стихами. Прощай, пришли „Одессу“, мой отрывок».[2]

Василий Иванович Туманский родился 11 марта (28 февраля по старому стилю) 1800 года в селе Чарториги Глуховского уезда Черниговской губернии (ныне – село Шевченково Глуховского района Сумской области) в имении своего деда – Василия Григорьевича Туманского. Здесь Василий Иванович провёл первые два года жизни. Затем родители увезли его в своё имение – село Апанасовку Гадячского уезда Полтавской губернии (ныне – село Панасовка Липоводолинского района Сумской области). Он учился в Харьковской гимназии, а после смерти матери в 1814 году – в столичном Петропавловском училище, которое окончил в 1818 году. Продолжил образование в Париже, в *College de France*, в 1821 году вернулся в Россию. В Санкт-Петербурге Туманский сблизился с кругом будущих декабристов – стал членом Вольного общества российской словесности, познакомился с Крыловым, Рылеевым, Дельвигом, братьями Бестужевыми, Измайловым, Кюхельбекером и другими. Первоё своё стихотворение, элегию «Поле Бородинского сражения», опубликовал ещё в 17 лет. Элегии надолго станут его излюбленной стихотворной формой.

Вот, например, написанная в 1825 году в Одессе элегия «Не озабочен жизнью я»:

…Равно мой ум и сердце праздны:
Как бой часов однообразный,
Однообразна жизнь моя.

Напрасно возвратить я мнил
Под благосклонным небом Юга
Напевы счастья и досуга
И бодрость юношеских сил.

Напрасно сердце обновить
Алкал любви очарованьем
Иль славы гордым обладаньем
Любви потерю заменить.

Не изменился жребий мой!
Я вяну, скукой изнурённый,
Как вянет цвет, перенесённый
Под небо родины чужой.

Олег Губарь пишет: «Когда весной 1823 года граф М.С Воронцов подбирал кандидатуры в штат своей будущей канцелярии, вероятно, по чьей-то протекции, взял старательного, благонамеренного, скромного и „нигде не служившего дворянина“ Туманского в формируемую команду, поначалу даже без жалованья, и лишь с 17 декабря молодой человек официально определён в службу актуариусом.

Василий Иванович, как и А.С. Пушкин, числился при Новороссийском генерал-губернаторе по ведомству Коллегии иностранных дел. Пушкин относился к нему с иронической симпатией, увековечив в „Путешествии Онегина“ упоминанием о романтическом стихотворении Туманского „ Одесса“. *„Здесь упоительно дыхание садов“,* – восторгается последний, тогда как на самом деле Городской, Ботанический сады и Городская плантация пребывали тогда в зачаточном состоянии. „Насильственная тень“ – в одной пушкинской метафоре больше художественной силы и правды, нежели во всем опусе его одесского приятеля».[3]

Первые встречи Туманского с Пушкиным почти наверняка произошли ещё в 1817-19 годах в Санкт-Петербурге. В 1819 году, во время поездки в Париж, он сближается с Кюхельбекером, посвятившим ему свои стихи, вдохновленные греческим восстанием («К Ахатесу»).

К АХАТЕСУ

Ахатес, Ахатес! Ты слышишь ли глас,
Зовущий на битву, на подвиги нас?
Мой пламенный юноша, вспрянь!
О друг, полетим на священную брань!

Кипит в наших жилах весёлая кровь,
К бессмертью, к свободе пылает любовь,
Мы смелы, мы молоды: нам
Лететь к Марафонским, святым знаменам!

Нет! нет! – не останусь в убийственном сне,
В бесчестной, глухой, гробовой тишине;
Так! ждёт меня сладостный бой –
И если паду, я паду как герой.

И в вольность, и в славу, как я, ты влюблён,
Навеки со мною душой сопряжён!
Мы вместе помчимся туда,
Туда, где восходит свободы звезда!

Огонь запылал в возвышенных сердцах:
Эллада бросает оковы во прах!
Ахатес! нас предки зовут –
О, скоро ль начнём мы божественный труд!

Мы презрим и негу, и роскошь, и лень.
Настанет для нас тот торжественный день,
Когда за отчизну наш меч
Впервые возблещет средь радостных сеч!

Тогда, как раздастся громов перекат,
Свинец зашипит, загорится булат, –
В тот сумрачный, пламенный пир,
«Что любим свободу», поверит нам мир!

Апрель 1821
Париж

После возвращения в Петербург, попав в орбиту декабристов, Василий Туманский становится постоянным участником «Полярной звезды».

Близкое знакомство с Пушкиным состоялось уже в Одессе. «25 августа 1823 года Пушкин сообщает брату о Туманском как об общем знакомом; судя по письму, его несколько раздражала юношеская восторженность Туманского, и он стремился сохранить в отношениях с ним известную дистанцию. Столь же ироническое отношение вызывает у него творчество Туманского-элегика; в формуле „мой Коншин“ (письмо брату от конца января – первой половины февраля 1825 г.) есть прямое указание на подражательность стихов Туманского: Н.М. Коншин имел репутацию „поэтической тени“ Баратынского (ср. также в письме Пушкина к А.А. Бестужеву от 12 января 1824 г.: „Он славный малый, но как поэта я не люблю его“). Этой иронией слегка окрашен и поэтический портрет Туманского в „Путешествии Онегина“. Тем не менее, в целом отношение Пушкина к личности Туманского благожелательно; через него Пушкин осуществляет связь с петербургскими литературными кругами, прежде всего с „Полярной звездой“. Первое из известных нам писем Пушкина Туманскому, содержащее деловое поручение, вряд ли могло стать началом систематической переписки. Положение несколько меняется в 1826-1827 годы, в переломный период биографии Пушкина, после его приезда в Москву из Михайловской ссылки. В эти же дни в Москве находится и Туманский».[4]

Там, в Москве, Туманский читает Пушкину свою эпиграмму «Давно ли в шёлковых чулках». Скорее всего, в те же дни Пушкин дарит Туманскому тот самый свой «отрывок об Одессе» и знакомит его со своими стихами на смерть А. Ризнич («Под небом голубым страны своей родной…»). Об этих стихах Туманский упоминает в письме от 2 марта 1827 года – а так как опубликованы они не были, то, без сомнения, стали известны Туманскому в дни его общения с Пушкиным. «Тогда же он познакомил Пушкина и со своими стихами, посвящёнными памяти Ризнич, „На кончину Р<изнич>“, написанными годом ранее и ныне переданными им в альманах „Северная лира“. В альманахе они появились с посвящением Пушкину, которого не было в автографе; такое посвящение требовало согласия адресата и появилось, конечно, в те же осенние дни 1826 года».[5]

Вот этот сонет, написанный в Одессе в июле 1825 года:

НА КОНЧІНУ Р.....

СОНЕТ
(Посвящ. А. С. Пушкину)

Ты на земле была любви подруга:
Твои уста дышали слаще роз,
В живых очах, не созданных для слёз,
Горела страсть, блистало небо Юга.

К твоим стопам с горячностию друга
Склонялся мир – твои оковы нес;
Но Гименей, как северный мороз,
Убил цветок полуденного луга.

И где ж теперь поклонников твоих
Блестящий рой? где страстные рыданья?
Взгляни: к другим уж их влекут желанья,

Уж новый огнь волнует души их;
И для тебя сей голос струн чужих -
Единственный завет воспоминанья!

Несколько скептическое отношение Пушкина к Туманскому к этому времени полностью меняется, соответственно меняются и отзывы Пушкина о Туманском: и «Греческая песнь», и «К одесским друзьям», по мнению Пушкина, «отличаются гармонией, точностью слова и обличают решительный талант».[6]

Последняя встреча Туманского с Пушкиным состоялась в январе 1931 года в Москве. «„Пушкин радовался, как ребёнок, моему приезду, – писал он С.Г. Туманской 16 марта 1831 года, – оставил меня обедать у себя и чрезвычайно мило познакомил меня с своею пригожею женою“».[7]

До нас дошли два письма Пушкина к Туманскому и три письма Туманского к Пушкину.

Ну что же, самое время привести заметку Давида Бурлюка.

«БЕСЕДА О ЗАБЫТОМ ПОЭТЕ

„Муж почитаемый в сердцах не умирает,
И из самой вечности бросает тень свою“
В.И. Туманский, 1817

Следует пишущей братии почаще иметь дело с миром книги. Былой и нынешней.

Заходите в библиотеку; берите книги, перелистывайте их. Беседуйте с живыми и мёртвыми. (Русское слово „книга“ произошло из греческого „гноско“, что значит – узнаю).

Книга – путь к познанию. Замок мудрости строится из кирпичей, имя которым – книги. Никто не может отговариваться от чтения книг.

Среди персон пушкинской плеяды, в рядах декабристов были имена: К.О. Рылеева, А.А. Бестужева, Марлинского (<sic!>), В.К. Кюхельбекера.

К А.С. Пушкину был близок В.И. Туманский. Это имя теперь основательно забыто. А именно В.И. Туманскому Пушкин в 1827 году писал: „Подкрепи нас прозою своею и тешь стихами“. Пушкин именовал Туманского „поэтом юга“.

А.С. Пушкин, как известно, был строг к себе и другим; ему принадлежит фраза: „Мало у нас писателей, которые учились бы, большая часть только разучиваются“. Туманский получил хорошее образование, знал языки, переводил с греческого и немецкого.

Я думаю, нашим колониальным любителям литературы будет интересно посмотреть и вспомнить канву былой жизни В.И. Туманского.

Родился 28 февраля 1800 года, умер 23 марта 1860 года, в Апанасовке Полтавской губернии, Гадячского уезда. Поэтическая деятельность В.И. Туманского началась в 1817 году, но он был небрежен к себе и при жизни не приложил старания привести в порядок свои стихи. Стихи собирались, хранились и издавались… другими. Вот результаты.

Но раньше несколько слов о количестве книг, выпускаемых в свет.

Ломоносов в 1751 году издал в свет свои сочинения. Он наметил издать 725 экземпляров, но так как предварительная подписка была удачной, то перерешил и издал 1450 экземпляров. Привожу здесь, чтобы показать на рост массы читательской.

У В.И. Туманского, проживавшего 16 последних лет жизни своей в Старосветской Апанасовке, был друг Г.А. Милорадович. Этот приятель, поклонник поэта, в 1881 году издал „Стихотворения“ Туманского. Они были изданы в количестве 150 экземпляров. Через 10 лет Г.А. Милорадович вновь выступил с изданием трудов Туманского; на сей раз в количестве 100 экземпляров были изданы „Письма“. Оба издания сугубо провинциальны; много промахов, искажений текста. Заедают опечатки. Лишь в 1912 году С.Н. Браиловский выступил со сравнительно очень приличным изданием стихов поэта и его писем.

Вернёмся к датам жизни поэта: в 1823-м В.И. Туманский сослуживец Пушкина в Одессе, в канцелярии Воронцова. В 1825 году встречается с приехавшим в Одессу Мицкевичем, великим польским поэтом.

В 1835 служит в Константинополе. С 1839 по 1846 – служба в Питере, а затем закатные годы жизни на Украйне.

В заключение этого напоминания о поэте Туманском два маленьких кусочка его поэзии».

Увы, скрупулёзный Давид Давидович, который старательно вырезал свои заметки и наклеивал их в большие альбомы, «два маленьких кусочка» поэзии Туманского не сохранил. Мы восполним этот недостаток в конце данной статьи. А теперь хотелось бы более подробно рассказать о жизненном пути Туманского после отъезда в 1828 году из Одессы.

Первое время он служил при председателе диванов княжеств Молдавии и Валахии графе Палене, редактировал там проект Адрианопольского мирного договора между Россией и Турцией. С лета 1835 года был определен на должность второго секретаря Российской дипломатической миссии в Константинополе. Там его поэтическая активность пошла на убыль, известны лишь два написанных там стихотворения, «Дева» и «Дом на Босфоре».

В 1839 году возвращается в Петербург, где получает должность помощника статс-секретаря по экономическим вопросам в Государственном совете. После того, как по поручению барона Корфа он пишет для Николая I очерк об истории Государственного совета России (окончена лишь первая его часть), он получает чин действительного статского советника.

Однако после этого у Василия Ивановича обостряются проблемы со здоровьем, он часто выезжает на лечение, конфликтует с новым государственным секретарём Н. Бахтиным и в итоге в 1846 году обращается к императору с прошением об отставке. Отставка была принята, и в сравнительно молодом возрасте, в сорок шесть лет, он возвращается в места своего детства, в Апанасовку.

Академик, выдающийся украинский правовед Юрий Сергеевич Шемшученко, автор книги «Наш друг Туманский», так рассказывал о последнем периоде жизни поэта:

«В Апанасовке он занялся „агрономией“ и обустройством своего дома. Часто выезжал в Москву, Петербург, Полтаву и на Глуховщину. Имел хорошую библиотеку, выписывал газеты и журналы, вёл обширную переписку, много читал, но поэзией не занимался. Был активным местным общественным деятелем. Состоял почётным попечителем Полтавской гимназии и членом Полтавского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. Незадолго до крестьянской реформы 1861 года подготовил наброски приветственной речи, с которой намеревался выступить перед своими крестьянами в день царского манифеста.

„Считаю себя истинно счастливым, – писал В. Туманский, – что дожил до этого радостного для вас дня… Совесть моя перед вами чиста: я жил с вами всегда в мире, несмотря на крепостное право… Поздравляю с правами гражданства; будьте счастливы, богатейте, живите лучше и учите детей ваших всему доброму и честному“.

Эти наброски стали духовным завещанием Василия Ивановича. Он не дожил до манифеста. 23 марта 1860 года в родном доме остановилось его благородное сердце.

<…>

– Какое литературное наследие оставил после себя В. Туманский?

– До нас дошла только часть прозаических произведений и около 200 стихотворений Василия Ивановича. Это и стихи гражданского звучания, и романтическая лирика. Как отмечал А. Пушкин, произведения В. Туманского „Греческая песнь“ и „К одесским друзьям“ „отличаются гармонией, точностью слова и обличают решительный талант“. В целом его поэзия получила положительную оценку и со стороны таких мэтров литературы, как В. Белинский, Н. Некрасов, Н. Гоголь.

<…>

– В заключение несколько слов о судьбе имений, где родился и умер Василий Иванович?

– Она весьма печальна. Оба имения после смерти В. Туманского оказались в руках его родного брата Владимира, а от него перешли по наследству к сыну последнего Михаилу. Он был заядлым картёжником и фактически промотал имения в Черторигах и Апанасовке. Во время революционных событий 1905-1906 годов оба имения были сожжены разбушевавшейся толпой.

Сейчас в селах Шевченково и Панасовке на Сумщине немногое напоминает о друге А. Пушкина. В первом – это развалины кирпичной ограды да старая липовая аллея на усадьбе Туманских. А во втором – могила В. Туманского во дворе сельской школы с весьма скромным памятником, над которым тихо шумят вечнозеленые ели».[8]

В 1830-е годы, когда возобладала «поэзия мысли», Туманский остался верен элегии, но усилил в ней «объективное», эпическое начало. Его стихотворения стали более конкретными и содержательно более широкими и мудрыми. В эти годы написаны лучшие его стихотворения, среди которых и «Отрады недуга», окончание которого передаёт тихое, умиротворённое и гармоничное спокойствие много пережившего человека.

«Со смертью Пушкина творческий огонь Туманского начал затухать. Из его стихотворений несколько дошло до нашего времени и сохранило художественную ценность. Среди них „Песня“ („Любил я очи голубые…“). Положенная на музыку, она исполняется и ныне.

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в чёрные.
Те были нежные такие,
А эти непокорные.<…>»[9]

Недавно восстановленная могила Василия Ивановича Туманского является теперь главной достопримечательностью Панасовки. И – вот ирония судьбы – оттуда до хутора Семиротовщина, где родился Давид Бурлюк, рукой подать, всего несколько десятков километров. Возможно, в том числе и этим был обусловлен интерес Бурлюка к Туманскому. И, разумеется, Одессой, где оба провели важные годы своей жизни.

В заключение – несколько стихотворений Василия Ивановича Туманского.

ОТРАДЫ НЕДУГА

От всех тревог мирских украдкой
Приятно иногда зимой
С простудой, с лёгкой лихорадкой
Засесть смиренно в угол свой;
Забыв поклоны, сплетни, давку,
И даже модных дам собор,
Как нектар, пить грудную травку
И думам сердца дать простор.

Тогда на зов воображенья,
Привычной верности полны,
Начнут под сень уединенья
Сходиться гости старины:
Воспоминания, виденья,
Любви и молодости сны.
Ум просветлеет; голос внятный
В душе опять заговорит,
И в мир созданий необъятный
Мечта, как птица, улетит…

Пройдут часы самозабвенья,
Посмотришь: день уж далеко,
Уж тело просит усыпленья,
А духу любо и легко, –
Затем что, голубем летая
В надзвездном мире вечных нег,
Он, может быть, хоть ветку рая
Принёс на радость в свой ковчег.

Март 1838

ГРЕЧАНКЕ

Царицей дев наречена
Ты вдохновением поэта;
Гордись! Ты будешь им воспета,
Ты будешь по свету слышна.
На резвых играх Терпсихоры,
Где звон музыки, гул речей,
Мельканье ножек, блеск огней
Обворожают слух и взоры,
Где, удаль праздников любя,
Весельем жарким младость дышит,
Одну тебя он в шуме слышит,
В толпе он зрит одну тебя.
Прелестным станом упоённый,
Влекомый страстною мечтой,
Не раз он в пляске окрылённой
Кружился радостно с тобой.
Когда же локон твой касался
Его влюблённого чела,
Какой в нём трепет разливался!
Как резво кровь его текла!
Гордись, гордись! он в лиру грянет!
Он твой!.. Как бледный цвет пустынь,
Уж ныне в мраке не увянет
Краса, достойная богинь.
Обречена любви и славе,
Двойным увенчана венцом,
Ты в пиитической державе
Предстанешь с царственным челом.
И, веря гордому напеву
Певца, наперсника харит,
Про победительную деву
С восторгом мир заговорит…

Я в дивный пояс Афродиты
Твой стан воздушный облеку;
Сотку из роз твои ланиты,
Из роз твои уста сотку.
В глаза, под гордые ресницы,
Я брошу быстрый огнь зарницы,
И в них зажгу я тихий свет –
Любви таинственный привет.
Как с девственным челом Дианы
Порой играют облака –
То в сребротканые туманы
Её опутают слегка,

То, разбегайся мгновенно,
Как тени творческой мечты,
Вновь кажут ночи усыпленной
Её алмазные черты,–
Так будут кольца шелковые
Летучих облачных кудрей
Играть, небрежно рассыпные,
С красой блистательной твоей.
Я полн твоим очарованьем,
Тебе Олимп я покорю;
Всю блеском дивным озарю,
Всю обовью благоуханьем!
Певца всемощная любовь
Тебя бессмертьем увенчает.
Пою – во мне сам Феб пылает!
А ты награду мне готовь!

13 февраля 1827

ОДЕССКИМ ДРУЗЬЯМ
(Из деревни)

В тиши семейственной, под милою мне сенью,
Предавшись сладкому Поэзии влеченью,
Я сердцем памятным средь неги не забыл
Полуденных друзей, полуденных светил.
С отрадой мысль моя в тот край перелетает,
Где небо, как любовь, приветливо сияет,
Где вьётся виноград, питомец южных стран;
Где ум и взор и слух пленяет океан,
Неумолкающий, необозримый, чудный,
То ясно-голубой, то ярко-изумрудный;
Где служба царская и служба добрых муз
Единомыслием скрепили наш союз.
Но я ль, мои друзья, к противуречьям склонный,
Венчанный розами в отчизне благосклонной,
Вас ныне обману притворною тоской? ..
Нет! весел сердцем я, и весел голос мой.
Завидуйте певца благословенной доле:
Я мыслю и ленюсь и странствую по воле.
Ярмом мирских сует стеснённая душа
Очнулась, ожила, свободою дыша,
И вдохновение в ней гордо пробудилось;
Пред ней грядущее вновь блеском озарилось;
И, обозрев, кляня мой прежний, тёмный путь,
Я силу чувствую на славу посягнуть.
Склониться сладостно к утехам деревенским
Тому, кто, не пристав к несносным сплетням женским,
К условиям невежд, к служению льстецов,
Ценит по-своему блаженство городов,
И, друг Природы, друг святых её уставов,
В душе не ослеплён блестящим прахом нравов.
Здесь тишины моей ничто не возмутит:
Не завернёт ко мне бродяга – езуит,
Народа русского служитель чужеземный,
Россию осквернять хвалой своей наемной;
Напева нового моих горящих струн
Приходом не прервёт городовой болтун,

Как с башни колокол гласящий всенародно,
Где свадьба, где пожар, где праздник благородный,
Я здесь не осуждён в кругу жеманных дам
Учтиво потакать бессмысленным речам
Иль слушать набожно премудрые их толки,
Где вместе: вера, Бог, булавки и иголки…
Я вижу вкруг себя лишь милых мне людей.
Ты здесь, мой лучший друг от юношеских дней,
Усердный гражданин, философ доброхотный,
Поклонник радости и неги беззаботной,
Сестра любимая! очам моим всегда
Ты здесь являешься, как тихая звезда,
И чистотой души мне небо открываешь.
И ты, моя любовь, и ты здесь обитаешь!
Отрада первая моих сердечных дум,
Ты свежестью ума живишь мой праздный ум,
И, как весна, мила, блистательна, как радость,
Усталых чувств моих восстановляешь младость.
О, сколько в сей тиши утех прекрасных мне!
Светило ль дня горит на яркой вышине
И, воздух раскалив, во мрак дубрав сплетенных
Прогонит пастухов, от зноя утомленных;
Иль летних вечеров полупрозрачный свет
Из хижин вызовет для песен и бесед
Толпы весёлых дев, – мы вместе: сном отрадным
Летит наш ясный день. То внемлем ухом жадным
Свободной старины заветную скрижаль,
То, сердцем погрузись в мечтательную даль,
В роскошном трепете и радости и муки
Мы ловим Пушкина пленительные звуки.
Порой лукавый смех, добросердечный спор
Лениво прерванный пробудят разговор,
И быстро бросится душа к предметам новым.
Когда ж, под сумраком всплывая пурпуровым,
Прохладой, тайнами ночей напоена,
На тёмный небосклон подымется луна
И землю усыпит волшебным усыпленьем, –
К ней очи устремив с невольным умиленьем,
В мечтах блуждаем мы над озером своим;
Глядим на бездну вод, на облака глядим,–
И мнится: в облаках мелькают перед нами
Живые образы бесплотными тенями;
И мнится: небеса, дубравы и струи –
Всё полно голоса и ласки и любви,
Как будто бы душа духовной лире внемлет
И в откровениях чудесный мир объемлет.
О други! чья приязнь, чьи тёплые мольбы
Мне столько милых благ исторгли у судьбы?
Сбылись мои мечты, сбылись мои желанья,
Мой рай вокруг меня; сосуд очарованья
Я пью – и, прослезясь, взываю к небесам:
«Как жертва чистая да вознесётся к вам
В сих радостных слезах певца благодаренье;
Вы ниспослали мне и мир и наслажденье,–
Хвала вам! но ещё дерзаю вас молить
Пошлите силу мне ваш дивный дар хранить».

1 Июнь 1826
Ярославец

Примечания:

[1] Цит. по: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_1827_perepiska_s_tumanskim.shtml
[2] Там же
[3] Цит. по: http://odessa-memory.info/index.php?id=620
[4] Цит. по: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_1827_perepiska_s_tumanskim.shtml
[5] Цит. по: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_1827_perepiska_s_tumanskim.shtml
[6] Цит. по: https://traumlibrary.ru/book/pushkin-pss10-07/pushkin-pss10-07.html
[7] Цит. по: http://az.lib.ru/p/pushkin_a_s/text_1827_perepiska_s_tumanskim.shtml
[8] Цит. по: https://zn.ua/SOCIUM/v_nem_mnogo_prekrasnogo.html
[9] Цит. по: https://lit.wikireading.ru/11885

«СЕТЧАТКА»

ЕЛЕНА ВАДЮХИНА

РОДНИКИ ЖИЗНИ МИХАИЛА ПРИШВИНА

С этой далёкой горы моего прошлого и текут все родники моей нынешней жизни.
М.М. Пришвин

Спросите своих друзей, приятелей, что они знают о Пришвине? И вам ответят: замечательный писатель, который лучше всех писал о природе. А каким вы его представляете внешне? Услышите ответ: дедушкой в очках и с собачкой. Добрый дедушка с книжкой и собачкой, попавший четырьмя рассказами, повестью и главами из романа в школьную программу. В мои школьные годы даже этого не изучалось. К сожалению, так считают не только рядовые читатели, но и писатели, мало знакомые с творчеством, биографией и взглядами писателя. В 2017 году завершилась публикация 19 томов дневников Пришвина. Конечно, к ним устремились специалисты, дневниковые записи стали источником изучения целой эпохи жизни нашей страны с 1905 по 1954 год, как для историков, так и для литературоведов. Но для обычного читателя Пришвин так и остался писателем природы для детей.

Признаться, до недавнего времени, я тоже почти ничего не знала о «писце русской природы», как назвал Пришвина Константин Паустовский, пока не посетила вместе с участниками литературной лаборатории «Красная строка» Дом-музей Михаила Пришвина в Дунине. Экскурсовод сразу предупредила нас, что времени мало, так как групп сегодня много, но и то, то мы услышали, было интересно, неожиданно, но и оставило во мне вопросов больше, чем полученной информации, поэтому я тут же приступила к дальнейшему изучению биографии писателя. Возможно, это изучение закончилось бы через два дня, если бы по просьбе руководителя «Красной строки» я не приступила к подготовке доклада о поездке, которая переросла в изучение жизни и творчества Михаила Михайловича Пришвина. При первом знакомстве на экскурсии с личностью писателя, она показалась мне странной и неразгаданной, но каждое моё прочтение пришвинских произведений, статей о его жизни или творчестве открывало мне по-новому этого человека и творца и часто кардинально меняло в моём представлении облик писателя. Вначале создавалось впечатление, что я складываю пазлы картины его жизни. Творчество и мирозрение писателя виделась как океан времени, в котором личность плыла в обретении своей гармонии. Но когда я начала читать автобиографический роман «Кащеева цепь», жизнь писателя мне представилась как поток воды, текущей из маленького и чистого источника, преодолевающего на пути завалы и превратившегося в большую реку, стремящуюся в океан мудрости и гармонии, но тот маленький ручеек не исчез, он растворён в большом потоке.

Своё первое произведение – стихотворение «Веточка малины» Миша написал в детстве:

Скажи мне, веточка малины,
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

Стихотворения Лермонтова «Ветка Палестины» и собственная «Веточка малины» были так близки между собой, что ему казалось, что настоящая его фамилия не купеческая Пришвин, а Лермонтов. Маленький друг, которому он поведал сию тайну, уличил его в обмане, сказав, что так подделать и каждый может, но от этого Лермонтовым не станет. Разоблачение в самообмане породило в нём стыд за писательство

на многие годы, и первый свой рассказ он опубликует только в 33 года. Возраст, до которого Лермонтов не дожил семь лет. Так почему же всё-таки подражание Лермонтову стало его первым самообманом? Когда-то в детстве его с братишкой ставили на колени и заставляли читать молитвы, но какая молитва может быть у пригвождённого к полу ребёнка, и придумал он читать «Ветку Палестины». Это стихотворение он и через годы не мог без слёз прочитать, также, как и лермонтовское «Я Матерь Божия, ныне с молитвою». Поэзия заменила Пришвину религию на многие годы. Именно она породила в нём божественную любовь, которую мы будем чувствовать в каждом его произведении. В автобиографическом романе «Кащеева цепь» маленький Курымушка, так прозвали Мишу из-за кресла Курым, на котором он любил сидеть, слушает, как поёт гостья песню, лучше какой он после уж никогда не слыхал: *«И звук его песни в душе молодой остался без слов, но живой»*. Эта строчка из Лермонтовского «Ангела», написанного как отзвук на воспоминание о чарующей песни его рано ушедшей матери.

Лермонтов с его лирической одухотворённостью природы, благоговением перед божественностью мироздания и ощущением себя в гармонии с небом оказал влияние на юного Пришвина и определил его дальнейшую судьбу. На закате своих лет, приступая к последнему роману, Пришвин написал в дневнике, перефразируя Лермонтова: *«И какой это кремнистый путь, и как больно ступать по кремням босою ногой. Но я слышу, как звезда с звездою говорит, и иду…»*. И в конце жизни писателя стихи Лермонтова звучат как заповедь.

Не правда ли, в детстве двух русских писателей было много схожего и много различий, сыгравших роль в их судьбах. Михаил Михайлович (замечу, тезка великого поэта) появился на свет 4 февраля 1873 года в барской усадьбе Хрущёво-Лёвшино Елецкого уезда, купленной дедом, богатейшим елецким купцом. Дом был дворянский с садом, цветником, созданным его отцом, но заросшим после его смерти. В такой усадьбе хорошо мечтать, но в отличие от Лермонтова, Миша рос в купеческой семье, и несоответствие семьи дворянским культурным нормам мальчиком ощущалось остро, особенно в моменты приезда в гости господ. Ребёнок чувствовал себя в усадьберяженым принцем. Отца будущего писателя поразил удар после полного банкротства, когда Мише было семь лет. Перед смертью он успел нарисовать маленькому сыну голубых бобров – свою мечту, которую не успел реализовать. Михаил Лермонтов тоже воспитывался без отца в женском окружении, не застал он и деда Михаила Васильевича Арсеньева, который был до женитьбы помещиком опять же Елецкого уезда. В это имение приезжал и Лермонтов к родственникам. Дед Лермонтова был создателем парка в Тарханах, и здесь совпадают интересы предков поэта и писателя. Оба увлекались цветоводством. Есть ещё одно удивительное совпадение. Автобиографический роман Пришвина «Кащеева цепь» во многом и по стилю, и по сюжетным перипетиям героя напоминает произведение Бунина, тоже выходца из Елецкого уезда и даже учившегося вместе с Пришвиным в одной гимназии одновременно, правда, неизвестно, общались ли они в то время. Произведение это называется «Жизнь Арсеньева». Оно также написано от имени писателя, в том числе о формировании творческого литературного потенциала в раннем возрасте. Многие литературоведы указывали на внутреннюю близость Арсеньева Лермонтову. Интересно, что несмотря на большую близость двух биографических романов ни Пришвин, ни Бунин не читали романов друг друга. Замыслы у них возникли одновременно, хотя на то время их разделяли не только границы, они находились в разных цивилизациях. Но прочитав в 1953 году один из рассказов Бунина, Пришвин был потрясён близостью его со своим рассказом. Ничего удивительного, одно и то же окружение, одна и та же природа не могли не повлиять на писателей. Пришвин записал в дневнике: *«Вчитывался в Бунина и вдруг понял его как самого близкого мне из всех русских писателей»*.

Почему свой автобиографический роман Пришвин назвал «Кащеева цепь»? Писатель определяет свой роман как сказ, миф, как почти все свои произведения. Многие критики понимают это определение как некое приукрашивание действительности, романтизацию событий, но, на мой взгляд, это погружение в мифологическое магическое сознание и через него желание поведать сокровенную сущность души героя. Кащеева цепь – это страхи, несвобода, социальные и семейные ограничения. Герой разрывает звенья цепи одно за другим, поэтому и главы романа называются «звенья». И вот эпизод из первой части, названной по имени заглавного героя, «Курымушка», проясняющий смысл романа. Засыпая, Курымушка видит образ Голубого, небесного существа, хоть ему и объясняют, что это только голубеющий на рассвете снег. *«Тихий гость вошёл с голубых полей. Несёт по облакам светлого мальчика Сикстинская прекрасная дама. Гость пришёл не один, с ним вместе с голубых полей смотрят все отцы от Адама с новой и вечной надеждой: „Не он ли тот мальчик, победитель всех страхов, снимет когда-нибудь с них Кащееву цепь?!“»*. Значит, цепь – это не только страхи Курымушки. Это всё земное социальное зло, которое победить может только Христос.

«Курымушка» – это не автобиография, это описание ярких фрагментов, открывающих читателям истоки формирования личности писателя уже в раннем детстве. Роман в данной части пишется не от первого, а от третьего лица. Писатель уже не отождествляет себя со своим сознанием детского возраста, но пытается погрузиться в него и всё вспомнить. Это удивительные главы, где описывается тот возраст, когда внешние события и сны, эмоции, мечты, фантазии, страхи, привязанности слиты воедино, ребёнок чувствует многое, больше взрослых, но ещё не может объяснить и понять то, что видит и слышит от взрослых. Его посещает ранняя влюблённость, сначала во всех красавиц, потом в одну Марью Мо-

ревну, таким сказочным именем называет гостью девушку Машу Курымушка. Страх выдать себя, проявив свои непонятные сильные чувства, столь велик, что сидя за столом с гостями бедный герой тревожится: «*Но что, если вдруг… – она – эта настоящая и единственная она – за столом ему что-нибудь скажет, ведь он непременно тогда ужасно покраснеет, и всем откроется его тайна, что это она!*».

Сравните, как Лермонтов описывает свою первую любовь в 10 лет: *«Я не хотел говорить об ней и убегал, слыша её названье…, как бы страшась, чтоб биение сердца и дрожащий голос не объяснил другим тайну, непонятную для меня самого»*. Прочитав опубликованные письма и дневники Байрона, он пишет: *«Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая будет любить изящные искусства. – Я думаю, что в такой душе много музыки»*.

Да, влюблённость в детском возрасте говорит о развитости эстетических чувств. Это то, что было дано Пришвину, как и Лермонтову от природы. Но Марья Моревна поражает его не только красотой. Она говорит с ним на равных, она всё спокойно объясняет и успокаивает. Это она успокаивает Курымушку в приведённом выше эпизоде о сне. Остальные взрослые считают себя старше, а следовательно, и важнее Курымушки. Ребёнок постоянно слышит непонятные разговоры взрослых. Часто они его тревожат, в них слышатся намёки на что-то страшное или совершенно непонятное. Курымушка понимает только интонацию. Но смысл речей ему недоступен. На вопросы Курымушки взрослые смеются и отвечают: *«Сам догадайся». «Отчего это, мама, – спросил он, – все догадываются сразу, а я после? – Оттого, что ты очень рассеян. Вышла новая загадка, – все люди как люди, а он какой-то рас-се-ян-ный»*.

Приходится самому искать подсказки, приходить к собственным умозаключениям. Умение не цитировать других, не подстраиваться под чужие идеи и теории, а находить собственные ответы на поставленные им самим вопросы сопровождало Пришвина всю жизнь. Его произведения, особенно дневники, надо читать вдумчиво, отбросив всяческие идеологические предубеждения и пытаясь понять его глубокие и своеобразные мысли, всегда искренние.

Не повторяя ошибок своих воспитателей, писатель стремится быть понятным любому думающему читателю. Его девизом были слова: «Глубочайшие мысли свои выражать словами, доступными каждому, и даже ребёнку». Язык его прост, в нём не найдете научных терминов, иностранных слов, нет непонятных слов из диалекта, хотя он много путешествовал, изучал фольклор и мог бы использовать. Так писал Пришвин о языке своих произведений: *«Мой личный путь и мои достижения находятся никак не в моём мастерстве: я получил своё мастерство, как понимание законов родного языка, от своей матери, няньки, от школы и от всего народа даром, как все»*.

На протяжении двух лет, в 1919 и 1920 годах, он преподавал в Елецкой гимназии географию, откуда его когда-то выгнали за поведение, как раз по докладной записке учителя географии – будущего философа Розанова. Годы, проведённые в гимназии, оставили мрачные воспоминания. Вот так пишет Пришвин в «Кащеевой цепи» об отъезде своего героя в гимназию: *«Милый мой мальчик, как жалко мне с тобой расстаться, будто на войну провожаю тебя в эту страшную гимназию. Вчера ты встречал меня весь мой, сегодня я не узнаю тебя, и новые страхи за твою судьбу поднимаются, как чёрные крылья»*.

В следующей главе мы уже по одному уроку можем судить о принципах преподавания в гимназии. Учитель требовал зубрёжки, и если ученик на первом уроке не смог наизусть отрапортовать, то ему ставили единицу, а дальше, как сказал его одноклассник-второгодник, разделявший с ним последнюю парту, учить что-то уже бесполезно, всё равно будешь получать единицы. Разрывая Кащееву цепь, Пришвин-учитель, старался полностью изменить метод обучения: главное было – так рассказать о предмете, чтобы глаза у ребёнка загорелись. Вначале контакта не получилось, ученики сразу поняли, что учитель невсамделишный, но потом он стал готовиться так тщательно, словно сдавал экзамен. И его ждала заинтересованность и любовь учеников. Приведу пример его урока из сохранившегося конспекта: *«Вопрос: что означает слово родина и слово отечество – какая между ними разница? Ответ: родина – место, где мы родились, отечество – родина, мною сознанная»*. Основа и необычность его уроков – не давать отстранённые знания, а давать знания, идущие от самого человека, помогающие ему преобразовывать и себя, и мир вокруг, и стремиться к продолжению освоения предмета. Преподавал Пришвин буквально за паёк. Кусок чёрного хлеба на завтрак и свёкла с картошкой на обед и ужин – вот весь его рацион. Ходил в истоптанных башмаках и протёртой одежде, одет был, по словам родителей учеников, не как учитель., а хуже простого мужика. Но Пришвин, писал, что никогда бы не расстался со стезёй учителя, если бы не тяга к писательскому труду. Учительство дало ему тот свет души, о котором он молился в годы революционного мрака.

Увлечения Пришвина, повлиявшие на его судьбу, тоже родом из детства. Кто же не читал «Охотничьих рассказов» Пришвина? Все они документальны, из личного опыта писателя. Они дали ему успех не только в России, но и Германии, в отличие от многих других произведений писателя продолжают печататься по настоящее время. Михаил Михайлович сочинял эти рассказы и по увлечению, и потому, что писать об охоте во времена жёсткой диктатуры и цензуры было делом безопасным по сравнению с теми статьями, которые он сочинял в первые месяцы революции. Приобщил ли его к охоте отец, страстный охотник, неизвестно – об отце он пишет только в одной из глав «Курымушки». Зато в произведениях писателя ярко запечатлён образ деревенского деда Митрофана, прозванного Гуськом, обучающего мальчика и навыкам

охоты, и умению наблюдать за природой (именно рассказ «Гусек» Пришвин считал близким бунинскому «Сон Обломова-внука»). Так описывает Пришвин возвращение после ловли певчего перепела с Гуськом: *«Охотники, мокрые от росы, шагают по полю домой, будто водяной со своим маленьким сыном переходит из озера в озеро».* Из далёкого детства пришло к Михаилу Михайловичу умение видеть в природе удивительное, необычное и прекрасное. Сам Пришвин считал себя не писателем, а художником, передающим красоту увиденного им не кистью, а словом. Он не просто изображал природу в традициях русской литературы, он олицетворял и деревья, и птиц, всё живое и неживое в природе. Я приведу для иллюстрации один маленький отрывок из сказки-были «Кладовая солнца»: *«Но случилось на небе в это время одно облако. Оно явилось как холодная синяя стрелка и пересекло собой пополам восходящее солнце. В то же время вдруг ветер рванул, ёлка нажала на сосну, и сосна простонала. Ветер рванул ещё раз, и тогда нажала сосна, и ель зарычала».*

Из этих прогулок в пшеничные поля по ночам, из сказок, слышанных и прочитанных в детстве, и стихов зародилась в Мише мечта о загадочной зелёной стране. Подростком отправился он с товарищами в путешествие в Азию, но был пойман и возвращён в гимназию. «Поехали в Азию, приехали в гимназию», – смеялись над ними гимназисты. Но волею судеб Пришвин через много лет познакомился с этнографом Ончуковым, ему он рассказал о своей детской неосуществлённой мечте попасть в страну непуганых птиц (птицы не пуганы там, где не видели людей), и тот пригласил его в экспедицию на Север, в Выговский край. Результатом путешествия стало 38 собранных сказок, вошедших в сборник «Северные сказки», а также книга, написанная особым пришвинским стилем «В краю непуганых птиц: Очерки Выговского края», за которую Пришвин был награждён серебряной медалью Русского географического общества. С тех пор Пришвин много путешествует. Перечень его путешествий велик: Выговский край, Карелия и Норвегия, Керженские леса, Заиртышская степь, Крым, Дальний Восток, Уралмаш, Беломорский канал, Пинега, Кабардино-Балкария, Малые Вежи под Костромой. Каждая поездка порождала новые очерки и поэтические повести: «За волшебным колобком», «Чёрный араб», «Жень-шень», «Берендеева чаща», «Корабельная чаща» и др.

Однако вернёмся в детство писателя и посмотрим, откуда пошли корни его восприятия социальной действительности, ведь самым известным произведением Пришвина в настоящее время являются его дневники, которые являются не только хроникой жизни, но и записями незаурядных и глубоких высказываний о социальных, политических событиях. Уже маленьким мальчиком Миша понял, что человеческий мир несовершенен. Рядом с барской усадьбой, была поповская, а ещё дальше крестьянские избы с земляным полом, и у людей, живущих в этих разных мирах, были совершенно разные судьбы. Именно в этом возрасте он стал бояться, по разговорам взрослых, мужиков с топорами, которые придут громить барскую усадьбу. Так впоследствии и произошло, усадьбу сожгли. А после отобрали только что построенный Пришвиным дом, и он остался с семьёй без жилья совершенно нищим. Поэтому и власть большевиков была лучше власти озверевшей толпы крестьян. Отчего же эти крестьяне были озлоблены? От одного слуги слышит легенду, которая родилась в крестьянской среде, о втором Адаме. Слепил Бог второго Адама, а земли уже свободной не осталось, оттого и крестьяне остались безземельные.

Увлечение марксисткой литературой наступает у Пришвина очень рано, благодаря товарищу по гимназии, будущему министру здравоохранения в СССР, Николаю Семашко. Желание изменить социальную несправедливость приводит студента Пришвина в 1895 году в марксистский кружок. А уже в 1897 году его приговаривают к тюремному заключению. Год тюрьмы и ссылка отводят его от связи с марксистами. Хотя он остаётся в оппозиции к царской власти, но революцию считает катастрофой. В 1917 году он написал о Ленине статью со значимым названием «Убивец». В одном из очерков один из героев говорит: *«Вот времена-то настали: раньше попы чертей судили. А нынче черти судят попов!».* Ему удалось избежать после революции ареста благодаря многолетней дружбе Семашко, хотя дружба не мешала им всю жизнь вести идеологическую полемику.

Пришвин никогда не писал что-либо в угоду властям. Именно поэтому он не приступал к написанию произведений на острые социальные темы, но в годы войны, уже не мог стоять в стороне и в 1943 году пишет самое значимое для себя художественное произведение – притчу «Повесть нашего времени». Горем и испытаниями прошлась война по судьбам людей. Как русский человек смог выжить? Какие духовные силы помогли ему не просто выжить, а стать лучше, нравственнее? В «Повести» ключевой становится тема спасения – души, семьи, любви, страны, – которая невозможна вне преображения человека, совершенствования его мироощущения, сознания. Повесть написана от имени простого слесаря, токаря, любящего читать книги. Из книг выбрал он себе десять учителей – мудрецов, книги переплёл ситечком, поставил на полку и только одного автора – Гоголя – поставил отдельно, ибо даже дочитать не может до конца его «Страшную месть». Чёрным гоголевским всадником начинается и заканчивается «Повесть нашего времени». Видимо, этот всадник и есть страшная беда, обрушившаяся на страну. И не только темой мести и возмездия начинается она и заканчивается, а также темами правды и любви. Первая глава так и называется «Песнь песней». Любовь деревенских молодых людей Милочки и Серёжи повествователю хочется

вознести, как царь Соломон когда-то вознёс историю любви. Но идёт война, и не может повествователь писать так, как хотел бы. Да и не писатель он, а простой человек. И рассказывает он непростую историю своего земляка деревенского парня Алексея Мироныча, пережившего плен, и увечья, и душевные раны. Вопросы, которые ставит Пришвин, поистине уровня Достоевского: любовь, прощение, месть, поиски правды и Бога. Значимыми словами заканчивается повествование. Рассказчик прощается с Алексеем Миронычем, отправляющимся искать правды, чтобы пройти по земле как тень страшного всадника: *«Пусть, Алёшенька, мой любимый сынок, бог найдёт тебя и поможет тебе, бедному, снять с себя это мученье твоё: всё понять, ничего не забыть и ничего не простить»*. И слова эти пожилой наставник говорит с непокрытой головой, как когда-то этого же Алёшу просил его отец, стоя на коленях и сняв шапку, просил не отрекаться от Бога. И сын внял ему, не потому что верил в Бога, а потому что жалко стало старика, любил он его. Не эта ли любовь и есть божественная любовь, не давшая пропасть Алёше и осквернить свою душу?

Повесть свою давал читать Пришвин многим писателям, издателям и Калинину. Каждый раз издатели заставляли его переписывать. И сколько бы Михаил Михайлович её ни изменял, всё равно не публиковали.

Такая же участь ждала следующий роман «Осударева дорога», где поднимались темы взаимоотношений старого и нового, осмысления судеб людей в процессе грандиозных преобразований. Роман не приняли ни издатели тех лет, ни современные критики. По мнению экскурсовода музея «Дунино», Пришвин всегда умел добиваться своего. Настойчивость и умение выживать в любых условиях – черта, унаследованная от матери, внушившей ему в детстве, что кроме слова «хочу» есть слово «надо». Два самых значимых для него произведения всё-таки были опубликованы, но уже посмертно в собрании сочинений. И в этом была заслуга его жены Валерии Дмитриевной Пришвиной, последней и самой важной любви писателя.

И здесь мы снова не можем не возвратиться к значению любви в жизни писателя. Мы знали о его детской любви, это был идеал женщины, который он, видимо, и искал всю жизнь. В Париже двадцатилетний Пришвин влюбляется в русскую студентку в розовом платье, Варвару Измалкову. Три недели романтических отношений и разрыв. Позже Пришвин понимает, что он был не готов к серьёзным отношениям. Говоря определениями философа Эриха Фромма, эта была не любовь, а влюблённость, потому что главным в то время были для Михаила его собственные чувства, а не чувства другого человека. Мешало ему и затянувшееся его девство, говоря словами Пришвина. Спустя год он пишет Варваре письмо с просьбой начать сначала. И она приезжает, но по иронии судьбы Михаил перепутал день и не пришёл на свидание. Девушка ему не простила. *«Я её так полюбил, – писал Пришвин, – навсегда, что потом, не видя её, не имея писем о ней, четыре года болел ею и моментами был безумным совершенно и удивляюсь, как не попал в сумасшедший дом. Я помню, что раз даже приходил к психиатру и говорил ему, что за себя не ручаюсь»*. Эта любовь не давала ему покоя на протяжении 48 лет, всю жизнь. Писатель Алексей Варламов в книге «Пришвин» (из серии ЖЗЛ) называет Варвару Петровну Лаурой Михаила Пришвина. Желая погасить в себе чувства, Пришвин много путешествовал и взялся за перо. Именно этой несостоявшейся любовью, по признанию самого Пришвина, мы обязаны его литературному творчеству.

Михаилу Михайловичу было уже за сорок, когда встретилась ему тридцатилетняя крестьянка Фрося, убежавшая от мужа-пьяницы с годовалым ребёнком. Взгляд её огромных глаз был столь печален, что писатель не мог не пожалеть Фросю. Он искренне верил во многом, наверное, благодаря воспитанию своей тёти-народоволки, что сможет из необразованной и грубоватой Ефросиньи вылепить настоящую прекрасную жену. Хотелось и домашнего уюта, очага, забыть бередившую душу старую любовь. Но слишком разными были они с Павловной, как он называл жену. Пришвин раскаивался, что не развёлся с ней до рождения детей. У них росли два сына, и благодаря им Михаил Михайлович прожил с Павловной почти 27 лет. Но душевное одиночество и желание найти себе друга были такими сильными, что иногда хотелось выбежать на улицу и кричать: «Приди, друг». В 1940 году к нему в ответ на его мольбы пришёл друг, с которым он не мог наговориться уже со второй встречи, Валерия Дмитриевна Лебедева. И это не просто друг, эта большая любовь, но разница в возрасте 26 лет, Пришвину уже 67 лет, очень много. «В своём дневнике он написал только два коротких слова *«А если?»*. И это если сбылось. 13 лет счастливых лет вместе до конца жизни. *«В моей жизни было две „звёздных встречи“, – написал писатель, – „звезда утренняя“ в 29 лет и „звезда вечерняя“ в 67 лет»*. Пришвины вместе написали книгу «Мы с тобой. Дневники любви». В этом дневнике были очень подробно описаны их чувства, их взгляды, их счастье. Наверное, это единственный случай в литературе, когда супружеская пара пишет совместную книгу. Валерия Дмитриевна и стала воплощением его детской покровительницы Марьи Моревны.

Удаляясь от своего детства, находя ответы на вопросы, волновавшие его тогда, писатель не очерствел сердцем. Он сохранил в себе чистоту родников истоков души. *«Есть те*, – заметил писатель, – *кто хранит своего младенца в себе до глубокой старости, и это делает их мудрецами»*. И есть ещё очень важная запись о том, что нам дано при рождении и что мы утрачиваем в процессе социализации: *«Бывает со мной постоянно, что прямое рассуждение сбивает тайную жизнь духа. Тогда мне высказывается формула: я думаю, значит, я ошибаюсь… Сверхличное состояние духа, по-видимому, и называется смиренномудрием»*.

В заключение мне хочется дать описание природы из выпущенной Валерией Дмитриевной по завещанию Михаила Михайловича книги лучших дневниковых записей со значимым названием «Незабудки». Природа спит, но спит *«не тем холодным сном могилы», а как спит моя мать. Спит и слышит меня».* Опять отсылка к лермонтовским стихам. Но хотя здесь природа спит, а не человек, смысл тот же – в единении человек и природы.

Я попыталась раскрыть некоторые родники и истоки жизни и творчества знаменитого писателя. Паустовский писал, что *«о Пришвине писать трудно, почти невозможно. Его нужно выписывать для себя в заветные тетради, перечитывать время от времени, открывая всё новые драгоценности в каждой строке его прозы-поэзии».*

«ЛИТМУЗЕЙ»

ОЛЕГ ФЕДОТОВ

НОСТАЛЬГИЯ КАК ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ. ЦВЕТАЕВА И ЕЛАГИН
стихопоэтический этюд

Ностальгия – национальная болезнь русских, оказывающихся не по своей воле на чужбине, навсегда лишающихся матери-родины, которую, как известно, не выбирают. Именно ностальгии литература русского зарубежья первой волны обязана неимоверным всплеском творческой энергии, унаследованной от Серебряного века. Конечно, она переживалась весьма и весьма по-разному. Экстатически – как у донского казака Николая Туроверова, сберегавшего в памяти до 1940 г. первые мгновения осознанной утраты отчизны, когда он стрелял и не попадал в своего верного боевого друга коня, плывшего вслед за удалявшимся с хозяином кораблем. Стоически – как у Владимира Набокова, до самого конца жизни свято хранившего верность своей Малой родине – родовому дому на Большой Морской, 47, в Петербурге. В исторической ретроспекции – как у Владислава Ходасевича, написавшего в изгнании блистательную книгу о самобытном поэте и патриоте земли русской Державине, и прививщего-таки «классическую розу / К советскому дичку». Ревниво-язвительно – как у Зинаиды Гиппиус, устроившей в Париже издевательскую выволочку навестившему её и Мережковского «посланцу» из «красной» России Гумилёву. И так далее – у каждого – повторимся – на особицу.

Здесь важнее всего другое – неизбежность в нашем российском менталитете ностальгии и неизменно бурные формы её протекания. Поэтому среди всего необозримого разнообразия произведений, порождённых разлукой с отчизной, бросаются в глаза два уникальных, наверняка генетически связанных друг с другом случая отрицания очевидного, или скорее, отрицания отрицания ностальгии, продемонстрированные Мариной Цветаевой («Тоска по родине! Давно…») и Иваном Елагиным («Мне не знакома горечь ностальгии…»).

Сравнительный анализ двух весьма неоднозначно трактуемых текстов с учётом их стилистических и стихопоэтических уровней способен прояснить причины появления каждого, их генетическое или типологическое взаимодействие между собой и другими перекликающимися с ними произведениями, а также уточнить сокровенный смысл столь парадоксального выражения, казалось бы, очевидной идеи: нет у обоих поэтов никакой навязшей в зубах ностальгии, *но*…

Рассмотрим оба текста поочередно и, разумеется, не изолированно от породившего их исторического и литературного контекста.

1.

Марина Цветаева оказалась за границей в 1922 году, стремясь воссоединиться со своим мужем белогвардейским офицером Сергеем Эфроном, участником знаменитого ледового похода и обороны Крыма, которого, во многом придумав его, она вообразила идеальным героем воспетого ею «Лебединого стана»:

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает…
Старого мира – последний сон:
Молодость – Доблесть – Вандея – Дон.
[Цветаева 1990: 163-164]

Эфрон со временем перековался и упорно готовился вместе с дочерью Ариадной вернуться на родину. Марина Ивановна мужественно боролась с бедностью, а временами и с голодом, ощущая перманентное «сиротство» и в Берлине, и в Праге, и в Париже.

Наиболее адекватным образом сложный узел овладевших ею в эмиграции безрадостных переживаний ей удалось передать в письме к находившемуся в Эстонии Юрию Иваску, своего рода развёрнутом объяснении, почему она не отдаёт в печать своих стихов:

«Большей часть я *не* знаю (знать не хочу!) и ничего не посылаю, ибо за 16 строк – 16 фр<анков>, а больше не берут и не дают. Просто – не ст*о*ит: марки на переписку дороже! (Нищеты, в которой я живу, Вы себе представить не можете, у меня же никаких средств к жизни, кроме писания. Муж *болен* и работать не может. Дочь вязкой шапочек зарабатывает, *5 фр<анков> в день*, на них вчетвером (у меня сын 8 лет, Георгий) и живём, т.е. просто медленно издыхаем с голоду. В России я так жила только с 1918 г. по 1920 г., потом мне большевики *сами* дали паёк. Первые годы в Париже мне помогали частные лица, потом надоело – да еще кризис, т.е. прекрасный предлог прекратить. Но – Бог с ними! Я же их тоже не любила).

Итак, здесь я без читателя, в России – без книг. <…> Вы м.б. хотите сказать, что моя ненависть к большевикам для неё слаба? На это отвечу: *иная* ненависть, инородная. Эмигранты ненавидят, п.ч. отняли имения, *я* ненавижу за то, что Бориса Пастернака *могут* (так и было) не пустить в его любимый Марбург, – а меня – в мою рождённую Москву. А казни – голубчик – все палачи – братья: *что* недавняя казнь русского, с *правильным* судом и слезами адвоката – *что* выстрел в спину Чеки – клянусь, что это одно и то же, как бы оно ни звалось: мерзость, которой я *нигде* не подчинюсь, как вообще никакому организованному насилию, во имя чего бы оно ни было и чьим именем бы ни оглавлялось. <…>

Нет, голубчик, ни с теми, ни с этими, ни с третьими, ни с сотыми, и не только с „политиками“, а я и с писателями, не, ни с кем, одна, всю жизнь, без книг, без читателей, без друзей, – без круга, без среды, без всякой защиты причастности, хуже, чем собака, а зато –

А зато – все». [Цветаева 1995: 384]

Стихотворение, о котором пойдёт далее речь, было написано в 1934 г. Это было время не менее бедственного прозябания не столько в Париже, сколько в его пригородах, очередных любовных увлечений, разочарований и яростной борьбы с прозой жизни поэтическим словом фактически в одиночку. Конечно, она тосковала по родине, ассоциируя её прежде всего с Москвой, Коктебелем и – более всего – с Тарусой, где мечтала жить и умереть или, на худой конец, обрести посмертный кенотаф с надписью: «Здесь хотела бы лежать МАРИНА ЦВЕТАЕВА»[1], и при этом твердила, что «в Париже и тени от неё не останется». Но опасаясь за судьбу 9-летнего сына, наотрез отказывалась возвращаться вместе с мужем и дочерью в непредсказуемый СССР.

Вот в таких немилосердных, катастрофических, разрывающих сердце обстоятельствах и вырвалось из души поэта одно из самых парадоксальных признаний о невыносимых муках ностальгии:

Тоска по роди*не*! Дав*но*
Разоблаче*нна*я морока!
М*не* соверше*нно* все рав*но* –
Где соверше*нно* оди*но*кой

5. Быть, по каким кам*ня*м домой
Брести с кошелкою базар*но*й
В дом, и *не* знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.

М*не* все рав*но*, каких среди
10. Лиц ощети*ни*ваться пле*нны*м
Львом, из какой людской среды
Быть вытесне*нно*й – непреме*нно* –

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льди*ны*
15. Где *не* ужиться (и *не* тщусь!),
Где у*ни*жаться – м*не* еди*но*.

Не обольщусь и языком
Родн*ым*, его призывом млечн*ым*.
М*не* безразлич*но* – *на* каком
20. *Не*пон*и*маемой быть встреч*ным*!

(*Читателем*, газет*ных* т*он*н
Глотателем, доильцем сплет*ен*...)
Двадцатого столетья – *он*,
А я – до всякого столетья!

25.Остолбе*не*вши, как брев*но*,
Оставшееся от аллеи,
Мне все – рав*ны*, м*не* всё – рав*но*,
И, может быть, всего рав*нее* –

Роднее бывшее – всего.
30. Все приз*на*ки с ме*ня*, все меты,
Все даты – как рукой с*няло*:
Душа, *родившаяся* – где-то.

Так край ме*ня не* уберёг
Мой, что и самый зоркий сыщик
35. *Вдоль всей* души, *всей* – поперёк!
Родимого пят*на не* сыщет!

Всяк дом м*не* чужд, всяк храм м*не* пуст,
И всё – рав*но*, и всё – еди*но*.
Но если по дороге – куст
40. Встает, особе*нно* – ряби*на*…

3 мая 1934
[Цветаева 1990, 436-437]

Два самых авторитетных биографа Цветаевой Виктория Швейцер и Анна Саакянц не сходятся в трактовке основной идеи, выстраданной и выплеснутой ею таким необычайным образом. Швейцер предлагает прочитать две первых строки «в интонации обычного утвердительного предложения», тогда «фраза, как того хочет Цветаева, прозвучит иронически». Зачем же было произносить её в таком экстатическом тоне? «С первого восклицательного знака, с вырвавшегося из души выкрика „Тоска по родине!“, – приходит к выводу исследовательница, – обнажается боль поэта, безмерность его тоски. Цветаевские „анжамбеман“ и восклицательные знаки воплощают рыдания, которые слова призваны скрыть. Слова в первых пяти стихах хотят быть ироничными, но ритм им противоречит, заставляет не верить в „совершенно всё равно“, чувствовать, что Цветаева кричит о безразличии, чтобы освободиться от боли, что это смятение, а не ирония» [Швейцер 1992: 426].

Такое прочтение, по мнению А. Саакянц, сильно упрощает дело, даже искажает смысл стихотворения, превращает «великое творение в частный случай». Логически рассуждая, полагает она, следует приглядеться к финальному образному мотиву «куста рябины»:

«Рябина. В цветаевской лирике этот образ появился давно. Ещё в 1916 году: „Красною кистью / Рябина зажглась. / Падали листья. / Я родилась… // Мне и доныне / Хочется грызть / Жаркой рябины / Горькую кисть“. И позже, в тяжком восемнадцатом году: „– Сивилла! Зачем моему / Ребёнку – такая судьбина? / Ведь русская доля – ему… / И век ей: Россия, рябина…“

Итак: день рожденья, осенённый горькой ягодой. И предчувствие горького будущего дочери. И „горечь рябиновая“ в чешских „Деревьях“. Наконец, в стихотворении, предшествующем „Тоске по родине…“: „Рябину / Рубили / Зорькою. / Рябина – / Судьбина / Горькая. / Рябина – / Седыми / Спусками. / Рябина! / Судьбина / Русская“.

Можно ли яснее? Безразличие к миру и к своему в нём существованию, выраженное в предшествующих строках, при в*и*дении рябинового куста сменяется ожигающей горечью. Горечью своего рождения в мир, своей „вытолкнутости“ из круга людей, сиротства в „жизни, как она есть“. Но эта горечь – врождённая, данная поэту в колыбель, сопровождающая его на всех дорогах жизни» [Саакянц 2002: 651].

Таким образом воображаемый призрак куста рябины в финале стихотворения следует воспринимать не как внешний повод для пробуждения тоски по родине, но как символ горестного мироощущения поэта, как его «овеществлённость».

Окончательный вывод, к которому склоняется Саакянц, казалось бы, кардинально отличается от прочтения «Тоски по родине» «наоборот». Процитировав фразу, простёршуюся в 7-й и 8-й строфах: «Остолбеневши, как бревно, / оставшееся от аллеи, / Мне все – равны, мне – всё равно, / И, может быть, всего равнее – // Роднее бывшее – всего», она по-цветаевски безапелляционно заключает:

«Всего роднее – бывшее (если сказать прозой). Да Марина Цветаева только и живёт под этим постоянным знаком: бывшего, минувшего, невозвратного.

Тоска по родине? По родной земле? По кусту рябины на ней? Нет: погружение в свою душу, в её истоки, в прародину своего „я“.

А родина… Ещё и ещё раз повторим вместе с поэтом:

„Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию – может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, – тот потеряет её лишь вместе с жизнью“ (Ответ на анкету журнала „Своими путями“, 1925 год).

Можно ли тосковать по тому, что есть твоя неотъемлемая часть? Твое родиночувствие?

Нет, вовсе не нужно читать это знаменитое цветаевское стихотворение „наоборот“. Тоска по родине для поэта и впрямь разоблаченная морока. К тому же той родины, „той России – нету“… [Саакянц 2002, 651-652]».

Рассмотрим аргументацию с обеих сторон, чтобы выяснить, в каких отношениях находятся концептуальные установки противоборствующих интерпретаторов и какая из них ближе к истине.

Первые пять, да и последующие за ними три десятка с лишним стихов, вплоть до противительного союза «Но…», открывающего предпоследний 39-й стих, и в самом деле, далеки от спокойной утвердительной интонации. По сути своей весь текст представляет собой до предела исступлённую констатацию бесспорных для окружающих, но не для поэта трюизмов, принимаемых за чистую монету до тех пор, пока их не подвергнет сомнению заключительная фраза, приглашающая декодировать развёрстое за ней многоточие.

Внимательное прочтение текста убеждает нас в том, что приводимые аргументы есть не то иное, как перечень мучительных переживаний лирической героини, оказавшейся вне родины. Ей «совершенно всё равно», «где быть совершенно одинокой», беспомощной и бездомной, потому что любой дом она воспринимает как чужой. Ей приходится, подобно льву, ощетиниваться в любой среде, постоянно уходить в себя, в своё единоличье чувств, скитаться «камчатским медведём без льдины», т.е. без родины (холодной, не приспособленной к комфортной жизни, но ро-ди-ны!). Не обольщает её своим «призывом млечным» и родной язык, потому что для неё, живущей вне времени и пространства, совершенно безразлично, на каком языке оставаться не понятой. Она чувствует себя «остолбеневшим бревном», лишившимся корней, оставшимся среди аллеи равных друг другу деревьев. Но, далее рассуждает она, «может быть, всего *равнее*» и – через тире – «*роднее* – бывшее», безвозвратно ушедшее прошлое оставленной родины. Утратив все личные приметы и даты, она, как осиротевшая душа, на которой не осталось даже «родимого пятна», мучается сознанием своей абсолютной потерянности. А поскольку её не уберег родимый край, она уже в который раз убеждает себя: «Всяк дом м*не* чужд, всяк храм м*не* пуст, / И всё – равно, и всё – едино».

Но её женскую логику не приемлет встающий по дороге куст, особенно памятный с рождения её самой и старшей дочери Ариадны в сентябре, – куст рябины…

Что касается ритмического диссонанса с ироническим смыслом слов, о котором пишет Швейцер, указывая на возмущающее воздействие знаменитых цветаевских анжамбеманов, следует обратить внимание также и на резонансную с ними аномалию инверсий и не похожего на себя, казалось бы, самого банального из всех размеров русской классической силлаботоники 4-стопного ямба. Николай Асеев как-то сказал о вольном хорее Маяковского (в стихотворении «Товарищу Нетте, человеку и пароходу»): конечно, это хорей, но на нём, что называется, лица нет! Точно также можно сказать и о 4-стопном ямбе цветаевского стихотворения, в котором благодаря исполосовавшим его анжамбеманам и хориямбическим стопным заменам членение на стихи уступает членению на интерстиховые риторические периоды:

> Тоска по родине! Давно разоблаченная морока!
> Мне совершенно всё равно – где совершенно одинокой *быть*, где, по каким камням домой брести с кошёлкою базарной *в дом* и не знающий, что – *мой*, как госпиталь или казарма.
> Мне всё равно, каким среди *лиц* ощетиниваться пленным *львом*, из какой людской среды *быть* вытесненной – непременно – *в себя*, в *единоличье чувств*. Камчатским медведём без льдины, где не ужиться (И – *не тщусь*!), Где унижаться – мне едино.
> Не обольщусь и языком *родным*, его призывам млечным. Мне безразлично, *на каком* непонимаемой быть встречным!

И т.д.

Отмеченных хориямбами строк в тексте довольно много – семь, причём все они выделяют отнюдь не служебные, а чрезвычайно важные, пусть и односложные слова в первой стопе после анжамбемана, прежде всего, во 2-й и 3-й строфах:

Мне совершенно всё равно –
Где совершенно одинокой

5. *Быть*, по каким камням домой
Брести с кошёлкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне всё равно, каких среди
10. *Лиц* ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –

Вспомогательный глагол «быть» в 5-м стихе семантически преображается в бытийственную ипостась таких синонимов, как «жить» и «существовать». Столь же сущностно существительное «дом» в 7-м стихе, потому что он не *«мой»*, заведомо чужой, «как госпиталь или казарма». Ощущение Родины без дома – просто немыслимый нонсенс. Цветаева как никто другой на себе прочувствовала это вместе, что ещё больнее, со своей семьей. В следующей, 3-ей строфе таких семантических гипербол, форсирующих значение односложных слов, ещё больше: к двум хориямбам в 10-м и 11-м стихах добавляется спондей в 12-м.

Среди выдвинутых лексических единиц оказываются «лица» в род. падеже *«лиц»*, «лев» (в тв. падеже *«львом»*), вернее, сравнение с ним, и ещё раз глагол *«быть»* в составе «спондеизированного» словосочетания «*быть вы*тесненной». Если вспомнить стихотворение Цветаевой, написанное год спустя, 1-15 ноября 1935 г. в Ванве, «Читатели газет», невозможность обладания своим лицом, быть *личностью* применительно к тем, кто бездумно поглощает жёлтую прессу и тем, кто её издаёт, редактирует, продемонстрирована в полной мере: «Кто – чтец? Старик? Атлет? // Солдат? Ни черт, *ни лиц*, / Ни лет. Скелет – *раз нет* / *Лица*: газетный лист!» [Цветаева 1990: 448] «Что думаю, когда / С рукописью в руках // Стою перед *лицом* / – *Пустее места – нет*! – / Так значит – *нелицом* / Редактора газет-// ной нечисти» [Цветаева 1990: 449]. От безликих редакторов, плативших ей за её творческую продукцию жалкий гонорар, сопоставимый разве что с ценой почтовых марок, она натерпелась более, чем достаточно.

Далее идёт сравнение себя с «пленным львом», ощетинившимся среди так называемых *«лиц»*, фатально обречённым «быть вытесненным… в себя, в едино*личье* чувств». Недаром он сопоставляется далее с «камчатским медведём без льдины», т.е., очевидно, без родины, также обречённым на «унижение» из-за неспособности «ужиться» в чуждой для него среде.

Ещё три смысловых усиления продуцируются двумя хориямбами и спондеем в предпоследнем четверостишии:

Так край меня не уберёг
Мой, что и самый зоркий сыщик
35. *Вдоль всей* души, *всей* – поперёк!
Родимого пятна не сыщет!

Личное притяжательное местоимение «мой» противоестественно оттеснено инверсией от родного – *её* кровного – «края» в 33-м и 34-м стихах, благодаря чему фиксируется нарушение органически присущей им нерасторжимости. Наречие «вдоль» выдвигается в светлое поле нашего повышенного внимания в составе устойчивого, а потому также нерасторжимого выражения «вдоль и поперёк» в 35-м стихе. В данном случае речь идёт о душе лирической героини, настолько опустошённой, что и самый «зоркий сыщик» не сыщет в ней «*родимого*[1] пятна». Наконец, местоимение *«всей»*, повторенное дважды, отягощается форсированным ударением в первом случае в составе спондея, а во втором – благодаря хореической стопной замене на 3-й позиции.

Логическое и эмоциональное ударение в этом неистовом потоке аргументов от противного якобы в пользу псевдо-справедливости выдвинутого в зачине стихотворения тезиса о том, что «Тоска по родине – давно разоблачённая морока», достигает своего апогея в последней строфе. Тон задает её начальный стих о шести ударениях, состоящий исключительно из односложных слов, выстроившихся в единый стиховой ряд – комбинацию из двух ямбических стоп и двух спондеев: СЯСЯ.

Функцию основных сигналов, организующих весь текст как единую риторическую тираду, или, можно сказать, пронзительный крик неимоверного отчаяния, принимают на себя анафорический ряд взаимодей-

ствующих друг с другом узловых доводов: «*Мне* совершенно *всё равно*…», «*Мне всё равно*…», «Где не ужиться <…>, / Где унижаться – *мне едино*...», «*Мне все – равны, мне всё – равно*, / И, может быть, *всего равнее*[2]…», «И *всё – равно*, и *всё – едино*». В последнем случае подготавливается эффект, который мы обозначили диалектическим законом «отрицания отрицания». Переломный союз «но» на стыке предложений, можно сказать, удваивает силу своего «преткновения»[3]: «…еди*но*. / *Но* если по дороге – куст / Встаёт, особенно – рябина».

Пришла пора вернуться к размышлениям А. Саакянц о «кусте рябины», якобы дезавуирующем тоску по родине в душе лирической героини. Нельзя, видите ли, тосковать о том, что всегда оставалось и остаётся у тебя внутри, неважно, где ты находишься, на родине или на чужбине. Приходится признать, что и трактовке автора книги «Марина Цветаева. Жизнь и творчество» не хватает диалектической амбивалентности. Горечь рябины для Цветаевой отнюдь не негативный привкус её плодов. Её лирической героине «и доныне / *Хочется* грызть / *Жаркой* рябины / *Горькую* кисть». Отвечая на вопросы анкеты журнала «Своими путями», она, конечно же, не мыслила Россию вне себя, ощущая её «внутри» как «непреложность памяти и крови». В этом-то и сакраментальная особенность беззаветного русского патриотизма: мы любим свою родину, не за её роскошную красоту, не за плодородные земли или благоприятный климат, не за лёгкую жизнь, которую она могла бы нам обеспечить, а ровным счётом наоборот, за всё то, что противоречит этим общепризнанным благам, и в первую очередь за то, что такая она у нас одна-единственная, другой нет и быть не может. Поэтому утверждение биографа о том, что исходный тезис стихотворения, согласно которому «Тоска по родине – давно разоблачённая морока», следует понимать в непоколебимо прямом смысле, вряд ли приемлемо. Да, Цветаева тоскует, разумеется, не по той России, какой она стала, а по той, «бывшей», отчего градус её неистовой ностальгии, реализуясь и во времени, и в пространстве, только повышается.

Следовательно, получается, обе точки зрения в истолковании сокровенного смысла ностальгического шедевра Марины Цветаевой почти в равной мере однобоки, но при этом не столько противоречат друг другу, сколько дополняют одна другую. Поэтическое мышление, в отличие от формальной логики, как правило, амбивалентно, многозначно и вариативно, склонно к всепоглощающему синтезу, благодаря чему реципиенту предоставляется священное право на её субъективное прочтение и истолкование.

2.

Лапидарный вариант цветаевского крика души много лет спустя донёсся из Америки. Это был голос ещё одного «отщепенца в народной семье», лишившегося не по своей доброй воле отчизны, – Ивана Елагина:

М*не не*знакома горечь *но*стальгии.
М*не н*равится чужая сторо*на*.
Из всей – дав*но* оставл*енно*й – России
М*не не* хватает русского ок*на*.

О*но* м*не* вспоми*на*ется до*ныне*,
Когда в душе ста*но*вится тем*но* –
Ок*но* с большим крестом посереди*не*,
Вечер*нее* горящее ок*но*.
[Елагин 1998: 1, 177]

Нельзя не согласиться с Л.В. Толстобровой, что у Елагина, в отличие от Цветаевой, «нет того пронзительного трагизма, той безмерной тоски, которой пронизана каждая строка цветаевского стихотворения, но начинаются оба с категорического утверждения об отсутствии ностальгического настроения, даже о некоем безразличии, о понимании необратимости сложившейся ситуации» [Толстоброва 2014, 123]. Однако, тут не обойтись без некоторого уточнения. В обоих случаях под якобы отсутствующую тоску по родине подводятся разные мотивировки. Лирическая героиня Цветаевой трагически переживает равнозначную катастрофу что на пореволюционной родине, что на чужбине, переживает практически одинаково (Ей, действительно, «всё – равно и всё – едино»). Поэтому она и называет тоску по родине «давно разоблаченной морокой». В елагинском же стихотворении прямого сопоставления нет, но оно угадывается между строк. Его лирический герой не испытывает «горечь ностальгии» потому, что ему, в принципе, «нравится чужая сторона». Однако, давным-давно оставив Россию, он сознаёт, что ему всё-таки не хватает её главного символа «русского окна», которое здесь, в изгнании, «когда в душе становится темно», неизменно «вспоминается» ему, как наваждение. Это ли не ностальгия!

Поэт, представляющий следующее поколение, вторую волну русского исхода после Великой отечественной войны, обходится и вовсе без восклицательных знаков и оперирует 5-стопным ямбом без каких-либо экстравагантных ритмических аномалий, никаких интригующих загадок перед чита-

телем не ставит, доносит свою мысль прямо, без обиняков. Конечно, первая же его фраза апеллирует к знаменитому цветаевскому зачину, который хватал за живое всякого русского, оказавшегося за кордоном эмигранта. Обстоятельства принуждали его сделать роковой выбор между утраченной родиной (и чем дальше, тем становилось очевиднее, что навсегда!) и чужбиной, которой по контрасту не составляло труда прикинуться пусть не новой матерью, то хотя бы мачехой с хорошими цивилизованными (неважно, что не всегда искренними) манерами.

Каждый должен был решать эту дилемму самостоятельно, сообразно семейному положению, остаткам достатка, профессии, навыкам самостоятельного заработка, таланту, умению распорядится им в изменившихся условиях и, разумеется, силе преодоления в борьбе с ностальгией.

Елагину, как и большинству его соотечественников, довелось испить до дна горькую чашу жесточайшей борьбы за выживание в качестве DP (перемещенного лица), занимаясь журналистской и литературной поденщиной в Польше и Германии. Эмигровав в США, для того, чтобы прокормить семью, он не гнушался никакой работой: мытьём полов в ресторане, склейкой пластмассы и стёкол до тех пор, пока в достаточной мере не овладел английским языком и не обнаружил редкостный дар сочинять для газет юмористические скетчи и политические фельетоны в стихах.

К Америке он относился сдержанно-уважительно, как, впрочем, относилась к нему и она или, в его собственной формулировке, отвечала ему «тепло-прохладно»[5]. В отличие от предельного накала эмоционального напряжения, которым пронизано стихотворение М. Цветаевой, Елагин сообщает о своей приязни к «чужой стороне» и отсутствии у его лирического героя пресловутой «горечи ностальгии» подчёркнуто спокойно и вроде бы без всякой иронии или какой-то задней мысли. Он не подводит нас к итоговому «но», которое как таковое в тексте отсутствует, однако ощущение перелома от аргументов к контраргументу налицо, благодаря «долгому эху» этого противительного союза в звуковой организации всего текста, а точнее, сонорного согласного «н» в сочетании с гласными звуками «е, о, ы»: «не – не – но – нен – на – но – нно – не – не – на – но – не – на – ныне – но – но – но – не – не – но» по модели, между прочим, цветаевского образца (взять хотя бы соразмерные по числу строк первый и последний катрены): «не – но – нна – не – нно – но – нно – но – не – не – но – но – но – нно – на»[6].

В качестве контраргумента у Елагина вместо «куста рябины» выступает не менее символичное «вечернее горящее окно», прямо срифмованное и с накликанным Цветаевой «но», и с целым рядом других сопутствующих и созвучных ему слов: «дав*но* – о*но* – ста*но*вится – тем*но* – ок*но* – ок*но*».

Об этом «окне с большим крестом посередине», генетически связанном с «оком», уже сказано более чем достаточно. Пожалуй, наиболее проникновенно написал о нём в своей юбилейной статье младший друг поэта художник Сергей Голлербах:

«Мне неизвестно, был ли Елагин религиозным человеком, мы никогда не касались этой темы. Всё же, „большой крест посередине“ написан поэтом неслучайно. И снова напрашивается сравнение с творчеством другого замечательного человека, с которым я был знаком в Нью-Йорке, – со скульптором и графиком Эрнстом Неизвестным. В одном из документальных фильмов о нём он говорит о том, что ему везде видится крест. Два глаза и нос – это крест; ветви, отходящие от ствола дерева, – это крест. Но крест – это не только Распятие Христа, но и распятое человечество. Так и называется одна из скульптур Эрнста Неизвестного[7]. Можно, я думаю, предположить, что крест посередине русского окна – это крестный путь России за всю её многовековую историю. Что же касается окна, то и тут можно увидеть символ: оно находилось за железным занавесом, отделявшим нас от родины. Мы никогда не закрывали на нём ставни, только задёргивали занавеску, когда слишком больно было смотреть на то, что происходит в России» [Голлербах 2018].

Вариант Елагина в пять раз короче стихотворения М. Цветаевой, но ассоциативный шлейф центрального символа, дезавуирующего причины, побуждающие его лирического героя подавить в себе «горечь ностальгии», во многом компенсирует эту несоразмерность.

Уже в самых первых своих публикациях в сборнике 1953 г. «По дороге оттуда», скорее всего вывезенных из России, поэт вкладывает в мотив окна тревожные, связанные с природными и общественными катаклизмами коннотации. В стихотворении «Тяжеловесные струи…» воспроизводится неистовый апрельский ливень, во время которого «В доме, не переставая, / Бились *оконные* створки» (1, 48). Чего стоит один только выбор чреватого угрозой глагола «бились»! В соседней зимней лирической миниатюре, обращаясь к любимой, он указывает на зловещую примету, взволновавшую его в бессонную ночь: «То ли птица *у окон* металась, / То ли волк завывал у ворот» (1, 54). Точно также в стихотворении «У зимних яблонь – твёрдый наст…» его думы устремляются «Туда, туда, где снег высок, / И помнят папоротник *стёкла.* / И льда отточенный кусок / Под крышею, как меч Дамокла!» (1,65).

Наиболее содержательно мотив окна обыгрывается Елагиным в неклассическом деривате сонета «Муза мстит. Всю дневную склоку…». Метапоэтическая зарисовка обнажает неприглядную изнанку неподготовленного должным образом творческого процесса. Погрязший в бытовой суете, со всеми её дрязгами, склоками и кривотолками, художник неизбежно расплачивается неминуемым конфликтом

со своей музой, которая как дочь Мнемозины «помнит всё» и непременно разоблачит поэта, мстительно вставив ему всякое лыко в строку, или просто оставит его без поддержки («И не вымолишь ни строки»). Видимо, о таких же переживаниях поведал Пушкин в «Стихах, сочинённых ночью во время бессонницы»: «Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье. / Жизни мышья беготня» [Пушкин 1977, т. III, 186], недаром Елагин сохранил характерный пушкинский эпитет «*мышью* скупость». В том же регистре воспринимаются укоризны Музе от Ахматовой: «Говорят: „Ты с ней на лугу…“ / Говорят: „Божественный лепет…“ / Жёстче, чем лихорадка, оттреплет, / И опять весь год ни гу-гу» [Ахматова 1965, 294].

Обращение к несбалансированной метрической форме 4-3-ударного дольника сказывается и на внутренней структуре стихотворения, даже отдалённо не соблюдающего идеальные пропорции золотого сечения, заложенные в генетическом коде сонета. Творческая досада вырывается как попало, беспорядочно и стихийно. Начиная с последней строки 1-го катрена перечисляются утраченные способности поэта выстраивать созидаемый им по законам гармонии художественный мир. Не вымолить ему теперь ни строки у Музы, в темноте не различить ночной птицы и не вознестись от письменного стола к небу («облакам»), ибо всё в его обиталище «завалено щебнем», бытовым мусором, отгорожено от мира глухими стенами и, что самое главное, перестало быть волшебным «окно, / Открытое по утрам / всем четырём ветрам».

В представшей перед нами лирической медитации нашли отражение два библейских мотива. Из книги Екклесиаста скорее всего была воспринята пронизывающая все 12 её глав максима: «Если всё возвращается вместе с солнцем и ветром „на круги свои“, то всё, что ни происходило бы в мире, есть суета сует и томления духа (Екк. гл.1:2, 14). Из книги Иова дальнейшее развитие получила притча о жилище, поднятом «большим ветром», охватившим четыре его угла, низринутом на отроков и погубившем их всех кроме одного (Иов гл.1:19). Эта же притча, кстати сказать, упоминается в популярной песне двоюродной сестры поэта Новеллы Матвеевой «Какой большой ветер!», в тексте которой родственно откликается знаковый мотив севшей на ветлу ночной птицы: «Сломал *ветлу* ветер…», «Как на ветру взглядом / Остановить *птичку*…» [Матвеева 1991, 34].

В стихотворении «Одеялом завешены стекла…», созданном ещё в Киевский период, отозвался пушкинский мотив «холода жизни» во время кромешного ада войны:

Все пугают огнём да газом –
Нос не высуни из норы!
Лучше б бомбы и газы разом,
Да и к прадедам в тартарары!

Милый ад: ни пушек, ни ружей…
Старый ад с хромым сатаной!
Чем он хуже кровавой лужи,
Именуемой – шар земной!
(1, 78)

Аналогичным пафосом пронизано стихотворение, в первом катрене которого, очевидно, опять памятное киевское окно не обрамлено каштанами, а в атмосфере оккупации «Окружено конвоем», вследствие чего «И вся земля запоем / Пьёт красное вино» (1, 109), надо понимать – крови.

Этот ряд можно продолжать и дальше, прослеживая его в сборниках стихов, написанных в эмиграции.

Так, в первом же стихотворении «Отсветов ночных», 1963 г., «Напротив, на стене, мои соседи…» весьма эффективно используется синекдоха: «Висят в тяжёлых рамах под *стеклом*», т.е. фактически лирический герой снаружи рассматривает окна противоположного дома, метафорически перелистывая «каменный альбом» в надежде «через год» открыть его «на этой же странице». Но стоило в следующем стихотворении «Здесь дом стоял. И тополь был. Ни дома…» добавить в следующей строке «Ни тополя», как становится очевидным, что соседнего дома просто не существует, разрушенный во время войны, он остался только в воспоминаниях: «Вот там, вверху, скрипела половица / И лампа вбок была наклонена, / И вот сейчас выпархивает птица / Сквозь пустоту тогдашнего окна». Финальный вывод не внушает оптимизма: «Есть только ширь бессмертного пространства, / Где мы и камни – смертные жильцы» (1,174).

Далее следуют интересующий нас прежде всего текст, отрицающий и в то же время констатирующий ностальгию, – «Мне не знакома горечь ностальгии…» и следующие за ним произведения, развивающие аналогичные мотивы. Из того же самого, «тогдашнего», уже давно не существующего «углового окна» («Внизу, в пространстве осаждённом…») видна та же зияющая пустота, уже не существующая обнулённая жизнь. И здесь, что немаловажно, не обошлось без сакраментального символа христианства: «И там в автомобильном гуде, / Там, в разноликой суете, / Пространство распинали люди / На этом уличном кресте» (1,181).

И в «Отсветах ночных», и во всех последующих сборниках поэта («Косой полёт», 1967, «Дракон на крыше», 1973, «Под созвездием топора», 1976, «В зале вселенной», 1982, «Тяжёлые звёзды», 1986)

представлены исключительно стихи, созданные в эмиграции. Мотив родного «окна с большим крестом посередине» в них существенно редуцировался, преобразившись либо в «угарный экран телевизора» (1, 183), тоже своеобразное окно в мир, либо в уже знакомую нам синекдоху – «туманное стекло», на котором «русское имя» новой возлюбленной «написалось само» (1, 184), как «Заветный вензель О да Е» под пальчиком Татьяны Лариной, либо просто в «самое высокое окно» американского небоскрёба, над которым поэт собирается повесить «весёлого месяца тонкую скобку» (1, 190). Прозревая в наш двадцать первый век, подчиняющий естественный взгляд на вещи тоталитарной зависимости от гаджетов, поэт «впервые почувствовал <…> подмену», когда ему «в окно провели антенну» «и отключили от Божьего мира» его бессмертную душу. Совсем не гиперболической выглядит мольба его обобщённого лирического героя:

Послушай, я скоро прибором стану,
Уже я почти что не человек,
В орбиты мне вставили по экрану,
И я уже не увижу поляну,
Я не увижу звёзды и снег.

А будут на плёночной амальгаме,
Где-то под веками мельтеша,
Экранные люди в джазовом гаме
Выкидывать сплющенными ногами
Остервенелые антраша.
(1, 204-205)

В метафорическом соитии сошлись две ипостаси исконного семантического гнезда, корневая и производная, – «око» и «окно». Чем дальше – тем больше. Со временем наивное, но в этой своей наивности провиденциально мудрое русское окно отступает в запредельные области памяти. Ему на смену приходят необозримые стеклянные плоскости небоскрёбов, сплошные окна-стены без креста: «И я сам поставлен *под стекло* / Высоко, почти под самой крышей» (1,208); «Весь уличный пролом / Заставлен небосклоном. / Там небосклон *стеклом* / Стоит *темно-зелёным*» (1,220).

Обращают на себя внимание несколько явно циклизующихся стихотворений 1960-70 гг., в которых доминантный мотив окна разрабатывается особенно интенсивно. Практически в каждом из них лирический герой вспоминает о прошлом, о родине.

Находясь в своих просторных американских апартаментах, в окна которых заглядывают «огромные ветки ясеня», он мысленно созывает дорогих друзей. «Но ни один не явился из позванных. // Я разминулся с друзьями во времени, / Где-то они за окном, за деревьями, // За океаном, за всеми закатами, / Где-то затеряны, где-то запрятаны» («Вот мои комнаты светлые, ясные…») (1, 327). В стихотворении «Пробивают в асфальте дыру…» окно рассматривается в ряду всё увеличивающихся в масштабе отверстий: исходная «дыра в асфальте» пробивается для того, чтобы посадить в неё «деревцо», затем «…окно пробивают в стене, / Чтобы вставшая из-за моста / До рассвета качалась в окне / Голубая большая звезда», художники «пробивают нам душу насквозь, / Чтоб запела душа как труба», и наконец «Бог вселенную всю проломил, / Чтобы небо поставить в пролом» (1, 342).

В фантастическом стихотворении «Я прыгнул из окна…» обыгрывается финальное двустишие известной миниатюры Ходасевича «Было на улице полутемно…»: «Счастлив, кто падает вниз головой. / Мир для него, хоть на миг – а иной» [Ходасевич 2009, 1, 167]. У Елагина, однако, лирический герой «не сорвался вниз, / А в воздухе повис, / Как радиоволна». После чего он плывёт в вышине астероидом и подаёт «сигналы / Таким же чудакам, // Мечтателям, поэтам, / Захватчикам высот, / Кто сам себе планета, / И свет в себе несёт, // Кто не в ладах с причалом, / Кто кружит одинок / По кривизнам печальным / Отверженных дорог» (1, 359). Понятно, что речь идёт всё о тех же соотечественниках.

И наконец, настоящим апофеозом оконной темы в сборнике «Дракон на крыше» предстаёт стихотворение, лирический герой которого ни на минуту не расстаётся с окном, видимо, тем самым заветным окном, олицетворяющим для него незабвенную родину:

По земле шатаюсь я давно,
И везде вожу с собой окно.

Хоть люблю я в жизни перемену,
Но окно всегда вставляю в стену.
<…>

Пусть стоит вселенная вверх дном,
Мне не страшно за моим окном!

Я поеду в городок морской,
Я моё окно возьму с собой

И у волн поставлю непременно,
Пусть окно окатывает пена,

Пусть там волны ходят ходуном,
Хорошо мне за моим окном!

Я от океана отделён,
В раме океан, и застеклён!

Каждым утром, сразу после сна,
Я выбрасываюсь из окна

И лечу на камни мостовой,
В мир невыносимо-деловой.
(1, 422-423)

Лишь изредка, но неотвязно совсем другие сигналы подаёт далёкая родина: «чайку над заливом, / Почти припавшую к волне», «дерево, зелёным взрывом» ударившее в глаза, и заветный «крымский брег», машущий «листвой зелёной» и «синею волной» (1, 230). То есть всё то, что можно было разглядеть сквозь родное окно оком, не затуманенным искажённой оптикой чуждой русскому поэту цивилизации.

Ностальгия-таки достала его много лет спустя.

Итак, в обоих стихотворениях отрицание ностальгии преодолевается парадоксальным отрицанием этого отрицания. Естественно – по-разному, в соответствии с совершенно несопоставимыми творческими темпераментами очень не похожих друг на друга поэтов. У Цветаевой исступлённый, навзрыд, поток признаний в неспособности вытерпеть катастрофические невзгоды одиночества и неприкаянности на чужбине при затаённой надежде вкусить от куста «горькой рябины», вернуть идеальное прошлое. У Елагина – спокойная констатация непреложного факта утраты отчизны, приятия «чужой стороны» и тем не менее косвенное признание своей неизбывной тоски по символу «давно оставленной России», вечно горящему в сыновней памяти вечернему окну с большим крестом посередине.

Примечания:

[1] Такой камень был-таки установлен в Тарусе в 1988 г.

[2] Вряд ли – дело случая сосредоточение в двух соседних строфах родственных грамматических форм одного и того же семантического поля, заданного инициальным возгласом «Тоска по родине!»: «Роднее бывшее – всего», «Душа, родившаяся – где-то» и «Родимого пятна не сыщет!».

[3] С прозрачным намеком на «Скотный двор» Джорджа Оруэлла.

[4] Ср.: «В моих претковения пнях, / Сплошных препинания знаках?» и в почти идентичном варианте следующей строфы: «В сплошных претковения пнях, / Сплошных препинания звуках?» в двойчатке стихотворений под общим заголовком «Куст», в котором А. Саакянц усматривает «прибежище души поэта», потому что «Куст манит поэта, ибо нуждается в нём. Взаимная необходимость – и вечная тайна: „*Что* нужно кусту от меня?.. А нужно! иначе б не цвёл / Мне в очи, и в мысли, и в уши. / Не нужно б – тогда бы не шёл / Мне прямо в разверстую душу…“ А поэту? Что нужно от куста – поэту? Здесь ответ однозначен: тишины. Тишины творчества. Тишины (гула!) Вселенной, невнятицы хаоса, которая, заполнив душу поэта, становится творчеством. Тишины (но не смертной!) иного бытия…» [Саакянц 2002: 645].

[5] В значительно более позднем горько-шуточном стихотворении, посвящённом друзьям Т. и А. Фесенко, Елагин сравнивает свою эмигрантскую жизнь с переводом, вспоминает прошлое и сопоставляет его с настоящим: «Сколько я раз, бывало, / Сам себе повторял: / – Ближе к оригиналу! / А где он, оригинал? <…> Я живу на расстоянии / От страны моей студеной / Я живу – на заикание / С языка переведенный» (1, 374).

[6] Соотношение почти равное: 20 к 15. Разница в 5 единиц покрывает разницу в стопности 5- и 4-стопного ямба. 40 стоп насчитывают 8 стихов у Елагина и только 32 у Цветаевой.

[7] Среди многочисленных скульптурных и графических работ Эрнста Неизвестного, основанных на универсальном символе креста, выделяется Магаданский монумент, посвящённый жертвам сталинских репрессий. Вот как описывает его сам скульптор: «…это скорбная маска 15-метровой высоты. Я её вылепил сам, своими руками, правда, с помощью двух рабочих. Знаете, у кого-то там, наверху, большое чувство юмора: фамилии этих рабочих Гробов и Грошев. Каково звучит? Монумент жертвам сталинизма создали скульптор Неизвестный и его помощники Гробов и Грошев.<…> Из глаз маски катятся каменные слёзы-головы. История плачет головами. Такие же головы на месте волос. В лоб маски вбит крест. Он частично спускается на переносицу и идёт по бровям. Далее: внутрь маски через щеку ведёт лестница. По ней мы входим в помещение, которое представляет собой не что иное, как одиночную камеру, где установлено всё как было: параша, железная койка.

На столе лежит книга – список жертв Магадана, среди которых представители 28 национальностей. Затем мы проходим через камеру на обратную сторону маски и спускаемся по лестнице вниз.
Над нами нависает огромный бронзовый пятиметровый крест – так называемый „Магаданский крест“. А под крестом – двухметровая „будущая Россия“: девочка, оплакивающая тех, кто погиб.
Насчёт креста: там, в вечной мерзлоте, лежат люди разных конфессий. Поэтому крест не носит сакрального характера, он не религиозный. Это, кажется, поняли все, в том числе и мусульмане. Крест в данном случае – метафора страдания. Конечно, каждый может вложить в него свой смысл, но я никогда не тщился сделать религиозный крест. Он очень удачно поставлен: на сопке, на фоне невероятно красивой и суровой магаданской природы.
<…> И ещё:
– Я глубоко убежден, что перед лицом смерти должны утихнуть раздоры. Когда я в Магадане ставил монумент жертвам утопического сознания – „Маска скорби“, то попросил архитектора в подножии положить камни, где выбиты символы всех конфессий России. И даже – коммунистический серп и молот. Смерть всех сближает. Ритуальные пляски чиновников над могилами усопших должны быть наказуемы. Хотя бы презрением общества к этим весёлым поросятам, справляющим праздник жизни над могилами усопших» [Качан 2013]. Другой типологической репликой на эти слова могла бы стать цитата из стихотворения Ивана Елагина «Не надо слов о смерти роковых…»: «Мы тоненькая плёночка живых / Над тёмным неизбывным морем мёртвых» (2, 11).

Литература:
Голлербах Сергей. Голос двух столетий. К столетию Ивана Елагина // Новый журнал. 2018/290. [Электронный ресурс] // https://magazines.gorky.media/nj/2018/290
Елагин Иван. Стихотворения: В 2 т. М.: Согласие, 1998.
Качан М.С. Магадан – Мемориал жертвам утопического сознания [Электронный ресурс] // https://proza.ru/2013/07/12/148
Саакянц Анна. Жизнь Цветаевой. М.: Центрополиграф, 2002. [Электронный ресурс] saakyants_zhizn_tsvetaevoj_2002_text.pdf
Толстоброва Л.В. Интертекстуальные мотивы и образы в лирике И.В. Елагина // Вестник Вятского гос. университета. 2014. Филология. №4. С. 122-126. https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-motivy-i-obrazy-v-lirike-i-v-elagina/viewer
Федотов О.И. Между Моцартом и Сальери. О поэтическом даре Набокова. М.: Флинта-Наука, 2014.
Федотов Олег. Стихопоэтика Ходасевича. М.: Азбуковник, 2017.
Цветаева Марина. Дон, 1-3 // Цветаева Марина. Стихотворения и поэмы. Л.: СП, 1990. С. 164.
Цветаева Марина. Письма. М.: Эллис Лак, 1995.
Швейцер Виктория. Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992.

АЛЕКСАНДР МЕДВЕДЕВ

«СЕРДЦЕ МИЛУЮЩЕЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО («ЗАПИСКИ ИЗ МЁРТВОГО ДОМА») И А.И. ЦВЕТАЕВОЙ («НЕПОСТИЖИМЫЕ»)

Творчество Ф.М. Достоевского, открытое А.И. Цветаевой в эпоху религиозно-философского Ренессанса начала XX в., становится для неё не только художественным образцом в раскрытии «глубин души человеческой» и философской моделью в решении «последних» вопросов бытия, но и парадигмой духовного пути[1].

Одной из ключевых тем, роднящих миры Достоевского и Цветаевой, – любовь к «братьям нашим меньшим». В автобиографических «Записках из Мёртвого дома» (1862) животным в жизни каторжан («милая лошадка» Гнедко, собаки Шарик, Белка, Культяпка, гуси, козёл Васька, орёл) Достоевский посвятил целую главу: «наши арестантики могли бы любить животных, и если б им это позволили, они с охотою развели бы в остроге множество домашней скотины и птицы. И, кажется, что бы больше могло смягчить, облагородить суровый и зверский характер арестантов, как не такое, например, занятие?»[2]. Любовью к животным автор раскрывает «в человеке человека»[3], а жестокость к животным становится мерилом духовного падения личности.

В этой главе Достоевский изображает не только «все глубины» человеческой души[4], но и души собачьей. Достоевский трогательно раскрывает «характер» каждой собаки, с которой он был в «постоянной дружбе». Чистая, бескорыстная любовь собаки, ожидающей от человека ответной любви, раскрывается в ситуации *встречи*. Образ собаки пронизывает мотив *ласки, ласкосердия*: Шарик «ласково[5] встречает каждую партию, вертит хвостом и приветливо засматривает в глаза каждому вошедшему, ожидая хоть какой-нибудь ласки. Но в продолжение многих лет она не добилась никакой ласки ни от кого, кроме разве меня. За это-то она и любила меня более всех»[6].

Ключевым является мотив собачьего *восторга*, искренней *радости*, обращенной к человеку. Так, внутренней речью Достоевский раскрывает «пылкий и восторженный» характер Культяпки: «…как и всякий щенок, который от радости, что видит хозяина, обыкновенно навизжит, накричит, полезет лизать в самое лицо и тут же перед вами готов не удержать и всех остальных чувств своих: „Был бы только виден восторг,

а приличия ничего не значат!“ Бывало, где бы я ни был, но по крику: „Культяпка!“ – он вдруг являлся из-за какого-нибудь угла, как из-под земли, и с визгливым восторгом летел ко мне, катясь, как шарик, и перекувыркиваясь дорогою»[7].

В страдании и униженности собак проступает концепт христианской *жертвенности*. Искалеченная Белка, по причине своей физической ущербности уже не надеющаяся на ласку не только людей, но и своих собратьев, проявляет при этом глубочайшее *смирение*: «Оскорблённая судьбою, она, видимо, решилась смириться. Никогда-то она ни на кого не лаяла и не ворчала, точно не смела. <…> в знак смирения, перекувырнется на спину: „Делай, дескать, со мной что тебе угодно, а я, видишь, и не думаю сопротивляться“»[8]. Неожиданно проявленная к Белке жалость вызывает у неё чувство *умиления*: «Я попробовал раз её приласкать; это было для неё так ново и неожиданно, что она вдруг вся осела к земле, на все четыре лапы, вся затрепетала и начала громко визжать от умиления. Из жалости я ласкал её часто»[9].

Судьба собак трагична в мире человеческой жестокости: по слову ап. Павла, вся тварь «по воле покорившего её» человека «совокупно стенает и мучится доныне», с надеждою ожидает от виновника грехопадения своего освобождения от «рабства тления в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8, 19-22), но виновник грехопадения не спасает животных, а жестоко их уничтожает. Любимый Достоевским Культяпка стал жертвой арестанта Неустроева, подложившим содранным с него мехом «бархатные зимние полусапожки»[10].

Если в «Записках из Мёртвого дома» христианские интенции в восприятии животных присутствуют имплицитно, то позже устами кн. Мышкина, Макара Долгорукого, Маркела и старца Зосимы Достоевский прямо говорит об одухотворенности творения и духовности животных. В чистой, *милующей* душе праведников Достоевского отражается райская, первозданная красота творения и животных («Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8)), они уже на земле видят осуществление Царствия Божия.

О глубокой духовности животных говорит Зосима, отмечая кротость, незлобивость, доверчивость, духовную красоту коня, вола[11]. В своем гимне всеобъемлющей любви к творению Божию от «целого» до «песчинки» Зосима осуждает человеческую гордыню, определяющую жестокое отношение к животным[12]. При этом Достоевский считал, что любовь к животным не должна опережать любовь к человеку, не должна быть самоцелью, а призвана гуманизировать человека – «очеловечить», «обр*а*зить» его: «Научившись жалеть скотину, мужик станет жалеть и жену свою»[13].

Восприятие духовной красоты животных, их глубочайшего смирения, кротости, любви и доверчивости как образца для человека, утратившего в отличие от животных своё «естественное состояние», уходит корнями в христианскую традицию. Увидеть райскую, первозданную красоту животного способен лишь человек с чистым, «милующим сердцем», о котором писал любимый Достоевским христианский мистик VII в. преп. Исаак Сирин: «И что такое сердце милующее? – и сказал: возгорение сердца у человека о всём творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари»[14]. Эта сострадательная, жалостливая любовь к животным выступает в христианстве важнейшим свойством духовного совершенства, неотъемлемой чертой святости.

В послушании животным святым (авва Герасим (†475), вылечивший и приручивший льва; св. Франциск Ассизский (†1226) с его обращениями к «брату» Солнцу, «брату» Волку, «сестрам» Птичкам; житийное «чудо о медведе» преп. Сергия Радонежского (†1392) и преп. Серафима Саровского (†1833)), в их взаимной любви проступает райская гармония Адама и животных – утраченный после грехопадения идеал Эдема, Царствия Божия на земле. Творчество Достоевского преломляет в себе христианскую традицию «милующего сердца», соединяя в себе её православный и францисканский варианты[15].

Эта христианская традиция «милующего сердца» присутствует и в творчестве А.И. Цветаевой – в книге рассказов о животных «Непостижимые» (описанные в ней события относятся к годам советских лагерей (1938-1947) и сибирской ссылки (1949-1956), рассказы писались в разные годы, отдельной книгой вышли в 1992 г.[16] Францисканские аллюзии в текстах Цветаевой требуют отдельного изучения, но о значимости для Цветаевой образа св. Франциска говорят следующие факты. Её духовный учитель, Б. Зубакин, как свидетельствует М. Горький после общения с ним в Сорренто в августе 1927 г. (в это время там гостила и Цветаева), «свято чтит Франциска Ассизского и – так же свято – Игнатия Лойоллу»[17]. В письме от 31 мая 1927 г. Зубакин формулирует Горькому своё францисканское исповедание: «Я вижу трясогузку на дорожке – и кланяюсь ей. Когда никого нет в саду, подхожу к деревьям и целуюсь с ними. Собаки принимают меня за большого пса, и я даже не стараюсь объяснить им их заблуждение. Знаю, всем существом знаю, что каждая точка Бытия – индивидуальна, неповторима и грезит о себе самой (оттого и рождает из себя – другую „себя“). <…> Каждая точка Бытия понимает другую. Есть древесный, растительный язык всего мира! Звезды перемигиваются с полным пониманием, и земля может провалиться под предателем и негодяем! <…> Процесс сознания один. В бытии нет „над“ и „под“ – а всё „внутри“. Здравствуйте, деревья, прости меня, трава, ждите меня, звезды!»[18]. Здесь Зубакин также отсылает к «францисканцу» кн. Мышкину: «Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его! О, я только не умею высказать…

а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребёнка, посмотрите на Божию зарю, посмотрите на травку, как она растёт, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят…»[19]. В тюремном заявлении следователю от 22 октября 1937 г. Зубакин упоминает не дошедшее до нас стихотворение 1921-1922 гг. о «проповедниках евангельской бедности Франциске Ассизском и Серафиме Саровском, характеризующем также моё отношение к воителям духа, к духоборам»[20].

Другой друг Цветаевой, М. Волошин, в ноябре 1919 г. в Коктебеле (в это время Цветаева находилась там) пишет стихотворение «Святой Франциск», сначала задумывая его как главу в поэме о Серафиме Саровском «Святой Серафим», но затем помещая его как самостоятельное произведение в книгу «Неопалимая Купина. Стихи о войне и революции» (1914-1924), в цикл молитв «Возношения». В этом стихотворении Волошин поэтически перелагает «Гимн брата Солнца» и Проповеди св. Франциска животным («Первое житие» Фомы Челанского, 58; «Большая легенда» св. Бонавентуры, VIII, 7, 11):

<…>
Приходили, прибегали, приползали
Чрез кусты, каменья и ограды
Звери кроткие и лютые и гады.
«<…> Братья-звери, будьте крепки в вере:
Царь Небесный твари бессловесной
В пастухи дал голод, страх и холод,
Научил смиренью, мукам и терпенью»[21].

Волошин завершает стихотворение образом Царствия Божия на земле:

И монашка звери окружали,
Перед ним колени преклоняли,
Ноги прободённые ему лизали.
И синели благостные дали,
По садам деревья расцветали,
Вишеньем дороги устилали,
На лугах цветы благоухали,
Агнец с волком рядышком лежали,
Птицы пели и ключи журчали,
Господа хвалою прославляли [22].

Цветаева следует за Достоевским в глубинном проникновении в душу «братьев наших меньших» – не только собак, котов и кошек, но и гуся Теги, кролика Кроли, свина, птенца, овец и даже насекомого. Главными героями в её книге, как и в «Записках из Мёртвого дома», являются любимые Цветаевой собаки. Углубляя Достоевского, она даёт персонифицированное восприятие животных («Цветаева всегда обращалась к собакам на „вы“»[23]), создавая незабываемые «портреты» Мишки, Каштанки, Барбоса, Бобка, Домки и других собак.

Как и у Достоевского, бескорыстная любовь собаки раскрывается в ситуации *встречи*, которая приносят человеку необыкновенную, райскую *радость*, что выражается мотивами неожиданного, *чудесного появления*, *радости, праздника*, *бескорыстного дара*. Мишка и Каштанка «уносились и появлялись, как луч из-за облака, – кого по пути облизав, кому – сунув в руку мокрую морду»: «Так расцветает в сером дворе факирьим цветком – шарманка. И как-то надо было собрать морщинами лоб, чтобы в озабоченной мотивированности продолжать подсчёт сметы – после волшебной немотивированности, которой одаривали нас животные»[24]. Бобка «с первых лет жизни», «прыгнув» в её сердце, «свил там себе гнездо по гроб жизни»: «Война, недоеданье, разлуки. Но стоит чёрному носу просунуться в щелку, лапе ударить дверь, – *как* радуюсь! И пёс это – *знает*! В ответ на мои ласки – даже *свистит* от нежности! Тонко…»[25]. Руслан радуется любящему его человеку, «как празднику, – умилённым словам, ласкам, безнаказанности игр»[26].

Продолжая Достоевского, цветаевские образы собак воплощают в себе более сохранённую, чем в человеке, глубочайшую духовность – *чистую любовь, благодарность, радость, смирение и кротость*. Так, «в манере Каштанки неизменно сквозило сознание своей неполноценности <…> и рикошетом рождавшаяся благодарность, что её ласкают и с ней шутят»[27]. Бобка, страдая от случайно причинённой ему боли, проявляет при этом величайшее смирение: «за силу моего не человеческого, собачьего же сочувствия, явно *смирял* вой. Дрожь – не мог! И вежливо, душевно-грациозно (так бесконечно выше человеческой воспитанности) выражал полноту своего прощенья, радованье моей виноватой, просящей о мире ласке,

утешался всласть, мотая ещё страдающей от ушиба мордой»[28]. И о том же Бобке в игре: «Какая искренность! Какая *не человеческая благодарность*!»[29]. Собачье сердце способно даже на покаяние[30]. Кошка Беляна являет собой образец достойной смерти: «Кротко дотерпела до конца»[31]. Для Цветаевой эта духовность животных – «всплеск радости, райское зрелище» в нашей жизни, «полной дьявольской спешки, жестокостей без покаяния, гордостей, недоразумений»[32].

Как и в «Записках», судьба животных в цветаевских рассказах трагична в мире человеческой жестокости. Райская по своей взаимности любовь человека и собаки обрывается жестоким убийством собак. Мишку и Каштанку топят в яме нечистот, Руслан пошёл на рукавицы хозяину, Барбоса и Бобку также убивают из-за меха: «За краску, ими не знаемую, у них отняли их верное и весёлое собачье сердце, которым они хотели служить человеку и радовать его»[33]. Жестокость к животным для Цветаевой намного страшнее, чем к человеку: «Человек и страдание – органично, ибо отражено в сознании. Страдание животного – чудовищно, потому что у него нет греха»[34]. В последних словах Цветаева, исходя из своего опыта общения с животными, вторит старцу Зосиме, говорящему, что в животных «нет никакого греха»[35].

Цветаева идёт дальше Достоевского, задумываясь в эссе «Тайна животных» (1990) о посмертной судьбе животных. Ответом на этот долго мучивший её вопрос стало райское видение византийского святого X в. Андрея Юродивого: «дивясь на несказанную высоту и красоту райских деревьев, он увидел, за ними, животных: „цветом зари и неба, а шерсть на них была как бы шёлк…“[36]»[37]. Удивлённый этим видением Андрей получил ответ свыше, от которого у Цветаевой сердце «забилось как птица»: «Неужели ты думал, что Бог хоть одной Своей твари даст – тление?[38]»[39]. От этих умиляющих слов и видения «преображённых в раю животных» в душе Цветаевой настал покой.

Вслед за Достоевским, выявившем в животных их глубочайшую метафизику – духовную красоту их «лика», Цветаева раскрывает метафизическую тайну первозданной гармонии человека и животных: «Держа на ладони протянувшуюся с лаской чёрную морду с жёлтой подкладкой, с закрытыми – задремал – глазами, я думаю: точно созданы друг для друга человеческая рука и на неё положенная, как тёплый живой дар – голова собаки!»[40]. В своём *милующем сердце*, полном милосердия и любви, Цветаева достигает благодатного созерцания животных, возвращающего нас в рай: «Ох, как хорошо жить на свете!.. Чувство *счастья*. Нахожденье у самых истоков всего, каждый раз как вижу собак и кошек»[41]. И это совсем не романтизированное и сентиментальное очеловечение животных, а столь актуальное сегодня экологическое сознание, вытекающее из христианской веры и любви Достоевского и Цветаевой.

Таким образом, важнейшая для обоих писателей тема животных раскрывается в контексте раннехристианской традиции «милующего сердца» (преп. Исаак Сирин), соединяющей в себе её православный и францисканский варианты. В русле этой христианской традиции общие для обоих писателей мотивы, ключевые христианские концепты в изображении животных (встреча, любовь, ласка, восторг, радость, рай, жертва, смирение, кротость, чудо, дар и др.) выражают глубочайший психологизм, христианский гуманизм и метафизическую гармонию человека и животных.

Примечания:

[1] О религиозно-философском, художественном диалоге Цветаевой с Достоевским см. подробнее: Медведев А.А. «…Ведь это родной дом!..»: А.И. Цветаева и Ф.М. Достоевский // А.И. Цветаева: жизненный путь и творческое наследие. Материалы Международной конференции. – М.: Дом-музей М. Цветаевой, 2010. – С. 111-173.

[2] Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 4. – С. 129.

[3] Там же. – Т. 27. – С. 65.

[4] Там же.

[5] Здесь и далее подчеркивание в цитатах моё. – А. М.

[6] Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 4. – С. 189.

[7] Там же. – С. 190-191.

[8] Там же. – С. 190.

[9] Там же.

[10] Там же. – С. 191.

[11] Там же. – Т. 14. – С. 267-268.

[12] Там же. – С. 289.

[13] Там же. – Т. 22. – С. 26.

[14] Сирин Исаак, преп. Слова подвижнические. – М.: Правило веры, 2002. – С. 323-324.

[15] См. подробнее: Медведев А.А. «Сердце милующее» в творчестве Ф.М. Достоевского и христианская традиция // Диалоги классиков – диалоги с классикой: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 194-224; Медведев А.А. «Сердце милующее»: образы праведников в творчестве Ф.М. Достоевского и св. Франциск Ассизский // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (139). – С. 222-233.

[16] Цветаева А.И. Непостижимые: рассказы о животных. – М.: ВМКЦ, 1992. – 175 с.

[17] Горький М. Письмо А.Н. Тихонову от 9 сентября 1927 г. // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. – М.: Наука, 2014. – Т. 17. – С. 29.

[18] Минувшее: Исторический альманах. 20. – М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. – С. 279-280.

[19] Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 8. – С. 459.
[20] Немировский А.И., Уколова В.М. Свет звёзд, или Последний русский розенкрейцер. – М.: Прогресс – Культура, 1994. – С. 265.
[21] Волошин М. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899-1926 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; Коммент. В.П. Купченко. – М.: Эллис Лак 2000, 2003. – С. 362-363.
[22] Там же. – С. 363.
[23] Ионас В.Я. Анастасия Цветаева. Встречи. Переписка // Грани. – 2001. – № 198. – С. 152.
[24] Цветаева А.И. Непостижимые: рассказы о животных. – М.: ВМКЦ, 1992. – С. 32.
[25] Там же. – С. 64.
[26] Там же. – С. 69.
[27] Там же. – С. 33.
[28] Там же. – С. 65.
[29] Там же. – С. 66.
[30] Там же. – С. 150.
[31] Цветаева А.И. Amor: Роман и повести. – М.: Современник, 1991. – С. 482.
[32] Цветаева А.И. Непостижимые: рассказы о животных. – С. 168.
[33] Там же. – С. 68.
[34] Там же. – С. 126.
[35] Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 14. – С. 268.
[36] Это видение райских животных вызывает у блаженного Андрея умиление: «Среди этих цветов бегали прекрасные звери; одни были белые, другие голубые, а иные как бы обвитые розовым блеском рассвета. Они все были мирны, веселы и дружны. Какие-то тонкие, чрезвычайно приятные звуки, которыми они обменивались друг с другом, превосходили всякую земную музыку. Шерсть ли, или тончайшие шелковые нити служили им одеждой – я того не мог понять» (Блаженный Андрей юродивый // Ад и Рай. Святоотеческое учение о вечных муках ада и о вечном блаженстве рая и видение рая святыми / Сост. Л. Денисов. Издание 4-е. – М.: Изд. Е.И. Коноваловой, 1911. – С. 44).
[37] Цит. по: Васильев Г.К., Никитина Г.Я. Трудный путь к Богу (Духовная эволюция А. Цветаевой) // Вестник Русского Христианского Движения. – 2004. – № 2 (188). – С. 175.
[38] «– Что ты удивляешься, Андрей? Или ты стал сомневаться в любви Божией? Бог любит всех, и невинных своих созданий не отдаёт на вечное тление. – Умиление, как усладительный напиток, растворилось в моём сердце, и я воздал хвалу Господу» (Блаженный Андрей юродивый. – С. 44).
[39] Цит. по: Васильев Г.К., Никитина Г.Я. Трудный путь к Богу (Духовная эволюция А. Цветаевой). – С. 175.
[40] Цветаева А.И. Непостижимые: рассказы о животных. – С. 80.
[41] Там же. – С. 65.

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» ЕЛЕНЫ СЕВРЮГИНОЙ

ЯБЛОКО ДЛЯ ЕВЫ

(Евгения Никитина-Кравченко, Стихоложество. – [б.м.]: Издательские решения, 2021. – 94 с.)

Маленькая книжечка стихов Евгении Никитиной-Кравченко, выпущенная издательством Ridero, имеет все шансы стать заметным явлением в мире литературы. И дело здесь не только в «высоком косноязычии» автора, в его стремлении «переделать» традиционный язык, превратив его в универсальное средство самовыражения, но и в предельном откровении с читателем, в желании эпатировать его ничем не ограниченной физиологией мыслей и желаний.

Материальность и даже грубость возвышенного – вот парадокс художественного мышления Кравченко. Николай Васильев в аннотации к книге называет стихи автора «раздеванием боли в темноте, грубым и целомудренным обнажением». В самом этом определении заложено логическое противоречие: боль, раздетая в темноте, остаётся невидна тому, кто наблюдает за процессом. Но так ли это? Боль, душевная или физическая, испытываемая другим человеком – это абстрактная категория, она из разряда тех чувств, которые интуитивно постигаются, считываются с мимики, жестов, угадываются в особых интонациях или выражении лица. Точно так же обстоит дело и с этой книгой – она действительно не требует понимания, но рассчитана на особую чуткость читателя, который сможет проникнуться энергетикой предложенных его вниманию текстов, увидеть в них зашифрованный месседж, почувствовать душевную уязвимость за видимой небрежностью высказывания.

Само название книги, «Стихоложество», кажется вызовом и нарочитой провокацией. По ассоциации напрашивается мысль о скотоложестве, в привычных этических категориях воспринимаемом как физиологическое извращение, серьёзная психическая аномалия. Но это если не вдаваться в языковые нюансы данного словообразования. А между тем толкований здесь может быть множество. Стихоложество – разделение ложа со стихами, с поэзией, то есть абсолютная преданность творчеству, вне которого жизнь лишается смысла. А если разбить слово на две части, то можно получить «стихи» и «ложь». Стихотворная ложь, которая по сути своей является не лжесвидетельством, а желанием образной иносказательности, нарочитого искажения привычного смысла объекта или явления с целью создания альтернативной реальности, приспособленной к мировосприятию автора. Поэтические тексты Евгении Кравченко сотканы из знакомых понятий и вещей, но, в силу их непривычного соположения, выходящей за пределы нормы сочетаемости друг с другом в границах целостной картины мира, возникает эффект чужеродности, инаковости и даже странности происходящего. Первобытный синкретизм авторского мышления погружает читателя в царство безграничной проходимости смыслов, где путём срывания с предметов материальных оболочек вскрывается иная, подлинная их суть, разрушающая общепринятое представление о дискретности бытия и «привычной пластике объектов в их взаимосвязи»:

здесь не то чтобы детство, а прочий помост
меж вторым подоконным и спелым
голым яблоком, что ли, разрезанным от
переносицы к топкому мелу.

и кого из нас больше в дому посему,
по которому ходишь, не скручен
ни в бараний рожок, ни во тьме посошок,
ни чему ещё врёшь, не замучен.

Здесь, как в поэзии Петрушкина, острая игла языка сшивает в единую ткань предметы земного, материального мира с конечными областями значений. Человеческая жизнь, трактуемая в терминах вещного или природного мира, превращается у Никитиной в сложную многоуровневую метафору, дорастающую до метаболы с характерной для неё мощной реконструкцией заданной реальности. Здесь мир, увиденный «фасеточным зрением стрекозы», не предполагает никакой герметической замкнутости и непрерывно растёт, развивается вместе с автором, продуцируя всё новые и новые смыслы. Голое яблоко, «разрезанное от переносицы к топкому мелу», листва, уходящая «от круга лица твоего», «мята глаз и губ», которая «кудахчет псу задверному», «сосны во рту», «песок, кренящийся на виске» – вот образы, типичные для всеобъемлющего и свободного от языковых стереотипов сознания автора, становящегося демиургом, создающего мир по особым законам, допускающим продлевание конкретного в абстрактном, вымышленного в реальном.

Эффект «остранённости» художественного пространства, рождаемого из первичных эманаций, авторского камлания и шаманизма, природного гула и бессвязного бормотания, достигается благодаря мощному языковому инструментарию, которым Евгения Никитина владеет в совершенстве. Концептуалистски отрывая слова и выражения от их исходных значений, она одновременно вскрывает в них новый смысловой потенциал, существенно расширяющий границы языковой вселенной. Отдельного внимания заслуживают те невероятные преобразования, которым подвергаются в текстах Никитиной фразеологические обороты речи. Отказываясь от привычных норм употребления идиомы, семантически и структурно расширяя её состав, тем самым нарушая непроницаемость языковой единицы, автор вовлекает её в общее ассоциативно-смысловое поле поэтического текста, свободного от любых условностей. Так «без году неделя» превращается в «без году боль», а «чистый банный лист» вызывает совсем иные ассоциации, восходя к теме творчества *(«хоть хочется обратно на чистый банный лист, чтоб поедом дела»)*. Нередко опознать обряженную в новые одёжки знакомую фразу становится затруднительно – сойдя с общего языкового конвейера, она становится самобытной, яркой чертой авторского идиостиля. Лирический герой «с бревном в глазу в полубреду», раздробленные надвое «вериги шуры» и «муры лета», телята, которые идут туда, «куда Макар и не гнал, не сцеживал парное», семицвет, похожий на «лыко, которое не вяжешь», «зуб за жизнь, за две, за жёлты очи», – всё это мощнейшие средства мифологизации художественного пространства книги, уход от навязанных, изживших себя стереотипов языкового мышления.

Не менее любопытны и другие художественные приёмы, которые использует Никитина как форму «лингвистического бунта» против заезженных грамматических форм. Те же фразеологизмы, в составе которых не только слова, но и морфемы по-новому «сшиваются», комбинируются, внезапно обнаруживают внутри себя иной, скрытый смысл. Из очевидного «стар и мал» рождается поражающая своей неожиданностью повествовательная синтагма:

Там старый мал, где, если приглядеться
на синь со дна, то как забить косяк,
и слева вправо рассекает детство,
когда смотрю туда, куда нельзя.

Наконец, настоящей находкой для лингвиста являются яркие, незатёртые метафоры, окказиональные эпитеты и сравнения, создающие частокол «неочевидных образов и неявленных смыслов»: «изглоданный трек капели», «зевота – сероглазая, как голь», «не забаненная безнасыпь», «околоплодные ручьи», «молочаевские глазницы», «мясо Божие». Подобные находки наряду с многочисленными неологизмами демонстрируют авторскую неприязнь ко всему очевидному, однозначному. Наряду с этим хочется отметить высокий уровень авторской эрудированности: тексты Никитиной изобилуют интертекстуальными вкраплениями, многочисленными отсылами к поэзии золотого и серебряного века. В частности, строка *«защемлённый, как в ветках щегол, изрыгая щебечье»* невольно отсылает к Мандельштаму, а в другом стихотворении названы одновременно и сам интертекст и его источник: *«орлы куропатки прочей чахоткой чехов»*.

Эффект «остранения» достигается и с помощью многочисленных архаизмов и библеизмов, которые, наряду с неологизмами, преобразуют стихи Евгении в многомерное интертекстуальное пространство, делают поэтический язык уникальным, звучащим камерно и, наряду с этим, ультрасовременно:

Вот, март, се твоя лемаргия. Обжорство и течь с потолка.
Агония без херувима. Бесстыдство и сушь светлячка.

Вот, март, я тебя воздыхаю. Втихую гляжу, мой помреж,
Как просто, с лица опадая, ты вторишь, что юн и несвеж.

При слове «лемаргия» сразу хочется обратиться к толковому словарю, но поисковик, деликатно заменяя букву «м» на «т», выдаёт общеизвестную летаргию как состояние болезненной усталости, анабиоза.

На самом же деле лемаргия – слово, которое мало кто сейчас употребляет – относится к библеизмам и означает особый вид чревоугодия – когда долго держишь еду во рту, чтобы насладиться вкусом. Один из синонимов слова – гортанобесие.

Зоркий авторский глаз обнаруживает в слове те связующие смыслы, которые делают его значение и применение универсальным, обращённым одновременно к прошлому и будущему историко-культурного процесса. Есть в тексте и библеизмы, отсылающие к ветхому и новому завету. Нередко именно они вскрывают в сложной и на первый взгляд абстрактно-отвлечённой поэзии Никитиной совсем иной, сокровенный и глубоко чувственный подтекст.

Тот подтекст, который позволяет со всей определённостью установить гендерную принадлежность книги. Потому что она о любви – точнее, о её мучительном ожидании, проживании и почти физиологической жажде – сродни той, которую испытывали искушённая змием Ева и ветхозаветная Суламифь. *«Сыро тут, суламифно»*, – признаётся автор, и далее следует облачённое в яркую метафору предельное откровение – чувство, проговорённое языком тела, даже более красноречивым, чем язык разума: *«гори, моя стайка тайная, зверь мой – сам»*.

Любовь-страсть как потребность продлиться естеством в близком человеке, обрести целостность собственной жизни в духовности низменного, которое и низменным быть перестаёт – вот глубинный подтекст книги. Присутствующее в некоторых текстах чувство космического одиночества вне пространства любви передаётся на уровне физиологического ощущения, телесной пытки, дорастающей, при всей парадоксальности подобного заявления, до христианской интонации:

и узришь, однощёкий, – некому дать второй
долговязой щеки своей острой, сухой, бесскульной,
будто вся перемена дня – с потолка на угол,
где темнеет настолько, будто горит огонь.

Вдумчивый и чуткий читатель не станет тратить время на расшифровку высокого авторского косноязычия – он просто вслед за ним проживёт это состояние предельного напряжения, физического и душевного. Ощутит эту поэзию на уровне мускульно-мышечного спазма, суставной боли и подкожного зуда. Не случайно некоторые разделы книги имеют анатомические названия – например, «Седалищный нерв». Существенно и то, что авторская поэтическая интонация – это фактически возведённая до уровня речевой артикуляции энергия телодвижений: отсюда «фригидность тоски», нева, «взывающая к морям из ладоней и сора», «висококосные лопатки», частое упоминание частей тела в принципе и т.д. Соскальзывание языка тела в зону сакрально-непостижимого. вселенски значимого автор передаёт с помощью фраз-гибридов, в которых материальное и духовное срастаются намертво. *«Висок – плотиною на мель»*, *«пепел, ненавидимый на ушко»*, *«жалость, как родимые пятнашки»*, *«соль запястий, гулко тающих»*, *«защёчноягодный нагар»* – так появляется и бесконечно себя продуцирует, дорастая до антропоморфной вселенной, уникальный авторский язык.

Всего лишь небольшое переключение центра сознания в иную область – и книга «впустит» в себя, загорится в нас тёмным огнём соблазна. Станет тем самым яблоком, которое некогда превратило целомудренную Еву в искушённую таинством любви женщину, ставшую духовным и физическим продолжением мужчины:

Ни трепета, ни топота, ни зги.
Брезгливит май, как соль, остроконечит,
кровоблудит, как балаган, внутри –
усталый, зыбкий, неизбывный, вечный.

Зевота – сероглазая, как голь,
на выдумку хитра и непосильна.
Без роду-племени весна, без году боль
вдоль переносицы твоей и вдоль бессилья.

Живи по-прежнему, по кругу, по-за тем,
сорочья перепись и ласточкины слезы
под сердцем: стук-постук, тень за плетень.
И никуда мне из тебя, ни ввысь, ни оземь.

ИСЦЕЛЕНИЕ НЕБОМ

(Сергей Рогатко, Партитура L. – М.: РІПОЛ классик, 2022. – 608 с.)

Настоящий русский роман – явление, ставшее редкостью в наши дни. Современный читатель избалован постмодерном с характерными для него многоуровневыми смысловыми ассоциациями, аморфностью сюжета и отсутствием чёткой системы персонажей. Но не так легко бывает разглядеть за частоколом аллюзий авторскую идею, даже душеспасительную.

Писатель, историк и драматург Сергей Рогатко, двадцать лет назад создавший роман «Партитура L», возвращает нас к истокам благополучно всеми забытой классической литературы, и при этом создаёт уникальное произведение, объединившее несколько жанров. Во-первых, название книги заставляет вспомнить о полифонии – термине, применимом не только к музыке, но и к литературе. Буквально полифония – нотная запись оркестровой, хоровой или ансамблевой композиции, объединяющая все партии и отображающая их одна над другой. При этом партии располагаются в определённом порядке. Если вспомнить полифонизм Достоевского – характерное для его романов многоголосое исполнение разными героями одной и той же сквозной темы – становится очевидным, что перед нами современный роман-эпопея, объединяющий в единую мелодию судьбы разных людей.

В то же время это и роман-антология русской жизни, поскольку он охватывает достаточно большой исторический промежуток времени. В центре внимания автора – история двух семей – Воложиных и Камовых. Частные проблемы героев показаны на фоне сменяющихся эпох и правителей. Книга открывается сценой смерти главы семейства Воложиных Леонида Максимовича, вместе с которым символически умирает и старое время. А всё, что происходит с персонажами в дальнейшем, начинается в семидесятые годы и заканчивается практически в наши дни. Последняя упомянутая автором дата – начало двадцать первого века. К этому времени почти все герои, пройдя череду долгих житейских мытарств, обретают своё счастье и подлинное предназначение, свою единственную и правильную мелодию.

Именно мелодия, пронизывающая всё повествование (не случайно каждая глава сопровождается соответствующим её тональности музыкальным термином, определяющим характер исполнения) становится сквозным образом-символом книги и ключом к разгадке авторского замысла. Характерные черты романа-эпопеи – описание событий на протяжении ряда эпох, многосюжетность, полифонизм, сложная система персонажей – ещё не делают книгу исключительной в жанровом отношении. Но музыка, сопровождающая героев на жизненном пути, являющаяся камертоном их внутреннего душевного состояния, переходящая в звучание небесных сфер – является тем сквозным образом-мотивом и намеренно выбранным автором сюжетным ходом, благодаря которому исторический роман о простых рабочих людях, передовиках производства и строителях БАМа, о московских студентах, советской интеллигенции и госслужащих перерождается в роман духовный, религиозный, где главной темой становится поиск человеком любви и Бога внутри себя.

Тема духовных исканий, путь «от Христа и ко Христу», совершаемый героями двух различных семей, суровые испытания с последующим обретением нравственной опоры – то, что сближает роман «Партитура L» с «Войной и миром» Л.Н. Толстого. Здесь даже система художественных образов вызывает соответствующие аналогии. Восторженная, эмоционально восприимчивая Евгения Воложина, живущая «жизнью сердца», отчасти напоминает Наташу Ростову, её старшая сестра Ираида и жена Владимира Камова «Елена Прекрасная» – девушки-пустоцветы, которые в силу неспособности любить караются отсутствием детей и семейного счастья. Внешне привлекательная, но внутренне пустая, живущая материальными благами и сиюминутными страстями Елена – современный аналог Элен Курагиной, блестящей светской красавицы, так и не сумевшей никого осчастливить и умершей от дурной болезни. А мудрый старец Диодор, живущий в стенах Святотроицкого монастыря, очень напоминает Платона Каратаева, чья бесхитростная жизненная правда открывает путь к истине Пьеру Безухову.

С другой стороны, исторические события Сергей Рогатко преподносит в том же ключе, что и Михаил Шолохов в «Тихом Доне» и Борис Пастернак в «Докторе Живаго». Человек и время – центральные образы книги, причём важна не столько сама история, сколько показанные на её фоне судьбы героев. Время, безжалостное ко всем без исключения, сводит и разводит близких по духу людей, заставляет их делать непростой нравственный выбор и проходить через непосильные жизненные испытания.

Следует отметить, возвращаясь непосредственно к событиям романа «Партитура L», что его структура организована двумя основными планами повествования: внешней, исторической, канвой, и частными историями жизни и любви главных героев. Фактографический материал книги довольно обширный: здесь подробно описано «золотое время в жизни советских граждан» – эпоха правления Брежнева, для которой характерна не только относительная материальная стабильность, но и развитие науки, культуры, просвещения. Автор вспоминает также годы, когда *«в нашей передовой советской державе вовсю начинала властвовать электронная полупроводниковая эра»*, когда шло легендарное строительство Байкало-Амурской магистрали, уже омрачённое миазмами коррупции и бюрократизма. Затем – смутное время, калейдоскопическая смена

генеральных секретарей на своих постах, и то всеобщее «развержение умов», которое невольно напоминает нынешнюю трагическую ситуацию, расколовшую общество на два лагеря – патриотов и либералов. Также и в те, уже относительно далёкие, времена, на волне диссидентского движения и массовых миграций, разобщение людей, их приверженность разным идеалам стала носить массовый характер. Одним из самых ярких и драматичных эпизодов романа Сергея Рогатко становится дискуссия на «круглом столе» русского отдела радиостанции «Свобода» *«Приверженцы национально-патриотических сил, то есть представители западного „русофильства", ратующие за возрождение русской идеи, вдруг с грохотом, шумом и гамом набросились на так называемых представителей экономической волны эмиграции, для которых главный бог был и остается золотой телец».*

В таких исключительно сложных условиях «нащупывают» свой путь и своё личное счастье главные герои романа. По сути, в центре внимания читателя находятся судьбы четырёх главных персонажей – это любовные пары Владимир Камов/Евгения Воложина и Иван Камов/Людмила Воложина. История их крайне непростых взаимоотношений неотделима от философско-религиозных раздумий автора о подлинном смысле жизни.

С точки зрения Сергея Рогатко, обрести счастье можно только в любви, но при условии если это «любовь во Христе», то есть, то возникающее между людьми чувство абсолютного духовного родства, которое позволяет утверждать, что «браки совершаются на небесах». Музыка этой любви периодически звучит в душах героев, но иногда под влиянием внешних обстоятельств сменяется жёсткой какофонией и диссонансом. Важно, что в романе любовная тема носит, помимо прочего, ещё и философско-исторический характер. Осмысливая процессы, происходящие в советскую эпоху, автор с горечью отмечает, что само понятие любви в её высшем, духовном понимании уходит из жизни людей, заменяясь плотскими, эгоистическими её формами: *любовь, как единый инструмент Божественной правды, единый настроечный камертон для всех живых существ, стала постепенно утрачивать свои видимые, высокие очертания, свои позиции, превращаясь всё более в банальный, технический электромузыкальный инструмент, на котором возможно было бы играть и без особого таланта».*

Если пользоваться античной терминологией, прижившейся потом и в христианстве, можно сказать, что все герои романа образуют своего рода иерархию на основании того типа любви, который они представляют. На низшей ступени находится старшая дочь Воложиных Ираида – когда-то в юности испугавшись глубокой привязанности к мужчине, она предпочла путь одиночества и аскетизма, превратившего её в «мужеподобного монстра женского пола». Законная жена Владимира, «Елена Прекрасная», и её своеобразный немецкий двойник – свободолюбивая и страстная Юта – олицетворяют тип низшей, плотской любви, называемой греками эросом. Для миловидной врачихи Елены, жаждущей всеобщего внимания и власти, это ещё и людус – любовь-времяпрепровождение, любовь-игра. В рамках такой любви недопустима идеализация объекта, но зато возможен элемент состязания, обостряющий чувства. Такого рода состязание заставляет обезумевшую супругу Камова выкрасть у Евгении Воложиной ребёнка.

Что касается самой Евгении, то её привязанность к Владимиру представляет нечто среднее между любовью-эросом (чувственным, плотским влечением) и любовью-сторге (заботой и нежностью). Постепенно Евгения и Владимир эволюционируют в своём чувстве, достигая уровня агапэ – гармоничного союза эроса и сторге (чувственности и заботы о ближнем).

Высшей стадией иерархии можно назвать любовь Людмилы Воложиной и Ивана Камова. Не по годам мудрая, способная на жертвенность и милосердие Людмила изначально являет собой тип любви-преданности и божьей милости. Пройдя сквозь ряд суровейших испытаний, героиня не только не утрачивает веру внутри себя, но и обретает любовь высшую с точки зрения христианской морали. Логика авторской мысли подводит читателя к неизбежному выводу: подлинное счастье, равно как и подлинную любовь, возможно ощутить только в неразрывном единстве с исконной русской национальной идеей, проповедующей «любовь во Христе», бесконечно далёкую от греховных помыслов. Такая любовь не исключает плотского начала, если оно не является похотью – грубым физиологическим влечением.

Каждый герой на пути к своему счастью, так или иначе, вбирает в себя эту исконно присущую русскому национальному сознанию идею «жизни и любви во Христе». Но не всем эта правда даётся сразу – большая часть героев приходит к ней после долгих и мучительных поисков. Евгения Воложина и Владимир Камов проходят испытание запретной любовью – «любовью во грехе». Они живут «без росписи», незаконно, и во грехе же зачинают своего первого ребёнка. Но их чувства истинны, поэтому в конце нравственных исканий, освободившись от пут коварной Елены и обретя иные жизненные ценности, Владимир принимает решение никогда больше не покидать свою истинную любовь. Их история получает логическое завершение – благословение брака церковью и рождение нового ребёнка:

«Недавно стало известно, что Владимир и Евгения обвенчались. Таинство проходило в небольшой сельской церквушке где-то под Екатерининском. Всё – сердца, разум, мысли и чувства сочетались как по мановению волшебной палочки. Евгения даже и не заметила, как над ними оказались золотые венцы – символы супружеской верности и долга. В эти минуты для них ничего вокруг не существовало. Лишь только одна мелодия истинной любви увлекала всех присутствующих в удивительную, заоблачную страну супружеского счастья, где всегда свет побеждает тьму».

Драматична и одновременно возвышенна история настоящей, Богом данной любви Ивана Камова и Людмилы Воложиной. Соединённые законным браком, герои в силу роковых обстоятельств вынуждены расстаться на очень долгое время. Своеобразным дьяволом-искусителем для Камова становится его новоиспечённый друг Борис Ивантицкий, который являлся свидетелем на его свадьбе. Испытывая чувственное влечение к Людмиле, он пытается избавиться от Ивана, вовлекает его в авантюру с диссидентским движением и листовками, и на одном из допросов в соответствующих органах КГБ подставляет бывшего приятеля под удар, обрекая на пять лет исправительных работ в «местах не столь отдалённых».

Долгие годы разлуки многое меняют в героях, судьбы которых зеркально отображены друг в друге. Людмила, думая о детях, соглашается на предложение Ивантицкого пожить у него дома, и эту информацию преподносят её мужу как безусловную измену. Сам же Иван, сбежавший из места заключения и находящийся под прицелом следственных органов, вынужден эмигрировать в Германию. Там он знакомится с семьёй Лео Хемера и его дочерью Ютой – представительницей якобы прогрессивной молодёжи. Вслед за ней он проникается новыми веяниями свободы, которая на поверку оказывается распутством и вседозволенностью. Относительно недолго совместное проживание героя с девушкой имеет в романе символическое значение временной подмены истинных ценностей ложными (о якобы измене Ивана благодаря «добрым людям» тут же становится известно Людмиле).

Путь ложных исканий, постижение духа «обычной свободной западной демократии» заканчиваются для героя в тот момент, когда он, блуждая в пьяном угаре по улицам Мюнхена, неожиданно услышал звуки давно забытой им старой русской песни «Вечерний звон», исполняемой донскими казаками под управлением Сергея Жарова: *«Она, его внутренняя жизнь, наполнялась звуками этого русского похмельного забытья, русской глубины и непостижимости. Иван ничего не понимал, а в голове, охваченной руками, лишь клокотало «где я любил… где отчий дом» <…> В эти минуты вокруг него ничего не существовало. Кроме Руси… Какой-то непонятной, дремучей, первозданной, позабытой, но ставшей в эти мгновения такой желанной и близкой».*

Так произошло возвращение героя к самому себе, к своим духовным русским истокам, и волею судеб Иван (к тому моменту уже отец Иоанн) очутился на русской земле, в том самом Святотроицком монастыре, где приняла монашеский обет его возлюбленная Людмила (ныне монахиня Любовь). «Бог Любы есть» – это изречение из соборного послания Иоанна Богослова стало для героини символом обретения подлинной, христианской любви: *«Всю свою прежнюю жизнь она мечтала об обычной земной, человеческой любви, без которой не мыслила своего существования. И только здесь, в монастырских стенах, она наконец-таки поняла, что кроме мирского желаемого счастья и любви существует нечто такое, что составляет само понятие жизни. <…> Это всепобеждающая, всеисцеляющая, всё разумеющая любовь к Истине и ее воплощению – Иисусу Христу».*

Такое, не имеющее уже ничего общего с плотским влечением, чувство было даровано отцу Иоанну и будущей игуменье матери Любови. *«Там, где лекарства уже не способны спасти от душевных и физических ран, остаётся только одно средство – излечение небом»*, – как будто говорит своему читателю автор. Эта мысль обретает плоть, когда звучит из уст старца Диодора, апологета всепримиряющей идеи христианской любви: *«Если мы уже живём в эпоху Антихриста, а по всем приметам это так, то как бы воспоминаем о прошедшем и будущем времени Христа Бога нашего. И эти-то как раз воспоминания и есть наша настоящая жизнь. И настоящая любовь. Духовная, реальная, в литургическом молитвенном сознании».*

Финал книги оптимистичен и символичен: юный Леонид, сын Евгении Воложиной, названный этим именем в честь своего деда, приезжает в Святотроицкий монастырь и слышит там *«такую музыку в своей душе, без которой он уже не сможет жить»*. Это значит, что высшая, подлинная правда о жизни вместе с идеей божественной любви не исчезли из мира людей и будут переданы новому поколению.

И это значит, что жанр подлинно христианского романа, реставратором и продолжателем традиций которого стал Сергей Рогатко, непременно обретёт своего читателя, понимающего необходимость духовного возрождения общества.

ПЕСНЯ. ОБЛАКО. ВОДОЁМ

(Евгений Морозов, О том, как ты была всегда. Стихотворения. – М.: ЛитГОСТ, 2019. – 108 с.)

При знакомстве с творчеством Евгения Морозова, понимаешь со всей очевидностью, что его стихи не предназначены для широкой аудитории и не предполагают открытого диалога с читателем. Здесь всё развивается по иному сценарию – трепетная самоуглублённость, философская созерцательность, уход от прямого высказывания в область затемнённых смыслов и далековатых идей.

Сложность для восприятия создаёт и эффект кажущегося отсутствия акцента на каких-либо темах, деталях. Точнее, он есть, но весьма расплывчатый – как будто автору мешает резкость объектива. Действительно, его главная цель состоит в ином: записать незапечатлённое, нарочито избегая конкретики, ибо она сужает угол зрения до прямого видения. Морозову же важна таинственная аура предмета, сквозь которую легче увидеть «кривизну колыбельного края» и сохранить множественность его смыслов.

Название сборника – «О том, как ты была всегда» – тоже наводит на подобную мысль и вводит читателя в систему условных пространственно-временных координат, где взамен будущему и прошлому предлагается настоящее вневременное. Именно поэтому выходящее за пределы традиционной логики соседство всеобъемлющего «всегда» с ограничительным «была» кажется здесь полностью оправданным. Для Морозова быть – значит длиться во времени и пространстве, ощущать себя, свою подлинную суть как неотъемлемую их часть. *«Чем живёшь протяженней, тем крепче себя же проснёшь»*, – таков девиз поэта.

Три раздела сборника – Жизнь (Vita), Смерть (Mortem) и Любовь (Amor) – только условно организуют его поэтическое пространство. Гораздо более важной здесь представляется концептуальная составляющая книги, рождаемое в сознании читателя ощущение движения, поиска пути. От себя временного к себе подлинному, вневременному: через преодоление нечистой, замутнённой земными привязками человеческой природы к первозданной чистоте и лёгкости. Любовь, мотивы которой пронизывают все стихи Евгения Морозова, появляется в конце как спасительный мостик между жизнью и смертью – появляется и ведёт обратным путём, от тяжести конечного земного бытия к облачности детства, в котором и следует искать ответы на все онтологически важные вопросы. Именно туда, на «детский облачный полустанок», ведёт нас сложный, остранённый, парадоксальный (по определению автора предисловия Кати Капович) язык Евгения Морозова:

Падко, старательно, невозможно,
больно, малиново, молчаливо
приходясь спозаранку друг во друге
или просвистывая насквозь,
на детском облачном полустанке,
в кружевах из сна и домашней сказки,
у непрочитанных голубых экранов,
в торопливых кафе среди дождей,
так запальчиво не замечать,
не заниматься живучим пламенем…

Так же, как современный поэт Николай Васильев, не так давно выпустивший книгу «Нефть звенит ключами», Морозов не особенно жалеет своего читателя, пропуская его сквозь грамматические дебри затруднённой речи и заставляя «плыть по волнам высокого косноязычия», если вспомнить высказывание Бориса Кутенкова. Лексика, в основе которой тоже лежит эффект парадоксальности и остранённости, создаёт художественно замкнутое, суггестивное пространство, наполненное знаковыми для автора словами-маячками, сквозными образами-кодами, из которых складывается самобытная вселенная, наполненная звуком и светом:

Ещё прилежно ранит,
ещё внутри – согрет –
в крови, в груди, в гортани
невысказанный свет.

За причинённый воздух,
где звёзды пролегли,
– следы ночных полозьев
над трубами вдали

«Невысказанный свет», «причинённый воздух» – оригинальные эпитеты, дорастающие до символов, универсальных шифров, за которыми скрывается истинный авторский замысел. Трагедия творца, обречённого на молчание в мире материальных смыслов, но находящегося в непрерывном поиске механизма, способного «запустить» подлинного человека внутри нас, истинную, дородовую, речь в памяти поэта – ключевая идея книги «О том, как ты была всегда». Этим универсальным механизмом, пятым элементом, бросающим «камушек в самую зыбь», преобразующим «спешный космос» в «скрипичный звон», становится любовь Автор трактует её не столько в субъективно-конкретном, сколько в метафизически-философском смысле. У книги нет определенного адресата, но есть многочисленные версии его трактовки. Кто скрывается за глаголом прошедшего времени – женщина, жизнь или сама поэзия – для читателя остаётся не до конца разгаданным, неочевидным. Логика авторской мысли возводит нас к тем «конечным областям значений», где любовь трактуется как одухотворяющая сила природы, высшая энергия, с которой начинается сознательный акт духовного преображения, осознанного речеговорения – «проговаривания» себя в пространстве языка:

«Я тебя…» – и забьются веки,
словно крылышки в первом снеге,
словно флаги по кораблю,
на нечаянном человеке,
говорящем своё «люблю»
<…>
за когда-то признанье, где ты
возмутясь, как с плеча рубя,
не простишь, не поймёшь всё это –
я живу. Я люблю тебя».

Непрерывная рефлексия – главная отличительная особенность книги Евгения Морозова. Его лирический герой всё время смотрит на себя со стороны, распадается на бесконечное множество краткосрочных ипостасей, из которых единственно подлинную следует искать только за пределами временных границ. При этом истоки своего существования герой всегда обнаруживает в далёком детстве, воспоминания о котором пробуждают генетическую, родовую память, коренящуюся в сфере бессознательного:

лишь у детства, смерти, творца всего,
у чего угодно – не у него –
у того, что «господи, пронеси»,
попроси прощения, попроси.

Мотив детства ассоциативно рождает тему материнства – отцовства, неразрывно связанную с авторской идеей о необходимости «жить протяжённей» – длить себя в своём роде. С особой сокровенной интонацией написан Морозовым диптих «Письма родителям». Во второй части, где речь идёт об отце, отчётливо звучит мысль о духовной преемственности поколений – той неискоренимой памяти о родительской любви, которую человек проносит через жизнь как панацею от бездомности и «кромешного взрослого Рима»:

Я сказал бы ему своё «прости»
я пожал бы его суровую руку
и накрепко запер в бездомном сердце
всё то, что мне говорил отец

Но память о своём роде неотделима от общекультурной памяти, отблеск которой всегда присутствует в сознании поэта. Поэтому стихи Евгения Морозова, звучащие свежо и очень современно, всё же вырастают корнями из традиции, в них слышны отголоски золотого и серебряного века. Так пребывающий в духовном поиске человек может выйти из гумилёвского трамвая, оставив «круглый след на стекле морозном» в духе Мандельштама. Далёкие воспоминания детства, любовь, творчество – для Евгения Морозова это скрытые порталы в мир, где человек обретаёт экзистенциальную лёгкость бытия, постепенно превращаясь в песню, облако, водоём:

О, как жгуче в гурьбе-природе,
как во многом – всё об одном,
происходит-не происходит
белый свет за твоим окном
<…>
Городит о лесной свободе
голос-исподволь, дым-вдвоём;
происходит-не происходит
песня-облако-водоём.

ВСТРЕТИМСЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ

(Надя Делаланд. Рассказы пьяного прозода. – М., Эксмо, 2021, серия «Вперёд и вверх. Современная проза». – 160 с.)

Какие мысли приходят в голову, когда читаешь книгу, в которой героиня умирает и тут же, не успев осознать факт собственной смерти, отправляется «сквозь лес» на электричку – на станцию, где один из поездов, мчащихся навстречу друг другу, «кончился, а второй ещё продолжался»?

Возможно, читатель подумает, что автор – чудак, человек с причудливой фантазией или же… инопланетянин. Последнее определение кажется самым точным. Известный поэт, педагог и психотерапевт

Надя Делаланд, написавшая в высшей степени необычную историю о пьяном просоде, точно прилетела с другой планеты. Вероятно, на нашей земле она оказалась не просто так, а была послана с очень важной миссией – сообщить землянам радостную весть о том, что умирать совсем не страшно. Главное – чтобы у человека «было куда умереть».

Мир, в котором обитают герои Делаланд, только на первый взгляд кажется обычной реальностью. Он действительно чем-то на неё похож, но, в сущности, является её обратной стороной – своего рода Зазеркальем. Если говорить точнее, Посмертьем. Именно так можно охарактеризовать мифологическое пространство романа «Рассказы пьяного просода». Рассказчика больше всего занимает вопрос, кем становимся мы и мир вокруг нас, когда мы умираем. А ответ на него предельно прост: мы становимся собой, а мир становится нами. И значит книга не о смерти, а о жизни после неё. А ещё она – о самом страшном и одновременно самом прекрасном, что только может произойти с человеком – о встрече с собой.

Каждая из десяти вставных новелл романа – мистическое путешествие «внутрь себя», взгляд на себя со стороны из посмертья. Взгляд пристальный и протяжённый – до момента полного осознания факта, что ты – это не ты, а совсем иная субстанция, земная маскировка, долгие годы прикрывавшая твои истинные чувства и желания. К слову о маскировке – именно её автор считает самым несущественным атрибутом нашего «я». Героиня рассказа «Кошелёк», в какой-то момент полностью сливаясь со своим создателем, рассуждает наедине с собой: *«Не метонимический ли перенос – эта смежность в пространстве и времени души и тела, как тела и платья (брюк, пиджака, шляпы)?»*. И тут же рождается естественная мысль об отсутствии всякой необходимости цепляться за свою земную ипостась, поскольку *«чем больше в человеке „платья“, укорененности в „платье“, самоотождествления с ним – тем страшнее смерть»*.

А вообще – уместно ли употреблять понятия «герой» и «героиня» применительно к роману о просоде? Здесь, так же, как в пьесах сборника «Один человек», литературный персонаж – только сам автор, в бесконечном множестве его вариаций, альтернативных сущностей, вымышленных лиц. Старый чудаковатый просод, любящий козье молоко – тоже один из авторских голосов. Причём его можно назвать универсальным голосом, олицетворяющим бессмертную ипостась автора, признанного стать творцом в одном из своих земных воплощений. За счёт подобной инверсии и возникает эффект неразрывной связи двух рассказчиков, один из которых – точная копия другого, но при этом старше на несколько десятилетий. С каждым новым появлением просода временная дистанция между ним и автором всё больше сокращается – в конечном итоге «голоса» сливаются в один, и значит, история завершена: *«Пьяный просод снова погладил меня по руке, посидел молча с минуту, – я заметила, что на его лице совсем нет морщин. Потом он порывисто встал и вышел. Я немного подождала и вышла вслед за ним»*.

Само понятие времени стирается за границами земного существования – оно утрачивает смысл, поэтому становится совершенно неважно, сколько лет девочке – пять или семьдесят пять *(«где-то в этом промежутке»)*.

Все герои и героини рассказов просода – не более чем авторские сущности, множественные отражения его мыслей, чувств, потаённых желаний, в числе которых – желание «заглянуть за грань», посмотреть, что там. Чтобы познать себя, они делают шаг «по ту сторону», обнаруживают себя в посмертном запределье. Странная Лидия, влюблённая в семидесятилетнего Иосифа, вместе с ним «умирает в новую жизнь», где герои могут быть вместе и оставаться вечно молодыми. Поражённая слепотой Мария, умирая, *«одновременно с оставленным телом… увидела свой „голос“, такой же светящийся, дышащий светом, как она»*. Её недуг становится возможностью альтернативного существования – вне тела. А необычный диалог двух Александров из рассказа «Стеклянный дом» в какой-то момент приобретает ярко выраженный абсурдный оттенок. Вымысел и реальность уже не различить, и возникает чувство, что оба героя – всего лишь плод больного воображения автора, его эго и alter-эго: *«Смешно это, право… всякий раз я отказываюсь верить в то, что я – это я. – Он тихо засмеялся, глядя в сторону. Потом яростно заорал, дико тараща на меня глаза: – Куда ты пойдёшь? Некуда тут больше идти. Никого тут, кроме меня, нет. Кроме тебя – нет»*.

Все персонажи романа – настоящие демиурги, творцы новой реальности. Но весь фокус в том, что воображаемый мир никогда не выходит за пределы их собственного сознания, порождающего множество альтернативных сущностей – аналогов своего создателя. *«Моя реальность – это я сама»*, – утверждает Делаланд. Кстати, отнюдь не случайно она выбирает для своей героини имя Ксения, о чём упоминает в своей рецензии, написанной для журнала «Знамя», одесский поэт Владислав Китик: *«Само имя её, Ксения, означает „чужеземная“ – вышедшая из мира других реалий»*.

То, что рассказчица мистических историй – проекция самого автора, не вызывает сомнений. Обе они любят блуждать в тёмных лабиринтах человеческого подсознания. Потому что в каждом из нас присутствуют признаки внешней и внутренней жизни, и, закрыв глаза, гораздо проще увидеть самое важное, пусть и неочевидное для окружающих.

Эта концепция жизни с закрытыми глазами, обращёнными внутрь себя, наиболее отчётливо прослеживается в рассказах «Зеркало» и «Лифт». Героиня первой истории – настоящая Алиса, попадающая в Зазеркалье, которое кажется ей удивительно уютным и знакомым, являющимся абсолютной копией

её самой. Поэтому потусторонний мир становится гораздо более ярким и реалистичным, чем сама реальность: *«Мне нравилась тотальность восприятия, вдруг открывшаяся во мне. Я стояла посреди комнаты, и всё происходящее принадлежало мне, было мной. То ли все предметы обладали здесь какими-то особенно чистыми цветами и линиями, то ли качество моего зрения стало иным от этой перемены мира, но я видела очень четко каждую мелочь, каждая мелочь была важна».*

Мир зазеркалья притягивает и отталкивает одновременно, потому что *«остаться навечно наедине с собой… это как сойти с ума».* Но любое творчество всегда сродни сумасшествию, и в конечном итоге забирает творца в мир его причудливой фантазии. Так происходит в последней, десятой, новелле, знакомящей нас с тяжело больной писательницей. Телом она прикована к системе жизнеобеспечения, но при этом продолжает активную жизнь внутри себя, свободно передвигаясь в своём воображаемом мире, вместе с придуманными ею героями Полиной и Сашей. В тот момент, когда в глаза умирающей рассказчице заглядывают ею же созданные персонажи, внешний мир окончательно перетекает во внутренний. Так творец, встречаясь со своими творениями, видит в них самого себя и отказывается от того, что им самим не является: *«Саша тоже заглядывает мне в глаза. Он совершенно такой, как я представляла. Только в очках. А в лифте был без очков…*

Мария, – говорит Полина. – Вот, я принесла фиалки. – Она подносит к самому моему лицу душистый букетик. Не убирай, не убирай, пожалуйста… Ну что ж ты… – И вы просили меня сказать, что это не страшно…

И мне становится нестрашно. И ещё я чувствую, что когда придут отключать аппаратуру, меня уже здесь не будет, потому что я сейчас…».

Человек не умирает и никуда не исчезает – он просто закрывает глаза для внешнего мира и открывает их внутрь себя. Именно там, внутри, и начинается самое интересное – оно никогда и не прекращалось, существовало задолго до нашего рождения и просто могло забыться на время проживания одной из возможных земных ипостасей.

Истории просода обращены в далёкое будущее и рассказаны от лица ещё не появившейся на свет героини: *«Понимаешь, когда я рассказываю свои истории, я становлюсь кем-то другим. И недавно я понял, кем. Через много-много лет на свет родится одна девочка. Она не будет знать греческого языка, хотя в роду у неё будут греки. И вот она вырастет и станет сочинять истории, которые я сейчас рассказываю».* Это ещё не свершённое будущее в какой-то момент станет прошлым, но для вечности подобный факт не имеет никакого значения. Совершенно неважно, сколько нам лет – 5 или 75, неважно даже, живы мы или умерли – важно лишь то, что ждёт нас «по ту сторону» смерти, в том мире, где мы можем всегда оставаться молодыми и счастливыми.

НАСТОЯЩИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

(Вячеслав Харченко, Москвич в Южном городе. – Издательство Eksmo Digital (RED), 2021 – 182 с.)

«Лучше там, где нас нет», – гласит народная мудрость. Однако Вячеслав Харченко готов опровергнуть это утверждение своей книгой «Москвич в Южном городе». О чём она, и кто её главный герой? По большей части, это сам автор – обычный человек, если не брать во внимание литературный талант и особый дар видеть в каждодневных мелочах целое событие, уникальную и неповторимую историю. Ведь именно из таких историй и складывается наша жизнь, наполненная романтикой повседневности, которую просто надо научиться замечать. Поэтому автору хорошо везде, где он есть. Особенно на увитом виноградником и похожем на небольшую сцену крылечке его небольшого южного дома – здесь можно спокойно посидеть, покурить и предаться размышлениям на философские темы.

Нет сомнений в том, что создатель этого сборника рассказов – человек, любящий и ценящий жизнь, медленно, со знанием дела пробующий её на вкус – как сладкие персики или сочный инжир, растущие в южном городе. Образ города и узнаваем и незнаком одновременно – видимо потому, что, вобрав в себя типичные черты всех южных городов, он всё же остался личным достоянием автора, его художественным вымыслом и персональной планетой, на которой всегда тепло и уютно. Несмотря на то, что книга соткана из самых разных историй (от мистики до злободневной сатиры), тема, указанная в заглавии, остаётся доминирующей. Создатель рассказов – человек по-своему уникальный. Рождённый на Кубани, проживший детские и юношеские годы в Петропавловске-Камчатском, сделавший литературную карьеру в Москве и сумевший в конечном итоге проникнуться южным менталитетом, Вячеслав Харченко по праву может называться человеком мира. Потому что наши север и юг столь же различны между собой, как разные континенты или даже планеты.

Как из пазлов гигантской мозаики, из отдельных рассказов книги складываются подробности частной жизни автора. Вот он – преуспевающий сотрудник московской брокерской компании, которой , как и всем подобным компаниям, суждено было прогореть в условиях российской действительности: *«Последнее время нас просто задолбали кредиторы. Приходили с утра до вечера в офис и требовали деньги, которые мы*

вложили в государственные облигации, но по ним наступил дефолт, вот и растворилось всё». А вот он – завсегдатай столичных интеллектуальных тусовок, где *«на кухне велись интеллектуальные разговоры о Сартре и Делезе»,* и даже участник поэтической студии университета на Воробьёвых горах. Но, видимо, южные кубанские корни оказались сильнее всех северных влияний, потому что привели автора в Крым, где он довольно быстро осваивает науку жить не торопясь, смакуя каждую минуту по глоточку, уделяя время тихому созерцанию, пристальному наблюдению за аборигенами. Каждый из таких случайных встречных, обладая особым взглядом на жизнь и почти итальянским темпераментом, достоин того, чтобы стать героем нового рассказа. И кажется, что автору эта наука неторопливого существования конфуцианского мудреца была знакома задолго до того, как он собственно стал писателем – задолго до сознательной жизни, или в жизнях прежних, воспринятых на уровне генетической памяти: «*И этот новый мир, который нас ожидает, ничем не отличается от старого мира, в котором я жил две тысячи лет назад в провинции у моря в каком-нибудь Херсонесе Таврическом. Мы выращивали виноград, давили оливки, у меня было поле пшеницы, иногда утром я уходил на лодке в море и возвращался только к обеду, просоленный, обветренный, красный, но счастливый. Вечерами ты возилась с детьми и пела грустные греческие песни, а я сидел и пытался выучить Гомера „Илиаду" наизусть, но, доходя до списка кораблей, спотыкался».*

В лирических отступлениях автор чем-то напоминает знаменитого персонажа Даниэля Дефо Робинзона Крузо. Ведь история юного англичанина, оказавшегося на острове – это не инструкция по выживанию в экстремальных условиях, а философский трактат о духовной эволюции человеческого сознания, из которого уходит всё наносное, привнесённое цивилизацией. И отношения с миром начинают выстраиваться иначе – мир действительно замедляет свой ход, чтобы показать вечно куда-то спешащему человеку, насколько прекрасна жизнь во всех её оттенках и полутонах, во всей гамме ощущений, которые не должны притупляться с годами. Об этом и ещё многом другом доподлинно известно обитателям южного города, чья житейская мудрость начинается с уютной обстановки приморских кофеен: *«В южном городе на каждом шагу кафе и кофейни, но в отличие от Москвы и Питера они совсем небольшие: два, три столика… Все южные жители легко ориентируются в сладостях. Более того, они могут вступать в спор с продавцами, обсуждая все вкусовые ощущения. От тонкого налёта корицы до слабого привкуса мяты, присутствующего в булочке… И да. Кофе, только кофе. Чай вам может дорого обойтись в плане душевного принятия вас в стенах южного города».*

В том, что аромат южного кофе в какой-то момент начинает раздражать обоняние читателя, сомневаться не приходиться. Всё, что описано Вячеславом Харченко в его коротких рассказах-зарисовках, моментально оживает – и жизнь тихого провинциального городка – Одессы, Алушты, Ялты или Бахчисарая – постепенно проникает в любую столичную квартиру, растапливая любой нордический нрав своими запахами, звуками, говором праздной и весёлой толпы, шумом морского побережья. Но Харченко – не только мастер красочных описаний, он ещё и превосходный психолог, способный в подробностях изобразить тот или иной характер, настолько же типичный, насколько и уникальный. А некоторые персонажи становятся постоянными завсегдатаями его прозы, свободно путешествуя из рассказа в рассказ: склонный к философии сосед Теодор Рузвельтович, меланхоличная Надежда, которой известно, что *«настоящий Южный Город не различает мифологию и жизнь»,* грозный с виду, но в сущности добрый и слегка несуразный Вадик, и, конечно же, мэр города Сердцепольска Иннокентий Петрович Севрюков, знаменитый своей нелюбовью к мэру соседнего городка Волобуеву и пристрастием к высоким блондинкам.

Искромётный юмор и любовь к деталям сближают прозу Вячеслава Харченко с одесскими рассказами Аркадия Аверченко. Оба автора прекрасно понимают, что, в сущности, главное достоинство любого хорошего писателя – это талант наблюдателя, предполагающий, в том числе, умение сопоставлять разные обычаи и нравы.

Столкновение «столичного» и «провинциального» менталитетов – внутренний и главный сюжет всех рассказов Харченко, посвящённых южному городу: *«Чтобы понять южный город, надо освоить культуру сидения и разговаривания. Мне, измученному постоянной московской нехваткой времени, это не дано (возможно, я просто плохо к этому стремлюсь)… Я подбегаю к кассе. Это неправильно. К кофейщику надо подходить медленно и неторопливо. Внимательно оглядеть витрину со сладостями, потом завести неторопливый разговор о погоде и ценах – это правильно».* Именно об этом и практически теми же словами Аверченко писал сто лет назад: *«Во всех других городах принято, чтобы граждане с утра садились за работу, кончали её к заходу солнца и потом уже предавались отдыху, прогулкам и веселью. А в Одессе настоящий одессит начинает отдых, прогулки и веселье с утра – так, часов с девяти».*

Такими же яркими и выразительными, как и у знаменитого писателя-сатирика начала 20 века, являются созданные Вячеславом Харченко обобщённые портреты южных буфетчиц, барменов, торговок, просто случайных прохожих на улице. Вне всяких сомнений, в историю литературы войдёт буфетчица Нина из кафе «Советское», смертельно обиженная на то, что её постоянный клиент заказал не как обычно *«оливье с сырокопченой ветчиной, уху из норвежской форели по-царски с лимоном и оливками, кисель ягодный и свино-говяжьи пельмени с жареным луком и сметаной»* за 350 рублей, а всего-то комплексный обед за 166 рублей. Та же участь постигнет одного из барменов местного кабачка, который никогда не простит посетителя, заказавшего к портвейну шоколадку, а не оливки с косточкой, или юного, влюблённого в Лиду кофейщика Адама.

Но справедливости ради нужно сказать, что талант Вячеслава Харченко очень многогранен: все рассказы из книги «Москвич в южном городе» легко разбиваются на циклы, очень разные по тематике и жанру: здесь и мистические, почти «страшные» истории в духе Эдгара По (например, о древней статуе Таргитая или о поражённом странной болезнью Петре Петровиче Сарвине), и близкие к стилю Гоголя и Булгакова сатирические рассказы о провинциальных чиновниках, и приправленные лёгкой грустинкой воспоминания автора о юности, первой любви, умершем отце.

В своём заключительном рассказе автор, размышляя о том, какими чертами должен обладать настоящий русский писатель, не без иронии, но и не без некоторой доли самокритики рассуждает о том, что ему никогда не написать «настоящий русский роман».

Насчёт романа утверждать что-либо достаточно трудно, но при этом можно сказать со всей определённостью, что только *«на берегу Чёрного моря, под лучиками нежного южного солнца, пожёвывая инжир и персики»*, писатель способен создать самые лучшие и увлекательные истории в мире. И стоит ли желать большего?

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

«ВРЕМЯ ПОЕДАЕТ МИР»

(Александр Введенский, Всё. – М., ОГИ, 2021. – 782 с.)

Огромный 782-страничный том «взрослых» произведений Александра Введенского – достойный подарок ценителям творчества этого странного и малоизученного классика русской поэзии. Введенский, может быть, самый метафизичный из больших русских поэтов. Сам поэт называл себя футуристом, но примыкал к обэриутам. Литература у Введенского, почти как у Хлебникова, распадается на фрагменты. Стихи у него существуют не сами по себе, а в отдельных коробах, таких, как «Серая тетрадь», вместе с другими разнородными фрагментами. Это одновременно и дневник, и разножанровые малые произведения в стихах, и авторские комментарии, словно бы в поисках единого целого. Внешне это немного похоже на фрагменты утраченных произведений древнегреческих философов. Есть у Введенского и диалоги, как у Платона. Но у него это уже достаточно герметичная литература, даже если стихи написаны, к примеру, четырёхстопным ямбом.

Над морем тёмным благодатным
носился воздух необъятный,
он синим коршуном летал,
он молча ночи яд глотал.
И думал воздух: всё проходит,
едва висит прогнивший плод.
Звезда как сон на небо всходит,
пчела бессмертная поёт.
Пусть человек, как смерть и камень,
безмолвно смотрит на песок.
Цветок тоскует лепестками,
и мысль нисходит на цветок.
(А воздух море подметал,
как будто море есть металл).

Стихотворный свод книги «Всё» издан «на правах рукописи». Издатели даже не потрудились расставить как положено все знаки препинания. Названия стихотворений, даты и многое другое – всё идёт в специальных скобочках. Многое из наследия поэта навсегда утрачено – жена Введенского, когда его в первый раз арестовали, в страхе и панике сожгла его рукописи. Часть рукописей спас друг поэта Яков Друскин. Вот почему многие стихи дошли до нас только в черновом варианте.

Что означает «всё», применительно к названию книги? Конечно, это далеко не все сочинения Введенского. Всё, за исключением детских стихов. И – бонусом – избранное литературоведение, исследования, письма, комментарии. Наконец, «Всё» – так называется одно из стихотворений поэта. И «всё» – последнее слово в его последнем стихотворении «Где. Когда». Это авторская ремарка, чем-то напоминающая шекспировскую в «Гамлете» – «дальше – тишина». Введенский заканчивает «Где. Когда» одним словом, которое всё подытоживает. Это театральный занавес. И одновременно – финал пьесы, которая называется «Жизнь поэта». Но сам поэт пока об этом не знает. Он только предчувствует финал и, возможно, торопит его.

Долгое время из сочинений Введенского была доступна для чтения разве что его «Элегия». Однако это тот случай, когда единственное известное произведение способно вызвать стойкий интерес к творчеству автора. И, конечно, трагическая судьба поэта никого не может оставить равнодушным. Он стоит в этом

трагическом ряду вместе с Мариной Цветаевой и Осипом Мандельштамом, чьи бесприютные могилы так же затеряны в российской глуши.

Александр Введенский – «поэт длинного дыхания». Теперь об этом, имея том собрания сочинений, можно сказать с абсолютной уверенностью. Он творил вдохновенно и легко мог в один присест написать две-три страницы длинного стихотворения. Конечно, «Элегия» всё равно стоит в творчестве поэта особняком, хотя бы потому, что она отшлифована им до блеска. Это стихи, где пушкинская лёгкость и прозрачность контрастируют с авангардным и метафизичным содержанием. И это парадоксальное сочетание классицизма с обэриутством поражает воображение.

Пусть мчится в путь ручей хрустальный,
пусть рысью конь спешит зеркальный,
вдыхая воздух музыкальный –
вдыхаешь ты и тленье.
Возница хилый и сварливый,
в вечерний час зари сонливой,
гони, гони возок ленивый –
лети без промедленья.

Не плещут лебеди крылами
над пиршественными столами,
совместно с медными орлами
в рог не трубят победный.
Исчезнувшее вдохновенье
теперь приходит на мгновенье,
на смерть, на смерть держи равненье
поэт и всадник бедный.

Советским людям, равнявшимся на знамя, вряд ли могло понравиться «равнение на смерть». Смерть не могла быть знаменем советского человека, ориентированного на бессмертие – «пароходы, строчки и другие долгие дела». Однако в метафизическом плане тезис Введенского вполне оправдан. Смерть – это дедлайн, это «гамбургский счёт», это ватерлиния бытия. Смерть решает за всех, кто есть кто. Александр Введенский задолго до Беккета и Ионеско представил нам в своих сочинениях «театр абсурда». Причём именно в пьесах – их у нашего поэта в разы больше, нежели «чистых» стихов. Видимо, драматургия была для него наиболее предпочтительным литературным жанром. Жизнь в Советском Союзе 30-х годов прошлого века действительно была абсурдистским театром гражданских действий.

У меня сложилось впечатление, что для Введенского не было особой разницы между поэзией и прозой. И то, и другое он писал вдохновенно, «потоком сознания». Мог начинать с прозаического текста и неожиданно перейти в стихи, которые, как и Хлебников, редко обрабатывал и доводил до совершенства. В конечном итоге у него получались пьесы, написанные стихотворными «гобеленами», с разными действующими лицами. Эти персонажи у него – искусственно созданные, они не имеют собственного лица и только транслируют нам мысли автора. Думаю, такого рода пьесу смог бы хорошо поставить на сцене Юрий Любимов. Его гения хватило бы на гений Введенского.

Поэт постоянно находится в диалоге с самим собой. Он комментирует свои мысли. Его стихи прирастают другими текстами, прорастают новыми смыслами. Так, например, он говорит, что действия в его стихах нелогичны и бесполезны. То есть выступает ещё и как свой собственный критик. Приведу фрагмент о глаголах и действиях целиком:

«Глаголы в нашем понимании существуют как бы сами по себе. Это как бы сабли и винтовки, сложенные в кучу. Когда идём куда-нибудь, мы берём в руки глагол идти. Глаголы у нас тройственны. Они имеют время. Они имеют прошедшее, настоящее и будущее. Они подвижны. Они текучи, они похожи на что-то подлинно существующее. Глаголы на наших глазах доживают свой век. В искусстве сюжет и действие исчезают. Те действия, которые есть в моих стихах, нелогичны и бесполезны, их нельзя уже назвать действиями. События не совпадают с временем. Время съело события. От них не осталось косточек».

Настоящим шедевром Александра Введенского является не только «Элегия», но и его последнее стихотворение «Где. Когда». Это какой-то совершенно новый жанр поэзии. Это мини-пьеса, где вместо реплик героев идут стихи, которые постоянно перебиваются авторскими комментариями, написанными в третьем лице. В процессе чтения с ужасом понимаешь, что эта пьеса – ещё и пародия. Как «Дон Кихот» у Сервантеса.

«Где он стоял, опершись на статую. С лицом, переполненным думами. Он стоял. Он сам обращался в статую. Он крови не имел. Зрите, он вот что сказал: / „Прощайте, тёмные деревья, / Прощайте, чёрные леса, / небесных звёзд круговращенье / и птиц беспечных голоса“.

Он, должно быть, вздумал куда-нибудь когда-нибудь уезжать. / „Прощайте, скалы полевые, / я вас часами наблюдал. / Прощайте, бабочки живые, / я с вами вместе голодал. / Прощайте, камни, прощайте тучи, / я вас любил и я вас мучил“».

Пьеса внутренне пародийна. Причём её пародийность выясняется не сразу. Вначале думаешь, что всё серьезно. Что это настоящее прощание поэта, похожее на пушкинское «Прощай, свободная стихия». И только когда поэт «вынимает из кармана висок», чтобы выстрелить в себя, понимаешь, что он просто насмехается над смертью. Правда, в конечном итоге это стихотворение оказалось последним – и, получается, наоборот, смерть посмеялась над поэтом. Кончина Введенского чем-то напомнила мне гибель эренбурговского Хулио Хуренито: тот сам её призвал и сам срежиссировал свой уход.

Но можно посмотреть и по-другому на эту драму: в пьесе «Где. Когда» мне слышится героическое самостояние поэта перед неизбежностью: «Врёшь, не возьмёшь!». Вспоминаются строки Фета, где он также бросает вызов смерти: «Но пред моим судом, покуда сердце бьётся, / мы силы равные, и торжествую я». Смысл один – стилистика у поэтов совершенно разная. На мой взгляд, именно «Где. Когда» может стать ключом к пониманию творческого метода Александра Введенского.

«И так, попрощавшись со всеми, он аккуратно сложил оружие и, вынув из кармана висок, выстрелил себе в голову. И тут состоялась часть вторая – прощание всех с одним. / Деревья как крыльями взмахнули своими руками. Они обдумали, что могли, и ответили: / „Ты нас посещал. Зрите, / он умер и все умрите. / Он нас принимал за минуты, / потертый, помятый, погнутый. / Скитающийся без ума / как ледяная зима“.

Что же он сообщает теперь деревьям. – Ничего – он цепенеет. / Скалы или камни не сдвинулись с места. Они молчанием, и умолчанием, и отсутствием звука внушали и нам, и вам, и ему. / „Спи. Прощай. Пришел конец. / За тобой пришел гонец. / Он пришел последний час. / Господи помилуй нас. / Господи помилуй нас. / Господи помилуй нас“».

Это троекратное «Господи, помилуй» напоминает нам, что это стихи сына священника. Если у Хармса стихи завязаны на его биографии, то у Введенского, наоборот, его биография к стихам никакого отношения не имеет. В произведениях Введенского есть постоянная триада – Время, Смерть и Бог. Это основные темы его стихотворений. «Смерть есть остановка времени», – говорит поэт, – Время поедает мир». Чей мир? Остаётся загадкой, что имел в виду поэт – мир, общий для всех или мир отдельного индивидуума. Нелинейность мышления знаменитого поэта-обэриута задала нам множество загадок, которые хочется побыстрее разгадать.

ОСЕНЁННАЯ ЗОЛОТОМ ОСЕНИ

(Людмила Осокина, Осень-осень. Книга малой прозы. – М., Вест-Консалтинг, 2022. – 152 с.)

В «Китайском лётчике Джао Да» состоялась презентация новой книги Людмилы Осокиной. «Осень-осень» отличается универсальностью. Казалось бы, разрозненные фрагменты дневниковых записей, из которых составлена книга, вряд ли могут составить у читателя цельное впечатление. Но здесь срабатывает другая гармония – цельность аккорда. Книга как аккорд. «Осень», с одной стороны, камерна и глубоко индивидуальна. С другой – она близка самым широким массам. И в этом плане – безусловно, глубоко народна. Кто не попадал в магазинах в конфликтные ситуации с продавцами? Кто не приобретал «отравленные» энергосберегающие лампочки, фальсифицированные, некачественные продукты? В этом «параде ненастоящего» производители ради прибыли не брезгуют ничем. Ничего святого для них нет. И. конечно, Людмила Осокина затронула здесь одну из болевых точек нашего времени.

Раньше считалось, что писателю для создания широкоформатных полотен непременно нужно куда-то съездить. На целину, на стройку века. Даже на войну, как Хемингуэй или Ремарк. И вообще нужно вести самый активный образ жизни. «За жизнью нужно ходить!» – говорит Ольга Ильницкая. Новая книга Людмилы Осокиной словно бы опровергает эту прописную истину. Подобно герою романа Гюисманса, Людмила всё делает наоборот. Многие её зарисовки написаны в непосредственной близости от квартиры в Очаково. Пруды, аллеи, дорожки, трава у дома, балкон. Давно обжитое пространство. «Окно – мой телевизор», – говорит писательница.

Чем больше у тебя окошек в мир, тем больше ты человек. Удивительно, но, нечасто выходя из своей квартиры, можно написать очень интересную книгу. Аналоги такого рода прозы я вижу в дневниковых произведениях Василия Розанова – таких, как «Мимолётное», «Уединённое», «Опавшие листья». Подобно Розанову, Людмила находит литературу в том, что раньше литературой не считалось. Автор предисловия к книге Людмилы Нина Краснова упоминает среди родственных ей писателей также Пришвина и Паустовского. Из современных книг я бы упомянул ещё дневниковую прозу Игоря Шкляревского – «Золотую блесну». Самая обыкновенная жизнь, как бессмертие – вот что мы видим в «Осени» Осокиной. «Стихия всегда сильнее человека и при случае может расправиться с ним», – говорит Людмила, и это также роднит её дневники с прозой Шкляревского.

Рассказы Людмилы завораживают первобытностью непосредственных впечатлений: запахов, ощущений, штрихов, деталей восприятия. Как будто мир только что сотворён, а нам этого не сказали, не доложили. И мы узнаём об этом, открыв книгу Осокиной. В чём, на мой взгляд, главное достоинство этой книги? Все мы, в той или иной степени, «дальнозорки», не замечая того, что происходит у нас под ногами. Людмила Осокина возвращает нам чудо «правильного» зрения. Такую оптику я заметил у неё ещё в «Моей далёкой деревне», но в «Осени» это проявляется в большей степени. Поясню, в чём разница. Обычно пишут о необычном, нестандартном, редком, запоминающемся, из ряда вон выходящем. Осокина же пишет о том обыденном, что случаются с нами каждый день. Но именно в обыденном она умеет находить глубокое и нетривиальное. Игра светотени, симбиоз человека и природы, внутреннее состояние человека через душу природы – всё это мы видим в рассказах Осокиной. Проза Людмилы в лучших своих фрагментах высоко поэтична. И круговорот вещей в природе начинается для автора с осени:

«Если приглядеться повнимательнее, то деревья, всё-таки, желтеют, желтеют уже не снаружи, а как бы изнутри, желтеют всей своей внутренней сутью. И, вроде бы, и зелёные они, но зелёного, на самом деле, в них всё меньше и меньше. А посмотришь под другим углом – а они уже и жёлтые почти, изжелтевшие изнутри, из самой сердцевины, из самого своего состояния. Снаружи-то можно что-то подкрасить, подновить, подправить, а вот ко внутренней желтизне уже не подберёшься. И если осень и оттуда пошла, то её уже ничем не застопоришь, не остановишь».

Монохромность зелёной листвы деревьев нарушена метастазами желтизны. Удивительный фрагмент, проливающий свет и на название книги. Может быть, осень у Людмилы «двойная» именно потому, что она одновременно идёт изнутри и снаружи? Ключевые слова в приведённом выше фрагменте – «посмотришь под другим углом». Этим и интересна проза Осокиной – умением посмотреть на вещи нестандартно, метафизически прозревая сущность вещей. Под жёлтыми красками реальной осени проступает осень человека, который в душе всегда молод. «В «Осени» «Людмила Осокина выступает и как автор, и как персонаж. И это необычно», – сказала на презентации книги Анна Гедымин, и трудно с ней не согласиться.

«Осень-осень» – проза, несомненно, «авторская». В книге много индивидуального, присущего Людмиле не только как писателю, но и как женщине, как человеку. Её мир просто не может принадлежать кому-то другому. Вещи и растения, птицы и бабочки, воспоминания и предчувствия потерь становятся частью внутреннего мира героини заметок. Даже на поверхности событий Осокина умеет находить глубину, причём совершенно естественно, без видимых усилий. Она сопричастна всему живому. Дневниковые записи – плодотворный и современный литературный жанр. Такие заметки удобно регулярно писать в соцсетях. Помогает Людмиле и умение мгновенно, глядя на то или иное явления природы, «считывать» информацию. Там, где другой писатель мог бы провалиться, Осокина достигает успеха.

Переехав жить из деревни в мегаполис, Людмила привнесла в свой новый мир оптику деревенской жительницы. Это делает её пейзажные зарисовки необычными, полными света и тепла. Мне показалось, что Осокина мыслит проектами. «Осень-осень» – своего рода драматургическое развитие «Моей маленькой деревни», «десантирование» деревни в мегаполис. Ведь и в Москве можно найти свою деревню. Мы находим признаки такого перенесения даже в топонимике города – «Олимпийская деревня», район, который находится рядом с квартирой Осокиной.

Всё находится рядом с домом, всё живёт своей особой жизнью. Вот озеро. Летом это пляж, а зимой – каток. Рыбаки ведут подлёдный лов рыбы. Лёд вроде бы прочный, но ступить на него боязно: вдруг под снегом притаилась открытая лунка, оставшаяся после рыбаков? Писательница проявляет внимательность к разнообразной жизни вокруг. Одна из основных тем книги «Осень-осень» – равновесие между природой и цивилизацией. Лес у Осокиной – «в резервации». При строительстве многоэтажек от большого лесного массива осталась только чудом уцелевшая маленькая лесополоса. Тревога автора понятна и оправданна: «И ничего не останется от истинной жизни, если по ней пройдёт железной каток цивилизации». Тревожит писательницу и контрафактная продукция, заполонившая прилавки, и постоянно подслушиваемые бизнесом частные разговоры по телефону.

«Осень» – дневник абсолютно не публичного человека. Многие произведения Людмилы Осокиной пронизывает философский аскетизм. Особняком в книге стоит рассказ «Истомлённая жизнью». Я думаю, именно этот рассказ и подтолкнул автора к изданию новой книги. Может быть, это наиболее философская новелла в «Осени». Началось всё с того, что героиня Осокиной решила похудеть, хотя большой необходимости сбрасывать вес и не было. Ей просто захотелось снова стать семнадцатилетней девочкой. Но вместе с диетой у неё стали уходить жизненные силы. Жизнь всячески противилась палиндромному возвращению к своим истокам. Это была ловушка, в которую попадаются многие. Вспомнилась история актрисы Натальи Гундаревой. Человеческий организм – микрокосм, где всё взаимосвязано. И нельзя, нарушив одно звено, сохранить в целостности всё здание.

Книга Людмилы Осокиной достаточно разнородна по жанрам. И, конечно, это плюс, а не минус. Много тематических находок. Мне бы никогда в голову не пришло, например, писать о походах в ма-

газин или щёлканье семечек. Несмотря на камерность своего «жития», писательница интересуется всем на свете. Например, где гнездятся осы, чем кормятся птицы. Часто двигательной силой познания выступает у неё удивление. Например, она удивляется, что алыча растёт прямо в черте города. Можно нарвать слив и полакомиться. В другой заметке она сетует, что температуру воздуха измеряют в тени, а не на солнце. Несправедливо! На солнце температура бывает в два раза выше! Эмоции и неравнодушие автора повышают градус повествования.

Есть в книге и детская страничка, вдохновлённая прогулками Людмилы с внучкой. Внучка Рита радует свою бабушку детскими словесными перлами: «Бабушка, небо вернулось!». «Ой, солнышко на муху наступило!». То, что помнится потом всю жизнь, даже когда дети и внуки станут взрослыми.

Есть в книге и весёлые рассказы («Искусство требует жертв!», «Баня с чесноком»), и рассказы с элементами нетрадиционных эзотерических практик: выдыхание старости. И ещё многое, многое другое: эта книга – настоящая шкатулка с сюрпризами. И, конечно, прежде всего, Людмила – прекрасный живописец. Её пейзажи можно цитировать до бесконечности:

«Солнце перед закатом ослепительно-яркое, даже злое. Разгорячённое походом по всему небу, побывавшее в зените и раскалившееся от этого добела, оно нехотя клонится к закату, к месту своего падения и исчезновения. Оно знает, что закат близок и неизбежен, и оттого старается напоследок попалить всласть, поблистать, продержаться хоть ещё немного на пылающем закатном небосклоне».

Это настоящие стихи в прозе, как у Ивана Тургенева. И, конечно, лучшие пейзажи в книге – осенние:

«Клён разгорелся до невозможности, до остервенения, до пламенного костра. Горит и листьями, и душой, и сердцем своим. Осень зажгла его своим пламенем, ярко-ярко, красиво-красиво. Зажгла его и не думает тушить: пусть полыхает, пусть!.. Подходите, люди! Грейтесь, освещайтесь, наполняйтесь светом, теплом, запасайтесь ими на зиму… А пока – гори, клён, и свети всем вокруг своим светлым огнём, свети и освещай всё вокруг своим неизбывным светом, своим небесным, нездешним сиянием!».

Поэтичность книги делает её желанным чтением. Автор вслушивается в себя. Вспоминаются строки Тютчева: «Лишь жить в самом себе умей. / Есть целый мир в душе твоей». Удвоение сущностей превращается у Людмилы Осокиной в оригинальный литературный приём: «Осень-осень». «Зима- зима». «Мороз-мороз». «Ярко-ярко». «Красиво-красиво». Это придаёт речи Осокиной индивидуальную окраску.

Минор в «Осени» доминирует. Впрочем, он и так у нас доминирует независимо от времени года в последнее время. Календарный год начинается у Людмилы с осени и осенью заканчивается. Вспоминаются строки кинорежиссёра Эльдара Рязанова: «Осень жизни, как и осень года, надо, не скорбя, благословить». Осенённая золотом осени, Людмила окончательно вышла этой книгой из тени своего мужа, поэта Юрия Влодова. «Осень-осень» пришлась мне по душе. Очень-очень.

«ПОЛЁТ ЛЮБВИ – ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ…»

(Александр Лазарев, Нежный враг. Стихотворения. – М., Издательство «Перо», 2022. – 30 с., илл.)

Новая книга Александра Лазарева – совсем небольшая. Но это – безусловно, произведение искусства, во многом благодаря художнице, скрывающейся под псевдонимом Соланж. Её талантливая графика с поэзией в книге – на равных. Поэт и художница словно бы совместно «раздевают» женщин – книжная графика изображает обнажённых натурщиц, по одной к каждому стихотворению. Обнажённые женщины Соланж – романтичные, идеально сложенные, подчас немного шаржированные, то властные, то беспомощные, создают неповторимую «бердслеевскую» атмосферу новой книги. Какие же все они разные в своей наготе! Графика, на мой взгляд, не только дополняет стихи Лазарева, но и втайне с ними полемизирует. Интерес к противоположному полу, согласно Александру, – способ познания себя и мира. Лазарев саркастически добавляет, что это «познание методом тыка». Критичный взгляд на женщин словно бы позаимствован автором у Отто Вейнингера. Женская красота так часто не соответствует внутреннему наполнению души, что это постоянно провоцирует сильный пол ошибаться в выборе.

Госпожа… синьора… пани:
всё – одно, когда нага.
В каждой твари – Гамиани,
Мессалина и… Яга!
А под нежный лепет вздорный
девицы – слепит звезда! –
разгляди, поди, Пандору
и Далилу угадай!

Александр Лазарев демонстрирует в своих антифеминистических стихах незаурядную эрудицию. Не думаю, что многие читатели знакомы с творчеством французского писателя-романтика Альфреда де Мюссе, а также с персоналиями Ветхого Завета, древнегреческой мифологии и древнеримской истории I-го века нашей эры. Нежный враг… Лично я считаю, что отношение героя Лазарева к женщинам – не закономерность, а частный случай. Но это до сих пор волнует поэта, причиняет ему страдания – и потому всегда убедительно звучит в его лирике. «Нежный враг» – книга полемичная и, может быть, в чём-то даже провокационная. Лирический герой, натерпевшийся в жизни от женщин, отваживается на лирическую «отповедь» представительницам прекрасного пола.

Она могла бы стать мадонной
(когда бы в них нужда была),
но стала прорвою бездонной,
святое всё в себе – дотла.
Переиначена инкубом,
летает нынче на метле,
и вечный бой – блаженство трубам
преемницы Катрин Милле.

…Но горе миру от соблазнов,
сильнее с каждым днём синклит
растлителей благообразных –
потомков-сущностей Лилит…

Книга «Нежный враг» воспринимается как цельный проект, и примечательно, что соавтором поэта-мужчины выступает именно женщина-художник. В жизни бывает нелегко найти себе равного (равную). «Пошли мне, Господь, второго!» – умолял Всевышнего поэт Андрей Вознесенский. Тревожная лазаревская лирическая нота долго не отпускает. В противоборстве с женщинами поэт ищет себе союзников среди писателей прошлого. В одном из стихотворений кто-то может угадать образ Александра Сергеевича Пушкина: «Скажи, погибший на дуэли / за честь бесчестной пустоты…». «Полёт любви – шальная пуля, стрела Ивана-дурака», – резюмирует собственные мысли Александр Лазарев. В книге «Нежный враг» стихи, написанные от лица мужчины, соседствуют со стихами, написанными от лица женщины. Но даёт ли это авторскую объективность? Боюсь, что нет, поскольку женщины у Лазарева либо порицают самих себя, либо компрометируют себя ненужными откровениями:

Не возлюбил меня мой принц,
не оценил в привычной скуке…
Но так и быть:
себя как приз
вручу в заботливые руки.
А будут руки те слабы,
не чутки,
то в душевной муке
себя, но волею Судьбы,
я передам в другие руки.

Есть некий перфекционизм, который мешает людям достичь гармонии в любви. Слишком высокая поставлена планка, как у мужчин, так и у женщин. Каждая неудача воспринимается человеком болезненно и травмирует психику. Эмпирические выводы из неудачных повторений дают неправильный результат. И травмированному найти себе новую пару ещё труднее. Мечты никак не сходятся с реальностью. Литература и кино создают идеальные образы «принцев на белом коне», которым в реальной жизни никто не способен соответствовать. Видимо, в любви нужно постоянно трудиться душой, и не всегда оба партнёра на это способны. И не всегда это происходит синхронно. Один раз приходит Онегин к Татьяне – ещё рано, второй раз приходит – уже поздно. Полемичность книги Александра Лазарева помогает нам лучше понять природу противоборства полов, задуматься о возможности выхода из него в лучший мир, озарённый светом взаимопонимания.

«ДЕЛАЮЩИЙ ДОБРО НЕ ЗНАЕТ ОБ ЭТОМ»

(Вальдемар Вебер, Формулы счастья. Из неопубликованного. – М., «Летний сад», 2022. – 144 с., ил.)

Поэт Вальдемар Вебер появился на свет, когда одна его родина насмерть сражалась с другой – исторической. Сегодня всё это – уже история. Несмотря на известные сложности с логистикой, Вальдемар появился осенью 2022 года в московском Булгаковском доме, чтобы презентовать свою новую книгу – о счастье. Что же такое счастье для поэта? «Счастье – это когда выздоравливает твой ребёнок. Когда о себе забываешь. Когда понимаешь, что тебя никто не обязывал быть счастливым». Лучшие стихи Вальдемара Вебера – это философия житейской мудрости, изложенная в стихотворной форме.

Всё прожито, всё пережито, ныне
любой счастливый день, как рецидив
иль как кротовый холмик на равнине…
Всё пройдено и отдано в архив.
И потому не так уж интересно,
что там, в итоге, грош иль золотой,
шагнув за ту черту, где гений места
уже не властен больше над тобой.

Новая книга Вальдемара Вебера снабжена пометкой «из неопубликованного». Литературовед Ольга Медведко, близко знакомая с Вебером и его творчеством, поясняет, что это значит: «Формулы счастья» – пятая книга Вальдемара на русском языке. Даты под стихами, малой прозой и очерками в данной книге, как и в предыдущих, – не случайны. В творческой судьбе автора они связаны с невозможностью в прошлом выходить к читателю своевременно, то есть, по мере написания произведений. Заслон цензуры и вкуса литературных начальников был непреодолим. Даты под стихами и прозой становились, таким образом, частью произведений. Текстам настоящего сборника пришлось по той или иной причине долго дожидаться своей встречи с читателем. В виде книги они ещё не публиковались. Этим объясняется и столь необычный её подзаголовок – «Из неопубликованного».

После всего пережитого никакой усталости.
Вот теперь бы
в состоянии бодрой мудрости
и начать составлять планы будущего.
Но жизни не нужны моложавые мудрецы.
Ей нужны молодые безумцы.

Стиль письма Вальдемара Вебера тяготеет к верлибру. Рифма в его произведениях не играет первостепенной роли. Между верлибристами и мастерами рифмованных стихов существует одна тонкая разница, которую непосвящённый читатель, возможно, не поймёт. Для качественной рифмованной поэзии нужен «удар» и особая энергетика, которая в разы превышает энергетику верлибра. Чем хорош верлибр? Естественностью речи. Идеальной переводимостью текстов на иностранные языки. В силлаботонике важен ритм, а в верлибре достаточно интонации. Верлибры Вебера не авангардны. Они, прежде всего, человечны. Мне кажется, для творческой манеры Вебера идеально писать верлибром – с неожиданными внутренними рифмами.

Вальдемар Вебер скромен и ироничен. Когда у него спросили в интервью, считает ли он себя философом, он ответил так: «Ну, насчёт философа – это сильное преувеличение. Я, наверное, „литератор философствующий“. Пишу стихи и прозу, в которых я и мои герои время от времени „рассуждают“». Тем не менее, доподлинно известно, что он всегда тяготел к философии, даже хотел поступать на философский факультет. Но в итоге выбрал иняз. Вебер – мастер философских миниатюр. Автор тезисно записывает верлибром свои философские откровения. Порой его мысли полемичны: *«Традиции / сродни плантациям рабства, / где рабами – / люди знатных сословий / порабощённых царств, / забывшие / о своем прошлом».*

Счастливые не знают,
что существуют несчастные.
Рассказывают им про свои огорчения.
Никакой разницы
между схватившими насморк
и выжившими в цунами.

Конечно, в «Формулах счастья» есть и удачные рифмованные стихи.

Наступит день, обычный день, когда
ты или я – проснёмся друг без друга.
Всё будет, как вчера, и как всегда,
наш дом и сад, и тихая округа.
На стрелке у слияния двух рек
потоку вслед глядящий человек,
не ведающий дальше ни полшага…
Небурных вод безжалостная тяга.
Куда и для чего они текут?
И для кого их неотступный труд?
В соседнем доме вдруг заплачут дети
и церковь прозвонит им в лад,
никто ему на это не ответит
на всей земле, лишь отведёт свой взгляд.

Это – «тихая» лирика, но при этом голос поэта трудно спутать с другими голосами. Автор так говорит о своём стиле письма: *«Не надо метафор / они ничего не расскажут / ни о втором поцелуе / ни о старом диване / где кануло время / ни о беспамятстве / ни о тяжести пробуждения / возьми простые слова / насущные / несравненные / сравненья – для тех / кому этих слов не хватает».*

В «Формулах счастья» представлены также и ранние стихи Вальдемара, написанные в 13 лет и недавно слегка обработанные. Много в книге и стихов, написанных в последнее время. Например, вот это стихотворение: *«Делающий добро, / не знает об этом. / Подобное знанье / свело б для него на нет / ценность творимого им».* Парадоксальность мышления автора поражает: *«Странствуя, / ищу себе равных, / безземельных, бездомных, / с молитвами о милосердии, / ищущих / траву раскаяния, / траву прощения…».* «Равные» для Вебера – не интеллектуалы, читающие Борхеса или Рене Генона, а бездомные и безземельные. Это звучит неожиданно и по-настоящему. «Воспевание счастья – не удел поэзии, – говорит Вальдемар в прозаической миниатюре „Горечь сумерек“, – она словно стесняется этого. Редко поёт гимны солнцу, ей ближе горечь сумерек, огни во мраке».

Ночь всегда далеко.
День бесконечен, как жизнь,
и тягучий асфальт,
что плавится под тобой,
не вызывает страха.
Даже когда закат
разольётся, как кровь твоя,
и солнце утонет в реке,
так верить легко,
что ночь далеко.
что ночь ещё далеко…

Вальдемар Вебер увлечённо трудится в журнале «Плавучий мост». Мне кажется, что и сам он – «плавучий мост», духовно соединяющий Россию и Германию.

«МОИ СЛОВА ПРИХОДЯТ В ТЕМНОТЕ…»

(Евгений Волков, Колокол. – М., Стеклограф, 2020. – 76 с.)

Книга издательства «Стеклограф» широко и подробно представляет творчество поэта из Белоруссии Евгения Волкова. Эту книгу приятно взять в руки: мелованная бумага, иллюстрации, твёрдая обложка. Сразу обращаешь внимание – словесные игры в стихотворениях Евгения подчинены вдохновению. У многих других авторов этого направления, наоборот, всё происходит достаточно механистически – игра затевается ради самой игры. Говорят, постмодерн был придуман именно для того, чтобы поэты могли спокойно обойтись без вдохновения.

загораются в небе огни –
видит бог и навряд ли поможет
позади наши красные дни
наши добрые синие тоже

день который всему богодан
в небе утреннем и золочёном –
мой душистый пароль майоран
моё золото тигров на чёрном
мой закат за кормою кармин –
зреет кровью на сытом железе
я открою врата горло вин
и не буду народу любезен
зверь багряный за морем залёг –
синий кит небесами плыть будет
тот кто посуху ходит не бог
кто не бог тот меня не осудит
уходи по воде босиком –
здесь иначе побег невозможен
видит бог и не знает о том
что конечно спасёт если сможет…

У Евгения Волкова – необычное цветомузыкальное восприятие мира. Красное, синее, золотое, тигры на чёрном – настоящая живопись в слове. Бросается в глаза языковая, зрительная и слуховая одарённость поэта. А ещё – безусловная начитанность: *«то я раним и бос – / как босх иеронимус / вдыхаю через нос / и починяю примус»*. Впрочем, без памяти, без культуры постмодернизма не бывает. Стихотворная речь Евгения Волкова – «высокое косноязычье», дарованное поэту. Укрепляет Евгения в его высоком предназначении и наличие собственного творческого почерка. Евгений слышит многозначные омонимические сочетания слов, и использует их в своих стихах. Это становится его фирменным литературным приёмом. «Кол о кол», «кар навал», «ум ножа я», «цел овал», «поза быта», «труба дур», «цифер блат», «горло вин», «вече рам»… Расщеплённые таким образом слова высвобождают лирическую энергию. Обычно поэты используют такой приём в конце строки, ради рифмы. Волков же неожиданно для читателей помещает эти дуалистично звучащие слова в середину строки:

не долго вечен с беглых яблонь дым –
кому покой а дураку дорога
и замысел когда бог отворим
для зверя для цветка для бандерлога…

За яркими образами Евгения Волкова стоит предельная насыщенность смыслами, глубина постижения мира. Эту музыку надо суметь расслышать.

язык мой враг и не прилип к гортани –
перед лицом державных держиморд
и мне легко стоять на поле брани
из поля брани сделав натюрморт

В его лирике много иносказаний, часто – эротического характера: «И пустота распахивает ноги…». Темнота также сопутствует у поэта эросу: «из бранных слов все избранные речи – / и норовят проверить на испуг / но тёмен лик как в августе пастух / и кара мельно лоно между речий / и сладок дым стоять между руин / рождённых умереть месопотамий – / когда по всем справляет мессу память». Или вот здесь: «всегда начало сна – / когда везде итог / скажи мне что луна / восходит между ног». От эроса поэт идёт к логосу:

Мои моменты в облаке давно –
сомненья звуки сумраки канупы
и все вагины мира и лакуны
которым неуютно и темно
мои слова приходят в темноте –
армадою невидимого флота
и знаю я кто ты кто твой тотем
кто в дверь стучит не спрашивая кто там
на переправе или на мосту –
стою один и ничего не стою
и выгрызаю волком пустоту
чтоб оказаться с большей пустотою

Евгений Волков, как и Фёдор Тютчев – поэт ночи. «Мои слова приходят в темноте», – говорит Евгений. Темнота у него – первооснова жизни: «вечерних звуков бредень разверну – / для серебра что попадётся в сети / для тёмных вод, умноживших луну / для междометий брошенных на ветер». Приведу ещё несколько таких фрагментов из книги: «но чудных слов / нетленный звук пустой / в кромешной тьме напоминает имя…», «но медлит ночь в своих углах / теней сдвигая след – / и тоньше света зеркала / где нас с тобою нет», «и прячет ночь в рукав ножи / и ты не будешь знать / что будет то чем будешь жить / чем будешь умирать…». Или вот такие осенние строки: «тяжестью осенней клади / маятник небес качну я – / мы сидели на ночь глядя / прямо в темноту ночную». И везде у поэта – темнота и ночь, пронизанная лунным рембрандтовским светом.

Вместе с луной в лирике Евгения появляются и волки – автор обыгрывает таким образом свою фамилию. Например, «меня как волка тянет к вокализу». «Выгрызаю волком пустоту» – прямая отсылка к Маяковскому: «Я волком бы выгрыз бюрократизм». Заодно Евгений демонстрирует нам, как и куда двинулась русская поэзия за сто лет, прошедших со времени публикации «Стихов о советском паспорте».

Волков смешивает в своём творчестве «высокое» и «низкое»: например, у него соседствуют «вифлеем» и «халява» («Колокол»). В этом есть ещё и смеховой элемент. Автор остроумным способом пикирует с новозаветных времён в современность. Засилье иродов во все времена рождало тревожное ожидание пришествия мессии.

Невзирая на то, что по сути своей Евгений – постмодернист, его поэзия – новая и ни на кого не похожая. Это уже вроде бы и не постмодерн, а самый настоящий авангард с интонациями Аполлинера. Из знаков препинания Волков использует только тире и отточия, при максимальном отсутствии прописных букв. Интересна и строфика Волкова. Он вообще не использует катрены. Строки идут подряд, одна за другой, но с пробелом. Это у Евгения словно бы «воздух» между строк. Порой строки «сжимают» этот воздух и идут, сгущаясь, – компрессионно, без пробела, тоже работая на творческий портрет поэта. Например, вот так:

здесь ирод царь который лукоморд –

и на подходе мордор как всегда

и холуи бегут во весь опор
ведь в вифлееме на небе звезда

Есть у Евгения и стихи – разведчики будущего. Стихотворение «Переправа» производит впечатление написанного буквально вчера. Хотя книга Волкова вышла задолго до того, в 2020-м ковидном году.

здесь разводят собак и разводят мосты –
и гуляют скоты без забот и преград
я хочу умереть от такой простоты
боже мой я ещё не хочу умирать
боже мой в чистом поле горит огонёк –
боже мой на меня тихий ужас напал
просто это тоска и возможно итог
и сжигающий душу и сердце напалм
измочалена плеть о великую рать –
и опустится солнце за дальней горой
убиенных и павших не счесть и не знать
вы ли жертвою пали в борьбе роковой
уходящим навек переправы просты –
медяки на глазах а глаза на лугу
здесь разводят собак и разводят мосты
боже мой
ты всегда на другом берегу…

«Бог всегда на другом берегу» – крик отчаяния, который никто не слышит. Евгений Волков пишет истово, «тьму тараканя светом». Поэт отправляется «искать остатки дней – / где время станет нами». «Я сам себе вокзал» – пишет он в другом стихотворении. Стихи Евгения Волкова как будто созданы из некоего первовещества. Апейрон его поэзии – это звуки и слоги. «Я – звуковик», – говорит о себе Волков. Книга Евгения достаточно разнообразна. Есть в «Колоколе» и просто лирические стихи.

который день сойдёт на нет –

гадая по часам

и жизнь проста как табурет
который сделал сам

который день на нет сойдёт –

на нет и навсегда

рассеян свет развеян флот
и ждёт небес звезда

и медлит ночь в своих углах
теней сметая след –

и тоньше света зеркала
где нас с тобою нет

«ПО СВЕТУ МУЗЫКА ЛЕТЕЛА…»

(Илья Плохих, Чёрная с серебром. – СПб, Алетейя, 2022. – 180 с., ил.)

Известное и престижное питерское издательство «Алетейя» выпустило большую книгу стихов Ильи Плохих. В книге собраны стихи разных лет, выстроенные автором по его желанию в несколько циклов. Это, на мой взгляд, событие в мире литературы. Стихи у Ильи лиричные и часто песенные. Открываешь стихи – а в ушах уже звучит мелодия.

Расставшись с нотными листами,
душой, покинувшею тело,
почти не слышная местами,
по свету музыка летела.

Перемешавшись с первым снегом,
меланхолично и устало,
она опала в сквере пегом.
И этой музыки не стало.

В целом Илья Плохих не только лирик. Мне кажется, у него универсальный поэтический талант, но с особой одарённостью в области юмора. Даже в достаточно серьёзных его стихах порой звучит что-то такое, что неожиданно заставляет улыбнуться. Ну вот, например: «Девушка стучится в двери морга, / рыжий санитар – её любовник». Поэт на лету схватывает комичные ситуации, это редкий и замечательный дар. Причём юмор у Ильи чистый, звонкий, без сальностей и неприличностей.

У меня сосед – Магомед.
Я ему сказал: «Ты куда?!
Нам идти к горе смысла нет.
Пусть гора приходит сюда».

Магомед – кинжалом вжик-вжик.
Просидел. Задумчив, три дня.
На башку набросил башлык
И ушёл к горе, без меня.

Иногда это просто широкая, до ушей, улыбка, как в одном из многих его стихотворений о животных:

И странностью замеченной
слывёт среди зверья
тот факт, что человечиной
не пахнет от меня.

Илья – рабочий человек, он знает трудовую жизнь не понаслышке. И в стихах народ свой не идеализирует. Рыбаков на оторвавшейся льдине бесконечно спасают, а они снова за старое, с обещаниями «исправиться». И так – до бесконечности. Это – карма и крест народа, ничего не попишешь. Надо принимать его таким, каков он есть.

Это – северное лето.
Это – северные люди.
Никакого в нём секрета.
Никакой в них новой сути.

Так же склонно к скорой смуте
небо бледно-голубое.
Та же жизнь по амплитуде
от мольбы до мордобоя.

Стихи Ильи читать интересно, потому что у него хорошо работает фантазия и всегда неожиданная подача: «Нужно будет дождаться, / когда ты войдёшь, / после этого взяться / с улыбкой за нож, / и вполне ощутить, / как велик его вес, / и себе прочертить / между рёбер разрез, / а потом, полотенцем / заткнув эту брешь, / протянуть тебе сердце, / как яблоко: / ешь!». При такой нетривиальной подаче материала даже язык и симметричность строк отступают на второй план – не обращаешь на них внимания. Ещё одно несомненное достоинство стихов Плохих – их высокая человечность. Посмотрите, какая чистая, «есенинская» интонация у него в стихотворении про бабушку, которая, видимо, угодила под «реновацию» и вынуждена переселяться в новое жильё. «Под ногами – радужка, / в ручках – узелок. / Покидает бабушка / милый уголок. / В узелке – иконочка, / чистое бельё. / Пролетает облачко / справа от неё. / Пропадает радужка / в небе, на краю. / До свиданья, бабушка. / Я тебя люблю».

И таких стихов у Ильи много. В них – цветущее многообразие жизни. Плохих опоэтизировал диких зверей и домашних животных, «братьев наших меньших». В основной своей массе это стихи с удачными находками. Вот что пишет он про волка: «Ночью волк на светило молится, / излагая заботы вслух. / И луна для него – как Троица». А вот что про кота: «Человек, обслуживающий кота, / помни в коте человека!». Стихи о собаках и кошках образуют у поэта целый цикл. Много пишет Илья и для детей.

В книге «Чёрная с серебром» обращают на себя внимание и антивоенные стихи поэта. Илья служил на памирской погранзаставе, и какие-то важные вещи он знает не понаслышке. Наиболее удачное стихотворение из этого цикла, на мой взгляд, вот это: «Завершив дела-дебаты / на чужих полях, / в городок пришли солдаты, / все на костылях. / А за ними по дороге, / где-то не добит, / притащился пёс трёхногий, / тоже инвалид. / „Здравствуй, Рита-Маргарита, – / говорил солдат, – / не ругай, что без ноги-то, / я не виноват. / Всей кампании итоги / до того дрянны… / Даже этот пёс трёхногий – / инвалид войны“. / Так они потом и жили: / он – лудил, паял. / Без штанины брюки шили / (лишний матерьял). / И во всём честном народе, / даже средь шпаны, / почитался пёс трёхногий – / инвалид войны».

«Чёрная с серебром» – щедрая книга. Многое хочется процитировать, больше, чем может позволить объём рецензии. Но лучшее в книге у Ильи, на мой взгляд – всё-таки его юмористические стихи:

Из Деревни Мастеров за рекой
К нам пришёл кузнец Бобров,
Разлихой.

Он с дороги за работу скорей.
Подковал кузнец Бобров нам коней.
Все, кто видел, как работал кузнец,
Заявили, что кузнец –
Молодец.

Отдохнул тогда немного Бобров
И с азартом подковал нам коров.
Все, кто видел, как работал кузнец,
Удивились: вот кузнец –
Удалец.
Посмотрел тогда кузнец на овец…
Только в этом месте сказке конец,
Потому что поистратил Бобров
Все подковы на коней
И коров.

Обожал кузнец своё ремесло.
Овцам, честно говоря,
Повезло.

«ШКАФ»

ЕЛЕНА КОРО

МИСТЕРИЯ ОДНОГО ПРОЧТЕНИЯ

(Елена Янушевская. Вторая любовь: поэзия, эссе, афоризмы. – М.: Летний сад, 2020. – 248 с.)

Поэта читаешь в Москве. Не в первый день. Тогда, когда космос Москвы, сплетаясь артериями переулочков со сферой твоего сознания, проникает в желания, углубляя их до голубоокой бездны. Она находит в тебе поэта и вовлекает тебя писать текст Москвы, текст переулочков и бульваров. Голубоокая вовлекает в диалог, но не с собой, с поэтом, которого выбирает Москва. Так мне случилось, живя в предсердии Москвы, читать книгу поэта и философа Елены Янушевской «Вторая любовь».

Поэта свойственно читать, вовлекаясь в его Книгу как в путешествие, следуя за образами, сплетаясь и вплетаясь в поэтическую ткань, как Алиса устремляется в зазеркалье. И голубоокая бездна Москвы откликается на устремлённость «в многоточии и в многоочии» *[1, с.13]* на призыв имени – «от имени голубянки» *[1, с.11]*. Вслед за бабочкой, за голубянкой, за образом лирической героини – в майском трамвае, в глубины порталов Патриарших, где капли росы на «неразумных тварях ромахах» множат образы имени, отражаясь в многоочии голубоокой моментами как порталами, в которые поэтические образы вовлекают как в игру судьбы. То, что у древних греков именовалось рок, то, что у современных философов именуется случай, моменты хронотопа Книги – в полном смешении секунды до, момента после. Многоточия здесь не линейны, но троичны. Внутри моменты разворачиваются фракталами, бесконечно переходя от образа к образу, при малейшем приближении и сближении они разворачиваются до бесконечного размытия и разлития границ времени. Читатель теряет естество в моменте, сближаясь с лирической героиней во множестве её ликов, отражённых в росах голубоокой. И вдруг лирическим героем из зазеркалья возвращается в мир настолько полной полой сферы, до обращённости воздухом в состояние невесомости.

Событью этому причастна,
я, переполнена, как чаша,
от полноты в себе не властна,
скорей, скорей на карандашик:

«…будто тревоги все – пустые,
будто сказать – одна отрада:
мы невесомы, все – святые,
а больше – ничего не надо!»
«Воздух» [1, с.93]

Поэт приходит Омегой, и космос книги вдруг сходит в мир, и читатель в открывшийся космос поэта – одномоментно. И в невесомости и полноте приоткрывается азбука и язык Омеги.

Обозначим сферу книги точкой Омега. И неожиданно, моментами, начинают проявляться качества героини в сознании Омеги.

Под памятником в тихом скверике,
в кафе у белой балюстрады,
не в Аргентину, не в Америку –
туда, где мне, как другу, рады;

куда не ходят вездесущие
маршрутки, поезда, паромы,
в разъятую на суть и сущее
во времени, – бегу в Плерому.
«Побег (В. Ходасевичу)» [1, с.85]

Побег в полноту Плеромы сопоставим в данном контексте с понятием полноты пространственности платоновской хоры. Хора как пространство, где осуществляется телесное пребывание Христа в полноте, рассматривается в христианском ключе в качестве храма, в котором в иконах и заключается полнота телесного пребывания Христа. Для лирической героини хоротопы, сакральные места в пространстве Москвы, в которых и от-

крываются порталы непосредственно в хронотоп.

Хора наделена качествами иной продлённости, она – предречие, «мать речи» [2], междуречие, в котором полнота осуществления длится в интервалах звуков, в дифтонгах, созвучных длиннотам букв азбуки Омеги. Из междуречия хоры речь сквозь паузу перехода – одномоментно в полноте Плеромы сопоставима уже с мелодиками Омеги.

Вслушиваясь в речь героини, начинаешь слышать между строк космические ритмы и мелодики обертонами языка Омеги. И всё это в таких земных моментах, так ярко, зримо, полно земной жизнью. Не оттого ли, что так полновесно «здесь и сейчас» героини, так выпукло и чётко различимо для земного глаза то, что ещё никем не узнано и не познано?

Оглохшая от суеты
(идёшь в неё, будто на плаху),
не сплю – сползаю на плечо
к слепому органисту Баху.
Спасибо, немец, что ты жил,
что Месса си минор с начала
над горестями всех людей
в квартире русской прозвучала.
«У себя» [1, с.125]

Сфера Книги имеет структуру не линейную, по сути, хотя и разворачивается в продлении хронологически в порядке следования книг, глав, циклов. Но время во временно-пространственном континууме одномоментно по сути, как прошлое, настоящее, будущее в одном моменте. Стоит сказать, что прочтение сферы в хронологическом порядке – одна из иллюзий ума. Сфера читается не только в обратном хронологическом порядке, от будущего к прошлому, она читается разворачиванием моментов азбуки, речи, мелодик Омеги. И такое прочтение даёт лирическому герою мистерия голубоокой бездны, хора Москвы. Она даёт ему мистерию осуществления космоса, лирический герой обращается поэтом, чтобы сказать созвучное хоре Москвы:

московский космос
он из двоеточий, оксюморонов, он предельно точен.
Стрекозы собирают свет их звёздный,
в глазах фасеточных все окна воедино,
всё звезды здесь соборны в стрекозиных
глазах Москва неопалимая купина
шептали рыбы Северной Пальмиры:
Москва духовна, неисповедима.
Елена Коро «Москва неисповедимая» [3, с. 35]

Лирический герой, отражаясь в фасеточных глазах «ангелов-стрекоз» *[1, с. 36]* из сна героини, видит себя во множестве моментов, состояний любви. Словно в них открывается полигинность души. Как то и было в циклах древнегреческой любви. В чувственности её делают зримой вещи, в чём, наверное, суть поэзии – простыми вещами завершать и совершать мгновения страсти.

II знаешь, новый с-неба-эмигрант,*
настоем строк, их андрогинной сластью
напоит жизнь, когда из нас, к несчастью,
уже взойдет репейник, мальвы, амарант…
«К Ю.Я. (Творчество)»

**«Там, на лугах [истины], пастбище для лучшей стороны души… Она…, постигнутая какой-нибудь случайностью, …отяжелеет, а отяжелев, утратит крылья и падёт на землю». (Платон, «Федр».) [1, с.144]*

Новая душа входит на земной план не сразу, вначале она проявляется в хоре, в хоротопе, в том сакральном месте, откуда ей и должно родиться в мир. Пребывая в хоре, она ещё хранит все состояния своих отношений в прежних воплощениях, да и выбирает свои состояния любви будущего. Душа в этот момент – фасеточное полисущество, полигин в контексте множественности форм женственности по природе своей. Она в этот момент итог воплощений, аркан Вселенная, точка Омега. И этот полигин – здесь множество моментов любви – с существами разных планов и времён.

Я спала, и мне снилось,
как я обнимаю пламя,
бесцветное пламя
(красной? зелёной? жёлтой?) свечи…
Проснусь – зарыдаю.
А было ли что между нами?
А мы обменялись лучами?
Молчи не молчи.
Молчи не молчи.
«Встреча» [1, с.153]

Вот этот не воплощённый ещё полигин проявляет себя во множестве моментов любви. Он может являть множество обликов, и женских, и мужских, и демонических, и различных развоплощённых существ, и облики бессмертных людей искусства всех времён. Состояния отношений героини в моментах Книги в поэтических образах, состояния её души – они сплетены с этой вселенной любви сознанием Омеги, в которой её диалог и полилог тем выше, или многообразнее, оттенки, каждый оттенок как история в образах, сюжете, вещах, символах, аллюзиях, что героиня силой своего воображения делает предельно материальными.

Упрямо, под спудом исчисленных лет,
нацеленных в Точку Омега,*
как тот эксцентричный, из бочки, мудрец,
по взгляду искать человека.
«Рожденье строф для Диогена»

** Точка Омега – понятие из философии П. Тейяра де Шардена. Означает высшее осуществление духовного потенциала, имманентного космической жизни [1, с.152].*

Сознание Омеги создаёт многочисленные формы любви внутри себя.

Книга о пути любви, на пути к точке Омега. И моменты любви сознания Омеги: героиня в них возлюбленной, тогда это понятно и зримо на земном плане, когда возлюбленный наделён качествами духа Омеги. Но в тоже время героиня и сама воплощает единство этого сознания, что проявляется в дуальности моментов.

– Ты любишь меня –
ты любишь всех, кто не любил меня.
И я – всех, кто ещё будет любить тебя.
Иначе не может быть
в нашей близости,
которая ничего не запрещает
и не имеет границ.
Рондо для женского голоса [1, с. 233-234]

И азбука, и речь, и жизнь – одномоментны Космос и Омега в сфере книги поэта. Их проявление мистериально душе вчитывающегося.

Литература:

1. Елена Янушевская. Вторая любовь: поэзия, эссе, афоризмы. – М.: Летний сад, 2020. – 248 с.: ил. – (Плавучий мост).
2. Кристева Юлия. Обороты поэтического языка. – Нью-Йорк, Колумбийский университет, 1984. – С. 25-26.
3. Елена Коро. Книга имени. – М: Издательские решения, 2022. – 52 с.

АЛЕКСАНДР РУДНЕВ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ МНОГОСТРАДАЛЬНОГО КРЫМА

(В.Б. Спиртус, Симферопольские хроники с личными вкраплениями. – М., «Серебряные нити», ЦПП, 2022, 99с.)

Последняя по времени написания книга феодосийского, а ранее киевского писателя и поэта Владимира Спиртуса представляет собой краеведческий очерк, довольно развёрнутый, перемежающийся с личными воспоминаниями, посвящённый крымской столице, городу Симферополю, разным аспектам его истории вообще, а также культурной истории.

В. Спиртус известен как автор ряда книг, выходивших в предыдущие годы и десятилетия – «Монастырские очерки» (2000), «Паломничество в Одессу» (2005, подзаголовок – «странички из дневника»), «Волошинские склоны» (2013). Им написаны в сугубо реалистической манере рассказы и очерки «Принять подарком жребий свой» (2018), книга стихов «Букет осьмистрочников» (2018). Православная тема, как мы видим, и в последней книге о Симферополе очень существенна для автора, так как он человек сугубо православного мировоззрения и воцерковлённый.

Симферополь, теперь во многом изменившийся или неузнаваемо преобразившийся, предстаёт на страницах книги В. Спиртуса со всеми его историческими пластами, этническими, культурными и религиозными традициями в некоторой ретроспекции – каким знал его автор на протяжении всей своей жизни – В. Спиртус родился в 1948 году и принадлежит, таким образом, к послевоенному поколению.

В предисловии, написанном Ст.А. Айдиняном, отмечается, что книга представляет собой «тёплые, непосредственные воспоминания о людях, зданиях и улицах, составляющих живую историю». И книга даёт объёмный портрет города, как верно заметил Ст. Айдинян, именно «глазами писателя». Это увлекательный рассказ не только о неодушевлённых зданиях, улицах, чаще всего переименованных, исторических зданиях, но прежде всего это рассказ о живших и бывавших здесь, тем или иным образом связанных с крымской столицей людях – литераторах, врачах, учёных, музыкантах, художниках, священнослужителях, и тем самым повествование в ней, как справедливо указано в предисловии, выходит за рамки краеведческого описания и создаёт объёмный образ знаменитого города как в прошлом, так и в настоящем. И многие детали жизни Симферополя уже давнего времени, которые приводятся автором, отражают живой воздух эпохи, формирование автора как личности в период его возрастания. Ведь, как известно, «малая родина» для человека значит очень много и откладывает след на всю дальнейшую его жизнь.

Автор очень выразительно описывает «физиономию» Симферополя, его душу, если воспользоваться известным выражением Н.П. Анциферова («Душа Петербурга») с самых разных точек зрения – это и здание железнодорожного вокзала, сооружённого в послевоенное время по проекту архитектора А. Душкина в помпезном классическом стиле. И отмечается, что он почти точно похож на железнодорожный вокзал другого не менее известного южного города – Сочи.

Автор отмечает, что рядовая застройка центральных улиц, дающая наиболее полное представление о губернском Симферополе XIX – начала XX века представлена в первую очередь на главной, самой красивой и респектабельной улице города – улице Горького, бывшей Дворянской. Она полностью застроена дворянско-купеческими домами, сохранившими в своём облике живое дыхание истории, её физически ощутимый колорит.

Одним из наиболее примечательных зданий Симферополя является русский драматический театр, построенный в 1911 году (архитектор А.И. Бекетов), который до революции именовался Театром таврического дворянства. В этом театре с 1918 по 1923 годы служила Ф.Г. Раневская, собственно, начинала здесь свой творческий путь, и за короткое время ею было здесь сыграно пять ролей в пьесах А.П. Чехова. С Симферопольским драматическим театром связана одна из наиболее трагических страниц истории города периода Великой Отечественной войны. Здесь, в не прерывавшем свою работу театре действовала подпольная группа, поддерживавшая связь с партизанами. За несколько дней до освобождения Симферополя все подпольщики были схвачены и расстреляны неподалёку от города – на эту тему был создан художественный фильм «Они были актёрами» (режиссёр Георгий Натансон, 1981г.). А ранее на сцене театра шёл спектакль под тем же названием, в 1977 году удостоенный Государственной премии СССР. Многие актёры, занятые в спектакле, играли потом те же роли и в кино.

Одним из наиболее значительных архитектурно-исторических достопримечательностей Симферополя является дворец М.С. Воронцова, окружённый великолепным парком. В нём трижды вместе с наследником останавливался в 1830-40-х годах император Николай I. А в одном из городских скверов был не так давно восстановлен памятник Екатерине II, поставленный в 1890 году, но впоследствии уничтоженный – на этом месте долгое время находился памятник В.И. Ленину. А на площади перед вокзалом в своё время возвышалось огромное бронзовое изваяние И.В. Сталина.

С Симферополем был связан очень значительный пласт истории отечественной медицины – в здании Дворянского собрания в период Крымской войны располагался военный госпиталь, в котором оперировал раненых знаменитый Н.И. Пирогов, затем работал и доктор С.П. Боткин.

В городе установлен памятник священнику и известному хирургу – профессору Воино-Ясенецкому, которому была присуждена Сталинская премия за фундаментальную работу о гнойной хирургии.

С Симферополем также связана династия Арендтов, известных деятелей отечественной медицины, родоначальник которой Н.Ф. Арендт (1785-1859), лейб-медик императора Николая I, был у постели умирающего Пушкина после его дуэли с Дантесом. Его сын, внук и правнук также были известными врачами. К сожалению, дом, связанный с этой фамилией (ул. Карла Маркса, 25), долгое время был в полуразрушенном состоянии, а затем местные нувориши хотели его вообще уничтожить, но за спасение исторического здания взялись широкие круги общественности, дело получило широкий резонанс, и после долгих мытарств дому был присвоен статус памятника архитектуры и истории, но, увы, он и доселе продолжает разрушаться.

Среди врачей, связанных с Симферополем, невозможно не упомянуть и имени известного психиатра Н.И. Балабана, разработавшего метод лечения шизофрении с использованием инсулинового шока. В годы Гражданской войны он вылечил от тяжёлой депрессии уже упоминавшуюся нами Ф.Г. Раневскую.

Н.И. Балабан вместе с женой Елизаветой Нелидовой, русской дворянкой по происхождению, и пациентами его больницы, был расстрелян немцами-оккупантами в марте 1942 года.

В.Б. Спиртус упоминает и имена других известных медиков, связанных с Симферополем, например, врачебную династию Ефетовых, среди которых были и терапевт, и онколог, и биохимик, очень много сделавшие для медицины, для оказания медицинской помощи больным в городе, особенно в годы Великой Отечественной войны.

Среди писателей, живших и бывавших в Симферополе, в книге упомянут А.С. Пушкин, побывавший здесь в 1820 году, в период своей южной ссылки, К.Н. Батюшков, лечившийся у доктора Арендта, начинающий тогда писатель, молодой подпоручик граф Лев Толстой, участник Севастопольской кампании, воевавший на одном из наиболее опасных боевых участков, 4-ом бастионе Севастополя. Живя в Симферополе, Л. Толстой общался и дружил с жившим с ним по соседству врачом и общественным деятелем Н. Плешковым. В советское время в Симферополе некоторое время жил известный поэт И.Л. Сельвинский.

Здание бывшей мужской гимназии на Екатерининском проспекте (ул. К. Маркса), в котором впоследствии размещалась старейшая средняя школа города под номером 1, в XIX – начале XX века было связано с целым созвездием имён выдающихся деятелей науки и культуры – в этой гимназии учились академик И.В. Курчатов, художник И.К. Айвазовский, один из семьи Арендтов – Н.А. Арендт, известный филолог академик Н.С. Державин, историк А.С. Лаппо-Данилевский, композитор и дирижёр А.А. Спендиаров, и этот перечень можно было продолжать и ещё.

А в Таврическом университете (теперешнем

Пединституте) работал академик В.И. Вернандский (в 1920 году бывший ректором), религиозный философ С.Н. Булгаков, В.А. Обручев, филолог Е.В. Петухов, послуживший К.А. Тренёву прототипом образа профессора Горностаева в пьесе «Любовь Яровая», известный поэт, переводчик и литературовед Г.А. Шенгели, правда, по всем отзывам, начисто лишённый педагогического дара.

Нельзя не упомянуть ещё и музыкальное училище имени П.И. Чайковского, связанное прежде всего с именем С.В. Рахманинова, в 1909 году возглавившего Симферопольское отделение Русского музыкального общества; М.И. Чулаки, долгие годы возглавлявшего московский Большой театр. Здесь был, кроме того, симфонический оркестр очень высокого исполнительского уровня, где в 1925-26 годах в качестве альтиста работал И.О. Дунаевский. Выпускником училища был известный композитор Александр (Алендор) Карманов.

И ещё один аспект, которым нам осталось осветить – это связь с Симферополем известных деятелей духовенства. Выше мы уже упомянули архиепископа, святителя Луку (Войно-Ясенецкого), встреча с которым сыграла огромную роль в духовном и жизненном пути автора книги. Но кроме него с городом в разное время были связаны схиархиепископ Антоний Абашидзе (1867-1942), в миру князь Давид Ильич Абашидзе, у которого некогда в Тифлисской семинарии учился Иосиф Джугашвили, священномученник Никодим, архиепископ Костромской (1868-1938), в миру Николай Васильевич Коротков. И у того и у другого были трагические финалы жизни. И ещё одно яркое имя, которое невозможно здесь не назвать – это Г.Э. Бострэм (1884-1977), по происхождению швед, по своей изначальной профессии художник, затем посвятивший всю свою жизнь православию, но живопись никогда не оставлявший. Это был старец-иконописец, живший в последние годы своей долгой жизни в селе Заречном (по дороге на Алушту). Монашеский постриг он принял, по-видимому, от кого-то из монахов Троице-Сергиевой лавры и сам некоторое время с семьёй уже после революции жил в Загорске. Его соседом был умерший от голода в 1919 году известнейший русский мыслитель-эссеист В.В. Розанов. Часто захаживал к Бострэму живший там же тогда М.М. Пришвин. Кроме того, Бострэм хорошо был знаком с М.С. Нестеровым, В.А. Фаворским, отцом Павлом Флоренским, священником-писателем и искусствоведом С.Н. Дурылиным. Впоследствии дружил с офтальмологом В.П. Филатовым, великим певцом И.С. Козловским, нередко навещавшим его. Г.Э. Бострэму пришлось пройти через все тяжелейшие испытания, выпавшие на долю его поколения. После закрытия Троице-Сергиевой лавры он по одной версии был приговорён к расстрелу, а по другой – к длительному сроку заключения. Однако ему чудом удалось бежать, долгие годы он провёл в скитаниях по России и Украине, скрывался какое-то время в Средней Азии, в Ташкенте. Только лишь в начале 1960-х годов, благодаря дочери, ему удалось обосноваться в Крыму, где он и прожил оставшийся отрезок своей многострадальной трагической жизни.

В качестве заключения следует сказать, что читатель получает очень интересную, полезную познавательную книгу… Краеведение в самых разных своих аспектах, как известно, в современную эпоху приобретает всё больший и больший культурный вес и значение. И *нужная и искренняя* книжка В. Спиртуса является, несомненно, значительным вкладом в эту область современной культуры, современного знания.

И мы предрекаем ей читательский спрос и безусловный успех.